

ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

2023 – № 4

Выпуск 48

LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA

Новосибирск

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2023 – № 4 (выпуск 48)

Научный журнал

Электронное сетевое издание
ISSN 2712-9608

Является продолжением серийного сборника
«Языки коренных народов Сибири»

Новосибирск

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

д-р филол. наук, проф. **Н. Б. Кошкарёва** (ИФЛ СО РАН) – главный редактор
д-р филол. наук, проф. **И. Я. Селютина** (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора
канд. искусствоведения **Г. Е. Солдатова** (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора
канд. филол. наук **А. В. Байыр-оол** (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь
канд. искусствоведения **Т. В. Дайнеко** (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Д-р филол. наук, чл.-корр. РАН **А. В. Дыбо** (ИЯз РАН); д-р филол. наук **И. Е. Ким** (ИФЛ СО РАН); канд. искусствоведения, доцент **Н. В. Леонова** (НГК им. М. И. Глинки); д-р филол. наук **И. А. Невская** (ИФЛ СО РАН); **А. В. Никольский** (Frontiers Media, Швейцария); д-р филол. наук **Н. Р. Ойроткинова** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, доцент **В. Н. Соловар** (ОУИПИИР); д-р филол. наук, проф. **С. Ж. Тажобаева** (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва, Казахстан); канд. филол. наук **Л. Н. Тыбыкова** (ГАГУ); канд. филол. наук **Е. В. Тюттешева** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, чл.-корр. Академии наук Республики Башкортостан, проф. **Ф. Г. Хисамитдинова** (ИИЯЛ УФИЦ РАН); д-р филол. наук, проф. **Л. А. Шамина** (ИФЛ СО РАН)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д-р филол. наук, проф. **Е. Н. Кузьмина** (ИФЛ СО РАН) – председатель редакционного совета; д-р филол. наук, академик РАН **А. Е. Аникин** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук **М. В. Бавуу-Сюрюн** (ТувГУ); д-р филол. наук, проф. **Ф. Я. Вейсялли** (Азербайджанский университет языков, Азербайджан); д-р филол. наук, доцент **Л. С. Дампилова** (ИМБИТ СО РАН); д-р филол. наук **Н. И. Данилова** (ИГИИПМНС СО РАН); д-р филол. наук, академик Академии наук Абхазии **З. Д. Джапуа** (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, Абхазия); д-р филол. наук **В. Л. Кляус** (ИМЛИ им. А. М. Горького РАН); д-р искусствоведения, проф. **М. Г. Кондратьев** (ЧГИГН); д-р филол. наук **М. Олмез** (Стамбульский университет, Турция); д-р филол. наук, проф. **Е. К. Скрибник** (Мюнхенский университет, Германия); канд. искусствоведения, доцент **Г. Б. Сыченко** (Международный совет по традиционной музыке под эгидой ЮНЕСКО (ICTM), Италия); д-р филол. наук **А. Н. Чугунцова** (ИГИСАТ ХГУ им. Н. Ф. Катанова)

ISSN 2712-9608

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
yaz_fol_sibiri@mail.ru
Официальный сайт журнала: <https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH
INSTITUTE OF PHILOLOGY

**LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA**

2023 – No. 4 (Issue 48)

Scientific Journal

An online electronic publication
ISSN 2712-9608

A continuation of the collection of scientific articles
“Languages of Indigenous Peoples of Siberia”

Novosibirsk

LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA. – 2023. – No. 4 (Issue 48)
Founded in 1995, the Journal is issued four times a year and published in Russian and English

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL BOARD

N. B. Koshkareva, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Editor-in-Chief
I. Ya. Selyutina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief
G. E. Soldatova, Candidate of Art Studies (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief
A. V. Bayyr-ool, Candidate of Philology (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary
T. V. Dayneko, Candidate of Art Studies (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary

A. V. Dybo, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences); **I. E. Kim**, Doctor of Philology (Institute of Philology, SB RAS); **N. V. Leonova**, Candidate of Art Studies, Docent (M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory); **I. A. Nevskaya**, Doctor of Philology (Institute of Philology of the SB RAS); **A. V. Nikolsky** (Frontiers Media, Switzerland); **N. R. Oinotkina**, Doctor of Philology (Institute of Philology of the SB RAS); **V. N. Solovar**, Doctor of Philology, Docent (Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development); **S. Zh. Tazhibaeva**, Doctor of Philology, Professor (L. N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan); **L. N. Tybykova**, Candidate of Philology (Gorno-Altai State University); **E. V. Tyuntesheva**, Candidate of Philology (Institute of Philology of the SB RAS); **F. G. Khisamitdinova**, Doctor of Philology, Professor (Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Center of the RAS); **L. A. Shamina**, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology of the SB RAS)

EDITORIAL COUNCIL

E. N. Kuzmina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Head of the Editorial council; **A. E. Anikin**, Academician of the Russian Academy of Sciences (Institute of Philology of the SB RAS); **M. V. Bavuu-Syuryun**, Doctor of Philology (Tuvan State University); **F. Y. Veysölli**, Doctor of Philology, Professor (Azerbaijan University of Languages, Azerbaijan); **L. S. Dampilova**, Doctor of Philology, Docent (Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS); **N. I. Danilova**, Doctor of Philology (Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS); **Z. D. Dzhapua**, Doctor of Philology, Academician of the Academy of Sciences of Abkhazia (D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities, Abkhazia); **V. L. Klyaus**, Doctor of Philology (A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS); **M. G. Kondratyev**, Doctor of Art Studies, Professor (Chuvash State Institute of Humanities); **M. Olmez**, Doctor of Philology (Istanbul University, Turkey); **E. K. Skribnik**, Doctor of Philology, Professor (University of Munich, Germany); **G. B. Sychenko**, Candidate of Art Studies, Docent (International Council for Traditional Music (ICTM), Italy); **A. N. Chugunekova**, Doctor of Philology (Institute for Humanities Studies and Sayano-Altay Turkology, N. F. Katanov Khakass State University)

ISSN 2712-9608

Institute of Philology of the SB RAS, Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
yaz_fol_sibiri@mail.ru
Official website: <https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Фонетика

- Добрынина А. А. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)*
Интонация простых интеррогативных высказываний в алтайском языке 9–15

Лексикология

- Аннай Э. К. (Кызыл, ТИГПИ)*
Русские заимствования в тувинской разговорной речи 16–23

- Чертыхова М. Д. (Абакан, ИГИСАТ ХГУ им. Н. Ф. Катанова)*
Периферийные глаголы в значении движения в хакасском языке:
семантика и функционирование 24–40

Синтаксис

- Сагайдачная А. О. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)*
Статические и динамические пространственные конструкции в удэгейском языке 41–56

- Шамина Л. А. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)*
Функционирование разных типов сказуемых тувинского языка
в нарративном дискурсе 57–70

История языка

- Напольских В. В. (Екатеринбург, ИИиА УрО РАН; Москва, РАНХиГС при Президенте РФ)*
Самодийские языки и предыстория Западной Сибири (заметки на полях
диссертации А. Ю. Урманчиевой) 71–88

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Сайнакова Н. В., Ковылин С. В., Белогай О. И., Корицова Н. Н. (Ханты-Мансийск, «Музей Природы и Человека»; Москва, ИСП РАН РАН; Томск, ТГПУ)*
Междисциплинарная экспедиция к ваховским хантам в национальное село Корлики Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в августе 2023 г.: промежуточные результаты 89–106

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Повествовательный фольклор

- Цыбикова Б.-Х. Б.** (*Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН*)
Содержательно-структурные особенности эпических произведений российских хори-бурят 107–115
- Сатанар М. Т.** (*Якутск, СВФУ им. М. К. Аммосова*)
Образ духа-хозяйки земли в эпосе олонхо. Часть 2: Мифологические истоки 116–125

Песенный фольклор

- Борлыкова Б. Х.** (*Элиста, КалмГУ им. Б. Б. Городовикова*)
Содержательно-структурные особенности эпических произведений российских хори-бурят 126–137

Языковая специфика фольклорных текстов

- Голованева Т. А.** (*Новосибирск, ИФЛ СО РАН*)
Гидронимы севера Камчатки и их осмысление в устной традиции коряков 138–147

ХРОНИКА

- «Фольклорист учится всю жизнь»: Интервью с Натальей Владимировной Леоновой (к ее 70-летию). Подготовила Т. В. Дайнеко 148–162
- Шахов П. С., Леонова Н. В.** (*Новосибирск, ИФЛ СО РАН, НГК им. М. И. Глинки*)
Международный научный онлайн-семинар «Проблемы изучения переселенческих музыкально-фольклорных традиций» 163–166
- К 75-летию исследователя чувашской музыкальной культуры Михаила Григорьевича Кондратьева 167–168
- Памяти Юрия Ильича Шейкина (16.08.1949 – 5.11.2023) 169–170

CONTENTS

LINGUISTICS

Phonetics

- Dobrynina A. A.* (Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)
Intonation of simple interrogative statements in the Altai language 9–15

Lexicology

- Annai E. K.* (Kyzyl, Tuvan Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva)
Russian borrowings in Tuvan colloquial speech 16–23

- Chertykova M. D.* (Abakan, Research Institute of Humanities and Sayano-Altay Turkology of the Katanov Khakass State University)
Peripheral verbs in the meaning of movement in the Khakass language: semantics and functioning 24–40

Syntax

- Sagaydachnaya A. O.* (Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)
Static and dynamic spatial constructions in the Udihe language 41–56

- Shamina L. A.* (Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)
Functioning of different types of predicates in the Tuvan language in narrative discourse 57–70

History of Language

- Napolskikh V. V.* (Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Moscow, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
The Samoyed languages and the prehistory of Western Siberia (notes on the dissertation of A. Y. Urmanchieva) 71–88

FIELD RESEARCH

Saynakova N. V., Kovylin S. V., Belogay O. I., Korikova N. N. (*Khanty-Mansiysk, «Museum of Nature and Man»; Moscow, Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences; Tomsk, Tomsk State Pedagogical University*)

Interdisciplinary expedition to the Vakh Khanty to the national village Korliki of the Nizhnevartovsk region of the Khanty-Mansi Autonomous Area – Yugra in 2023: interim results 89–106

FOLKLORISTICS

Narrative Folklore

Tsybikova B.-Kh. B. (*Ulan-Ude, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)

Content-structural features of epics of Hori Buryats of Russia 107–115

Satanar M. T. (*Yakutsk, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov*)

The image of earth spirit in the olonkho epic. Part 2: Mythological origins 116–125

Song Folklore

Borlykova B. Kh. (*Elista, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikova*)

Wrathful deities “dokshita” in the early shastra songs of the Mongol-speaking peoples 126–137

Linguistic Specificity of Folklore Texts

Golovaneva T. A. (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)

Hydronyms of the north of Kamchatka and their comprehension in the Koryak oral tradition 138–147

CHRONICLE

“A folklorist never stops learning”: Interview with Natalya Vladimirovna Leonova (on her 70th anniversary). Prepared by T. V. Daineko 148–162

Shakhov P. S., Leonova N. V. (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory*)

International scientific online seminar “Problems of studying migrant musical and folklore traditions” 163–166

To the 75th anniversary of the researcher of Chuvash musical culture Mikhail Grigorievich Kondratiev 167–168

In memory of Yuri Ilyich Sheikin (16.08.1949 – 5.11.2023) 169–170

ЛИНГВИСТИКА

ФОНЕТИКА

УДК: 811.512.151 + 81'34
DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-9-15

Интонация простых интеррогативных высказываний в алтайском языке

А. А. Добрынина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Вопросительные высказывания направлены на получение от участников ситуации сведений, в которых нуждается говорящий. Как коммуникативная единица вопрос направлен на побуждение собеседника дать новую информацию или уточнить отдельные детали. В интонационном оформлении высказываний в алтайском литературном языке наблюдается вариативность, которая зависит от положения интеррогативного местоимения в предложении.

Ключевые слова

алтайский язык, интонация, экспериментальная фонетика, инклинация, деклинация

Для цитирования

Добрынина А. А. Интонация простых интеррогативных высказываний в алтайском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48). С. 9–15. DOI 10.25205/2312-6337-2022-4-9-15

Intonation of simple interrogative statements in the Altai language

A. A. Dobrynina

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The paper presents preliminary results of a study based on experimental data on the intonation of a simple interrogative utterance in the Altai language. Based on the requested element, interrogative sentences can be divided into two types: full, referring to the entire sentence, and partial, which are questions. The purpose of a question determines whether it falls into the category of a modal one, to be answered by yes or no, or a dictal one, requiring additional information. Additionally, question types differ formally: dictal ones with interrogative words and modal ones with interrogative particles. Intonation is significant in expressing communicative goals and designing the syntactic structure of a sentence. The concept of intonation encompasses various prosodic methods for segmenting and organizing speech flow to convey the intended message. The intonation system is a complex combination of various prosodic means, including tonal, quantitative-dynamic, articulatory, and phonational. The experimental material for this study was recorded in the village of Yakonur, Ust-Khan district of the Altai Republic. The data were processed using the

© А. А. Добрынина, 2023

ISSN 2712-9608
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 4 (iss. 48)

methodology adopted in the Laboratory of Experimental Phonetic Research of the Institute of Philology SB RAS. The analysis has revealed that the intonation contour of interrogative utterances in the Altai language varies depending on the presence and position of an interrogative marker. The peak of the intonation contour in questions falls on the interrogative word of the utterance. The pitch curve in questions exhibits a higher level of ending in comparison to the intonation of affirmative sentences.

Keywords

Altai language, intonation, experimental phonetics, inclination, declination

For citation

Dobrynina A. A. Intonaciya prostyh interrogativnykh vyskazyvanij v altayskom yazyke [Intonation of simple interrogative statements in the Altai language]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 3 (iss. 48), pp. 9–15. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-9-15

Введение

Экспериментальные исследования с использованием субъективных и объективных методов фонетики по вопросам интонации тюркских языков появились в шестидесятых годах прошлого века. Первым начал подобные исследования В. А. Богородицкий на материале татарского языка [1953]. По тюркским языкам Сибири в этом направлении работы велись в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований (ЛЭФИ) ныне Института филологии Сибирского отделения РАН под руководством В. М. Надеяева с использованием пневмоосциллографирования [Надеяев, Селютина, 1991]. В основном это были статьи и авторефераты; монографические работы опубликованы по интонации якутского языка [Алексеев, 1982, 1990, 1992], хоринского диалекта бурятского языка [Бюраева, 1980] и по хакасскому языку [Бичелдей, 2000]. Сегодня успешно изучается интонация в тунгусо-маньчжурских языках сотрудниками ЛЭФИ кафедры иностранных языков АМГУ [Карачева, Морозова, 2018; Морозова, Андросова, Процукович, 2019].

Интонационная система алтайского языка до сих пор остается неразработанной. Для её описания ставим задачу выявления и последовательного изучения общей закономерности оформления интонационных конструкций [Рыжикова и др., 2020; Шестера и др., 2020; Добринина, 2021, 2022].

Интонация, являясь основным средством оформления высказывания, придает ему определенное смысловое содержание. Например:

Сен бүүн школ барарын ба? ‘Ты сегодня пойдёшь **в школу?**’ (а не куда-то);

Сен бүүн школ барарын ба? ‘Ты сегодня пойдёшь **в школу?**’ (или не пойдёшь);

Сен бүүн школ барарын ба? ‘Ты **сегодня** пойдёшь в школу?’ (а не завтра);

Сен бүүн школ барарын ба? ‘**Ты** сегодня пойдёшь в школу?’ (а не кто-нибудь другой).

Первая цельная система описания русской интонации, отражающая наиболее частотные интонационные конструкции (ИК), была предложена Е. А. Брызгуновой [1963]. Она выделила семь типов ИК, которые допускают между собой частичное пересечение. Для английской интонации наиболее известны классификации Дж. О’Коннор и Дж. Арнольд [1978]. Последующие описания интонации не только русского, но и других языков, базировались именно на этих выявленных ИК.

В отличие от русской, в алтайском языкознании проблема интонации широко не рассматривалась. Первой работой по интонации алтайского языка является диссертация О. Ф. Герцог, в которой описывается ритмомелодика простого предложения теленгитского диалекта алтайского языка [Герцог, 1988]. Согласно результатам исследования О. Ф. Герцог, в теленгитском диалекте выделяется шесть ИК, из них два типа относятся к вопросительным высказываниям. Первый тип – это восходяще-нисходяще-восходяще-нисходящее движение частоты основного тона (далее ЧОТ), как вариант – нисходяще-восходяще-нисходящее; локализация акустических ядер на инициали вопроса и на одном из предфинальных слогов. По такой модели интонируется специальный вопрос с вопросительным словом в инициали предложения, нейтральный вопрос, переспрос с отрицанием. Второй тип – восходяще-нисходяще-восходящее движение ЧОТ, как вариант – нисходяще-восходящее либо нисходяще-восходяще-нисходяще-восходящее; локализация основного ритмомелодического ядра в финали фразы (интеррогативный элемент), второго – на одном из предфинальных слогов. По этой конструкции реализуется ритмомелодика специального вопроса с вопросительным словом в финальной позиции,

нейтральный вопрос и переспрос с положительной модальной окраской, альтернативный вопрос [Герцог, 1988, с. 16–17].

Целью настоящей статьи является определение особенностей интонационного оформления простых вопросительных высказываний в алтайском языке. Область исследования ограничена вопросами, которые требуют обязательного ответа.

Материалы и методы

Материалом для акустического анализа послужили аудиозаписи четырех дикторов (двух женщин и двух мужчин) – носителей усть-канского и онгудайского говоров алтайского языка. Все дикторы билингвы, алтайский язык является родным, усвоенным с детства в семье. Возраст 45, 50 лет.

Перед дикторами была поставлена задача прочитать составленный текст, из записанного материала были выделены вопросительные высказывания.

Экспериментальный материал был записан на диктофон, в дальнейшем звуковые файлы в формате .wav были сегментированы с помощью программы Audacity и подвергнуты акустическому анализу в компьютерной программе свободного доступа для анализа речи PRAAT. Иллюстративный материал представлен по интонограммам (графики основного тона) двух дикторов.

Результаты и обсуждение

Анализ интонограмм вопросительного высказывания *Сен кучтү бе?* ‘Ты сильный?’ (рис. 1) демонстрирует существенные отличия интонационного оформления у диктора (а) и диктора (б). По слуховым впечатлениям речь диктора (а) является более эмоциональной по сравнению с речью диктора (б). Начальный уровень тонального оформления высказывания у диктора (а) выше (начинается с 200 Гц), у диктора (б) ниже (с 80 Гц). Низкий регистр соответствует диктору-мужчине, высокий диктору-женщине.

Интонационный контур данного высказывания имеет восходящее-нисходящий рисунок, семантическое ядро находится на слове *кучтү* ‘сильный’, где сохраняется относительно ровный мелодический контур с колебаниями ЧОТ до 350 Гц, далее следует резкое падение ЧОТ почти до 100 Гц – ниже начального уровня ЧОТ (см. рис. 1а); восходяще-нисходящий контур (в середине интонационной кривой отмечается разрыв контура, поскольку наблюдается стечение двух глухих согласных (ч+т), что влияет на распознавание ОТ программой), с фиксацией пика на втором слоге прилагательного *кучтү* ‘сильный’ с последующим понижением тона на вопросительной частице *бе* (см. рис. 1б).

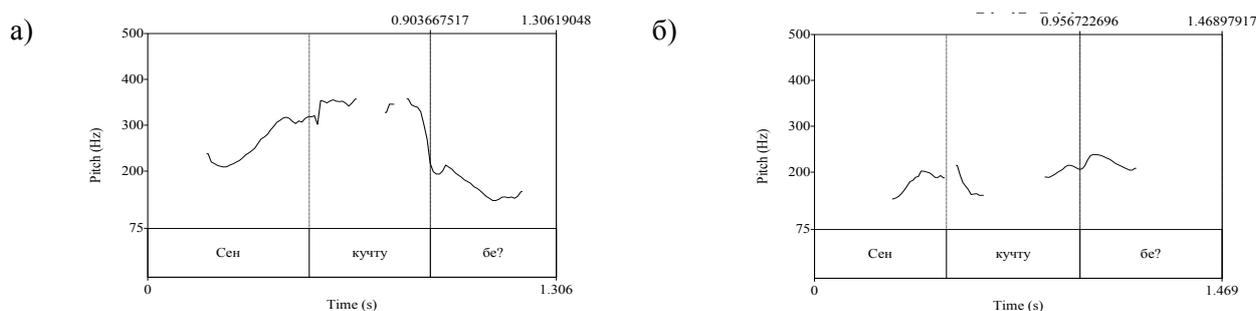

Рис. 1. Интонограммы общего вопроса *Сен кучтү бе?* ‘Ты сильный?’.
Fig. 1. Intonograms of the general question *Sen küchtü be?* ‘Are you strong?’.

Сравнительный анализ представленных интонограмм свидетельствует о том, что на рис. 1а диктор (а) маркирует прилагательное *кучтү* ‘сильный’, поскольку его интересует физическое состояние собеседника. На рис. 1б) отмечается прерывистый интонационный контур, который в целом соответствует контуру ЧОТ диктора (а), но в более низком регистре, что свидетельствует об одинаковой смысловой нагрузке.

Интонация представленного вопросительного высказывания *Кайдöөн менден баржадын?* ‘Куда торопишься (букв.: спеша, идешь)?’ (рис. 2) имеет восходящее-нисходящий контур в более высоком регистре (диктор (а)) и более низком (диктор (б)). В высказывании на вопросительном слове *кайдöөн*

наблюдается усиление словесного ударения на втором слоге, который является направительным послелогом *-дөөн*, в современном алтайском языке он сливается с существительным и переходит в падежную аффиксальную систему, и довольно резкое возрастание (инклинация) значений основного тона от 200 до 300 Гц. На слово *мендеп* приходится начало падения (деклинация) у обоих дикторов.

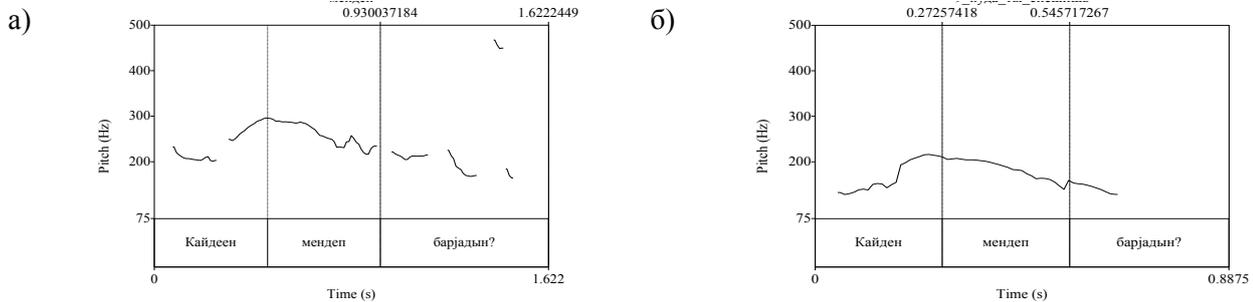

Рис. 2. Интонограммы общего вопроса *Кайдөөн мендеп баргадын?* 'Куда торопишься?'

Fig. 2. Intonograms of the general question *Kaydöön mendep bart'adiŋ?* 'Where are you going in a hurry?'

Интонационное выделение направительного аффикса свидетельствует о том, что говорящего интересует именно место, в которое направляется слушающий, а само действие интересует его меньше: идет он, или бежит, или едет.

Специальный вопрос в высказывании *Слер тойлоп нени алдар?* 'Вы на свадьбу что купили?' (рис. 3) (вопросительное местоимение *нени* 'чего' стоит перед сказуемым) имеет сложный восходяще-нисходяще-восходяще-нисходящий рисунок у первого диктора. На местоимении *слер* 'вы' отмечается повышение тона до 300 Гц, затем падение ЧОТ до 250 Гц, затем опять небольшое повышение на вопросительном местоимении и далее существенное падение до 150 Гц. По этой конструкции реализуется ритмомелодика специального вопроса с вопросительным словом в предфинальной позиции.

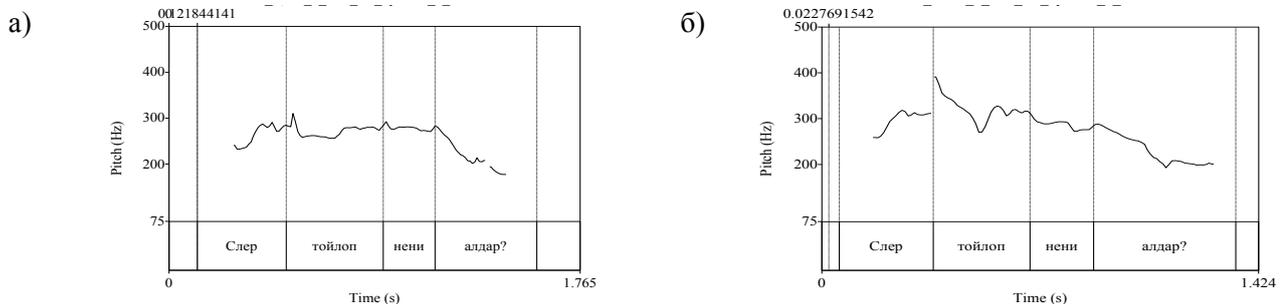

Рис. 3. Интонограммы специального вопроса *Слер тойлоп нени алдар?* 'Что вы купили на свадьбу?'

Fig. 3. Intonograms of the special question *Sler toylop neni aldar?* 'What did you buy for the wedding?'

У второго диктора интонационный рисунок несколько отличается: на первом слове *слер* 'вы' фиксируется резкая инклинация до 350 Гц, а затем плавное понижение до конца высказываний до 180 Гц. По всей видимости, в данном вопросе спрашивающего интересует не столько, что купили, а кто это купил.

Альтернативный вопрос *Иштеп турган ба, айса үренип турган ба?* '(Она) работает или учится?' (рис. 4) воспринимается как речевой отрезок, состоящий из двух синтагм. Мелодический контур первой синтагмы (диктор (а)) начинается достаточно высоко (с 350 Гц), затем отмечается деклинация, а вторая часть высказывания имеет восходяще-нисходящий рисунок ЧОТ с повышением на деепричастии *үренип* 'учась' и дальнейшим понижением на *турган*. У диктора (б) отмечается другой интонационный рисунок, поскольку данный диктор использовал два отдельных предложения. С 200 Гц начинается повышение ЧОТ до 350 Гц и остается на таком же уровне до конца первого предложения, а затем на деепричастии *үренип* 'учась' происходит резкое понижение тона до 150 Гц. В обоих случа-

ях вопросительная частица *ба* продолжает интонационный рисунок высказывания, что соответствует предыдущим исследованиям [Рыжикова и др., 2020].

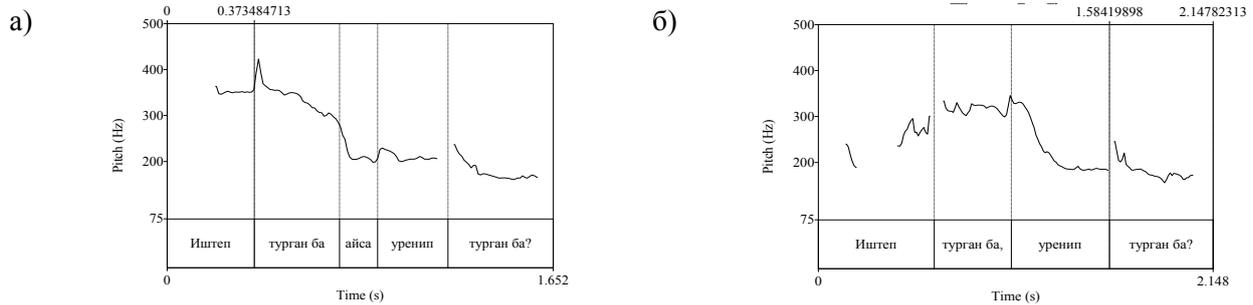

Рис. 4. Интонограммы альтернативного вопроса *Иштеп турган ба, айса үренип турган ба?* ‘Работает или учится?’.
Fig. 4. Intonograms of the alternative question *Ištep turgan ba, aysa ürenip turgan ba?* ‘Is she working or studying?’.

Следует отметить, что функциональная нагруженность акустических средств в рассмотренных типах вопросов значительна, о чём свидетельствует высокий общий уровень основного тона, реализация вопросов в верхних регистрах основного диапазона голосов дикторов. Пик интонационного контура приходится на то слово, которое хочет актуализировать спрашивающий.

Заключение

Интонационный контур высказывания обычно меняется в зависимости от наличия в его структуре маркера вопросительности и его позиции, однако вопросительная частица *ба*, как правило, продолжает контур интонационной кривой. Пик интонационного контура приходится на то слово, которое актуализируется в вопросе, о чем хочет узнать говорящий. Сам вопрос начинается с высокого значения ЧОТ, а уровень окончания мелодической кривой в вопросах ниже начального уровня ОТ в высказывании.

Интонация иногда является существенным значимым структурным признаком, по которому различаются основные коммуникативные типы высказываний и при помощи которого актуализируются значения вопросов.

Наблюдения показывают, что чем больше словесная наполненность вопросительного высказывания, тем слабее проявляется интонационная контрастность. В неполных вопросительных высказываниях интонация более четкая, яркая.

Список литературы

- Алексеев И. Е. Вопросительное предложение в якутском языке. Якутск: Кн. изд-во, 1982. 171 с.
 Алексеев И. Е. Ответный компонент диалога в якутском языке. Новосибирск: Наука, 1990. 136 с.
 Алексеев И. Е. Побудительная фраза в якутском языке. Новосибирск: Наука, 1992. 125 с.
 Бичелдей К. Н. Ритмомелодемы простых нераспространенных предложений хакасского языка. М.: Изд-во РУДН, 2000. 115 с.
 Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Изд. 2, Казань: Татгосиздат, 1953. 220 с.
 Брызгунова Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963. 306 с.
 Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. Т. I. М., 1980. С. 96–122.
 Бюраева Э. И. Ритмомелодика простых нераспространенных предложений бурятского языка. Улан-Удэ, 1978. 128 с.
 Герцог О. Ф. Ритмомелодика вопросительных предложений теленгитского диалекта алтайского языка // Фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1985. С. 130–142.
 Герцог О. Ф. Ритмомелодика простого предложения теленгитского диалекта алтайского языка (экспериментально-фонетическое исследование). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1988. 19 с.

Добринина А. А. Интонация в алтайском языке (на материале простых односоставных побудительных высказываний) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 261–271.

Добринина А. А. Интонационное оформление диктальных вопросов со словом кем 'кто' в алтайском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44). С. 78–84.

Карачева О. Б., Морозова О. Н. Интонация утвердительного предложения в русском и эвенкийском языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. № 4 (3). С. 39–58.

Морозова О. Н., Андросова С. В., Процукович Е. А. Просодическое оформление побудительных предложений в эвенкийском и ороchonском языках (основной тон) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. № 2 (5). С. 100–114.

Наделяев В. М., Селютина И. Я. Пневмоосциллографирование (экспериментально-фонетический метод) // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1991. С. 3–26.

Рыжикова Т. Р., Добринина А. А., Плотников И. М., Шестера Е. А., Шамрин А. С. Интонация модальных вопросительных высказываний в алтайском языке (на материале фольклора алтай-кижи) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 2. С. 149–165.

Шестера Е. А., Рыжикова Т. Р., Добринина А. А., Плотников И. М., Шамрин А. С. Интонация повествовательных высказываний алтайского языка (на материале фольклора) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 4 (30). С. 83–95.

O'Connor J. D., Arnold G. F. Intonation of Colloquial English. London: Longman, 1978. 290 p.

References

Alekseev I. E. *Pobuditel'naya fraza v yakutskom yazyke* [Interrogative sentence in the Yakut language]. Yakutsk, Kn. izd., 1982, 171 p. (In Russ.)

Alekseev I. E. *Otvetnyy komponent dialoga v yakutskom yazyke* [The response component of the dialogue in the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 1990, 136 p. (In Russ.)

Alekseev I. E. *Pobuditel'naya fraza v yakutskom yazyke* [Incentive phrase in the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 1992, 125 p. (In Russ.)

Bichelday K. N. *Ritmomelodemy prostykh nerasprostranennykh predlozhenij hakasskogo yazyka* [Rhythm-melodemes of simple non-extended sentences of the Khakass language]. Moscow, RUDN, 2000, 115 p. (In Russ.)

Bogoroditsky V. A. *Vvedenie v tatarskoe yazykoznanie v svyazi s drugimi tyurkskimi yazykami* [Introduction to Tatar linguistics in connection with other Turkic languages]. 2nd ed., Kazan, Tatgosizdat, 1953, 220 p. (In Russ.)

Bryzgunova E. A. *Prakticheskaya fonetika i intonatsiya russkogo yazyka* [Practical phonetics and intonation of the Russian language]. Moscow, 1963, 306 p. (In Russ.)

Bryzgunova E. A. *Intonatsiya* [Intonation]. In: *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow, 1980, vol. 1, pp. 96–122. (In Russ.)

Byuraeva E. I. *Ritmomelodika prostykh nerasprostranennykh predlozheniy buryatskogo yazyka* [Rhythm-melodics of simple non-extended sentences of the Buryat language]. Ulan-Ude, 1978, 128 p. (In Russ.)

Gertsog O. F. *Ritmomelodika prostogo predlozheniya telengitskogo dialekta altayskogo yazyka (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie)* [Rhythm-melodic of the simple sentence of the Telengit dialect of the Altai language (experimental-phonetic study)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Alma-Ata, 1988, 19 p. (In Russ.)

Gertsog O. F. *Ritmomelodika voprositel'nykh predlozheniy telengitskogo dialekta altayskogo yazyka* [The rhythm-melodic of interrogative sentences in the Telengit dialect of the Altai language]. In: *Fonetika sibirskikh yazykov* [Phonetics of the Siberian languages]. Novosibirsk, 1985, pp. 130–142. (In Russ.)

Dobrinina A. A. *Intonatsiya v altayskom yazyke (na materiale prostykh odnosostavnykh pobuditel'nykh vyskazyvaniy)* [Intonation of the Altai language (simple one-component imperative utterances)]. *Siberian Journal of Philology*. 2021, no. 3, pp. 261–271. (In Russ.)

Dobrinina A. A. Intonatsionnoe oformlenie diktal'nykh voprosov so slovom kem v altayskom yazyke [Intonation of the dictum questions with the interrogative word kem in the Altai language]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2022, no. 2 (iss. 44), pp. 78–84. (In Russ.)

Karacheva O. B., Morozova O. N. Intonatsiya utverditel'nogo predlozheniya v russkom i evenkiyskom yazykakh [Intonation of Statements in Russian and Evenki]. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2018, no. 4 (3), pp. 39–58. (In Russ.)

Morozova O. N., Androsova S. V., Procukovich E. A. Prosodicheskoe oformlenie pobuditel'nykh predlozheniy v evenkiyskom i orochonskom yazykakh (osnovnoy ton) [The prosody of imperative sentences in Evenki and Orochon: Pitch]. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2019, no. 2 (5), pp. 100–114. (In Russ.)

Nadelyaev V. M., Selyutina I. Ya. Pnevmoostsillografirovaniye (eksperimental'no-foneticheskiy metod) [Pneumo-oscillography (experimental phonetic method)]. In: *Foneticheskie struktury v sibirskih yazykakh* [Phonetic structures in Siberian languages]. Novosibirsk, 1991, pp. 3–26. (In Russ.)

O'Connor J. D., G. F. Arnold. *Intonation of Colloquial English*. London, 1978, 290 p.

Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A., Plotnikov I. M., Shestera E. A., Shamrin A. S. Intonatsiya modal'nykh voprositel'nykh vyskazyvaniy v altayskom yazyke (na materiale fol'klora altay-kizhi) [Intonation of modal interrogative statements in the Altai language (on the material of Altai-Kizhi folklore)]. *Siberian Journal of Philology*. 2020, no. 2, pp. 149–165. (In Russ.)

Shestera E. A., Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A., Plotnikov I. M., Shamrin A. S. Intonatsiya povestvovatel'nykh vyskazyvaniy altayskogo yazyka (na materiale fol'klora) [Intonation of narrative utterances of the Altai language (based on the material of folklore)]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2020, no. 4 (30), pp. 83–95. (In Russ.)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
04.12.2023

Сведения об авторе

Альбина Альбертовна Добрынина – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: dobrinina@philology.nsc.ru

ORCID 0000-0001-5841-4714

Information about the Author

Albina A. Dobrynina – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: dobrinina@philology.nsc.ru

ORCID 0000-0001-5841-4714

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

УДК 81'373.612.2+811.512.156+811.161.1

DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-16-23

Русские заимствования в тувинской разговорной речи

Э. К. Аннай

*Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия*

Аннотация

В условиях глобализации происходит расширение функций русского языка и его доминирование в официальных сферах и повседневной жизни народа, а тувинский язык приобретает разговорно-бытовой характер, так как в основном используется носителями в неформальном общении и семейном кругу. Наблюдается влияние русского языка на тувинский на разных уровнях, в том числе это прослеживается на материале экспрессивной лексики. Изменения наблюдаются как в словообразовании, так и в семантическом переосмыслении некоторых новых слов. Отмечается активное употребление продуктивной модели образования глаголов от русских основ. В последние десятилетия число рассматриваемых заимствований увеличивается, наблюдается очевидное влияние русского языка на устный тувинский язык.

Ключевые слова

тувинский язык, русский язык, заимствование, экспрессив, экспрессивная лексика, метафора, значение, билингвизм, двуязычие

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 23-28-10294 «Заимствования из русского языка в зеркале развития тувинского».

Для цитирования

Анна́й Э. К. Русские заимствования в тувинской разговорной речи // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48). С. 15–23. DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-16-23

Russian borrowings in Tuvan colloquial speech

E. K. Annai

*Tuvan Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russian Federation*

Abstract

This paper investigates the historical evolution of the Tuvan-Russian/Russian-Tuvan bilingualism and its current state in the Tuva Republic. In 1974, B. I. Tatarintsev examined bilingualism and Russian loanwords in the Tuvan language and identified three periods of linguistic borrowing. Here, we propose a classification of new periods in the

© Э. К. Аннай, 2023

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 4 (iss. 48)

history of Tuvan-Russian bilingualism: the 4th (1993–2015) and the 5th (from 2015 to the present time). These periods can be differentiated by the changes in the functional relations between the Russian and the Tuvan languages in national republics of the Russian Federation, including the Tuva Republic, following the dissolution of the USSR in the 1990s. The recent trend of globalization has contributed to the expansion of the Russian language's functions and its dominance in everyday life and official communication. Tuvan, being primarily used in informal communication or within families, is becoming more colloquial. This paper demonstrates the influence of Russian on Tuvan through the emergence of new ways of word formation with evaluative meanings and the occurrence of semantic shifts in various Russian loanwords. Verbs are frequently derived from Russian stems, and Russian adverbs are sometimes used in Tuvan speech. Moreover, it is important to highlight the escalating number of loanwords in recent decades and the discernible influence of Russian on oral Tuvan. To substantiate our findings, we utilize oral speech records and examples of posts in VKontakte and Facebook, where informal communication between native speakers commonly takes place.

Keywords

Tuvan, Russian, bilingualism, metaphor, expressive, expressive vocabulary, figurative meaning

Acknowledgements

The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-10294 "Borrowings from the Russian language in the mirror of Tuvan development".

For citation

Annay E. K. Russkie zaimstvovaniya v tuvinskoj razgovornoj rechi [Russian borrowings in Tuvan colloquial speech]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2023, no. 4 (iss. 48). pp. 16–23. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-16-23

Введение

Развитие тувинско-русского / русско-тувинского билингвизма (двуязычия) на территории Республики Тыва сопровождалось активным проникновением русизмов в тувинский язык [Татаринцев, 1974, 1987; Саг, 1973, 1983; Бавуу-Сюрюн, 2000, 2013, 2015; и др.]. Ч. С. Цыбенова в монографии «Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социолингвистический аспект» [2017] отметила роль экстралингвистических факторов в функционировании тувинского и русского языков, особенности развития тувинско-русского двуязычия на современном этапе в Республике Тыва.

Б. И. Татаринцев в монографии «Русские лексические заимствования в тувинском языке» выделяет три этапа проникновения русизмов в тувинский язык. Первый этап (конец XIX в. – начало 30-х гг. XX в.) – это период индивидуального билингвизма и устного заимствования [Татаринцев, 1974, с. 14]. В 1914 г. Тува добровольно вошла под протекторат России, в июне 1918 г. прошли Первые Советы, созданные русским населением Тувы, была проведена большая работа по интернациональному воспитанию трудящихся, укреплению дружбы русского и тувинского народов [Дубровский, 1991, с. 3].

Второй этап (начало 30-х – середина 40-х гг. XX в.) – период группового (культурного) билингвизма и преобладающего письменного пути заимствования [Татаринцев, 1974, с. 14]. В 1941 г. была принята Конституция Тувинской народной Республики (далее ТНР) / Тыва Арат Республикаһы Конституция (yndezin хооҗлuzu), написанная на латинской графике с переводом на русский язык [Конституция, 1941, с. 7]. В ней есть статьи о тувинском языке как о языке судопроизводства (ст. 50) и о том, что граждане ТНР имеют право на образование на родном языке (ст. 76) [Конституция, 1941, с. 23, 31].

Третий этап (вторая половина 40-х – 70-е гг. XX в.) – период массового билингвизма и сосуществования устного и письменного путей заимствования [Татаринцев, 1974, с. 14]. Русский язык приобрел статус языка межнационального общения, став языком «советской интернациональной культуры». С 1970-х гг. высказывается идея объединения всех народов СССР в новую историческую общность – «советский народ с общим языком межнационального общения», русским, и с единой «советской интернациональной культурой» на основе русской культуры. Произошло расширение функций русского языка [Баскаков, Насыров, 2000, с. 35]. В 1970-е гг. «усилились русско-тувинские экономические связи. Еще в прошлом веке в Туву вместе с промышленниками, деловыми людьми и кулаками приехали батраки и бедные крестьяне. Приезжие русские постепенно стали практически усваивать тувинский язык и общались с тувинцами на их родном языке. Началось усвоение отдельными тувин-

цами русского языка» [Сат, 1973, с. 21]. Период с 1944 г. до конца 1980-х гг. характеризуется расширением функций русского языка и его доминированием в официальных сферах [Цыбенова, 2017, с. 34]. С этого времени распространение русского языка в республике стало расширяться, так как произошел перевод делопроизводства на русский язык, большинство грамотных людей стало предпочитать русский язык в качестве языка общения в городских семьях, что привело к ослаблению функционального развития тувинского языка в городе.

1993–2015-е гг. можно назвать четвертым этапом в истории развития двуязычия в Республике Тыва. В 1993 г. началось нормативное регулирование статуса тувинского языка. Государственными на территории Республики Тыва были признаны тувинский и русский языки [Конституция РТ, 1993, 2001]. Однако, как считают многие лингвисты, придание государственного статуса не привело к полноценному развитию и расширению общественных функций тувинского языка, в том числе в силу несовершенства и неразработанности вопросов государственной языковой политики. Проблема функциональной дистрибуции тувинского и русского языков все еще остается актуальной. С одной стороны, функциональное соотношение между ними, например, в официальных сферах, обусловлено исторически: изначально эта сфера обслуживалась монгольским языком, а затем русским. С другой стороны, не предпринимается конкретных мер по расширению функций тувинского языка как государственного. Картина функционального развития не только тувинского, но и других национальных языков России, несомненно, меняется с распадом СССР в начале 90-х гг. XX в. [Цыбенова, 2017, с. 25–27]. Большинство национальных республик возвращаются к национальным языкам, укрепляют статус языка в конституции и проводят ряд мер по восстановлению роли родного языка.

Русские заимствования в тувинской разговорной речи (с 2015 г. по настоящее время)

В данной статье рассматривается новый период в развитии русско-тувинского двуязычия с 2015 г. по настоящее время, когда в новых условиях глобализации наблюдается доминирование русского языка практически во всех сферах жизни. М. В. Бавуу-Сюрюн считает, что влияние русского языка на тувинский носит «всеохватный характер: на лексическом, морфологическом и синтаксическом ярусах, особенно в выработке стилистических ресурсов тувинского языка, его стилистического расслоения» [Бавуу-Сюрюн, 2015, с. 118]. Социально-экономические вопросы, вопросы делопроизводства решаются и документируются на русском языке, на 80 % на русском языке вещают СМИ (телевидение, радио и газеты). С появлением нового виртуального пространства – интернета – появились такие новые каналы общения, как социальные сети, где язык общения выбирается самими участниками, в основном практикуется свободное, ненормированное общение. Между тем для многих тувинцев тувинский язык остается основным языком общения, приобретая статус разговорно-бытового смешанного языка. Разговорно-бытовой язык, как известно, перенасыщен элементами разговорной, вульгарной и даже безграмотной речи. По наблюдениям лингвистов, идет своеобразный процесс «отувинивания» слов русского языка. Об использовании в устной речи некоторых форм прилагательных, а также наречий *уже, вообще, короче* и др. писала М. В. Бавуу-Сюрюн [2013, с. 120].

Носители часто смешивают два языка и в результате не могут излагать мысли только на одном из языков. Так, в речи или на письме наблюдается смешение слов, например: *Мээң ол чуртап турган хоорайымда бир өрээл **упакованный квартираның** безин 8-10 муң акша чүве-дир ийин* (орфография и пунктуация сохранена) ‘В том, городе, где я жила, стоимость даже однокомнатной **упакованной квартиры** в аренду стоила 8–10 тысяч рублей’ [27.09.2023, пост VK Новости из родины Шойгу].

Помимо этого, в среде городской молодежи растет количество тех, кто не владеет языком своих родителей – тувинским. Поэтому языковая политика нынешнего Правительства в Республике Тыва направлена на выравнивание положения тувинского языка: 21 августа 2023 г. принят Указ № 274 «О стратегии государственной поддержки и развития тувинского языка в период с 2024 по 2033 гг.» [Стратегия, 2023].

Целью нашей статьи является анализ заимствований из русского языка в тувинской разговорной речи. В ходе выполнения проекта РНФ «Заимствования из русского языка в зеркале развития тувинского» (№ 23-28-10294) составлена база данных заимствованных слов в тувинском языке, насчитывающая 6234 единицы, среди которых имеются также глаголы и имена с экспрессивной семантикой.

В тувинском языке все заимствования из русского воспринимаются как непроемные основы, к ним присоединяются аффиксы в соответствии с законами гармонии гласных и сочетаемости согласных, а также по правилам агглютинации тувинского языка [Бавуу-Сюрюн, 2015, с. 118]. Так, появляются новые глаголы, обслуживающие сферы информационных технологий, новых социально-экономических, торгово-рыночных отношений и коммуникации в целом, образованные от заимствованной из русского языка непроемной основы при помощи тувинского аффикса отыменного словообразования *ла / =на / =та*: *качатъта*= ‘скачать какую-либо информацию, файл из интернета’, *перезагрузкала*= ‘перезагрузить (компьютер, телефон)’, *загрузкала*= ‘загрузить (информацию, файл)’, *пересылкала*= ‘переслать’, *репостула*= ‘репостить’, *переводта*= ‘перевести (текст, деньги; в настоящее время включает и сему ‘через мобильные сервисы’)’, *казахта*= ‘заказать’, *доставкала*= ‘доставить’, *рекомендоватъта*= ‘рекомендовать что-либо’, *компесациала*= ‘компенсировать’, *телефонна*= ‘звонить, позвонить’ (употребляется по отношению к стационарным и к мобильным телефонам), *дозвонна*= ‘сделать звонок по телефону’ и др.

В разговорной речи активно используются также два сложных глагола *телефон долга*= (букв.: телефон крутить) и *телефон бас*= (букв.: телефон нажимать), употребляющиеся в более узком, специализированном значении. Первый из них образовался, когда появились стационарные телефоны с номеронабирателем-диском, который нужно вращать. Второй глагол встречается в речи носителей тувинского языка в составе таких выражений, как *телефондан базыттар сен че!* (букв.: нажмешь телефон), когда договариваются о следующем звонке.

В нашу выборку попали такие глаголы, как: *анекдотта*= ‘быть в смешной ситуации, пережить приключения’, *аристократсы*= ‘казаться аристократом, изображать из себя аристократа (не являясь им)’, *артисте*= ‘быть эксцентричным’, *брактат*= ‘быть отбракованным’, *винегретте*= ‘говорить, смешивая слова тувинского и русского языков’, *домзакта*= ‘быть в заключении’, *жаргонна*= ‘говорить на жаргоне’, *кризистел*= ‘быть в кризисе’, *халтурла*= ‘халтурить’, *хулиганна*= ‘хулиганить’, *эгоисте*= ‘быть эгоистом’ и др.

Рассмотрим несколько примеров с этими глаголами:

винегретте= ‘говорить, смешивая слова тувинского и русского языков’: образовано на основе образа салата, в котором перемешаны разные овощи. Экспрессивное значение появилось по аналогии с рус. *винегрет в голове (у кого-н.)* (перен., разг.: перемешались разнородные сведения, мысли):

(1) *Бо шагның аныяк-өскениниң чугаазын шуут билбес-тир мен, анаа винегреттээр апарган, орустаанда-даа, тывалаанда-даа чок (И-3).*

бо шаг=ның	аныяк-өскен=и=ниң	чугаа=зы=н	шуут
это время=GEN	молодежь=POSS.3Sg=GEN	разговор=POSS.3Sg=ACC	совсем
бил=бес-тир	мен анаа	винегреттэ=эр	апар=ган
знать=NEG-PRТCL	я просто	смешивать=PrP	становиться=PP
оруста=ан=да-даа		тывала=ан=да-даа	чок
говорить на русском=PP=LOC-PRТCL		говорить на тувинском=PP=LOC-PRТCL	NEG.PRТCL

‘Я совсем не понимаю разговор этой молодежи, просто стали смешивать, и по-русски не говорят, и по-тувински не говорят.’

базарла= ‘торговать на базаре’ [ТРС, 1968, с. 84]: в последнее время у этого глагола появилось новое значение ‘беседовать в неформальной обстановке (как на базаре)’. На основе образа, целостного представления о поведении на базаре появилось экспрессивное значение по аналогии с рус. *базарить* ‘шумно, крикливо вести разговор’:

(2) *Хэй эрлер гаражка базарлажып олурарга солун-на чүве ийин (И-2).*

хэй	эр=лер	гараж=ка	базарла=ж=ып
много	парень=PL	гараж=DAT	беседовать=REC=CV₁
олур=ар=га	солун-на	чүве	ийин
сидеть=PrP=DAT	интересно-PRТCL	вещь	PRТCL

‘Интересно, когда много парней сидят и базарят о всяком.’

домзакта = ‘быть в заключении’: основа слова произошла из аббревиатуры русского языка *домзак* < дом заключенных + *-та* (аффикс, образующий глагол от имен существительных).

Разговорно-бытовой тувинский язык пополняется сниженной экспрессивной лексикой, например: *майта* = ‘ругать матом’, *майттан* = ‘ругаться матом’ < *мат* = (от рус. *мат*) + *=та* (аффикс, образующий глаголы от имен существительных) + *=н* (возвратный залог), *майттан* = ‘ругаться матом’, *майт-шорт* ‘матерщина’ (в состав данного парного слова входит первый компонент *майт* < рус. *мат*, второй компонент *шорт* не имеет самостоятельного лексического значения, а, усиливая оценочное, указывает на собирательное значение первого компонента-существительного). В этих лексемах наблюдается типичная для тувинского языка фонетическая адаптация русской лексемы *мат-*, при которой перед глухой *t* появляется мягкий *-й-*: *майта* = < *мат* + *-та* ‘ругать матом’ < рус. *мат*¹.

Случаи употребления всех трех лексем рассмотрим в следующем примере:

(3) *Бо акый дыка мейттаныр орустар ышкаш, чугаазының чамдык кезии билдинмес, куруг мейт-шорт кижии* (И-1).

бо	акый	дыка	майтта =н=ыр	орустар	ышкаш	чугаа-зы-нын
этот	брат	очень	материться =REFL=PrP	русские	словно	разговор=POSS.3SG=GEN
чамдык		кезии	бил=дин=мес	куруг	майт-шорт	кижи
некоторый		часть	понять=CAUS=NEG	круглый	матерщина	человек

‘Этот человек очень много матерится, как русские, некоторую часть его речи не понять, круглая матерщина’.

Для экспрессивной характеристики человека в разговорно-бытовой речи тувинцев широко употребляются следующие лексемы русского происхождения: *амбал*, *алкаш*, *бомж*, *блатной*, *дармоед*, *жмот*, *кино*, *тормоз*, *харя*, *хулиган* и др. Из них лишь лексема *хулиган* имеет толкование в «Тувинско-русском словаре» как ‘хулиган // хулиганский’: *хулиган үүлгедиг* ‘хулиганский поступок’; *хулиган чорук* ‘хулиганство’ [TPC, 1968, с. 494]. Данная лексема встречается также в переводной литературе:

(4) *Көдээге мени «хоорай хулиганы» дээр чүве, а хоорайга — «көдээ» дээр болган* [Думбазде, 1982, с. 87].

көдээ=ге	мени	хоорай	хулиган =ы	дэ=эр	чүве
село=DAT	меня	город	хулиган =POSS.3SG	сказать=PrP	PRTCL
а	хоорай=га	көдээ	дэ=эр	бол=ган	
а	город=DAT	деревня	сказать=PrP	быть=PP	

‘Оказалось, что в селе меня обзывают городским хулиганом, а в городе деревенским.’

В современном разговорном тувинском языке употребляются такие слова, как *чаптаашка* ‘милашка’ (от *чаптанчыг* ‘умильный, забавный’ [TPC, 1968, с. 517]), *кернишшка* ‘невестушка’ (от *келин / керин* ‘сноха, невестка’ [TPC, 1968, с. 237]), *бызаашка* (от *бызаа* ‘теленка’), *оглушшка* ‘сыночка’ (от *оглу* ‘его, ее, их] сын’ [TPC, 1968, с. 313]), образованные при помощи аффикса *=шка*, восходящему к суффиксу русского языка *=шк=*. Вторая гласная в позиции перед этим аффиксом появляется в результате контаминации по аналогии с аффиксом *=маа*, использующимся при образовании тувинских женских имен: *Алимаа*, *Оюмаа*, *Хандымаа* и др.

При образовании собственных имен используется также финаль *=ка*, восходящая к русскому уменьшительно-ласкательному суффиксу *=к=*: *Темирка*, *Аржаанка*, *Алдынайка*, *Демирка*, *Наирка* и др. С ее помощью выражается значение фамильярно-интимной близости отношений, чаще для положительной оценки или демонстрации своей доброжелательной расположенности к субъекту речи. Подобные уменьшительно-ласкательные слова отмечались ранее в речи русскоговорящих тувинцев, а в последнее время наблюдаются также в речи городской молодежи. Приведем примеры из речи носителей русского языка тувинской национальности: (5) *И мы тут с Даяшкой, совсем крошкой* (11.01.2017. Facebook. Дина Оюн); (6) *Долумашка и Найырка ждут вас в гости к себе домой* (И-1).

¹ Другие примеры аналогичной фонетической адаптации: тув. *Кайта* < от рус. *Катя*, тув. *плайта* < от рус. *платье* и др.

Заимствуются также метафорические модели, нехарактерные для тувинского языка, например, наблюдается семантический перенос названий животных, мифических, сказочных существ в сферу «человек», что прежде не было распространено настолько широко: тув. *дилги* ‘лиса’ и рус. *лиса* ‘хитрый, лживый человек’; тув. *тик* ‘ноль’ и рус. *ноль* ‘о ничтожном, незначительном человеке’; тув. *даңгына* ‘царевна, дочь хана’ и рус. *царевна* ‘девушка-красавица’; тув. *төжжек* ‘пень, пенек’ и рус. *пень* ‘тупой, бесчувственный человек’; тув. *чудук* ‘бревно’ и рус. *бревно* ‘тупой человек’; тув. *ыт* ‘собака’ и рус. *собака* ‘о злом, грубом человеке’ и мн. др. Однако нельзя говорить о тотальном проникновении русских моделей экспрессивов в тувинский язык. Так, неприемлемым остается употребление названий различных болезней в качестве экспрессивных слов по отношению к человеку, в то время как в русском возможны такие характеристики человека, как *холера*, *язва*, *чума* и др. [Анной, 2017, с. 10–11].

Еще одним примером влияния русского языка на тувинский являются кальки русских экспрессивов, построенных по моделям, отсутствующим в тувинском языке. Например, *баш аарыы* (букв.: боль головы) → ‘человек или проблема, вызывающая у говорящего болезненное, нервное состояние’ от рус. *головная боль* с идентичной семантикой:

(7) *Баш аарыы болдуң сен, кылган ажыл-иж-иң-даа чок!* (И-3)

баш	аары =ы	бол=ду=ң	сен
голова	боль =POSS.3SG	быть=PAST=2SG	ты
кыл=ган	ажыл-иж=иң-даа		чок
делать=PP	работа-труд=POSS.2SG-PRTCL		нет

‘Ты стал (настоящей) проблемой, нет у тебя ни работы, ни занятости!’

Заключение

В современных условиях тувинский язык приобретает разговорно-бытовой характер, так как в основном используется носителями в неформальном общении и семейном кругу. Рассмотренный материал по экспрессивной лексике разговорного тувинского языка демонстрирует некоторые интересные случаи заимствований из русского языка. Изменения наблюдаются как в словообразовании, так и в семантическом переосмыслении некоторых новых слов. Отмечается активное употребление продуктивной модели образования глаголов от русских основ с помощью собственных аффиксов или образование уменьшительно-ласкательной формы имен собственных по русской модели посредством присоединения аффиксов, восходящих к финалям слов русского языка (=ка, =шка). О проникновении заимствованных экспрессивных лексем в книжный тувинский язык говорить рано, но наблюдается очевидное влияние русского языка на устный тувинский. Во-первых, изменяется сам язык носителей тувинского языка на разных уровнях. Во-вторых, среди городской молодежи появляются те, кто не владеет языком своих родителей – тувинским, или же предпочитают говорить только на русском языке. В их речи наблюдается употребление тувинских слов в измененном на русский лад виде.

Список литературы

Анной Э. К. Метафорические экспрессивы в русском и тувинском языках // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 3 (13). С. 9–18. https://ling.tspu.edu.ru/archive.html?year=2017&issue=3&article_id=6673

Бавуу-Сюрюн М. В., Ондар М. В. Русизмы в диалектах тувинского языка [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2013. № 4. С. 39–44 https://www.tuva.asia/journal/issue_20/6715-bavuu-syuryun-ondar.html [Дата обращения 24.02.2021 г.].

Бавуу-Сюрюн М. В. Современные словообразовательные процессы, обусловленные языковыми контактами (на материале тувинского языка) // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 114–123.

Бавуу-Сюрюн М. В. Влияние русского языка на образование современных тувинских фамилий и имен // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 2000. С. 204–205.

- Дубровский В. А. Создание суверенного государства в Центре Азии. Протоколы хуралов 1921. К 70-летию образования республики Танну-Тува Улус. Бай-Хаак, 1991. 49 с.
- Думбадзе Н. В. Мен, Энем, Илико база Илларион. Кызыл: ТывНУЧ, 1982. 192 с.
- Конституция (Основной закон) Республики Тыва. Кызыл: Изд. Верховного Совета РТ, 1993. 60 с.
- Монгуш Д. А., Татаринцев Б. И. Проблемы изучения функционирования русского языка в Туве // Русский язык в Туве. Кызыл: Тув. НИИ яз. лит. и истории. 1985. С. 3–16.
- Проект Закона Тувинской АССР «О языках в Тувинской АССР» от 11 марта 1990 года // Тувинская правда. 13 марта 1990. № 59 (13680). С. 1–2.
- Сат Ш. Ч. Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. 193 с.
- Стратегия, 2023 – Указ № 274 «О стратегии государственной поддержки и развития тувинского языка в период с 2024 по 2033 гг.» от 21 августа 2023 г. [Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1700202308240009?index=1>. Дата обращения 07.09.2023 г.].
- Татаринцев Б. И. Русские лексические заимствования в тувинском языке. Кызыл, 1974. 110 с.
- Цыбенова Ч. С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социолингвистический аспект. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2017. 170 с.
- Тува Арат Республикаһы Конститузу (yndezin xoojluzu) TAR PICCE XURAL PREZIDIYMY [Конституция (основной закон) Тувинской Народной Республики], Кызыл, 1941.

Список информантов

И-1 – Бегзи Анай-Кара Игоревна (1997 г. р.); И-2 – Монгуш Начын Михайлович (1988 г. р.); И-3 – Оюн Нелли Сергеевна (1987 г. р.).

Список условных сокращений и обозначений

2, 3 – 2-е, 3-е лицо; ACC – винительный падеж; NEG – отрицательная форма; CV₁ – форма соединительного деепричастия на =n; CAUS – понудительный залог; DAT – дательный падеж; GEN – родительный падеж; POSS – посессивный аффикс; PRCL – частица; PP – причастие прошедшего времени на =ган; PrP – причастие будущего времени на =ар; REC – совместно-взаимный залог; REFL – возвратный залог; SG – единственное число.

References

- Annay E. K. Metaforicheskie ekspressivny v russkom i tuvinskom yazykakh [Metaphorical expressions in the Russian and Tuvan languages]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2017, no. 3 (13), pp. 9–18. https://ling.tspu.edu.ru/archive.html?year=2017&issue=3&article_id=6673 (accessed 13.11.2023). (In Russ.).
- Bavuu-Syuryun M. V., Ondar M. V. Rusizmy v dialektakh tuvinskogo yazyka [Russianisms in the dialects of the Tuvan language]. *The New Research of Tuva*. 2013, no. 4, pp. 39–44. https://www.tuva.asia/journal/issue_20/6715-bavuu-syuryun-ondar.html (accessed 13.11.2023). (In Russ.).
- Bavuu-Syuryun M. V. Sovremennye slovoobrazovatel'nye protsessy, obuslovlennyye yazykovymi kontaktami (na materiale tuvinskogo yazyka) [Modern word-formation processes caused by language contacts (based on the Tuvan language)]. *Siberian Journal of Philology*. 2015, no. 2, pp. 114–123. (In Russ.).
- Bavuu-Syuryun M. V. Vliyanie russkogo yazyka na obrazovanie sovremennykh tuvinskikh familiy i imen [The influence of the Russian language on the formation of modern Tuvan surnames and names]. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri* [Ethnosocial processes in Siberia]. Novosibirsk, 2000, pp. 204–205. (In Russ.).
- Dubrovskiy V. A. *Sozdanie suverennogo gosudarstva v Tsentre Azii. Protokoly khuralov 1921. K 70-letiyu obrazovaniya respubliki Tannu-Tuva Ulus* [Creation of a sovereign state in the Center of Asia. Protocols of Khurals 1921. To the 70th anniversary of the formation of the Republic of Tannu-Tuva Ulus]. Bay-Khaak, 1991, 49 p. (In Russ.).

Dumbadze N. V. *Men, Enem, Iliko baza Illarion*. [Me, Grandma, Iliko and Hilarion]. Kyzyl, Tuva Publ. House, 1982, 192 p. (In Tuv.).

Konstitutsiya (Osnovnoy zakon) Respubliki Tuva [Constitution (Basic Law) of the Republic of Tuva]. Kyzyl, Supreme Council of the Republic of Tuva Publ., 1993, 60 p. (In Russ.)

Mongush D. A., Tatarintsev B. I. Problemy izucheniya funktsionirovaniya russkogo yazyka v Tuve [Problems of studying the functioning of the Russian language in Tuva]. In: *Russkiy yazyk v Tuve* [Russian language in Tuva]. Kyzyl, Tuva Scientific Research Institute of Language Literature and History, 1985, pp. 3–16. (In Russ.).

Proekt Zakona Tuvinskoy ASSR “O yazykakh v Tuvinskoy ASSR” ot 11 marta 1990 goda [Draft Law of the Tuva ASSR “On languages in the Tuva ASSR” of 11 March 1990]. *Tuvinskaya pravda*. 1990, 13 March, no. 59 (13680), pp. 1–2.

Sat Sh. Ch. *Formirovanie i razvitie tuvinskogo natsional'nogo literaturnogo yazyka* [Formation and development of the Tuva national literary language]. Kyzyl, Tuva Publ. House, 1973, 193 p. (In Russ.).

Tatarintsev B. I. *Russkie leksicheskie zaimstvovaniya v tuvinskom yazyke* [Russian lexical borrowings in the Tuva language]. Kyzyl, 1974, 110 p. (In Russ.).

Tsybenova Ch. S. *Sovremennaya yazykovaya situatsiya v Respublike Tyva: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Modern language situation in the Republic of Tuva: sociolinguistic aspect]. Irkutsk, Ottisk, 2017, 170 p. (In Russ.).

Tuva Arat Respubliktyñ Konstituzu (yndežin xoojluzu) TAR PICCE XURAL PREZIDIYMY [The Constitution (Basic Law) of the Republic of Tuva]. Kyzyl, 1941. (In Tuv.).

Ukaz no. 274 “O strategii gosudarstvennoy podderzhki i razvitiya tuvinskogo yazyka v period s 2024 po 2033 gg.” ot 21 avgusta 2023 g. [Decree no. 274 “On the strategy of state support and development of the Tuva language in the period from 2024 to 2033” dated August 21, 2023]. <http://publication.pravo.gov.ru/document/1700202308240009?index=1> (accessed 07.09.2023). (In Russ.).

Spiker's list

I-1 – Begzi Anay-Kara Igorevna, born in 1997; I-2 – Mongush Nachyn Mikhailovich, born in 1988; I-3 – Oyun Nelli Sergeevna, born in 1987.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
07.09.2023*

Сведения об авторе

Анна́й Элла́да Кан-ооловна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языка Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл, Россия)

E-mail: eannaj@mail.ru

ORCID 0000-0001-7892-0454

Information about the Author

Ellada K. Annai – Candidate of Philology, Researcher, Tuva Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl, Russian Federation)

E-mail: eannaj@mail.ru

ORCID 0000-0001-7892-0454

УДК 811.511.22
DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-24-40

Периферийные глаголы в значении движения в хакасском языке: семантика и функционирование

М. Д. Чертыкова

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия

Аннотация

На основе структурно-семантического и функционального анализа выявлены и описаны экспрессивные глаголы со значением движения в хакасском языке, находящиеся на периферии лексико-семантической группы глаголов со значением движения. Семантика движения в содержании рассматриваемых глаголов выражается при помощи различных средств, среди которых особо выделяются сочетания глаголов поведения с базовыми глаголами движения *пар-* 'идти, уходить', *кил-* 'приходить', *чөр-* 'ходить', сочетания многозначных глаголов с зависимыми лексемами локативной семантики, оформление звукоподражательных основ аффиксом понудительного залога *-т-*, смена субъекта процесса. Сочетание глагола поведения с вспомогательным глаголом *хал-* 'оставаться' (чаще в прошедшем времени) также дает значение «движение». Все эти функционально-семантические и грамматические свойства данных глаголов способствуют их переходу в разряд экспрессивов, реализующих значение образного движения субъекта. Несмотря на частотность реализации в разговорно-бытовом общении и в художественной литературе, сема 'движение' для данных глаголов в лексикографических источниках не зафиксирована. В зависимости от контекста экспрессивные слова характеризуются семантической изменчивостью, что ведет к неоднозначной интерпретации их семантики.

Ключевые слова

хакасский язык, глаголы, выражающие движение, экспрессивы, структура, семантика, сочетаемость, лексико-семантический вариант, функционирование

Для цитирования

Чертыкова М. Д. Периферийные глаголы в значении движения в хакасском языке: семантика и функционирование // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48). С. 24–40. DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-24-40

Peripheral verbs in the meaning of movement in the Khakass language: semantics and functioning

M. D. Chertykova

*Research Institute of Humanities and Sayano-Altay Turkology
of the Katanov Khakass State University, Abakan, Russian Federation*

Abstract

The article analyses the functionality and semantics of the Khakass expressive verbs being on the periphery of the lexico-semantic group of movement. These verbs are common for native speakers' everyday speech and acquire the

© М. Д. Чертыкова, 2023

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 4 (iss. 48)

meaning of movement when used in a particular context. Their semantics is complex, with emotional, evaluative and figurative elements intersecting and overlapping with each other. The meaning of movement can be acquired in different ways. Firstly, verbs with the meaning of behavior can combine with verbs of movement. Secondly, polysemous verbs can be combined with dependent lexemes of locative semantics. Lastly, onomatopoeic verbs in secondary lexical and semantic versions can be formed by adding the forced voice affix *-t-*. All these functional-semantic and grammatical properties contribute to the transition to the category of expressives denoting the subject's figurative movement. Almost all verbs expressing the subject's movement in their secondary lexical and semantic versions originate from verbs with neutral semantics. The expressiveness in certain word-formation and combinational models is lexically motivated, with a significant focus on imagery. Despite being frequently used, many of these verbs are missing in lexicographical sources, and for those that are listed, no information on their sense of "movement" is provided. The situation is complicated by contextual ambiguity of expressive words. Given that the abundance of expressive vocabulary in everyday conversation indicates a reliable native language proficiency and guarantees the preservation and development of the Khakass language, further lexicographic projects should take into account all the semantic and expressive nuances.

Keywords

Khakass language, verbs of motion, expressives, structure, semantics, compatibility, the lexical and semantic version, functioning

For citation

Chertykova M. D. [Periferiynye glagoly v znachenii dvizheniya v khakasskom yazyke: semantika i funktsionirovanie] Peripheral verbs in the meaning of movement in the Khakass language: semantics and functioning. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 4 (iss. 48), pp. 24–40. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-24-40

*Посвящаю светлой памяти моего Учителя –
профессора Майи Ивановны Черемисиной*

Введение

Понятие «движение» предполагает изменение формы бытия в пространстве. Под данным термином можно понимать «...все происходящие во Вселенной изменения и процессы, начиная с простого перемещения и заканчивая мышлением» [Ярема, 2008, с. 59]. В языковом выражении столь обширного понимания концепта «движение» выделяется отдельная группа лексических единиц с общим значением «физическое перемещение живого объекта», которая чаще вербализуется в глагольной форме. «Обязательными компонентами их семантической структуры является указание на начальную и конечную точки движения, а также трассу, по которой совершается движение / перемещение» [Тюнтешева, Шагдурова, Озорова, Байыр-оол, 2022, с. 246]. Глаголы со значением движения как отдельный класс выделены еще в «Русской грамматике» М. В. Ломоносова [Ломоносов, 1755], а также в «Русской грамматике» А. Х. Востокова [Востоков, 1831]. А. Х. Востоков среди прочих семантических типов глаголов (мысли, речи и др.) выделяет и глаголы движения при рассмотрении падежей и предлогов в русском языке, т. е. по грамматическим признакам [Востоков, 1831, с. 338–343]. В дальнейшем грамматические и семантические особенности глаголов движения обсуждались в учениях А. А. Потемни, В. А. Богородского, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского и мн. др.

Тематической группе глаголов движения посвящено множество работ на материале разноструктурных языков. Специальные работы в виде диссертационных исследований на данную тему стали активно появляться в середине прошлого века [Чешко, 1947; Безруков, 1955; Булатова 1964; и др.]. В тюркских языках глаголы движения впервые получили научное освещение в работах Э. Р. Тенишева [Тенишев, 1961], В. Ф. Вещиловой [Вещилова, 1962], Н. К. Дмитриева [Дмитриев, 1962], К. Халикова [Халиков, 1967]. Исследование глаголов со значением движения продолжается и в настоящее время: с функционально-семантических, синтаксических, грамматических позиций обсуждаются способы выражения направления движения, скорости и характеристики движения [Псянчин, 1990; Барыс-Хоо, 2006; Чугункова, 2002; Тюнтешева, Шагдурова, 2021; и др.]. Во всех этих работах анализу подвергаются в основном стилистически нейтральные глаголы с общим значением движения. На материале сибирских тюркских языков тщательный функционально-

семантический и сравнительный анализ получили глаголы движения и перемещения жидкостей и сыпучих предметов [Тюнтешева, Шагдурова, Озонова, Байыр-оол, 2022].

Однако до сих пор в тюркских языках (в том числе и в хакасском) за пределами исследовательского внимания остается целый класс глаголов с экспрессивной семантикой движения. Они встречаются не только в разговорно-бытовом общении носителей языка, но и в юмористических рассказах и художественных произведениях, где используются в основном в речи персонажей. С теоретической точки зрения семантика этих глаголов сложна и многогранна, в ней содержатся эмоционально-оценочные, образные коннотации (добавочные элементы), которые перекрещиваются и наслаиваются друг на друга. При этом все эти стилистические, эмоциональные, оценочные, ситуативно-прагматические, образно-ассоциативные напластования в содержании слова предстают как структурированное явление. Подобные языковые явления, характеризующиеся набором коммуникативных коннотаций, мы называем экспрессивными, поскольку экспрессивность – широкое понятие, включающее в частности эмотивность и оценочность. Помимо этих дополнительных оттенков, экспрессивам придают красочность и выразительность прагматические, ассоциативные и просодические факторы, выражающиеся в особенностях сферы их использования, а также фоновые и пропозициональные знания носителей языка.

Несмотря на обилие работ по проблематике экспрессивности слов как самостоятельной лингвистической категории в русистике, на которую опираются тюркские исследования, данное научное направление до сих пор остается открытым и до конца не изученным. Весомый вклад в изучение экспрессивности и эмоциональности лексики на материале русского и других разноструктурных языков внесли Н. А. Лукьянова и М. И. Черемисина. Среди множества подходов к изучению данного сложного пласта языковой системы ими были выделены, как наиболее радикальные, семантико-стилистический и функционально-семантический подходы [Черемисина, 1979; Лукьянова, 1986; Лукьянова, Черемисина, 1986]. Среди сибирских тюркских языков на сегодняшний день только якутские экспрессивы становились объектом специального исследования в диссертационном исследовании А. М. Николаевой, где описаны основные лексические средства выражения экспрессивности [Николаева, 2006]. Глаголы с образно-характеризующим значением в тюркских языках Сибири (алтайском, хакасском) и в кыпчакских языках (киргизском, казахском, башкирском) получили сравнительное освещение в работе О. Ю. Шагдуровой и Е. В. Тюнтешевой, где авторы выявили достаточно большое количество их монгольских соответствий [Шагдурова, Тюнтешева, 2021]. В хакасском языке данная тема затрагивалась в работах О. Ю. Шагдуровой [Шагдурова, 2012 а, 2012 б] и М. Д. Чертыковой [Чертыкова, 2021].

Цель нашего исследования – выявление и описание прагматико-семантических и функциональных признаков экспрессивных глаголов, обозначающих процесс движения в хакасском языке.

Материалом для исследования послужили примеры, иллюстрирующие процесс движения экспрессивными глаголами, собранные методом сплошной выборки из произведений хакасских писателей. Всего в нашей картотеке насчитывается около 60 лексических единиц, выражающих понятие «движение» через самые тонкие оттенки чувств, настроений, оценок и отношений. Данную цифру мы не считаем окончательной, поскольку возможности языка как живого организма безграничны и неиссякаемы. Также отметим, что правильное восприятие содержания экспрессивов доступны лишь языковым личностям, достаточно хорошо владеющим тем или иным языком. Полное представление о логико-ассоциативном объеме слов на интуитивном и чувственном уровнях и образные элементы нашего мышления создают совокупную сеть свободного и непринужденного использования безграничных возможностей языка.

В хакасском языке А. Н. Чугунекова рассматривает 150 глаголов движения с точки зрения их семантических и синтаксических связей [Чугунекова, 2002]. Мы же выделяем отдельную периферийную лексико-семантическую группу глаголов движения, в семантике которых содержатся коннотативные элементы, благодаря чему они широко используются в разговорно-бытовой речи, в юмористических рассказах, а также в устах персонажей художественной литературы. Подобные глаголы, как правило, не отражаются в лексикографических источниках. При этом их исследование перспективно, поскольку функционально-семантические возможности таких глаголов ориентированы на актуализацию скрытых языковых возможностей.

Сочетаемость экспрессивных глаголов с глаголами движения

В любом языке глаголы данного типа представляют собой богатую систему, основанную на образно-ассоциативных, субъективно-оценочных и метафорических компонентах, за счет чего сема движения в них уходит на второй план. Чаще эти глаголы выражают манеру и походку передвижения одушевленного субъекта.

Подробное описание состояния изученности подобных глаголов в разноструктурных языках представлено в статье Ф. М. Лельховой «Глаголы образной характеристики движения в хантыйском языке (на материале сынского диалекта)» [Лельхова, 2017]. В классификациях глаголов движения тюркских языков глаголы со значением образной характеристики движения принято выделять в отдельную группу [Васильева, 1980; Иштанова, 2002; Барыс-Хоо, 2006 и др.].

В семантической классификации хакасских глаголов движения А. Н. Чугунекова выделяет раздел «Глаголы, характеризующие движение человека», где отмечены «глаголы, характеризующие движение человека, с пояснением отличительных признаков его внешнего облика (*ахсаңна*- ‘передвигаться, прихрамывая, ковыляя’; *сібіреңне*- ‘идти мелкими шагами’ и т. д.)» и «глаголы, характеризующие передвижение человека по походке, манере двигаться (*олаңна*- ‘идти, качаясь из стороны в сторону’, *чорбаңна*- ‘семенить’)» [Чугунекова, 2002, с. 54–55]. Как правило, эти глаголы образуются путем присоединения к образной основе аффикса *-ңна*, который добавляет в семантику процесса периодичность и учащение действия. Данный показатель является характерным для образных глаголов и в других тюркских языках: О. Ю. Шагдурова и Е. В. Тюнтешева выявили около 30 соответствий образных глаголов в алтайском, хакасском и кыпчакских языках, оканчивающихся на *-ңна* / *-нда* / *-нла* [Шагдурова, Тюнтешева, 2021, с. 245]. Среди глаголов с таким аффиксом в основе мы выделяем:

а) глаголы, выражающие образное движение в первичном лексико-семантическом варианте (далее ЛСВ):

чорбаңна- ‘ходить мелкими шажками, семенить: *Хайдар иде сассалар, андар чорбаңнапчам* [К, 1991, с. 216] ‘В какую сторону толкнут меня, туда и семеню’;

тойтаңна- ‘топать, идти нетвердо (о ребенке); ходить частыми мелкими шаркающими шагами; семенить (о старых людях)’ [ХРС, 2006, с. 641]: «*О, изен, Конаң харындас!*» – *өрін парған ол кізі. Минзер, ырсайып ала, тойтаңнап одыр* [Хт, 1995, с. 39] ‘«О, здравствуй, брат Конан!» – обрадовался тот человек. И, скалясь, семенит в мою сторону (ко мне)’; *Харам апсах ханчыгай ла оортах тойтаңнапча* [Хө, 2014, с. 164] ‘Старик Харам поскорее топает прочь’;

талтаңна- ‘двигаться неуклюже; ходить, неуверенно ступая (то падая, то поднимаясь – чаще о ребенке)’ [ХРС, 2006, с. 584]: *Харам апсах тимір чол вокзалынзар талтаңнаан* [Хө, 2014, с. 153] ‘Старик Харам топал в сторону железнодорожного вокзала’; *Ол, оохтап ала, хайдар-да индире алдыра талтаңни халган* [То, 1977, с. 73] ‘Он, охая, потопал куда-то вниз [по реке]’. А. Н. Чугунекова дает следующее толкование данному глаголу: ‘идти, переваливаясь с боку на бок’ и ‘ходить то падая, то поднимаясь (выражает передвижение ребенка)’ [Чугунекова, 2002, с. 54]. Подобные разночтения в толкованиях возможны, поскольку значения экспрессивной лексики характеризуются неконкретностью и обобщенностью выражаемого понятия, что связано с тем, что «смысловый центр тяжести приходится именно на субъективную оценку, ведь неоценочная номинация соответствующего объекта в языке уже создана. Переакцентировка значимости не может не оказывать влияния на своеобразие денотативного компонента лексического значения экспрессивного слова» [Матвеева, 2013, с. 11]. У таких слов назывная функция не главная, а их специальное предназначение – характеризовать выражаемый процесс с точки зрения субъективно-оценочного восприятия. Обычно такие глаголы получают конкретизацию в контексте. Тем самым, будучи субъективно ориентированными, такие глаголы гораздо более контекстны, чем нейтральные;

б) глаголы, выражающие образное движение во вторичном ЛСВ:

талбаңна- ‘1) колыхаться, сотрясаться, развеиваться; *пүр чирзер, талбаңнап, түсче* лист, развеиваясь, падает на землю; 2) *перен.* идти быстро и неуклюже, размахивая руками...; 3) *перен.* проявлять бурное чувство радости при появлении кого-л. (чаще о ребенке)’ [ХРС, 2006, с. 583]: *Пиреде, тайлыгып, тротуарны сыбыр парыбысчам. Турып, пазох алнынзар талбаңнапчам* [Хө, 2014, с. 140] ‘Иногда, скользя, выметаю [с собой] тротуар. Поднимаюсь, плетусь дальше’;

чайхаңна- ‘1) покачиваться; раскачиваться; *стол чайхаңнапча* стол покачивается; 2) шагать вразвалку; идти покачиваясь; *ирен чайхаңнап парир* мужчина идет, покачиваясь’ [ХРС, 2006, с. 928]: «Хайдаг чаксы хыс полган, таныбас таа кизіні ибінзер апарча», – сағын парча Харам апсах, ол хызычактың соонча **чайхаңнап** [Хө, 2014, с. 154] ‘«Какая хорошая девушка, оказывается, даже незнакомого человека ведет к себе домой», – думает старик Харам, идет, покачиваясь, за той девушкой следом’.

Особенность таких глаголов, выражающих образное движение как в первичном, так и во вторичном ЛСВ, заключается в том, что в форме деепричастия они могут сочетаться с другими глаголами движения, например: *талбаңнап пар-* ‘идти, размахивая руками’, *талтаңнап кил-* ‘подойти неуверенной походкой’, *чорбаңнап чөр-* ‘идти мелкими шажками, семенить’ и т. д.: *Инейек чуртына чорбаңнап ала читкен* ‘Старушка, **семеня, добралась** до своего дома’ [ХРС, 2006, с. 990]; *...іңепаба төрiт салчалар, азырап-сугарчалар, кирек полза, тонандырчалар, а тонандырбаза, улуг өскенче, ыстан чох тойтаңнап чөрчезің* [Хө, 2014, с. 103] ‘...родители производят на свет, кормят-поят, если надо, одевают, а если не одевают, так и до взрослого состояния так и **топаешь** без штанов’. В семантике приведенных глаголов в первую очередь акцентируется образность движения, хотя признак «движение» у них является первичным.

Образное движение субъекта выражается также сочетанием глаголов со значением поведения с нейтральными глаголами движения *чөр-* ‘ходить’, *пар-* ‘ходить’, *кил-* ‘приходить’ и др., за счет взаимодействия содержательных признаков которых передается субъективное обозначение манеры движения и поведения, а также характеристики походки, например, *ырбаңна-* ‘разг., груб. 1) гримасничать; ср. *ырбай-...*; 2) насмехаться, язвить...’ [ХРС, 2006, с. 1044]: *Ікі хыс ырбаңнас парирлар. Ікізінің дее пастарында норка пөрiктер* [Хт, 1995, с. 44] ‘Две девушки **идут кокетливой походкой**. У обеих на головах норковые шапки’.

Встречаются также глаголы поведения, которые, помимо сочетания с глаголом движения, усиливают сему движения за счет сочетания с пространственным распространителем, указывающим на трассу движения: *содаңна-* ‘1) *неодобр.* носить короткую одежду; 2) *перен.* хвастаться, бахвалиться’ [ХРС, 2006, с. 487]: *Пір азағын ах бинттең прай сулған салтыр. Саар азағынаң хайдар-да содаңнап парир* [Хт, 1995, с. 39] ‘Одну ногу замотал бинтом, оказывается. Одной ногой куда-то **завихлял**’.

Иногда в качестве вспомогательного глагола используется глагол *хал-* ‘оставаться’, вносящий в семантику сложного глагола оттенок завершенности действия и геолокации говорящего: субъект ушел окончательно, а говорящий остался, например, *хойбаңна-* ‘1) *прям.* и *перен.* вилять; *сынны чоохта, хойбаңнаба* не виляй, скажи правду; 2) *извиваться* (о змее); 3) *увливать, уклоняться* от чего-л.; *тогыстаң хойбаңнирга* увливать от работы’ [ХРС, 2006, с. 835]: *Ипчим пір-ікі ле тонаныбысхан, тахаларынаң «тош-таш» тохладып, хойбаңни халған ааллап, а мин, тізең, ибде одыр халгам* [Хт, 1995, с. 42] ‘[Моя] жена оделась раз-два, цокая каблуками, **ушла, виляя задом**, а я остался дома’; [Николай] *арага тілiрге хойбаңни халған* [Хт, 1995, с. 49] ‘[Николай] **ушел [кокетливой походкой]** в поисках водки’.

Помимо сочетания глаголов поведения (в форме деепричастия) с основными глаголами движения, семантика движения субъекта формируется также путем их сочетания с именами, указывающими на место, например, *мында* ‘здесь’, *хайдар-да* ‘куда-то’, *алнынзар* ‘вперед’, *конторазар* ‘в контору’ и т. д. Как показывает словарная статья глагола *салбаңна-* ‘1) висеть (свисая); *агаста салбаңнирга* висеть на дереве; 2) *тащиться* по земле, по полу (об одежде); *кискен кибі салбаңнапча* одежда на нем висит [ХРС, 2006, с. 436], субъектом действия является предмет. Однако при сочетании с одушевленным именем, данный глагол приобретает переносное значение: *Анымчохтазып алып, аннаң андар салбаңнап пар сыххан Койкан харындас* [Хт, 1995, с. 41] ‘Попрощавшись, брат Койкан стал **плестись** дальше’; *Хат аларга ба, талбах? Ырбаңнап чөрчезің мында!* [Кча, 2012, с. 244] ‘Что, жениться захотел, ничтожество? **Ходишь кокетничаешь** тут!’.

Отметим, что ввиду того, что в семантике глаголов поведения отсутствует сема движения, без сочетания с глаголами движения и именами, конкретизирующими место локации, они не могут выражать процесс движения.

Иногда понятийный базис движения могут «украшать» два или более экспрессивов: *Ам чиде түсті городсар. Ырах нимес тойтаңназох – базар. Харам апсах көні андар соплатча* [Хө, 2014, с.

161] ‘Добрался сейчас до города. Посеменит немножко, а там базар. Старик Харам идет прямо туда’. В данном предложении имеется два экспрессивных глагола: *тойтаңна-* и *соплат-* ‘1) бежать, ехать рысцой, трусить; *ах ой ат соплат парир* Серко (лошадь) бежит трусцой; 2) *перен.* бегать трусцой (о человеке)’ [ХРС, 2006, с. 495]. У носителей хакасского языка глагол *соплат-* ассоциируется, прежде всего, с лошадью.

Подобные глаголы со значением поведения являются экспрессивными, а сема ‘движение’ им нередко обеспечивает сочетаемость с глаголами движения *пар-* ‘идти, уходить’, *кил-* ‘приходить’, *чөр-* ‘ходить’, например: *салбаңнап пар-* ‘идти, шатаясь’, *салбаңнап кил-* ‘приходить, шатаясь’ и др. Сами же глаголы поведения в функции деепричастия выполняют роль образной характеристики процесса движения. Исключение составляет вспомогательный глагол *хал-* ‘остаться’, который изначально не является глаголом движения.

Сочетаемость нейтральных глаголов с пространственным распространителем

Семантика движения всегда связана с понятием пространства. При глаголах движения эта связь обуславливается наличием пространственного распространителя, указывающего на трассу, начальные и конечные пункты движения. Среди экспрессивных слов нужно выделять многозначные единицы, получившие статус экспрессивных во вторичных переносных лексико-семантических вариантах (ЛСВ). Рассмотрим примеры реализации таких глаголов:

чыс- ‘1) тереть, натирать, вытирать что-л.; 2) *перен. прост.* надавать как следует, проучить как следует, сильно ругать; 3) стащить, украсть, мошенничать. *Ол ахам чыс парыбыстыр* – Он мои деньги спер, оказывается’ [ХРС, 2006, с. 1015–1016]. Как видим, в данном словарном толковании глаголу *чыс-* не приписывается семантика движения, несмотря на его частотность в функции глагола движения в разговорной речи. Однако глагол *чыс-* может формально выступать комплексным выразителем понятия «движение», но, по сути, в контексте реализует различные аксиологические и метафорические образы движения: ‘укатить’, ‘удрать’, ‘отправить’ и т. д.: *Арага най кирек полза, мин пазох чыс пар килем* [Хө, 2014, с. 78] ‘Если сильно нужна будет водка, я снова **смотаюсь**’; *Мин ачых-чарых көңиліг ааллап чыс паризам* [Хч, 2022, 14 дек., с. 8] ‘Я в веселом настроении **шел** в гости’. В приведенных примерах глагол *чыс-* обозначает движение в сочетании с глаголами движения *пар-* ‘идти’, *кил-* ‘приходить’.

Использование данного глагола с аффиксом совершенного вида *-ыбыс-* требует зависимого слова в форме направительного падежа: *аалзар* ‘в деревню’, *городсар* ‘в город’, *тагзар* ‘в сторону горы’, *чазызар* ‘в поле’ и т. д., например: *Харам апсах, пенсия ахчазын алып алып, городсар чызыбысхан* [Хө, 2014, с. 160] ‘Старик Харам, получив пенсию, **укадил** в город (букв.: вытер в город)’; *Ам, ахчазын кассадаң суурып, кизилердең өдіске алып, городсар чызыбысты* [Хө, 2014, с. 130] ‘Сейчас, получив [свои] деньги из кассы, а также у людей взяв деньги в долг, **удрал** в город (букв.: вытер в город)’; *Посхын парган хара хула ат, город аразынча топлат чөрчеткенде, хайдаг-да күр табаннар, аны тудып алып, ит комбинады теен чирзер чызыбыстырлар* [Хө, 2014, с. 121] ‘Отвязавшийся вороной конь топал по улицам города, однако какие-то молодцы, поймав его, **спровадили** в мясокомбинат’.

Глагол *чыс-* при выражении действия, происходящего в определенный отрезок времени, сочетается с зависимым словом с локальным значением в форме продольного падежа: *Ол турадаң ырах таа парбин, пір переулокча чыс паризанымда, пір спортсмен осхас табан удур килир* [Хө, 2014, с. 148] ‘Когда я вышел из того дома и шел по переулку, [смотрю] крупный парень, похожий на спортсмена, идет мне навстречу’. Тем самым пространственная ориентация при всех глаголах движения выражается в форме локативных падежей: направительного, исходного и продольного.

Часто глагол *чыс-* в сочетании с вспомогательными глаголами (*пар-* ‘идти’, *хал-* ‘оставаться’) выражает дополнительные грамматические (временные) и семантические смыслы: *Позы, тізең, айлана тартып, ибінзер чыза халды* [Хө, 2014, с. 117] ‘А сам, повернувшись, **удалился** (букв.: убрался) домой’.

С аффиксом возвратного залога *-ын* и в сочетании с вспомогательным глаголом *чөр-* ‘ходить’ образуется сложная глагольная форма *чызын чөр-* с несколько трансформированным значением движения – ‘болтаться без дела’, например: *Күн тооза мында чызын чөрче* [Жча, 2012, с. 228]

‘Целыми днями тут **болтается без дела**’; *Ам киліскек хатыцах тілепчем. Кафе – рестораннырча чызын чөрчем* [Хө, 2014, с. 172] ‘Сейчас [я] ищу подходящую бабенку. **Болтаюсь** по кафе-ресторанам’.

Глагол *чыс-* как глагол движения характеризуется субъективно-оценочным компонентом, который, несмотря на частотность в разговорно-бытовом общении, как и многие подобные ЛСВ многозначных лексем, не зафиксирован в Хакасско-русском словаре [ХРС, 2006]. Однако О. Ю. Кокошникова в семантике данного глагола впервые выявила признак «движение», включив его в подгруппу глаголов с характеристикой темпа передвижения, передающих интенсивное, стремительное движение [Кокошникова, 2004, с. 55].

сүс- ‘1) бодаться, бодать кого-л., что-л.; 2) поддевать рогами что-л.; *хамах сүзін аларга* удариться лбом обо что-л.; *чир сүзерге* класть земной поклон’ [ХРС, 2006, с. 528]. В лексикографическом описании данного глагола также отсутствует указание на возможность его использования в значении глагола движения. В ХРС дается только первичное значение данного глагола. Обычно он используется в эмоциональных высказываниях типа *иди прочь!* и выражает нежелание говорящего видеть кого-либо, например: *Сүс мыннаң* [Хө, 2014, с. 76] ‘**Иди** отсюда!’. Глагол *сүс-* часто функционирует с аффиксом понудительного залога *-тір – сүстір-* и в сочетании с местоимением *мыннаң* ‘отсюда’, хотя не исключается сочетание и с другими именами, например, *ибдең* ‘из дома’, *минің чуртымнаң* ‘из моего дома’, *огородсар* ‘в огород’ и т. д. Глагол *сүстір-*, в отличие от остальных нейтральных глаголов, приобретает сему ‘движение’ в результате сочетания со словами с локальными значениями ‘туда’ и ‘сюда’.

Признак принуждения к действию уже заложен в семантике основы глагола, поэтому грамматическое значение понудительного залога нейтрализуется, тем самым глаголы *сүс-* и *сүстір-* имеют одинаковый смысл: говорящий принуждает адресата / социативного объекта покинуть настоящее местонахождение: *Пілерім килбинче. Сүстір!* [Кча, 2012, с. 235] ‘И знать не хочу. **Иди прочь!**’; *Ол ла читпеен піске! Сүстірзін мыннаң!* [Кча, 2012, с. 228] ‘Только его не хватало нам. **Пусть уходит прочь отсюда**’ (ср. рус. *сматывается отсюда*). Сочетание с вспомогательным глаголом добавляет в семантику сложного глагола значение исчерпанности, завершенности действия: *сүстір парыбыс-* ‘уйти’, *сүстір кил-* ‘прийти’, *сүстіре хал-* ‘уйти [окончательно]’: *Андагда мыннаң сүстіре хал. Паза кизе айна поларын тохтат. Мал даа полба! Кізі пол!* [К, 1991, с. 204] ‘Если так, **шуруй** отсюда. И прекращай вредить людям (букв.: быть для человека чертом). И не будь животным! Будь человеком!’.

В других повествовательных и описательных контекстах использование говорящим / наблюдателем данного глагола свидетельствует:

а) о его недовольстве процессом движения: *Ниме читпин, мин сүстіргем городсар?* [Хө, 2014, с. 7] ‘Чего мне не хватило, почему я **уехал** в город?’; *«Хайда піди сүстір чөрдің, – хайни түскен Маңнай иней, – өлім соонаң на ызар кизің син»* [Пт, 1959, с. 13] ‘Где ты **шлялся?** – заворчала бабка Маннай. – Ты человек, которого можно послать только за смертью»; *Той итчелер, аннаңар неер сүстірбечең ме* [Хө, 2014, с. 32] ‘Свадьбу проводят, поэтому и **приплелся сюда**’;

б) о нецелесообразности перемещения субъекта: *Оңарылзам, пазох ла ол городча сүстір чөрчем* [Хө, 2014, с. 126] ‘Когда опомнился, опять по этому же городу **брожу**, оказывается’; *Сині хыгырбаанда, нечего ааллап сүстір чөрерге* [Хө, 2014, с. 171] ‘Когда тебя не приглашали, нечего по гостям **шляться**’.

Присоединение к глаголу *сүс-* аффикса возвратного залога *-ін-* показывает, что действие (перемещение) проводится в интересах самого производителя действия: *Сооңча сүзін килтір* [Кча, 2012, с. 233] ‘За тобой **приплелся**, оказывается’; *Полбаан чирзер сүзіне халдым* [Кча, 2012, с. 261] ‘[Я] **смотался** туда, где никогда не был’.

Первичное значение глагола *сүс-* ‘бодать; бодаться’ наиболее ярко проявляется в контексте сложного глагола *сүсклен чөр-* ‘слоняться без дела’ (букв.: бодаться): *Кичее, тогысха парбин, нога мында сүсклен чөргезің?* [Кча, 2012, с. 229] ‘Почему вчера не ходил на работу, а здесь **слонялся** без дела (букв.: ходил бодался)?’.

Интересен факт реализации наиболее частотных многозначных глаголов, использующихся в том числе и как вспомогательные, в роли глаголов движения. Данный статус достигается ими путем

сочетания с лексемами локативной семантики в форме направительного падежа, обозначающими чаще конечный пункт движения / перемещения субъекта, например: *чазызар одырыбыс-* ‘идти / ехать в поле / степь’ (букв.: сесть на поле / степь), *аалзар тут-* ‘идти / ехать в деревню’ (букв.: держать в сторону деревни), *тайгазар сал-* ‘идти / ехать в тайгу’ (букв.: положить в тайгу). Обычно эти нейтральные глагольные единицы конституируют далекие расстояния передвижения субъекта, поэтому могут подразумевать движение на транспорте, лошади.

одыр- ‘сидеть’: во всех своих 12 ЛСВ репрезентирует действия, связанные с «сидением», среди них ни один ЛСВ не указывает на семантику движения [ХРС, 2006, с. 294–295]. Экспрессивность вторичного значения этого глагола обеспечивается исключительно за счет грамматических показателей: аффикса совершенного вида *-ыбыс-* и аффикса прошедшего времени *-хан*: *Мында хыстар абахай теенеринде, хада одырыбысхам. Клубсар килип, үр дее полбаанда, «иреет» читтир пиргеннер* [Чкч, 2007, с. 236] ‘Сказали, что здесь красивые девушки, поэтому [я] **приехал** (букв.: сел) сюда. В клубе [я] пробыл недолго, мне дали выпить спиртное’; *Хайдаң пеер килибістім уссанабастаң. Э-э, миңиң мында Кабрил чеенім чуртапча ноза. Паçamнаң аны чоохтасхабыс, пот изірікте пеер одырыбыстырбын* [Хө, 2014, с. 125] ‘Как же я тут оказался? Э-э, здесь же живет мой племянник Кабрил. Разговоривали о нем со свояком. Вот, когда [я] был пьяный, оказывается **примчался** (букв.: сел, оказывается) сюда’. В следующем предложении конкретизируется средство передвижения *чалаң* – ‘верхом на лошади’: *Ол күн Көгім Хорымнарның комсомолцүтері пазох чалаң одырыбысханнар* [Кх, 1983, с. 47] ‘В этот день комсомольцы Когим Хорыма снова **уехали верхом** на лошадях’. О. Ю. Кокошникова в ходе сравнительного анализа семантической структуры глагола *одыр-* ‘сидеть’ в сибирских тюркских языках отмечает, что значение ‘поехать куда-л.’ имеется только у хакасского глагола [Кокошникова, 2004, с. 115];

тут- ‘держать’: в словарной дефиниции данного многозначного глагола также не отражается сема движения. Его семантическая структура представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных на интегральных семах 18 ЛСВ: 1) держать кого-л.; 2) брать, хватать кого-что-л.; 3) ловить кого-что-л. движущееся; 4) останавливать, задерживать, удерживать; 5) править, управлять, направлять; 6) руководить, управлять кем-л.; 7) держать, владеть, управлять [ХРС, 2006, с. 670–671]. Глагол *тут-* актуализирует целенаправленность движения: *Че амды, хаçан пабазы пір кізінең андар одыңа парыбысханнарында, Пычоннаң Хапың андарох тудыбысханнар* [Ыа, 1975, с. 117] ‘Когда с [его] спутником уехали туда за дровами, Хапын и Пычон **направились** туда же (букв.: стали держать туда же)’;

сал- ‘ставить, положить’ обозначает в основном признаки физического действия, ассоциативно связанные с первоначальным значением, а также в сочетании с именами образует сложные глаголы: *нымах саларга* рассказывать сказку; употребляется для образования глаголов совершенного вида: *ал сал-* ‘купить, жениться’ [ХРС, 2006, с. 435–436]. Если словарная дефиниция данного глагола показывает всего 8 ЛСВ, то О. Ю. Кокошникова выделяет 13 его ЛСВ. Кроме того, глагол *сал-* со значением ‘очень быстро передвигаться, идти’ отнесен автором в разряд омонимов [Кокошникова, 2004, с. 91]. На наш взгляд, в качестве глагола движения, глагол *сал-* ‘ставить, положить’, как и глагол *тут-* ‘держать’, выражает движение вперед. Именно первичное значение физического действия этих глаголов послужило, видимо, мотиваторами целенаправленного движения: *Орай полганча алнынзарох сал сыххабыс* [То, 1977, с. 70] ‘Пока не стемнело, мы **двигаемся** все **вперед** (букв.: стали ставить только вперед)’; *Анда тыннарбыс. Пазох ла, өстеziп ала, тагзарох салдыр парчабыс* [То, 1977, с. 77] ‘Там отдохнем. Опять со стонами **направляемся к горе** (букв.: ставим к горе / в сторону горы)’;

сап- ‘1) бить, ударять, хлестать, стучать; 2) *в разн. знач.* бить; 3) вбивать, забивать; 4) косить, жать; 5) биться (о сердце, пульсе); 6) махать, взмахивать чем-л.; 7) дуть, веять [ХРС, 2006, с. 421]. семантика движения у данного глагола формируется путем присоединения:

а) аффикса принудительного залога *-тыр-* – *саптыр*, например: *саптыр кил-* ‘прийти’, *саптыр пар-* ‘пойти’, *саптыр чөр-* ‘ходить’. Например: *Хара шкера кизип, тастына ыстан кизибісчезің, анаң саптыр чөрчезің аал аразынча* [Хт, 1995, с. 41] ‘Надеваешь черные шкеры, сверху еще штаны и так и **шлаешься** по деревне’; «...машина сатчам, – күлiнче Адайкоң. – А син нимее мында **саптыр**

чөрчезиң?» [Хө, 2014, с. 131] «...машину продаю, – улыбается Адайкон. – А ты по какому поводу тут шляешься?»»;

б) деепричастного аффикса *-а* в сочетаниях с определенными вспомогательными глаголами, например, *саптыра хал-* ‘уйти’: *Ктара, нойма, хучахтап-охсанып, саптыра халган, че апсахтың сагызы саңай сайбал чөрибіскен* [Хө, 2014, с. 144] ‘Ктаре-то что, обняла-поцеловала и **смылась**, а у старика все мысли сдвинулись с места’; *Пір орында ирiстіг польбысса, пасха чирзер саптыра халчам* [Хч, 18 янв. 2023, с. 9] ‘Если становится скучно на одном месте, то **мотаюсь в другое место**’; *Паза пір саринаң чочынчам. Ізібіссем, пазох пірее чирзер саптыра халбим* [Хө, 2014, с. 127] ‘С одной стороны побаиваюсь. Когда выпью, как бы опять не **смотаться куда-нибудь**’.

При помощи аффикса страдательного залога *-ыл-* от глагола *сап-* образуется глагол *сабыл-*, который в сочетании с определенными вспомогательными глаголами также дает значение движения субъекта, например: *сабыл пар кил-* ‘смотаться туда и сюда’, *сабыл парир-* ‘идти, тащиться’, *сабылып одыр-* ‘идет’, *сабыл чөр-* ‘слоняться без дела, шляться’: *Амды, тіпчелер, больница хыринда сабыл чөрче* [Кча, 2012, с. 240] ‘Сейчас, говорят, **шляется** возле больницы’.

В лексикографических описаниях для данного глагола и его понудительной формы *саптыр-* ‘1) получить удар; 2) страд. от *сап-* (во 2, 7 знач.)’ [ХРС, 2006, с. 446] отсутствуют ЛСВ, связанные с понятием движения.

Оформление звукоподражательной основы аффиксом понудительного залога

Далее рассмотрим многозначные глаголы с переносным значением движения, основанном на мотивации, т. е. с частичным сохранением своего семного состава. «Мотив переноса значения с экспрессивной целью следует искать не в сущностном сходстве предметно-логического типа, а в осложненно-ассоциативных связях явлений» [Матвеева, 2013, с. 76].

Известно, что звукоподражательные основы легко поддаются метафоризации и, как одни из самых продуктивных в словообразовательном отношении пластов лексической системы, часто используются как материальная основа для выражения различных процессов. В нашем случае роль глаголов движения также могут выполнять звукоподражательные глаголы, оформленные показателем понудительного залога *-т-*. У таких глаголов актуальны качественные характеристики звучания, а также другие признаки, указывающие на процесс передвижения субъекта. «В развитии образного значения от звукоподражательного наиболее характерным и существенным является замещение одних представлений другими по ассоциативной смежности. Поэтому наиболее типичным является переход от звукоподражания к представлениям о движении» [Кокошникова, 2004, с. 56]. Тем самым, имитируя звуковой строй языка, влияющий на человеческий слух, в содержании этих глаголов доминируют, прежде всего, семы ‘скорость движения’ и ‘шум, который производится при движении’. Примеры:

сыылат- понуд. от *сыылирга* ‘заставить шипеть, жужжать’; *сыылатпасха* ‘не давать возможности шипеть (змеям); жужжать (насекомым); гудеть (об аппаратуре)’; *ух сыыладарга* ‘издавать свист (о пулях)’ [ХРС, 2006, с. 563]: *Ахчаң сыгар, чарымга сыылат пар кил* [Хө, 2014, с. 119] ‘Вытаскивай [свой] деньги, **слетай** за пол-литром [водки]’; *...аар-пеер кўлетирге хыгырзалар, пір дее тогыр полбинчам. Ол чирзер өрчiлiг сыылатчам* [Хч, 2022, 14 дек., с. 8] ‘...если позовут куда-нибудь в гости, вообще не отказываюсь. **Мчусь** туда с радостью’;

хыылат- ‘мчаться, бежать изо всех сил’; *хозан харах-хулах чох хыылат пари* ‘заяц бежит сломя голову’ [ХРС, 2006, с. 908]: *Анаң паза иссең, хайдар-да чир көрерге хыылада халган полча* [Хө, 2014, с. 75] ‘После только узнаешь, что он **умчался** куда-то путешествовать’;

кўўлет- 1) понуд. от *кўўлирге*; *машина кўўледерге* ‘завести машину’; 2) *перен. разг.* ‘вести машину на большой скорости’; *асфальт чолча кўўлетчем* ‘по асфальтовой дороге еду на большой скорости (быстро)’ [ХРС, 2006, с. 221]: *Ибімзер, ух ла чили, кўўлеткем* [Хө, 141] ‘**Мчался** [я] домой, как пуля’.

В некоторых предложениях указывается способ / средство передвижения субъекта: *Ам, кил, машина одырып, ыр-көгнең сыылатчалар. Ирпейінің иді хылчыгастанча* [Хө, 2014, с. 132] ‘Теперь сели они в машину и **мчатся** с песнями. Ирпею аж щекотно внутри’; *Оралдай одырага ла маңнанган, машина ўкўс салган. Ам хандыра ла хыылат парирлар* [Хч, 3 февр. 2023, с. 7] ‘Оралдай только успел сесть в машину, как она соскочила с места. А теперь они **мчатся** очень быстро’. В этих

предложениях субъект и средство движения (машины) воспринимаются как единое целое. При этом в содержании глагола нейтрализуется значение каузатива / принуждения к действию. Средство передвижения может имплицитно указывать на позицию субъекта действия: *Хыринча аймах машиналар сыылада халчалар* [Хө, 2014, с. 132] 'Возле него с шумом **носятся** машины'. Однако, если речь идет о движении только машин, то эти глаголы употребляются без показателя понудительного залога, также актуализируют признаки «скорость» и «шум»: *Одыргандох, машина Сырзар алдыра хыыли түсті* [Ит, 1986, с. 178] 'Как только сел, машина **помчалась** в сторону Сыра'; «Хосханах, хайдаг-да «Сапорожец» алныбысха кірче», – ачырган парды Ирепий. Ам газ хосты. «Шигулизи» **сыыли түсті**, алнынзар үкүс салды [Хө, 2014, с. 132] «Хосханах (межд. со значением удивления), какой-то «Сапорожец» обгоняет нас», – возмутился Ирепий. Добавил газу. Его «Шигули» со свистом **помчались** вперед'.

Как видим, названные звукоподражательные глаголы во вторичных ЛСВ выражают движение с ярко выраженным акустическим компонентом, они не утратили первоначальную мотивированность слова. К ним же мы относим еще два глагола, мотивированных от звуков природных явлений:

тычырат- понуд. от *тычырарга* 'вызывать треск, потрескивание, хруст' [ХРС, 2006, с. 709]. Семантика вторичного ЛСВ данного глагола, как глагола со значением движения, включает такие семы, как 'постукивая', 'быстро', 'ногами': *Кізілер троллейбусха одыр сыхханнарында, пір симіс хазахтың пөрігін суура тартып, тычырада халгам* [Хт, 1995, с. 44] 'Когда люди садились в троллейбус, выхватив шапку у одного толстого русского, [я] **драпанул** прочь';

тызырат- 'то же, что и *тычырат-*' [ХРС, 2006, с. 700]. Данный фонетический вариант не менее употребителен: «Арминек! Арминек! Хайдар! Мин мындабын! Пеер!» – **нанчымның соонча тызыратчам** [То, 1977, с. 66] '«Арминек! Арминек! Я здесь! Сюда!» – [я] **мчусь** следом за [моим] другом';

нызырат- понуд. от *нызырарга* 1) вызывать, производить гром, грохот; *мылтых нызырадарга* разг. бабахнуть (из ружья); 2) стучать; *азахнаң пол нызырадарга* стучать ногами по полу; 3) вызывать шум; *нызырада халарга* ударить, пуститься наутек [ХРС, 2006, с. 285–286]: *Пістің страна коммунизмдер нызырат ла парчатхан* [Хө, 2014, с. 166] 'Наша страна **мчалась** в сторону коммунизма';

тырла- '1) жужжать (о насекомых); 2) гудеть (о машине); *тырлап килерге* а) идти сюда, жужжа; б) двигаться сюда, гудя; *тырлап парарга* идти (отсюда) с жужжанием [ХРС, 2006, с. 706]. При присоединении к данному глаголу аффикса понудительного залога *-т-* (*тырлат-*) формируется переносное значение 'с шумом] выкинуть, выгнать': *Өзіп алсам, аны ибібістең сыгара тырладыбызам, үзөлең не чуртирбыс: мин, пабам паза Порчо* [АХ, 1982, с. 127] 'Когда я вырасту, я **выкину** его из нашего дома, будем жить только троим: я, папа и Порчо'.

Глагол со значением движения *тырландыр-* образован от указанной звукоподражательной глагольной основы *тырла-* при помощи аффикса возвратного залога *-н-* и аффикса понудительного залога *-дыр*. Как и многие другие экспрессивные лексемы, он отсутствует в хакасских лексикографических источниках, несмотря на свою частотность в разговорно-бытовой речи: *Итсе-де, мин ол күскелерні турамада сизинмеем дее. Пір кічицек күскечек ле пірееде тырландыр чөре халчаң* [Хч, 15 февраль, 2023, с. 15] 'Вообще-то я не видел этих мышей в своем доме. Только одна маленькая мышка **носила** иногда по дому'; *Оларның соонча парчам, анаң, кізілер чөрбинчеткен чирге читкенде, ікізінің дее пөриин хаап, анаң, кил, тырландыр сыххам* [Хт, 1995, с. 44] 'Иду за ними, а когда дошли до темного переулка, я выхватил шапки у обоих и **сиганул** отуда'.

Как показывает наш материал, звукоподражательные глаголы, во вторичных ЛСВ выражающие процесс движения, имеют свой уникальный звуковой облик, они образованы, как правило, при помощи аффикса понудительного залога *-т-*, за исключением глагола *тырландыр-*.

Дифференциальная сема 'шум' в номинативной семантике рассмотренных выше звукоподражательных глаголов усиливается в их переносном экспрессивном значении. А параметрически оценочный характер производного экспрессивного глагола порождает дополнительные семы 'быстро', 'быстро перебирая ногами' и т. д., что означает восприятие звуковой стороны процесса как динамической.

Также экспрессивность вторичного значения многозначного глагола может быть сформирована при смене субъекта, например:

іділ- возвр.-страд. от *ідерге* 1) толкаться, отталкиваться; *хаңаа іділбинче* телега не сдвигается с места; 2) двигаться (большой массой); *пуг іділче* лед трогается; *хойыг хара пулут іділіп одыр* движется черная густая туча; 3) *перен. разг.* то же, что и *чалчы-* [ХРС, 2006, с. 140]. Значение движения не отражается в семантической структуре данного глагола. Однако при экспликации позиции субъекта наименованием человека, он переходит в разряд глаголов движения: *Чахсы сагааргалахтаңар, азахтары пик наспааннар. Ол оорли ла алнынзар іділген* [Хч, 18 янв. 2023, с. 9] ‘Из-за того, что еще до конца не протрезвел, он не мог ходить нормально. Он как попало двигался вперед’.

Рассматриваемый глагол также может принимать аффикс взаимно-совместного залога *-іс-* – *іділіс-* ‘двигаться [вперед] всем вместе’ в случае, если позицию субъекта движения занимает одушевленное имя, выражающее группу людей: *Кизекти чыылыс парган улус, иңнілерінде мылтыхтыг кизілерні көр салып, чыымни іділізе түскеннер* [Кх, 1983, с. 37] ‘Толпа людей, увидев всадников с оружием за плечами, **скупковалась** в одно место’; *Ах киптиг чон табыс сыххан чирзер іділізе түстілер* [Чт, 1972, с. 11] ‘Люди в белом **двинулись** в то место, откуда слышались голоса’.

Следует отметить, что в сочетании с вспомогательным глаголом *чөр-* ‘ходить’ глаголы со значением движения во вторичных ЛСВ приобретают значение ‘слоняться без дела, шляться’, например: *сабыл чөр-, саптыр чөр-, іділ чөр-* и др.: *Хандыразың, ир табан! Хайдаг айнаа іділ чөрчезің иди үр?* [Кча, 2012, с. 223] ‘Ну и молодец же ты! Какого черта ты **слоняешься** тут’; *Мында іділ чөргенче, парып кизи хойларын үүчіктең сыгарыбызарчыхсың* [Кча, 2012, с. 207] ‘Чем тут **шляться**, лучше бы выпустил с огорода соседских овец’.

Также средством создания экспрессивности глаголов со значением движения может послужить и грамматический фактор – суффиксальное оформление. Нейтральный глагол при присоединении залоговых аффиксов может иметь разные денотативные значения, меняется его сочетаемостный потенциал. Вследствие образных представлений глагол может приобретать экспрессивную насыщенность, например:

тибін- саг. ‘лягаться’; см. *тебін-* [ХРС, 2006, с. 613] образован при помощи аффикса возвратного залога от основы *тип-* саг. ‘пинать’; см. *теп-*; *азахнаң тиберге* ‘пинать ногой’ [ХРС, 2006, с. 613]: «У-у, *ястри, сірерні дее*», – *тін түкүрп, Марлоң табырагыңча тибінген аннаң* [Хө, 2014, с. 128] ‘«Ук, *ястри*¹, черт вас побрал», – плюнув, Марлон поскорее **зашагал** оттуда’; *Ипчимни ибде артызып, от хазаазынаң узун саптыг азыр чүктеніп, конторазар тибінчем* [Хө, 2014, с. 94] ‘Оставив жену дома, из сеновала взяв вилы с длинной ручкой, [я] **направился** в сторону конторы’.

Почти все глаголы, выражающие процесс движения субъекта в своих вторичных ЛСВ, созданы на базе глаголов с нейтральной семантикой. За счет лексической мотивации в определенных словообразовательных и сочетаемостных моделях обуславливается экспрессивный эффект, важнейшим признаком которого является образность. Как отмечает В. К. Харченко: «Образность – способ лингвистического обеспечения экспрессивности – помогает воспринимающему слово представить обозначаемое этим словом явление на базе других явлений, т. е. в более широком контексте действительности» [Харченко, 1976, с. 68].

Заключение

Таким образом, мы рассмотрели функционально-семантические свойства глаголов, находящихся на периферии лексико-семантической группы глаголов со значением движения. Статус глаголов движения они приобретают следующими способами:

– путем сочетания глаголов поведения с глаголами движения *пар-* ‘идти, уходить’, *кил-* ‘приходить’, *чөр-* ‘ходить’. Особенность глаголов, выражающих образное движение как в первичном, так и во вторичном ЛСВ, заключается в том, что в форме деепричастия они могут сочетаться с другими глаголами движения и характеризовать процесс движения субъекта. Однако для глаголов, выражающих образное движение в первичном ЛСВ, такая связь необязательна. Сема движения в семан-

¹ *Ястри* – ругательство, выражающее сожаление.

тике этих глаголов усиливается также путем их сочетания с зависимыми именами с локальным значением и, соответственно, обуславливается целым рядом падежных форм;

– в результате сочетания многозначных глаголов с зависимыми лексемами локативной семантики. Грамматические признаки (например, аффикс совершенного вида *-ыбыс-*, залоговые и временные аффиксы), а также смена субъекта способствуют появлению экспрессивности в содержании этих глаголов;

– звукоподражательные глаголы во вторичных ЛСВ, оформленные аффиксом понудительного залога *-т-*, выражают процесс движения в быстром темпе. Исключение составляет глагол *тырландыр-*, выражающий движение (бег) в первичном ЛСВ. Дифференциальная сема ‘шум’ в номинативной семантике данных глаголов усиливается в их переносном экспрессивном значении. Параметрически оценочный характер производного экспрессивного глагола порождает дополнительные семы ‘быстро’, ‘быстро перебирая ногами’ и т. д., что означает восприятие звуковой стороны процесса движения как динамической.

В переносных значениях рассмотренных глаголов акцентируется образность движения, что приводит их в категорию экспрессивов. В их содержании присутствует коннотативный компонент, придающий им особую эмоциональную, оценочную и стилистическую окраску.

Специфической особенностью рассмотренных глаголов является то, что в лексикографических источниках семантика движения в их толкованиях не отражена, несмотря на частотность ее реализации в разговорно-бытовом общении и в художественной литературе. Многие из них не зафиксированы вовсе. Картина осложняется тем, что для экспрессивных слов в зависимости от контекста характерна семантическая изменчивость, что ведет к неоднозначной интерпретации их семантики.

Будучи одной из самых сложных в теоретическом плане пластов лексики, экспрессивы выполняют важную роль в функционировании языка, поскольку обладают ментально-ассоциативными, образными, чувственно-эмоциональными элементами, которые доступны для понимания только лицам, владеющим языком в достаточной мере. Мы считаем, что обильность использования экспрессивной лексики в разговорно-бытовом общении есть показатель достаточно надежного владения носителями родным языком и гарантия сохранения и развития хакасского языка.

Список литературы

Барыс-Хоо В. С. Лексико-семантическая группа глаголов движения в тувинском языке (в сопоставительном аспекте): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 23 с.

Безруков А. Г. Управление глаголов движения в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1955. 11 с.

Булатова Р. В. Глаголы движения в сербскохорватском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964. 24 с.

Васильева Т. Н. Глаголы движения в современном чувашском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 1980. 213 с.

Вецилова В. Ф. Глаголы движения в турецком языке // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 4. Лексика. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 101–115.

Востоков А. Х. Русская грамматика. СПб: Типография И. Глазунова, 1831. 449 с.

Дмитриев Н. К. Глаголы движения // Строй тюркских языков. М., 1962. С. 590–598.

Иштанова Р. К. Глаголы татарского языка в семантическом аспекте: Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2002. 284 с.

Кокошников О. Ю. Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири. Новосибирск: ИД «Сова», 2004. 144 с.

Лельхова Ф. М. Глаголы образной характеристики движения в хантыйском языке (на материале сынского диалекта) // Финно-угорский мир. 2017. № 1. С. 6–16.

Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1755. 210 с.

Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск: Наука, 1986. 230 с.

Лукьянова Н. А., Черемисина М. И. Образность как характеристика значения слова // Синтаксическая и лексическая семантика (на материале языков разных систем). Новосибирск: Наука, 1986. С. 265–268.

Матвеева Т. В. Экспрессивность русского слова. LAP LAMBERT Academic Publishing. 2013. 173 с. [<http://hdl.handle.net/10995/28651> (дата обращения: 12. 05.2023)].

Николаева А. М. Средства выражения экспрессивности в якутском литературном языке (лексико-семантический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2006. 32 с.

Псянчин Ю. В. Лексико-семантическое поле глаголов движения в современном башкирском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 25 с.

Тенишев Э. Р. Глаголы движения в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 232–294.

Тюнтешева Е. В., Шагдурова О. Ю. Развитие семантики глаголов векторной характеристики движения в тюркских языках Сибири (в сравнении с другими тюркскими языками) // Северо-Восточный гуманитарный вестник, 2021, № 1 (34). С. 66–77.

Тюнтешева Е. В., Шагдурова О. Ю., Озонова А. А., Байыр-оол А. В. Глаголы движения и перемещения жидкостей и сыпучих предметов в тюркских языках Южной Сибири в ареальном освещении // Тюркские ареалы Сибири. Новосибирск: Академиздат, 2022. С. 245–306.

ХРС – Хакасско-русский словарь. Под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Халиков К. Глаголы движения в узбекском языке: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Самарканд, 1967. 30 с.

Харченко В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. 1976. № 3. С. 66–71.

Черемисина М. И. Экспрессивный фонд и пути его изучения // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. VIII. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1979. С. 3–11.

Чертыкова М. Д. Синонимические пересечения многозначных глаголов в хакасском языке // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 5–1 (56). С. 119–121.

Чешко Е. В. Словообразование глаголов движения в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1947. 210 с.

Чугунекова А. Н. Глаголы движения в хакасском языке: Учебное пособие. Абакан: Изд-во Хакасск. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2002. 100 с.

Шагдурова О. Ю. Образно-характеризующие значения многозначных глаголов в хакасском языке в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 11, № 9: Филология. 2012 а. С. 110–114.

Шагдурова О. Ю. Семантическая диффузность экспрессивных глаголов в хакасском языке // Наследие Н. Ф. Катанова: языки, история и культура тюркских народов России (к 150-летию со дня рождения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Абакан: Изд-во Хакасск. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2012 б. С. 75–77.

Шагдурова О. Ю., Тюнтешева Е. В. Лексико-семантические соответствия с образно-характеризующим значением в хакасском и алтайском языках (в сравнении с кыпчакскими языками) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 241–251.

Ярема Е. В. Глаголы движения и способы их функционирования в разносистемных языках // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2008. № 3. С. 59–61.

References

Barys-Khoo V. S. *Leksiko-semanticheskaya gruppa glagolov dvizheniya v tuvinskom yazyke (v sopostavitel'nom aspekte)* [Lexico-semantic group of verbs of movement in the Tuvan language (in a comparative aspect)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2006, 23 p. (In Russ.).

- Bezrukov A. G. *Upravlenie glagolov dvizheniya v sovremennom nemetskom yazyke* [Management of verbs of movement in the modern German language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Leningrad, 1955, 11 p. (In Russ.).
- Bulatova R. V. *Glagoly dvizheniya v serbskokhorvatskom yazyke* [Verbs of movement in the Serbo-Croatian language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1964, 24 p. (In Russ.).
- Dmitriev N. K. Glagoly dvizheniya [Verbs of movement]. In: *Stroy tyurkskikh yazykov* [The structure of the Turkic languages]. Moscow, 1962, pp. 590–598. (In Russ.).
- Cheremisina M. I. Ekspressivnyy fond i puti ego izucheniya [Expressive fund and ways of its study]. In: *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya* [Actual problems of lexicology and word formation]. Novosibirsk, NSU, 1979, iss. VIII, pp. 3–11. (In Russ.).
- Chertykova M. D. Sinonimicheskie peresecheniya mnogoznachnykh glagolov v khakasskom yazyke [Synonymous intersections of polysemous verbs in the Khakass language]. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021, no. 5–1 (56), pp. 119–121. (In Russ.).
- Cheshko E. V. *Slovoobrazovanie glagolov dvizheniya v sovremennom russkom yazyke* [Word formation of verbs of movement in modern Russian]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1947, 210 p. (In Russ.).
- Chugunekova A. N. *Glagoly dvizheniya v khakasskom yazyke: Uchebnoe posobie* [Verbs of movement in the Khakass language: A textbook]. Abakan, KhSU, 2002, 100 p. (In Russ.).
- Ishtanova R. K. Glagoly tatarskogo yazyka v semanticheskom aspekte [Verbs of the Tatar language in the semantic aspect]. Cand. philol. sci. diss. Kazan, 2002, 284 p. (In Russ.).
- Khakassko-russkiy slovar'* [Khakass-Khakass-Russian dictionary]. O. V. Subrakova (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p. (In Russ.).
- Khalikov K. Glagoly dvizheniya v uzbekskom yazyke [Verbs of movement in the Uzbek language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Samarkand, 1967, 30 p. (In Russ.).
- Kharchenko V. K. Razgranichenie otsenochnosti, obraznosti, ekspressii i emotsional'nosti v semantike slova [Differentiation of evaluativeness, imagery, expression and emotionality in the semantics of a word]. *Russian language at school*. 1976, no. 3, pp. 66–71. (In Russ.).
- Kokoshnikova O. Y. *Semanticheskaya struktura mnogoznachnogo glagola v khakasskom yazyke v sopostavlenii s tyurkskimi yazykami Yuzhnoy Sibiri* [Semantic structure of a polysemous verb in the Khakass language in comparison with the Turkic languages of Southern Siberia]. Novosibirsk, Sova, 2004, 144 p. (In Russ.).
- Lelkhova F. M. Glagoly obraznoy kharakteristiki dvizheniya v khantyyskom yazyke (na materiale synskogo dialekta) [Verbs of figurative characteristics of movement in the Khanty language (based on the material of the Sun dialect)]. *Finno-Ugric world*. 2017, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.).
- Lomonosov M. V. *Rossiyskaya grammatika* [Russian grammar]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoy akademii nauk, 1755, 210 p. (In Russ.).
- Lukyanova N. A. *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya (problemy semantiki)* [Expressive vocabulary of colloquial usage (problems of semantics)]. Novosibirsk, Nauka, 1986, 230 p. (In Russ.).
- Lukyanova N. A., Cheremisina M. I. Obraznost' kak kharakteristika znacheniya slova [Imagery as a characteristic of the meaning of a word]. In: *Sintaksicheskaya i leksicheskaya semantika (na materiale yazykov raznykh sistem)* [Syntactic and lexical semantics (based on the material of languages of different systems)]. Novosibirsk, Nauka, 1986, pp. 265–268. (In Russ.).
- Matveeva T. V. *Ekspressivnost' russkogo slova* [Expressiveness of the Russian word]. LAP LAMBERT Academic Publishing. 2013, 173 p. [<http://hdl.handle.net/10995/28651>]. (accessed 12.05.2023). (In Russ.).
- Nikolaeva A. M. *Sredstva vyrazheniya ekspressivnosti v yakutskom literaturnom yazyke* [Means of expressing expressivity in the Yakut literary language (lexico-semantic aspect)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Yakutsk, 2006, 32 p. (In Russ.).
- Psyanchin Yu. V. *Lekiko-semanticheskoe pole glagolov dvizheniya v sovremennom bashkirskom yazyke* [The lexical and semantic field of verbs of movement in the modern Bashkir language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1990, 25 p. (In Russ.).
- Tenishev E. R. Glagoly dvizheniya v tyurkskikh yazykakh [Verbs of movement in Turkic languages]. In: *Istoricheskoe razvitie leksiki tyurkskikh yazykov* [Historical development of the vocabulary of Turkic languages]. Moscow, AN SSSR, 1961, pp. 232–294. (In Russ.).

Tyuntseva E. V., Shagdurova O. Yu. Razvitie semantiki glagolov vektornoy kharakteristiki dvizheniya v tyurkskikh yazykakh Sibiri (v sravnenii s drugimi tyurkskimi yazykami) [The development of the semantics of verbs of vector characteristics of movement in the Turkic languages of Siberia (in comparison with other Turkic languages)]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*. 2021, no. 1 (34), pp. 66–77. (In Russ.).

Tyuntseva E. V., Shagdurova O. Y., Ozonova A. A., Bayyr-ool A. V. Glagoly dvizheniya i peremeshcheniya zhidkostey i sypuchikh predmetov v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri v areal'nom osveshchenii [Verbs of movement and movement of liquids and bulk objects in the Turkic languages of Southern Siberia in areal illumination]. In: *Tyurkskie arealy Sibiri* [Turkic areas of Siberia]. Novosibirsk, Akademizdat, 2022, pp. 245–306. (In Russ.).

Shagdurova O. Y. Obrazno-kharakterizuyushchie znacheniya mnogoznachnykh glagolov v khakasskom yazyke v sopostavlenii s tyurkskimi yazykami Yuzhnoy Sibiri [Figurative-characterizing meanings of polysemous verbs in the Khakass language in comparison with the Turkic languages of Southern Siberia]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2012 a, vol. 11, no. 9: Filologiya [Philology], pp. 110–114. (In Russ.).

Shagdurova O. Yu. Semanticheskaya diffuznost' ekspressivnykh glagolov v khakasskom yazyke [Semantic diffuseness of expressive verbs in the Khakass language]. In: *Nasledie N. F. Katanova: yazyki, istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Rossii (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya): Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Heritage of N. F. Katanov: Languages, History and Culture of the Turkic peoples of Russia (to the 150th anniversary of his birth): Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation]. Abakan, KhSU, 2012 b, pp. 75–77. (In Russ.).

Shagdurova O. Yu., Tyuntseva E. V. Leksiko-semanticheskie sootvetstviya s obrazno-kharakterizuyushchim znacheniem v khakasskom i altayskom yazykakh (v sravnenii s kypchakskimi yazykami) [Lexical and semantic correspondences with figurative and characterizing meaning in the Khakass and Altai languages (in comparison with the Kipchak languages)]. *Siberian Journal of Philology*. 2021, no. 4, pp. 241–251. (In Russ.).

Vasil'eva T. N. *Glagoly dvizheniya v sovremennom chuvashskom yazyke* [Verbs of movement in the modern Chuvash language]. Cand. philol. sci. diss. Cheboksary, 1980, 213 p. (In Russ.).

Veshchilova V. F. Glagoly dvizheniya v turetskom yazyke [Verbs of movement in the Turkish language]. In: *Issledovaniya po sravnitel'noy grammatike tyurkskikh yazykov* [Studies on the comparative grammar of the Turkic languages]. Moscow, AN SSSR, 1962, pt. 4. Leksika [Vocabulary], pp. 101–115. (In Russ.).

Vostokov A. Kh. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. St. Petersburg, Tip. I. Glazunova, 1831, 449 p. (In Russ.).

Yarema E. V. Glagoly dvizheniya i sposoby ih funkcionirovaniya v raznosistemnykh yazykakh [Verbs of motion and ways of their functioning in different system languages]. *The Bulletin of the Adyge State University, the series "Philology and the Arts."* 2008, no. 3, pp. 59–61. (In Russ.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

АХ – *Топанов А.М.* Алаахтыртхан Хорхло // Хызыл чазы. Абакан: Хызылчар книга издательствозының Хакасиядагы пöлігі. 1982. С. 105-169.

Ит – *Татарова В. К., Топоев И. П., Чапрай А. И. (Котожеков) и др.* Иртенгі тан (Утренний ветерок). Повесть и рассказы на хакас. языке. Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. книжн. изд-ва. 1986. 184 с.

К – *Митхас Туран.* Камат: пьесалар. Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. книжн. изд-ва. 1991. С. 176–218.

Кх – *Нербышев К.* Көгім хорымнарды. Роман. Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. книжн. изд-ва. 1983. 207 с.

Кча – *Топоев Ю.* Көңнім чайғам айабин... Любовь дарил, не жалея. Пьесы, рассказы, стихи, очерки. На хакасском языке. Абакан: Хакас. книжн. изд-ва. 2012. 400 с.

Пт – *Чарков С.* Пастағы таныстарым. Чоохтар. Абакан: Хакасиядагы книга издательствозы. 1959. 82 с.

То – *Бурнаков Ф.* Тигір оды. Повесть. Абакан: Хызылчар книга издательствозының Хакасиядағы пөлігі. 1977. 138 с.

Хө – *Топоев И.* Хоңалтых өдік – 2. Хормачы чоохтар. Сборник юмористических рассказов на хакасском языке. Абакан: Дом литераторов Хакасии. 2014. 188 с.

Хт – *Топоев И.* Той // Хан тигір. Хоос литература альманағы. Ағбан: Хакас книга издательствозы. 1995. С. 39–341.

Хч – *Хакас чирі.* Хакас Республиканың газетазы. 14 декабрь 2022. С. 8.

Хч – *Хакас чирі.* Хакас Республиканың газетазы. 18 январь 2023. С. 9.

Хч – *Хакас чирі.* Хакас Республиканың газетазы. 3 февраль 2023. С. 7.

Хч – *Хакас чирі.* Хакас Республиканың газетазы. 15 февраль 2023. С. 15.

Чт – *Бурнаков Ф.* Читон тайма. Абакан: Хызылчар книга издательствозының Хакасиядағы пөлігі. 1972. 52 с.

Чкч – *Чарых күнниг чирім.* Солнечный мой край. Сб. художеств. произв. хакас. авторов. Сост.: А. Е. Султреков, Л. В. Челтыгмашева, Н. С. Майнагашева. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2007. 348 с.

Ыа – *Доможаков Н. Г.* Ыраххы аалда. В далёком аале. Роман. Ағбан: Хызылчар книга издательствозының Хакасиядағы пөлігі. 1975. 255 с.

List of sources

Burnakov F. *Čiton tayma* [Seventy jokes]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyar. kn. izd., 1972, 52 p. (In Khak.).

Burnakov F. *Tigir odi. Povest'* [Rainbow. The story]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyar. kn. izd., 1977, 138 p. (In Khak.).

Čarix künnig čirim. Sb. khudozhestv. proizv. khakas. avtorov [My sunny land. Coll. of artistic works by Khakass authors]. A. E. Sultrekov, L. V. Cheltygmasheva, N. S. Mainagasheva (Comps.). Abakan, Khakas. Publ. House, 2007, 348 p. (In Khak.).

Charkov S. *Pastagi tanistarim* [First acquaintances. Stories]. Abakan, Khakas. Publ. House, 1959, 82 p. (In Khak.).

Domozhakov N. G. *İraxxi aalda. Roman* [In a distant village. Novel]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyar. kn. izd., 1975, 255 p. (In Khak.).

Mithas Turan. *Kamat* [Kamat: A collection of plays]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyar. kn. izd., 1991, pp. 176–218. (In Khak.).

Nerbyshev K. *Kögim xorimnardi.* Roman [By the blue cliffs. Novel]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyar. kn. izd., 1983, 207 p. (In Khak.).

Tatarova V. K., Topoev I. P., Chapray (Kotozhekov) A. I. and others. *Irtengi tan. Povest' i rasskazy na khakas. yazyke* [The morning breeze. A novel and short stories in the Khakass language]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyar. kn. izd. 1986, 184 p. (In Khak.).

Topanov A. M. *Alaaxtırtxan Xorxlo* [The Fooled Horkhlo]. In: *Xizil čazi* [The red steppe]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyar. kn. izd. 1982, pp. 105–169. (In Khak.).

Topoev Y. *Köñnim čaygam ayabin. P'esy, rasskazy, stikhi, ocherki. Na khakasskom yazyke* [He gave love without regret. Plays, short stories, poems, essays]. Abakan, Khakas. Publ. House., 2012, 400 p. (In Khak.).

Topoev I. *Хоңалтых өдік – 2.* Sbornik yumoristicheskikh rasskazov na khakasskom yazyke [Chatterbox – 2. A collection of humorous stories in the Khakass language]. Abakan, Dom literatorov Khakasii, 2014, 188 p. (In Khak.).

Topoev I. Toy [The wedding]. In: *Khan tigir. Khoos literatura al'manaży* [Universe. Literary art almanac]. Abakan, Khakas. Publ. House, 1995, pp. 39–341. (In Khak.).

Xakas čiri [The land of Khakass]. *Khakas Respublikanyң gazetazy.* December 14th, 2022, p. 8. (In Khak.).

Xakas čiri [The land of Khakass]. *Xakas Respublikaniң gazetazi.* January 18, 2023, p. 9. (In Khak.).

Xakas čiri [The land of Khakass]. *Xakas Respublikaniң gazetazi.* February 3, 2023, p. 7. (In Khak.).

Xakas čiri [The land of Khakass]. *Xakas Respublikaniң gazetazi.* February 15, 2023, p. 15. (In Khak.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
16.06.2023*

Сведения об авторе

Чертыкова Мария Дмитриевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия)

E-mail: chertikova@yandex.ru

ORCID 0000-0002-7467-4388

Information about the Author

Maria D. Chertykova – Doctor of Philology, Leading Researcher, Research Institute of Humanities and Sayano-Altay Turkology of the Katanov Khakass State University (Abakan, Russian Federation)

E-mail: chertikova@yandex.ru

ORCID 0000-0002-7467-4388

СИНТАКСИС

УДК 811.512.222.1

DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-41-56

Статические и динамические пространственные конструкции в удэгейском языке

А. О. Сагайдачная

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Проведена классификация конструкций с глагольными предикатами, имеющими значение бытия, местонахождения и движения в удэгейском языке, принадлежащем к тунгусо-маньчжурской языковой семье, выявлены особенности синтаксического управления данных глаголов. В качестве предикатов выступают собственно пространственные глаголы, непосредственно структурирующие локативную ситуацию, а также глаголы других ЛСГ, ситуативно употребляющиеся в составе локативных конструкций и управляющие пространственными падежами или послелогоми. Статические предикаты образуют локативные конструкции с семантикой некаузативной и каузативной локации. Динамические предикаты формируют пространственные конструкции с некаузативной семантикой изменения положения в пространстве с указанием на трассу или без нее, а также конструкции с каузативной семантикой перемещения объекта в определенное пространство и извлечения объекта из занимаемого им пространства.

Ключевые слова

удэгейский язык, бытийные глаголы, глаголы местоположения, динамические предикаты, статические предикаты, конструкции с семантикой бытия, местоположения, движения, перемещения

Для цитирования

Сагайдачная А. О. Статические и динамические пространственные конструкции в удэгейском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48). С. 41–56. DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-41-56

Static and dynamic spatial constructions in the Udihe language

A. O. Sagaydachnaya

Institute of Philology of SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The present paper describes Udihe verb predicates with the meaning of existence and location. Additionally, a number of verbs of motion and relocation are discussed. A classification of Udihe predicates is presented, taking into account the peculiarities of the syntactic government. Dynamic predicates can govern nouns in Accusative, Locative, Lative, Dative, as well as Ablative and Prolative cases. They may also govern denominal adverbs or postpositional phrases and even nouns in Instrumental case. Static predicates syntactically govern postpositional phrases or nouns in Locative, Lative, Dative, Accusative Spatial cases, as well as adverbs. Verbs of existence can govern nouns in

© А. О. Сагайдачная, 2023

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 4 (iss. 48)

Locative case or Comitative form. Verbs of storage or loss are used with the noun in Locative case. Verbs denoting the change of seasons coordinate with the noun in Nominative case or form a single-part sentence. Verbs of motion, embedding the sense of movement in the lexical meaning, can be used without a localizer in the Udihe language. This is due to the idea of the initial or final point of movement being obvious and embedded in the verb stem. The noun denoting the object of movement in constructions with such predicates is marked by the Accusative case. Some Udihe verbs can express a specific situation, denoting the degree of penetration of the object being moved into water or land.

Keywords

Udihe language, existential verbs, locative verbs, dynamic predicates, static predicates, constructions with semantics of existence, location, movement, transition

For citation

Sagaydachnaya A. O. Sticheskie i dinamicheskie prostranstvennye konstruksii v udegeyskom yazyke [Static and dynamic spatial constructions in the Udihe language]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 4 (iss. 48), pp. 41–56. (In Russ.). DOI 10.25205/ 2312-6337-2023-4-41-56

Введение

Средства выражения пространственных отношений в языках разных систем постоянно привлекают внимание лингвистов [Talmy, 1983; Talmy, 2017; Талми, 2006; Всеволодова, Владимирский, 2019; Невская, 1998; Невская, 2005; Кошкарева, 2005; Шилова, 2003; Буторин, 2012; Буторин, 2016; Буторин, 2017; Перехвальская, 2013; Гукина, 2022; и др.].

Одним из основных свойств пространства является то, что в нем можно находиться самому или помещать туда какой-либо объект, или двигаться. По мнению Л. Талми, *событие движения* состоит из следующих базовых внутрисобытийных компонентов: *Фигура (the Figure)* – объект, перемещающийся или локализованный относительно опорного объекта, или *Фона; Фон (the Ground)* – опорный объект, относительно которого осуществляется перемещение или определяется местонахождение объекта, названного Фигурой; *Путь*, или *Маршрут (the Path)* – маршрут, по которому перемещается Фигура, а также местонахождение Фигуры относительно Фона; *Движение (Motion)* – компонент, характеризующий наличие в событии собственно движения или статической локализации. Таким образом, событие движения в представлении Л. Талми объединяет как статические, так и динамические ситуации локализации (цит. по: [Буторин, 2012, с. 34]).

Вслед за М. В. Всеволодовой и Е. Ю. Владимирским, под терминами *пространственные отношения* и *локум* мы понимаем «соположение в пространстве какого-либо предмета, действия (события), признака и некоторого пространственного ориентира – локума. Локум – это пространство или предмет, относительно которого определяется местонахождение предмета (действия, признака), и характер их взаимоотношений (статический, динамический)» [Всеволодова, Владимирский, 2019, с. 6]. Аналогичное определение категории «пространственной локализации как соотнесения какого-либо предмета (действия, признака) с точкой пространства (места, локума), в которой осуществляется его бытие», дает И. А. Невская. Термин *локализация* понимается широко и применяется по отношению к статическим и динамическим пространственным отношениям [Невская, 2005, с. 10].

Кроме того, исследователи оперируют понятиями *сопространственность / несопространственность*: «Если предполагается, что предмет в какой-либо момент времени есть, был или будет в пределах локума, налицо сема сопространственности: *в лесу, лесом, по лесу*. Если известно, что предмет не находится, не находился или не будет находиться в пределах локума, или если неизвестно, был или будет предмет в пределах локума, или если это несущественно для коммуникации, то налицо отношение несопространственности: *около леса, в двух километрах от леса, мимо леса*. Эта оппозиция ... находит свое выражение уже на уровне именных групп» [Всеволодова, Владимирский, 2019, с. 9; для ненецкого языка см.: Шилова, 2003, с. 39].

Описывая предложения локативной семантики и их модели в ненецком языке, принадлежащем самодийской семье, В. В. Шилова отмечает, что в этом языке существует несколько основных способов выражения пространственных отношений: 1) глагольный – пространственные отношения выражаются посредством пространственных глаголов; 2) наречный – пространственные отношения выра-

жаются с помощью пространственных наречий; 3) именной – пространственные отношения выражаются определенной падежной формой имен существительных, имеющих пространственное значение; 4) послеложно-именной – пространственные отношения выражаются пространственными послелогам и именами существительными» [Шилова, 2003, с. 42–43]. Данное утверждение справедливо и для типологически близкого к ненецкому удэгейского языка.

Описывая картину мира удэгейцев, Е. В. Перехвальская справедливо замечает, что пространство организовано вокруг двух центров. Внутреннее пространство организуется относительно очага как центра «Культуры», внешнее – относительно реки как центра «Природы», поскольку в таежных условиях ориентация по рекам оказывается более надежной, чем по солнцу [Перехвальская, 2013, с. 243].

В данной статье проводится анализ удэгейских глаголов бытия, местоположения, движения и перемещения как средства выражения пространственных отношений, проанализированы особенности их синтаксического управления, описаны статические и динамические пространственные конструкции, формируемые данными глаголами.

В качестве иллюстративных контекстов использованы опубликованные материалы по бикинскому диалекту удэгейского языка И. В. Кормушина [1998] и А. А. Канчуги [2002], а также несколько фраз из полевых неопубликованных материалов М. Д. Симонова на хорском диалекте [Симонов, ПМ]. Выборка составила около 100 фраз. Кроме того, в удэгейском словаре [UD, 1998] выявлено 256 пространственных глаголов, из них 99 динамических глаголов движения, обозначающих перемещение объекта из одного пункта в другой с указанием траектории движения, 100 статических бытийных или позиционных глаголов, выражающих положение или присутствие объекта в каком-либо пространстве, а также 57 глаголов других ЛСГ, факультативно управляющих пространственными падежами.

1. Конструкции со статическими глагольными предикатами

Понятие «статические глагольные предикаты» относится к нескольким глагольным ЛСГ – бытийным, глаголам, описывающим позицию и фазы жизненного цикла, а также глаголам со значением местоположения в пространстве и его каузации. Отличительной особенностью конструкций, формируемых данными глаголами, является наличие статического локализатора – локатива, указывающего на пространство, в пределах которого существует или находится тот или иной предмет.

1.1. Бытийные глаголы и формируемые ими синтаксические конструкции

К бытийным относятся глаголы *би-* ‘быть, находиться’, *багди-* ‘жить, обитать; расти’, *осиги-* (~ *эсиги* ~ *осиге-*) ‘стать’, *о-* ‘сделаться, стать’, *будэ-* (~ *букки-*) ‘умереть, погибнуть’ (перестать существовать), а также серия глаголов, обозначающих годовые циклы: *бологи-* ‘наступать осени’, *жуагиси-* (~ *зуагиси-*) ‘наступать лету’, *туэгиси-* ‘наступать зиме’. В зависимости от синтаксического окружения эти глаголы передают либо значение статальности, пребывания субъекта в том или ином состоянии, либо, сочетаясь с именами в форме пространственных падежей, с послелогам или наречиями, формируют статические пространственные конструкции.

Управляя существительным в местном падеже, бытийный глагол *би-* ‘быть, находиться’ указывает на существование субъекта в том или ином пространстве:

(1) *Тэ-э, унакта дуэлэни пāгэ биэ гунэ* [Кормушин, 1998, с. 108].

тэ-э	унакта	дуэ=лэ=ни	пāгэ	биэ	гунэ
INTJ	плес	конец=LOC=POSS.3SG	черное	БЫТЬ.INF	EV1

Букв.: в конце плеса есть черное.

‘Вот, в конце плеса что-то чернеет, видать.’

Глагол *багди-* ‘жить, обитать; расти’ вариативно управляет формами дательного и местного падежей, а также сочетается с послеложными конструкциями:

(2) *Ути тбүиэлэ киактаҕига багдити* [UD, 1998, V. 1, p. 136–137].

ути тбүиэлэ киакта=ҕига=∅ багди=ти
этот озеро=ЛОС ракушка каури=COLL=NOM жить.PRES=3PL
'В этом озере водятся ракушки-каури.'

(3) *Би ҕугдиду эҕи багди!* [UD, 1998, V. 1, p. 136–137].

би ҕугди=ду э=ҕи багди
я дом=ДАТ NEG=FUT.IMPER.2SG жить.INF
'В моем доме не живи!'

(4) *Анана удие ули ки'афа багдиати* [UD, 1998, V. 1, p. 136–137].

анана удие=∅ ули ки'афа багди=а=ти
раньше удэгеец=NOM река по берегу жить=PAST=3PL
'Раньше удэгейцы жили по берегам рек.'

В значении 'расти' глагол *багди-* управляет также послеложным сочетанием либо дательным или местным падежом существительного:

(5) *Бугала косоли эгди багди* [UD, 1998, V. 1, p. 139–140].

буга=ла косоли=∅ эгди багди
остров=ЛОС красная смородина=NOM много расти
'На острове растет много красной смородины.'

(6) *Оҕокто буадуни мб-да эи багди, ули-дэ вач'а* [UD, 1998, V. 1, p. 139–140].

оҕокто буа=ду=ни мб=∅-да эи багди ули=∅-дэ вач'а
пустыня=ДАТ=POSS.3SG дерево=NOM-CONN NEG расти вода=NOM-CONN мало
'В пустыне и деревья не растут, и воды мало.'

Без локализаторов бытийные глаголы употребляются для выражения значения статальности, перехода из одного состояния в другое, например:

(7) *Эхи, сиңэ багдисети* [Кормушин, 1998, с. 125].

эхи=∅ сиңэ=∅ багди=æ=ти
лягушка=NOM крыса=NOM жить=PAST=3PL
'Жили лягушка и крыса.'

(8) *Нэуумулэ багдиате бэлэҕигэ-лэ* [Кормушин, 1998, с. 104].

нэуу=мулэ багди=а=те бэлэ=ҕигэ=∅-лэ
младшая сестра=COM жить=PAST=3PL красавица=COLL=NOM-LIM
'Жили-были сестры-красавицы, старшая с младшей.'

(9) *Беонтаҕига ҕалиги мбҕи илаати, ҕэхэти сүкпини гэктинҕи буккити* [Кормушин, 1998, с. 120].

Беонта=ҕига=∅ ҕалиги мб=ҕи ила=а=ти ҕэхэ=ти
Беонта=COLL=NOM сырой дрова=INSTR топить=PAST=3PL кресало=POSS.3PL
сүкпи=ни гэктин=ҕи букки=ти
гаснуть.PAST=3SG мороз=INSTR умирать.PAST=3PL
'Беонта сырыми дровами затопили, погасло их огниво, от холода умерли они.'

Глаголы *осиги-* (~ *эсиги* ~ *осиге-*) 'стать', *б-* 'сделаться, стать' в составе именного сказуемого также выражают изменение состояния:

(10) *...бэлэ осигеан', ина'и-да кандүй осигени, дилини бэлэ, алагдиг'а бэйн' бэлэ* [Кормушин, 1998, с. 110].

бэлэ	осиге =а=н'	ина'и-да	каңдү=й	осигæ =ни
красавица	статья =PAST=3SG	собака-CONN	половина=REFL.POSS.SG	статья .PAST=3SG
дили=ни	бэлэ	алагдиг'а	бэй=н'	бэлэ
голова=POSS.3SG	красавица	красивый	тело=POSS.3SG	красавица

[Обгорелая сука] '...красавицей стала, наполовину собакой осталась, голова же – девицы, красивой девицы.'

(11) *Би-лэ багдигэту жугууни ожоми* [Кормушин, 1998, с. 126].

би=Ø-лэ	багди=гэту	жугу=ни=ни	о =жо=ми
я=NOM-LIM	жить=SUBST.PL	выдра=AL.POSS=POSS.3SG	статья =FUT=1SG

'Я ведь для людей [дикий] выдрой стану.'

(12) *Нэбусэ', нэбусэ', дол када ожоуни* [Кормушин, 1998, с. 127].

нэбусэ' нэбусэ'	дол када	о =жо=ни
младший брат.VOC	голодный год	статья =FUT=3SG

'Братик, братик, голодный год будет.'

Такие глаголы могут употребляться также в форме каузатива:

(13) *Бэлэ-мэйдэ осигивэнэт воон', жугтиби-дэ нэнэт воон'* [Кормушин, 1998, с. 111].

бэлэ-мэй-дэ	осиги =вэнэ=т	во =о=н'	жуг=гиби-дэ
красавица-сплошь-CONN	статья =CAUS=EXPR	делать =PAST=3SG	дом=LAT-CONN
нэнэ=т	во=о=н'		
идти=EXPR	делать=PAST=3SG		

[Молодец] 'Заставил [собаку] красавицей остаться, привел в дом.'

Глаголы *бологи-* (~ *бологе-*) 'наступать осени', *туэги-* (~ *туэгиси-*) 'наступать зиме', *жуаги-* (~ *жуагиси-*) 'наступать лету', *нэкиги-* (~ *нэки-*) 'наступать весне', обозначающие наступление времени года, часто употребляются самостоятельно:

(14) *Жуагисини, Бикитиги банагизээрэу* [Канчуга, 2002, с. 25].

жуагиси =ни	Бики=тиги	банаги=ээрэ=у
наступить лету .PRES=3SG	Бикин=LAT	переезжать=FUT=1PL

'Наступит лето, на Бикин соберемся мы.'

(15) *Туэгисинитэнэ буазэгэлэ нактава, соңговэ, олохивэ, зотовэ, солёвэ, кяравэ, поузэвэ, нёвэ уакца-аму* [Канчуга, 2002, с. 28].

туэгиси =ни-тэнэ	буазэгэлэ	накта=ва	соңго=вэ	олохи=вэ
наступить зиме .PRES=3SG-CONT	тайга=LOC	кабан=ACC	медведь=ACC	белка=ACC
зото=вэ	солё=вэ	кяра=вэ	поузэ=вэ	нё=вэ
выдра=ACC	колонок=ACC	изюбрь=ACC	косуля=ACC	соболь=ACC
				охотиться=PAST=1PL

'А зима наступила, в тайге кабанов, медведей, белок, выдр, колонков, изюбрей, косуль, соболей убивали мы.'

В значении 'наступать, подходить (о времени)' допустимо использование глагола *й-* (~ *йи-* ~ *йвэси-*) 'вторгаться, вступить':

(16) *Цоң госо', нуажаңа экимэни йнукени* [Кормушин, 1998, с. 131].

Цоң	госо'	нуа =жаңа	эки=мэ=ни	йнки =ни
Чоңг	младший дядя.VOC	спать =FUT	время=ACC=POSS.3SG	вторгаться .PAST=3SG

'Младший дядя Чоңг, [нам] пришло время спать.'

Таким образом, управление бытийных глаголов пространственными формами свидетельствует о пространственной семантике высказывания, при отсутствии в предложении локализаторов они передают статальную семантику.

Статический локализатор выражается конкурирующими между собой формами местного и дательного падежей, распределение функций которых еще предстоит уточнить [Кошкарёва, 2005, с. 83-84, 117].

1.2. Некаузативное местоположение

Высказывания с семантикой некаузативного местоположения описывают ситуацию, в которой субъект находится в том или ином пространстве и не выходит за его пределы. В них используются позиционные глаголы типа *илиси-* ‘стоять’, *тõнигаси-* ‘лежать (о животном)’, *тоу-* ‘лежать у огня’, а также глаголы, обозначающие фазы жизненного или природного цикла: *туэжэ-* (~ *туэги-* ~ *туэгиси-* ~ *туэси-*) ‘зимовать’, *ауаси-* (~ *ауасе-*) ‘ночевать’. Они управляют формами пространственных падежей или сочетаются с послеложными группами:

(17) *Жу жэгдэм гуаса ‘биме биз гунэ, жугдин дõнуни тõ каенини тõнигасийти* [Кормушин, 1998, с. 109].

жу	жэгдэм	гуаса=∅	би=ме	биз	гунэ	жугди=н
два	обгорелый	собака=NOM	быть=CV	быть.INF	EV1	дом=POSS.3SG
дõнуни	тõ	каенини	тõнигаси=й=ти			
внутри	огонь	около	лежать животному=PRES=3PL			

‘Две обгорелые суки, видит, внутри дома у огня лежат.’

Глагол *туэги-* (~ *туэгиси-* ~ *туэси-*) ‘зимовать’ управляет существительным в местном или дательном падеже:

(18) *Бу туэгиэму Митазала* [Канчуга, 2002, с. 30].

бу=∅	туэги=э=му	Митаза=ла
мы=NOM	зимовать=PAST=1PL	Метахеза=LOC

‘Мы зимовали в Метахезе.’

(19) *Болиду туэгиэму бу, маҗму этэтэйвэни бэлэсимиздэ* [Канчуга, 2002, с. 22].

Боли=ду	туэги=э=му	бу=∅	маҗму	этэтэ=й=вэ=ни
Хабаровск=DAT	зимовать=PAST=1PL	мы=NOM	нанец	работать=PrP=ACC=POSS.3SG

бэлэси=миэ=дэ
помогать=CV=CONN

‘В Хабаровске зимовали мы, нанайцу в работе помогая.’

Глагол *ауасе-* ‘ночевать’ допускает управление винительным пространственным падежом (в примере (20) он не маркирован):

(20) [Эхи] *Буа жугдини ауасеан’* [Кормушин, 1998, с. 125].

буа	жугди=∅=ни	аја=се=а=н’
бог	дом=∅=POSS.3SG	ночевать=DUR=PAST=3SG

[Лягушка] ‘Переночевала в доме бога.’

Если локализатор в предложении отсутствует, глаголы данной группы передают значение состояния.

(21) *Кэптээни Жаудафу-ла кэптэнжи нуайне-е йамда’* [Кормушин, 1998, с. 107].

кэптэ=э=ни	Жаудафу=∅-ла	кэптэнжи	нуа=й=не-е	йамда’
лечь=PAST=3SG	Дзангдалафу=NOM-LIM	пока лежал	спать=PRES=3SG	околдованный

‘Лег Дзангдалафу ведь [в кожемялку] и, пока лежал, заснул без памяти.’

(22) *Илисине-е, ту илисине-е* [Кормушин, 1998, с. 109].

илиси=не-е ту илиси=не-е
стоять.PRES=3SG все **стоять.PRES=3SG**
 '[Старший брат Удзы] Все стоит и стоит.'

В высказываниях со значением статических пространственных отношений местоположения могут употребляться также предикаты, обладающие семантическим признаком обнаружения своего местонахождения тем или иным отличительным признаком: *илана-* 'цвести', *исэптэ-* 'виднеться', *киг'оси-* (~ки'оси-) 'щебетать, свистеть (о птицах)' и др. Подобные предикаты в шорском языке И. А. Невская рассматривает как диспозиционные, которые могут заменяться на экзистенциальный глагол или опускаться. Они выражаются глаголами, описывающими способ существования того или иного локализуемого объекта посредством характерных движений или звуков [Невская, 1998, с. 223; Невская, 2005, с. 52–53]. В таких случаях наблюдается компрессия пропозиций, т. е. совмещение двух событий – нахождение (наличие) объекта в каком-либо локуме (некаузативное местоположение) и сигнализация об этом каким-либо способом, воспринимаемым, как правило, органами чувств. Например:

(23) *Бита кялани цаам исэптэйти сугзязигэ* [Канчуга, 2002, с. 9].

бита **кялани** **цаам** **исэптэ=й=ти** сугзя=зигэ=∅
коса **около** **далеко** **виднеться=PRES=3PL** рыба=COLL=NOM
 'Далеко около косы виднеется рыба.'

В качестве предикатов статической пространственной конструкции могут выступать также и глаголы, обозначающие ненаправленное (хаотичное) движение внутри какого-либо пространства (тайги, озера). Так, глаголы *тонто* 'странствовать', *дактиана-* 'плавать (о птицах)', *хули-* 'ходить, бродить, странствовать' управляют продольным падежом или сочетаются с послеложными конструкциями или наречиями, выражая значение широкого охвата пространства, при котором движение не выходит за границы локума:

(24) *Йакпали хулисими* [UD 1998, V. 3, p. 1014].

йакпа=ли хули=си=ми
 лощина=**PROLAT** **ходить=DUR.PRES=1SG**
 'Я хожу по лощине.'

(25) *Омос'о буаду, ту улиду багдими, улиф'э дактианами, сағалиани* [UD 1998, V. 1, p. 1011].

омос'о буа=ду ту ули=ду багди=ми **улиф'э** **дактиана=ми**
 один место=DAT все вода=DAT жить=INF **по воде** **плавать=INF**
 сағали=а=ни
 надоесть=PAST=3SG
 [О сказочной птице] 'Надоело ей в одном месте все время на воде жить и по воде плавать.'

Пропозиция местонахождения может выступать в предложении в свернутом виде – в виде обстоятельства места при глаголах разных ЛСГ, например:

(26) *Догбо=ка́и 'асаду жэмпуду этэусиэни киа́нава* [UD, 1998, V. 3, p. 1142].

догбо=ка́и 'аса=ду жэмпу=ду этэуси=э=ни киа́на=ва
 ночь=PARTCL залив=DAT кормовище=DAT **караулить=PAST=3SG** изюбрь=ACC
 'Он всю ночь караулил в заливе, на кормовище, изюбря.'

Пример (26) является результатом компрессии двух пропозиций: локализаторы, выраженные существительными в форме дательного падежа, указывают на значение местонахождения, глагол *эту-си-* (~ *этэуси-*) 'караулить' управляет именем в форме винительного падежа, репрезентируя акциональную пропозицию. В общем виде семантическую структуру данного высказывания можно представить следующим образом: *кто делает что [находясь] где*. При этом первичной в данном случае

является акциональная пропозиция («он караулит изюбря»), вторичной – пропозиция местонахождения («он находится в заливе на кормовище»).

Возможна также компрессия пропозиции местонахождения при базовой стальной пропозиции:

(27) [Аканди] ...*йэгдиэ адилилани суфилилэ суфилилэ буккэ гунэ* [Кормушин, 1998, с. 123].

йэгдиэ адили=ла=ни суфилилэ суфилилэ буккэ гунэ
богатырь сеть=ЛОС=POSS.3SG захлебнувшись умирать EV1
‘[Аканды] в сетях молодца, захлебнувшись, умер, видать.’

(28) *Э-э, ситаге, анана амиҥани эбэдэ кэптэй бисэ, гуҥкини, ка ‘иңкула дэуҥи ‘оси* [Кормушин, 1998, с. 107].

э-э сита=ме анана амиҥа=Ø=һи эбэдэ кэптэ=й
INTJ сын.VOC=POSS.1SG раньше отец=NOM=POSS.2SG так лечь=PrP
би=сэ гуҥки=ни ка ‘иңку=ла дэуҥи=‘оси
быть=PAST сказать.PAST=3SG кожемьялка=ЛОС отдыхать=CV

Букв.: ... так лежащий был, в кожемьялке отдыхая.

‘Э-э, сынок, раньше твой отец, так лежа, в кожемьялке отдыхал.’

В примерах (27) и (28) высказывания стальной семантики сопровождаются свернутой пропозицией местонахождения: «Аканды захлебнулся» + «[находясь] в сетях богатыря»; «твой отец отдыхал» + «[находясь] в кожемьялке».

В предложении (29) свернутая пропозиция местонахождения выражена сочетанием имени существительного с послелогом: «охотник догнал изюбря» (акциональная пропозиция) + «[когда] изюбрь [находился] за перевалом (свернутая пропозиция местонахождения)»:

(29) *Вакчай нй̄ киҥава аҥтасиани, ади-ади адâ чалани б ‘онони* [UD 1998, V. 1, p. 174].

вакчай нй̄=Ø киҥава=ва аҥтаси=а=ни ади-ади адâ чалани
охотник=NOM изюбрь=ACC гоняться=PAST=3SG несколько перевал за
б ‘оно=ни
догонять.PAST=3SG

Букв.: догнал за несколькими перевалами.

‘Охотник гонялся за изюбрем и догнал [его] через несколько перевалов.’

Таким образом, в высказываниях со значением некаузативного местоположения локализаторы выражаются теми же формами дательного или местного падежей, послеложными сочетаниями и наречиями, что и при бытийных предикатах. Позицию предиката могут занимать также разнообразные по семантике глаголы, обозначающие проявление своего существования разными способами – звучанием, свечением и т. п. Это приводит к усложнению семантики подобных высказываний, в которых семантика глагола указывает на состояние, в котором пребывает субъект, а конструкция – на его местоположение в определенном пространстве. Позицию предиката в таких конструкциях могут занимать также и глаголы движения, при которых локализатор принимает форму продольного падежа.

Пропозиция некаузативного местоположения может выражаться в предложении и в свернутом виде: при глаголах самых разных ЛСГ возможны обстоятельства места, репрезентирующие пропозицию местоположения.

1.3. Каузативное местоположение

При каузативном местоположении предполагается ситуация, в которой каузирующий субъект делает так, что тот или иной предмет находится или оказывается в определенном пространстве. В таких высказываниях используются глаголы каузативной локации – глаголы хранения, содержания, утраты или обретения.

Каузативный предикат *ууавана-* ‘уложить спать’ управляет местным падежом:

(30) *Йэгдигэ 'буа хуандулани улээни агду, утала нуаваукини* [Кормушин, 1998, с. 131].

йэгдигэ'=∅	буа хуан=дула=ни	улэ=э=ни	агду	ута=ла
молодец=NOM	лес глушь=LOC=POSS.3SG	рыть=PAST=3SG	берлога	тот=LOC
нуавауки=ни				
уложить спать.PAST=3SG				

'Молодец в тайге вырыл берлогу, там уложил спать [медвежат].'

Семантическая структура предложения (30) имеет вид: [молодец сделал так, что]^{CAUS} [медвежата спят в берлоге]^{DICTUM}.

Глагол *восиги-* (~ *восигэ-*) 'оставлять' управляет существительным в форме винительного падежа, которое обозначает локализуемый предмет. При нем потенциально возможен локализатор: *кто оставил что где > кто сделал так, что предмет находится где-то*:

(31) *Кэгду калимава-ла ту восигэан' гунэй-бэбу* [Кормушин, 1998, с. 114].

кэгду	калима=ва-ла	ту	восигэ=а=н'	гунэй-бэбу
береговой	кит=ACC-LIM	все	оставлять=PAST=3SG	EV1-EV2

[Старший брат, разыскивая Удзу] 'Береговых китов ведь всех оставил он, видно вроде бы.'

Аналогичное управление возможно и для глагола *багдивана-* 'растить, взращивать'. Несмотря на то, что в словаре [UD, 1998] управление локативными падежами существительных не отмечено, мы рассматриваем его в данном подразделе, поскольку у глагола *багди-* 'расти' такое управление есть и вполне допустимо расширение – «взращивает где?»:

(32) *Сү маңга, кеу кеу цалуговоно, имаһва цалуговоно. Ёкто-да багдивана* [Кормушин, 1998, с. 124].

сү=∅	маңга	кеу кеу	цалуговоно	имаһ=ва	цалуговоно
солнце=NOM	сильный	все все	растворять	снег=ACC	растворять
ёкто-да	багдивана				
травы=CONN	растить				

'Солнце – сильный, все-все растапливает, снег растапливает и траву взращивает.' (Букв. глосса **багдивана: багди-вана [расти-CAUS]**).

Такие конструкции мы рассматриваем как результат компрессии диктумного и каузативного смыслов: [кто делает так, что]^{CAUS} [некто находится / появляется в том или ином пространстве]^{DICTUM}.

Глаголы *ба'а-* (~*ба'а-*) 'найти' и *гажэ-* 'взять' управляют местным падежом существительного, что свидетельствует о том, что в высказывании представлена пропозиция местонахождения:

(33) *Аңила ба'аме би, нй аңци бифи, йэ'у нй аңци бийни бийлиси гунэ, мама'ла гажэм* [Кормушин, 1998, с. 111].

аңи=ла	ба'а=ме	би=∅	нй=∅	аңци	би=фи
IND=LOC	найти=PAST=1SG	я=NOM	человек=NOM	NEGW	быть=REFL.POSS.PL
йэ'у	нй=∅	аңци	би=й=ни	бий=лиси	гунэ
что	человек=NOM	NEGW	быть=PRES=3SG	быть=NCOND	EV1
мама'=ла	гажэ=м				
старуха=LOC	взять.PAST=2SG				

'Где-то вот нашел я (себе жену), что, видать, нет людей (на белом свете)? У бабушки взял.'

Глагол 'найти' отражает компрессию модусного и диктумного смыслов: «я где-то нашел себе жену» > [я обнаружил, что]^{MODUS} [где-то есть жена]^{DICTUM}. Глагол *гажэ-* 'взять' выражает обретение как результат предшествующего извлечения объекта из того или иного пространства с целью поместить объект в другое пространство: *я извлек жену из того места, где она находилась первоначально*.

2. Конструкции с динамическими глагольными предикатами

В данном параграфе описываются динамические пространственные глаголы некаузативной и каузативной адлокации и делокации, а также глаголы, обозначающие вертикальное изменение положения тела.

2.1. Некаузативные динамические предикаты

Движение объекта по какой-либо траектории (трассе) передается глаголами *дау-* ‘переплывать, переправляться’, *уэнэ-* ‘идти, ехать, пойти, уйти’, *агда I* ‘причалить, пристать (к берегу)’, *б’оно-* ‘догонять (убегающего)’ и др. Они управляют пространственными падежами существительных (дательным, исходным, направительным, продольным) или послеложными сочетаниями, обозначающим маршрут (траекторию), новое местоположение (директив-финиш) или исходную точку отправления (директив-старт).

Глагол *жима-* ‘ходить, ездить в гости; гостить’ управляет исходным или направительным падежом существительного в зависимости от описываемой ситуации:

(34) *Бики буадигини жимати* [Симонов, ПМ].

Бики буа=**диги**=ни **жима**=ти
 Бикин местность=**ABL**=**POSS.3SG** **ходить в гости.PAST=3PL**
 ‘Они приехали в гости с Бикина.’

(35) *Га ‘и дигаңкини: «Андатиги жимажами»* [Кормушин, 1998, с. 126].

га‘и=**∅** дигаңки=**ни** анда=**тиги** **жима**=**жа**=ми
 ворона=**NOM** говорить.**PAST=3SG** друг=**LAT** **ходить в гости=FUT=1SG**
 ‘Ворона сказала: «К подруге пойду в гости».’

(36) *Си эмэги эухи, би одиги уэними* [UD 1998, V. 2, p. 678-679].

си=**∅** эмэги=**и** **эухи** би=**∅** **о**=**диги** **уэни**=**ми**
 ты=**NOM** приходить.**PRES=2SG** **сюда** я=**NOM** **здесь**=**ABL** **идти.PRES=1SG**
 ‘Ты приходишь сюда, а я отсюда ухожу.’

Для обозначения средства передвижения используется форма творительного падежа:

(37) *Вэ хэгиэлэни угбэду ‘анажи агдати* [UD 1998, V. 1, p. 69].

вэ хэгиэлэни угбэ=**ду** ‘ана=**жи** **агда**=**ти**
 сопка под перека=**DAT** бат=**INSTR** причалить.**PAST=3PL**
 ‘Они причалили на бате под сопкой на перекате.’

При описании движения, которое полностью охватывает пространство, используется форма винительного падежа существительного:

(38) *Гѳлѳ буава хулимиэ, уэй-уэй-уэй!* [UD 1998, V. 3, p. 1011].

гѳлѳ буа=**ва** **хули**=**миэ** уэй-уэй-уэй
 далекий страна=**ACC** **ходить.PRES=1SG** **INTJ**
 ‘В дальних краях я бродил.’ (ср. *я обошел дальние края*)

Предикаты *кэптэ-* ‘лечь’, *тэги-* (~ *тэге-*) ‘ложиться’ описывают изменение положения тела по вертикали. Глагол *тэги-* (~ *тэге-*) ‘ложиться’ может употребляться без локализатора, поскольку представление о движении сверху вниз инкорпорировано в семантику глагола и не требует дополнительной конкретизации.

(39) *Тэбеани Ужа* [Кормушин, 1998, с. 113].

тэбе=**а**=ни Ужа‘=**∅**

ложиться=PAST=3SG Удза=NOM
‘Улегся Удза.’

В семантику глагола *аумала- II* (~ *аумана-*) ‘взять в рот (о человеке), схватить в пасть (о животном)’, образованного от существительного *аума* ‘рот’, инкорпорируется сема перемещения, предполагающая конечную точку – рот. Объект перемещения выражается именем в форме винительного падежа:

(40) *Хэкуи имовэ аумалани, аумани ту дагани* [UD, 1998, V. 1, p. 122].

хэкуи **имо=вэ** **аумала=ни** аума=∅=ни ту дага=ни
горячий **сало=ACC** **взять в рот.PAST=3SG** рот=POSS.3SG весь обжечь.PAST=3SG
‘Он горячее сало попробовал и весь рот обжег.’

В удэгейском языке имеются также предикаты с семантикой покидания занимаемого пространства, например, *нэктэнэ-* ‘оторваться (о пуговице)’, *тиумэктэ-* ‘отпадать (о рогах)’, *тэбу-* ‘встать’, *тэгэ-* ‘встать, подняться (с места)’ и др., наличие локализаторов при которых также необязательно, так как предполагает очевидную точку крепления или местоположения.

(41) *Эхин’ тэгэн’* [Кормушин, 1998, с. 115].

эхи=∅=н’ **тэгэ=н’**
старшая сестра=NOM=POSS.3SG **подняться.PAST=3SG**
‘Ее старшая сестра поднялась (с постели).’

Таким образом, для выражения начальной точки движения используются локализаторы в форме исходного падежа, для обозначения конечной точки движения используются локализаторы в форме направительного падежа, винительный падеж при глаголах движения указывает на пространство, полностью охваченное в процессе перемещения субъекта.

Для многих глаголов движения в удэгейском языке возможно употребление без локализаторов, если представление о начальной или конечной точках инкорпорировано в их семантику или очевидно вне контекста.

2.2. Каузативные динамические предикаты

Глаголы *кэптэвэ-* ‘уложить’, *тэуги-* ‘положить’, *нэдэу-* ‘положить’, *нэгиси-* (~ *нэгисе-*) ‘переложить’, *вэндэ-* ‘бросить, выбросить’ имеют значение помещения объекта в какое-либо пространство.

Как и некаузативные динамические глаголы, глаголы данной группы управляют именами существительными в формах исходного и направительного падежей для обозначения директива-старта и директива-финиша:

(42) *Уутай аиктанзи укэтиги вэндээн’* [Кормушин, 1998, с. 109].

уута=й аиктанзи укэ=тиги **вэндэ=э=н’**
унты=REFL.POSS.SG сняв дверь=LAT **бросить=PAST=3SG**
‘Сняв свои унты, он бросил их к дверям.’

Глаголы *кэптэвэ-* ‘уложить’, *тэуги-* ‘положить’ управляют послеложным сочетанием со значением локации:

(43) *...мама’ казиг’ а-ла дигэүкини эй-тэнэ-дэ азигава хэйги долон’ тэугеан’ эхимэни-тэнэ утулу долон’ тэугек воон’* [Кормушин, 1998, с. 107].

мама’ка=зиг’а-ла **дигэүки=ни** эй-тэнэ-дэ азига=ва **хэйги**
старуха=DIM-LIM **прятать.PAST=3SG** этот-CONT-CONN девушка=ACC **штаны**
долон’ **тэуге=а=н’** эхи=мэ=ни-тэнэ **утулу** **долон’**
в **положить=PAST=3SG** старшая сестра=ACC=POSS.3SG-CONT **сени** **в**

тэуге=к во=о=н'
 положить.PfP=EXPR делать=PAST=3SG
 '...старушку ведь он спрятал и девушку в штаны положил, а ее старшую сестру в сени положил.'

Глаголы *нэдэу-* 'положить', *нэгиси-* (~ *нэгисе-*) 'переложить', *вэндэ-* 'бросить, выбросить', *тандаги-* (~ *тандаге-* ~ *тандагæ-*) 'вытягивать' и *таңда-* 'тянуть' могут сочетаться с локативными наречиями *илэ* 'куда', *дилэ* (~ *дину*) 'в глубине, вглубь, в стороне, в сторону от берега; в стороне, в сторону от очага' и мн. др.:

(44) «Э, *жэгдэм гуаса* 'им тō кәни-дэ, дилэ-дэ», – *дилэ нэгисеани* [Кормушин, 1998, с. 109].

э жэгдэм гуаса' им тō кәни-дэ дилэ-дэ
 INTJ обгорелый собака.VOC почему огонь близко-CONN подальше-CONN
 дилэ нэгисе=а=ни
 подальше переложить=PAST=3SG

'Эй, обгорелая сука, почему к огню близко-то? Подальше! – Переложил он [собаку] подальше.'

(45) «Э-э, *эниүэ, аҗигаҗига маэавати илэ нэдэүйи?*» «*Вэндэйэ*» – *гуүкини* [Кормушин, 1998, с. 105].

э-э эниүэ аҗига=җига маэа=ва=ти илэ нэдэү=й=и
 INTJ мать.VOC девушка=COLL сердце=ACC=POSS.3PL куда положить=PRES=1SG
 вэндэ=йэ гуүки=ни
 бросить=IMPER.2SG сказать.PAST=3SG

'«Эй, мать, сердца девушек куда мне положить?» – «Выброси», – сказала она.'

(46) *Уҗа 'маңа бими калимава дилэ тандагæан* [Кормушин, 1998, с. 114].

Уҗа'=Ø маңа би=ми калима=ва дилэ тандагæ=а=н
 Удза=NOM сильный быть=CV кит=ACC далеко вытягивать=PAST=3SG

'Удза, будучи сильным, кита далеко [от берега] дернул.'

Глагол *умусали-* 'затянуть по пояс' сочетается с существительным *эмүгдэ* 'живот', обозначая специфическую ситуацию, в которой указывается, насколько глубоко в землю проникает перемещаемый предмет.

(47) *Калима маңа бими Уҗа 'ва эмүгдэ умусалине таңдаан'* [Кормушин, 1998, с. 114].

калима=Ø маңа би=ми Уҗа'=ва эмүгдэ умусали=не
 кит=NOM сильный быть=CV Удза=ACC живот затянуть по пояс=3SG
 таңда=а=н'
 тянуть=PAST=3SG

'Кит, будучи сильным, Удзу [в землю] по пояс вогнал.'

Заключение

Проведенный анализ конструкций с глагольными предикатами, имеющими значение бытия, местонахождения, движения и перемещения в удэгейском языке, позволил их классифицировать и выявить особенности синтаксического управления данных глаголов.

Рассмотренные предикаты делятся на две основные группы: статические и динамические. *Динамические предикаты* формируют локативные синтаксические конструкции с некаузативной семантикой изменения положения в пространстве без движения по трассе или покидания занимаемого пространства, а также конструкции с каузативной семантикой перемещения объекта в определенное пространство и извлечения объекта из занимаемого им пространства. В таком случае синтаксические валентности заполняются управляемыми существительными в винительном, местном или направительном падеже, а также локативными наречиями. То есть $V_{\text{dinam}} \rightarrow N=\text{ACC}$, $N=\text{LOC}$, $N=\text{LAT}$; $V_{\text{dinam}} \rightarrow \text{ADV}_{\text{locat}}$. Кроме того, динамические предикаты формируют локативные конструкции со значением перемещения объекта по какой-либо траектории или же ненаправленного перемещения внутри какого-либо пространства. Тогда они могут управлять послеложными сочетаниями или дательным, ис-

ходным, направительным, продольным, местным падежами существительных (при обозначении маршрута, нового местоположения объекта, точки отправления или прибытия). Может быть также задействовано управление отыменными наречиями или существительными в винительном пространственном падеже (при указании на пространство, в котором перемещается объект) и творительным падежом (если необходимо указать на средство передвижения). То есть $V_{\text{dinam}} \rightarrow N=\text{LOC}, N=\text{LAT}, N=\text{ABL}, N=\text{DAT}, N=\text{PROLAT}$; $V_{\text{dinam}} \rightarrow \text{ADV}^{\text{denom}}$; $V_{\text{dinam}} \rightarrow N=\text{ACC}_{\text{space}}, N=\text{INSTR}$.

Статические предикаты формируют локативные синтаксические конструкции с бытийными глаголами, управляющими существительными в совместной форме либо в местном, дательном падежах, а также послеложными сочетаниями. То есть $V_{\text{exist}} \rightarrow N=\text{LOC}, N=\text{COM}, N=\text{DAT}, N=\text{ACC}$. Глаголы, обозначающие смену времен года, употребляются самостоятельно, часто образуя односоставное предложение или же координируя с существительным в именительном падеже. Кроме того, статические предикаты образуют локативные конструкции некаузативной локации, управляя при этом существительными в исходном или направительном, винительном пространственном, местном или дательном падежах, наречиями образа действия. То есть $V_{\text{stat}} \rightarrow N=\text{LOC}, N=\text{DAT}, N=\text{ACC}_{\text{space}}, N=\text{LAT}, N=\text{ABL}$; $V_{\text{stat}} \rightarrow \text{ADV}$. Если статический предикат образует конструкцию с семантикой каузативной локации, тогда при нем оказываются управляемые существительные в винительном или местном падежах, иными словами, $V_{\text{stat}} \rightarrow N=\text{LOC}, N=\text{ACC}$.

В удэгейском языке глаголы жвижения, инкорпорирующие сему перемещения в свое лексическое значение, могут употребляться без локализатора, поскольку представление о точках старта и финиша очевидно (*аумала- II* (~ *аумана-*) ‘взять в рот, схватить в пасть’). При подобных предикатах объект перемещения выражается именем в форме винительного падежа. Некоторые глаголы (например, *уму-сали-* ‘затянуть по пояс’) описывают специфическую ситуацию, обозначающую степень проникновения перемещаемого объекта в землю или воду.

Список литературы

- Авrorин В. А.* Синтаксические исследования по нанайскому языку. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. 198 с.
- Буторин С. С.* Директивные глагольные сателлиты в кетском языке и типология моделей лексикализации Л. Талми // Вестник ТГПУ. 2012. № 1 (116). С. 33–37.
- Буторин С. С.* Об основных средствах кодирования локационных и директивных семантических компонентов в кетском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. № 1 (30). С. 84–96.
- Буторин С. С.* Типологические особенности выражения компонентов ситуации местонахождения в кетском языке: структурно-семантический анализ неглагольных предикатов // Сибирский филологический журнал. 2017. № 2. С. 175–196.
- Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Книжный дом «Либроком» / URSS, 2019. 286 с.
- Гукина Л. В.* Явление схематизации в языковой репрезентации пространства // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022. Т. 3. № 3. С. 72–79.
- Кошкарева Н. Б.* Синтаксические средства выражения пространственных отношений (на материале уральских и тунгусо-маньчжурских языков Сибири). // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск, 2005. С. 74–119.
- Невская И. А.* Типы локативных предикатов в тюркских языках // Языки коренных народов Сибири. Вып. 4. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. С. 215–236.
- Невская И. А.* Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск: «Ника», 2005. 305 с.
- Талми Л.* Феномены внимания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2 (008). С. 23–44.
- Перехвальская Е. В.* Лингвистическая модель мира (пространство и время через призму удэгейского языка) // Филология и культура в межрегиональном пространстве. Материалы III Международной

научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И. А. Воробьевой. Барнаул, 15-17 мая 2013 г. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2013. С. 242–246.

Шилова В. В. Пространственные модели элементарных простых предложений в ненецком языке. Ч. 1. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. 106 с.

Talmy L. How language structures space // Spatial orientation: Theory, research, and application / Ed. by Herbert L. Pick Jr., Linda P. Acredolo. New York: Plenum Press, 1983. Pp. 225–282.

Talmy L. Past, present, and future of motion research // Motion and space across languages: Theory and applications / Ed. by Iraide Ibarretxe-Antuñano. (Human Cognitive Processing. Vol. 59). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. xiv, 460 p. Pp. 1–12.

Список источников

Кормушин И. В. Удыхейский (удэгейский) язык: Материалы по этнографии. Очерк фонетики и грамматики. Тексты и переводы. Словарь. М.: Наука, 1998. 320 с.

Симонов ПМ – Полевые материалы М. Д. Симонова по удэгейскому языку (рукопись).

Канчуга, 2002 – An Udehe Autobiographical Text with a Russian Translation by Aleksandr Kanchuga. Edited with a Japanese Translation by T. Tsumagari // Publications on Tungus Languages and Cultures 17. Sapporo: Nakanishi Printing Co, Ltd, 2002.

UD 1998 – Kyalundzuga V. T., Simonov M. D. An Udeghe Language Dictionary. Khor River Region Dialect. Стеншев, 1998 (в 3-х томах).

Список условных обозначений грамматических значений в глоссах

∅ – нулевая морфема; **беспадежная форма** существительного не маркируется; **ABL** – исходный падеж; **ACC** – винительный падеж; **ADJ** – прилагательное; **ADV** – наречие; **AL.POSS** – отчуждаемая принадлежность; **CAUS** – каузатив; **COLL** – собирательный суффикс существительных *-зига*; **COM** – совместная форма с суффиксом *-мулэ*; **CONN** – соединительная частица *да*; **CONT** – противительная частица *тэнэ*; **CV** – деепричастие; **DAT** – дательный падеж; **DENOM** – отыменной; **DICTUM** – диктум; **DIM** – диминутив; **DINAM** – динамический предикат; **DUR** – длительность; **EV1** – эвиденциальная частица *гунэ*; **EV2** – эвиденциальная частица *бэбу*; **EXIST** – экзистенциальный глагол; **EXPR** – глагольный суффикс экспрессивности; **FUT** – будущее время; **IMPER** – повелительное наклонение; **IND** – неопределенное местоимение; **INF** – инфинитив; **INSTR** – творительный падеж; **INTJ** – междометие; **LAT** – направительный падеж; **LIM** – выделительная частица *ла*; **LOC** – местный падеж; **LOCAT** – локативное наречие; **MODUS** – модус; **N** – имя существительное; **NCOND** – связанное имя существительное со значением условия; **NEG** – отрицательный вспомогательный глагол э= ‘не быть’; **NEGW** – отрицательное слово (частица) *анчи* (~ *анци*); **NOM** – именительный падеж; **NPURP** – связанное имя существительное со значением цели; **PARTCL** – частица; **PAST** – прошедшее время; **PL** – множественное число; **PRES** – настоящее время; **PROLAT** – продольный падеж; **PrP** – причастие настоящего времени; **POSS** – личная притяжательность; **PP** – причастие прошедшего времени; **REFL.POSS** – возвратная притяжательность; **SG** – единственное число; **SPACE** – пространственный; **STAT** – статический предикат; **SUBST.PL** – субстантивизирующий суффикс множественного числа *-зэту*; **V** – глагол; **VOC** – звательная форма.

References

Avrorin V. A. *Sintaksicheskie issledovaniya po nanayskomu yazyku* [Syntactic research in Nanay language]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd., 1981, 198 pp. (in Russ.).

Butorin S. S. *Direktivnye glagol'nye satellity v ketskom yazyke i tipologiya modeley leksikalizatsii L. Talmy* [Directional verb satellites in the Ket language and L. Talmy's typologies of lexicalization patterns]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2012, no. 1 (116), pp. 33–37. (in Russ.).

Butorin S. S. *Ob osnovnykh sredstvakh kodirovaniya lokatsionnykh i direktivnykh semanticheskikh komponentov v ketskom yazyke* [On the basic markers of coding locational and directional semantic compo-

nentsin the Ket language]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2016, no. 1 (30), pp. 84–96. (in Russ.).

Butorin S. S. Tipologicheskie osobennosti vyrazheniya komponentov situatsii mestonakhozhdeniya v ketskom yazyke: strukturno-semanticheskiy analiz neglagol'nykh predikatov [Typological features of expressing semantic components of location event in the Ket language: a structural-semantic analysis of non-verbal predicates]. *Siberian Journal of Philology*. 2017, no. 2, pp. 175–196. (in Russ.).

Gukina L. V. Yavlenie skhematizatsii v yazykovoy reprezentatsii prostranstva [The phenomenon of schematization in the language representation of space]. *Bulletin of Social Sciences and Humanities*. 2022, vol. 3, no. 3, pp. 72–79. (in Russ.).

Koshkareva N. B. Sintaksicheskie sredstva vyrazheniya prostranstvennykh otnosheniy (na materiale ural'skikh i tunguso-man'chzhurskikh yazykov Sibiri) [Syntactic means of expressing spatial relations (based on the material of the Uralic and Tunguso-Manchurian languages)]. In: *Puti formirovaniya lingvisticheskogo landshafta Sibiri* [Ways of forming the linguistic landscape of Siberia]. Novosibirsk, 2005, pp. 74–119. (in Russ.).

Nevskaya I. A. Tipy lokativnykh predikatov v tyurkskikh yazykakh [Types of locative predicates in Turkic languages]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, SB RAS, 1998, iss. 4, pp. 215–236. (in Russ.).

Nevskaya I. A. *Prostranstvennye otnosheniya v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri (na materiale shorskogo yazyka)* [Spatial relations in Turkic languages of Southern Siberia (on the material of Shor language)]. Novosibirsk, Nika, 2005, 305 p. (in Russ.).

Perekhval'skaya E. V. Lingvisticheskaya model' mira (prostranstvo i vremya cherez prizmu udegeyskogo yazyka) [Linguistic world model (space and time through the prism of the Udeghe language)]. In: *Filologiya i kul'tura v mezhhregional'nom prostranstve. Materialy 3 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati professora I. A. Vorob'evoy. Barnaul, 15–17 maya 2013 g.* [Philology and culture in interregional space. Proceedings of the 3rd International scientific and practical conference dedicated to the memory of the professor I. A. Vorob'eva. Barnaul, May 15–17, 2013]. Barnaul, Altay State Univ. Publ., 2013, pp. 242–246. (in Russ.).

Shilova V. V. *Prostranstvennye modeli elementarnykh prostykh predlozheniy v nenetskom yazyke* [Spatial models of elementary simple sentences in Nenets language]. Novosibirsk, NSU, 2003, pt. 1, 106 p. (in Russ.).

Talmy L. Fenomeny vnimaniya [Attention phenomena]. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2006, no. 2 (008), pp. 23–44. (in Russ.).

Talmy L. How language structures space. In: *Spatial orientation: Theory, research, and tion*. Herbert L. Pick Jr., Linda P. Acredolo (Eds.). New York, Plenum Press, 1983, pp. 225–282.

Talmy L. Past, present, and future of motion research. In: *Motion and space across languages: Theory and applications*. Iraide Ibarretxe-Antuñano (Ed.). (Human Cognitive Processing. Vol. 59). Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ. Company, 2017, xiv, 460 p. pp. 1–12.

Vsevolodova M. V., Vladimirskiy E. Yu. *Sposoby vyrazheniya prostranstvennykh otnosheniy v sovremennom russkom yazyke* [Ways of expressing locative relations in modern Russian language]. Moscow, Librokom, URSS, 2019, 286 p. (in Russ.).

List of sources

An Udehe Autobiographical Text with a Russian Translation by Aleksandr Kanchuga. T. Tsumagari (Ed., Japanese Transl.). In: *Publications on Tungus Languages and Cultures 17*. Sapporo, Nakanishi Printing Co, Ltd, 2002.

Kormushin I. V. *Udykheyskiy (udegeyskiy) yazyk: Materialy po etnografii. Ocherk fonetiki i grammatiki. Teksty i perevody. Slovar'* [Udyhe (Udeghe) Language. Materials on the ethnic Culture. Phonetics and Grammar. Texts and Translations. Glossary]. Moscow, Nauka, 1998, 320 p. (in Russ.).

Kyalundzuga V. T., Simonov M. D. *An Udeghe Language Dictionary. Khor River Region Dialect*. Stęszew, 1998. (In 3 vols.).

Polevye materialy M. D. Simonova po udegeyskomu yazyku (rukopis') [M. D. Simonov's Field materials on Udihe language (manuscript)]. (in Russ.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
25.05.2023*

Сведения об авторе

Сагайдачная Анна Олеговна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
E-mail: a_trofimova@mail.ru
ORCID 0000-0001-9568-2582

Information about the Author

Anna O. Sagaydachnaya – Candidate of Philology, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
E-mail: a_trofimova@mail.ru
ORCID 0000-0001-9568-2582

УДК 811.512.156 + 81'367.332.7
DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-57-70

Функционирование разных типов сказуемых тувинского языка в нарративном дискурсе

Л. А. Шамина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Рассматриваются структурные и семантические типы конечных и неконечных глагольных сказуемых тувинского языка. Как конечные, так и неконечные сказуемые могут выражаться финитными и инфинитными формами и делятся на простые, выраженные синтетическими глагольными словоформами, и составные, выраженные двух- и трехкомпонентными аналитическими конструкциями. В составе анализируемых конструкций широко употребляются деепричастия на =*n* и на =*a* в роли знаменательного компонента. Грамматические значения выражают разнообразные вспомогательные глаголы. Рассмотренные аналитические структуры выражают модальные, аспектуальные, темпоральные значения. Как особая аспектуальная форма рассматривается аналитическая конструкция с семантикой ‘чуть не’, которая указывает на то, что ситуация не состоялась, хотя и находилась в прошлом на грани осуществления.

Ключевые слова

тувинский язык, сказуемое, конечное и неконечное сказуемое, финитное и инфинитное сказуемое, простое и составное сказуемое, аналитическая конструкция, деепричастие, причастие, аспектуальность, модальность, темпоральность

Для цитирования

Шамина Л. А. Функционирование разных типов сказуемых тувинского языка в нарративном дискурсе // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48). С. 57–70. DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-57-70

Functioning of different types of predicates in the Tuvan language in narrative discourse

L. A. Shamina

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The article examines the use of finite and infinite predicates, specifically simple and analytical ones, in Tuvan prose. Our attention is on narrative sentences that present a sequential order of events. The analysis reveals that the discourse under study is predominantly characterized by infinite forms in the finite function, such as participles (non-analytical predicates) and gerunds as the initial component of analytical predicates. The finite design of the predicate implies a sequential presentation of events unfolding in time and space. Non-analytic and analytical structures of the predicate can be distinguished based on the presence of the adverbial first component and the participial first component. The infinite organization of the predicate presupposes the possibility of a causal link between consecutive events, although this assumption is

© Л. А. Шамина, 2023

ISSN 2712-9608
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 4 (iss. 48)

not obligatory. Analytical constructions with different semantics, such as modal, aspectual, phase, and temporal, involve the use of the participles “on = p” and “on = a.” Auxiliary verbs modify the semantics of the main verb, adding additional characteristics to the mode of action. Analytical constructions with the semantics of “almost” are regarded as a special aspectual form. It indicates that the temporal phase of the situation denoted by the auxiliary verb is very close to the initial boundary of the situation described by the semantic verb on the time axis. However, despite being on the verge of realization in the past, such a situation failed to materialize.

Keywords

finite, infinite, gerund, participle, analytical construction, predicate, aspectual form, Tuvan language

For citation

Shamina L. A. *Funktsionirovanie raznykh tipov skazuemykh tuvinskogo yazyka v narrativnom diskurse* [Functioning of different types of predicates in the Tuvan language in narrative discourse]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 4 (iss. 48), pp. 57–70. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-57-70

Введение

Целью настоящей статьи является анализ функционирования разных типов глагольных сказуемых в художественных произведениях на тувинском языке и обобщение имеющихся результатов исследования тувинских аналитических конструкций.

На материале тюркских языков Южной Сибири аналитические конструкции (далее АК) сказуемого, выражающие различные модальные и аспектуальные значения, рассматриваются в работах А. Т. Тыбыковой [1976], М. И. Черемисиной [1995], А. А. Озоновой [2006], Э. Т. Тохниной [2006], А. Р. Газрановой [2005] по алтайскому языку, Н. Н. Ширококовой [1991], И. В. Шенцовой [1998] по шорскому, Л. А. Шаминой по тувинскому языку [1987, 1995, 2003] и др.

По синтаксической позиции в составе предложения сказуемые делятся на *конечные* и *неконечные*. *Конечными* называются сказуемые в составе простого предложения или главной части полипредикативной конструкции. В норме они занимают последнее место в структуре высказывания и могут быть *простыми* и *составными*. *Простые* сказуемые включают одну лексическую единицу, т. е. выражаются синтетически финитными или инфинитными формами глагола. *Составные* сказуемые выражаются аналитическими конструкциями, в их состав входят два или три компонента – один знаменательный и один или два вспомогательных. Составные сказуемые разнообразны по структуре и семантике и передают темпоральные, аспектуальные и модальные значения.

Материалом для исследования послужили примеры из произведений художественной литературы на тувинском языке. Основной объем выборки составили 2023 примера из романа К. К. Кудажи «Уйгу чок Улуг-Хем» («Улуг-Хем неугомонный»).

1. Конечные глагольные сказуемые

В состав конечных сказуемых в качестве финального компонента входит финитная глагольная форма, которая в простом глагольном сказуемом выступает самостоятельно, а в составном глагольном сказуемом, выраженном аналитической конструкцией, финитную форму принимает вспомогательный глагол.

В тувинском языке к финитным причисляют форму на =ды (прошедшее категорическое время), а также полифункциональные формы на =ган (прошедшее неопределенное время / причастие прошедшего времени), =ар (будущее-настоящее время / причастие будущего времени), =бышаан (прошедшее-настоящее время / сопроводительное деепричастие) и некоторые другие.

1.1. Простые финитные сказуемые

Простые финитные сказуемые обозначают последовательное изложение событий, протекающих во времени и пространстве. В романе К. К. Кудажи «Уйгу чок Улуг-Хем» («Улуг-Хем неугомонный») основная масса примеров приходится на финитные сказуемые в форме прошедшего времени на =ган – всего 386 примеров. Значительно меньше случаев выражения финитного предиката формой будущего времени на =ар – 109 примеров. Оформление финитного сказуемого показателем отрицания =ба составляет с формой на =баан 83 примера, с формой на =бас 18 примеров. Употребление финитного ска-

зуюмого в форме прошедшего категорического времени на =ды отмечено в 21 примере. Менее чем по 10 примеров приходится на формы =бышаан, =гыже, =пайн и некоторые другие. Примеры с другими формами из списка встречаются редко.

- (1) *Шыкта көк шымырарган* [Кудажы, 2002, с. 3].

шык=га көк шымырар=ган
луг=LOC зеленый всходить=PP
'На лугу зеленая [трава] взошла.'

- (2) *Маңгыр чейзеңниг кезек борта көзүлбеди* [Кудажы, 2002, с.15].

Маңгыр чейзең=ниг кезек борта көз=үл=бе=ди
Мангыр чейзең=POSSV группа здесь показывать=PASS=NEG=PAST
'Группа Мангыр чейзена¹ здесь не показалась.'

- (3) *Бажың ам-даа кыптышаан* [Кудажы, 2002, с. 24]

бажың ам-даа кып=пышаан
дом все еще гореть=PAST.PrP
'Дом все еще догорал.'

1.2. Составные финитные сказуемые

Составные сказуемые выражаются аналитическими конструкциями (АК), в состав которых входит знаменательный компонент, принимающий ту или иную инфинитную форму, и финитный вспомогательный глагол, выражающий грамматические значения.

1.2.1. Классификация составных глагольных сказуемых по форме знаменательного компонента

Знаменательный компонент может быть выражен деепричастием или причастием. В соответствии с этим различаются деепричастные и причастные АК.

1) **Деепричастные АК** являются наиболее частотными. Знаменательный компонент принимает форму деепричастия на =n и =a.

- (4) *Дагларның, шөлдернің хары эрип калган* [Кудажы, 2002, с. 3].

даг=лар=ның шөл=дер=ның хар=ы эри=п кал=ган
гора=PL=GEN поле=PL=GEN снег=POSS.3 таять=CV AUX: оставаться=PP
'В горах, полях снег растаял.'

- (5) *Оларга ам кым-даа дыңны албас* [Кудажы, 2002, с. 68].

олар=га ам кым-даа дыңн=ы ал=бас
они=DAT сейчас никто осилить=CV AUX: брать=NEG.PrP
'Сейчас к ним никто не сможет придаться (осилить).'

Кроме двухкомпонентных конструкций, представленных в примерах (4) и (5), в тувинском языке встречаются также и трехкомпонентные конструкции с двумя вспомогательными глаголами, первый из которых стоит в форме деепричастия на =n или =a, а второй – в финитной форме:

- (6) ... *Буян аьдының кырындан черже аңдарлып кээп дүшкен* [Кудажы, 2002, с. 59].

Буян аьд=ы=ның кыр=ы=н=дан чер=же
Буян конь=POSS.3SG=GEN верхняя часть=POSS.3SG=INFIX=ABL земля=LAT
аңдарлы=п кээп дүш=кен
падать=CV AUX: приходиться.CV AUX: спускаться=PP
'Буян с коня на землю свалился.'

¹ Чейзең (чайзаң) – ист. зайсан, феодальный чиновник [Тувинско-русский словарь, 1968, с. 511].

(7) *Аалдар күзеглеп кире берген* [Кудажы, 2002, с. 351].

аал=дар күзегле=п кир=е бер=ген
 аал=PL перекочевывать на осеннее стойбище=CV входить=CV AUX:давать=PP
 ‘Аалы ² начали перекочевывать на осенние стойбища.’

(8) *Григорьевтинц ... оожум карактары чүгүржү хона берген* [Кудажы, 2002, с. 65].

Григорьев=тинц оожум карак=гар=ы чүгүр=ж=ү
 Григорьев=GEN спокойный глаз=PL=POSS.3 бегать=RECIP=CV
 хон=а бер=ген
 AUX:ночевать=CV AUX:давать=PP
 ‘Спокойные глаза Григорьева забегали.’

2) Причастные АК в количественном отношении уступают деепричастным: их доля в выражении финитного сказуемого невелика. Знаменательный компонент может стоять в форме причастия настоящего или прошедшего времени:

(9) *...Соскарны туткан эрлер чүгле өскээр көрнүр болган* [Кудажы, 2002, с. 12].

Соскар=ны тут=кан эр=лер чүгле өскээр
 Соскар=ACC держать=PP мужчина=PL только в другую сторону
 көр=н=үр бол=ган
 смотреть=RFL=PrP AUX=PP
 ‘Вместо ответа державшие Соскара мужчины посмотрели в сторону.’

(10) *Маңгыр чейзең чүнү-даа ыыттавайн, мойнаа кыза берген олурган* [Кудажы, 2002, с. 17].

Маңгыр чейзең чүнү-даа ыытта=вайн мойнаа
 Маңгыр чейзен ничего говорить=NEG.CV шея.POSS3Sg
 кыз=а бер=ген олур=ган
 краснеть=CV AUX:давать=PP AUX:сидеть=PP
 ‘Маңгыр чейзен ничего не говорил, шея его покраснела.’

Деепричастные АК финитного сказуемого составляют 697 примеров. Среди деепричастий, оформляющих первый компонент АК, лидирует деепричастие на =n (545 примеров), на втором месте деепричастие на =a (133 примера). Реже употребляется форма на =пайн (13 примеров). Единичны случаи употребления деепричастий на =гаиш и на =бышаан.

Причастные АК финитного сказуемого составляют 123 примера. В проведенном ранее исследовании причастных АК нами установлено, что первый компонент преимущественно употребляется в форме причастия прошедшего времени на =ган и вспомогательные глаголы не принимают показателя отрицания [Шамина, Ондар, 2003, с. 61–62].

1.2. Классификация составных глагольных сказуемых по семантике в зависимости от типа вспомогательного компонента

Составные глагольные сказуемые, выраженные АК с деепричастными и причастными формами знаменательных компонентов, передают разнообразные модальные, аспектуальные, темпоральные, пространственные значения. Вспомогательные глаголы в их составе модифицируют семантику основного глагола, внося дополнительные характеристики способа действия, времени его протекания, реальности или нереальности события и т. д.

Вторым компонентом деепричастных АК выступает вспомогательный глагол преимущественно в форме прошедшего времени на =ган (334 примера). Наиболее употребительны в этой функции 10 вспомогательных глаголов: тур= ‘стоять’ (67 примеров), кел= ‘приходить’ (63 примера), ал= ‘брать’ (49 примеров), каг= ‘оставлять, класть’, (42 примера), чор= ‘идти’ (34 примера), олур= ‘сидеть’ (34

² Аал – селение, состоящее из одной или нескольких юрт.

примера), *кал*= ‘оставлять’ (26 примеров), *чыт*= ‘лежать’ (19 примеров). На вспомогательные глаголы *бер*= ‘давать’ и *бар*= ‘уходить’ приходится по 9 примеров.

1) Аспектуальные АК.

Центральным значением поля аспектуальности является фазовость – фиксация начала, продолжения или завершения действия.

Высоко частотной в тувинском языке является конструкция, в которой знаменательный компонент в форме деепричастия на =а сочетается со вспомогательным глаголом *бер*= ‘давать’. Такие конструкции чаще всего обозначают начало действия (примеры 11-12), однако возможно также и указание на его завершение (пример 13), ср.:

(11) *Даштын ыттар ээре берген* [Кудажы, 2002, с. 38].

даштын ыт=гар ээр=е бер=ген
на улице собака=PL лаять=CV AUX:давать=PP
‘На улице залаяли собаки.’

(12) ... *коргулчун долу дайзынның кырынче куттул=а-ла берген* [Кудажы, 2002, с. 351].

коргулчун долу дайзын=ның кыр=ы=н=че кутт=ул=а-ла
свинец град враг=GEN поверхность=POSS3Sg=INFIX лить=PASS=CV-PRCL
бер=ген
AUX:давать=PP
‘...свинцовый град полился на врага.’

(13) *Сугже безин маңнаар кижги ховартай берген* [Кудажы, 2002, с. 11].

суг=же безин манна=ар кижги ховарта=й бер=ген
вода=LAT даже бежать=PrP человек редеть=CV AUX:давать=PP
‘Даже к воде люди перестали бегать.’

Для выражения значения **инхоатива** («ситуация X началась») используются вспомогательные глаголы *эгеле*= ‘начинать’, *эглээр*= ‘начать’, которые сочетаются со знаменательным глаголом в форме деепричастия на =n:

(14) *Сарыг-Сепче кирип эгеледивис* [Төрээн чогаал, 1986, с. 103].

Сарыг-Сеп=че кир=ип эгеле=ди=вис
Сарыг-Сеп=LAT входит=CV начинать=PAST=1PL
‘Мы начали въезжать в Сарыг-Сеп.’

(15) *Черде күске үңгүрүнүн мортунун³ көргөш-ле казып эглээр* [Сарыг-оол 1978, с. 9].

чер=де күске үңгүр=ү=нүн мортун=у=н
место=LOC мышь нора=POSS.3SG=GEN насыпь=POSS.3SG=ACC
көр=гөш-ле каз=ып эглээр
смотреть=CV-PRCL копать=CV AUX:начинать.PrP
‘Только увидев земляную насыпь перед норой мыши, они начинают копать ее.’

Значение инхоатива выражают также АК, образованные сочетанием деепричастия на =n основного глагола и вспомогательного глагола *үн*= ‘выходить’, однако АК со знаменательным глаголом в форме деепричастия на =n в данном значении встречаются реже:

(16) *Узун-кыс хөөкүй-даа арай бергедеп үнер* [Сарыг-оол, 1978, с. 7].

Узун-кыс хөөкүй-даа арай бергеде=п үн=ер
Узун-кыс бедный-PRCL слегка затрудняться=CV AUX:выходить=PrP
‘Бедная Узун-кыс начинает затрудняться.’

³ *Мортук* – земляная насыпь, земляной холмик перед норой суслика, мыши и др. грызунов.

Семантика **терминатива** («ситуация X прекратилась») передается АК с деепричастиями на =*n*, =*пайн* смыслового глагола и вспомогательными глаголами *бар*= ‘уходить’, *кал*= ‘оставлять’ и др.:

(17) ... *ийи кижии адаанда талдар аразынче көзүлбейн барган* [Балчый, 2009, с. 104].

ийи кижии адаа=н=да тал=дар ара=зы=н=че
два человек низ=POSS.3SG=LOC ива=PL расстояние=POSS.3SG=INFIX=LAT
көз=үл=**бейн** **бар=ган**
показывать=PASS=NEG.CV AUX:уходить=PP
‘...два человека за ивами перестали быть видимыми (спрятались).’

(18) *Чугаа улашпайн үстүп калган* [Балчый, 2009, с. 94].

чугаа ула=ш=**пайн** үс=т=**үп** **кал=ган**
разговор соединять=RECIP=NEG.CV рваться=CAUS=CV AUX:оставлять=PP
‘Так разговор прервался.’

Вспомогательный глагол *тур*= ‘стоять’ в составе АК со значением терминатива принимает отрицательную форму повелительного наклонения:

(19) *Ча, калчаарап турба, ол дошпулуур хылы үзе-чаза соп кааптың* [Бадра, 2005, с. 9].

ча калчаара=**п** **тур=ба** ол дошпулуур хыл=ы
ладно дурачиться=CV AUX:стоять=NEG.IMP.2SG этот дошпулуур струна=POSS.3SG
үз=е-чаз=а соп каа=п=ты=ң
рвать=CV-порвать=CV бить.CV оставлять=PFV=PAST=2SG
‘Ладно, хватит баловаться, а не то струны *дошпулура*⁴ порвешь!’

Одним из способов выражения значения **прекращения** действия является синтетический, при котором к основе смыслового глагола присоединяется аспектуальный показатель «прекратительного вида» =*баста* [Исхаков, Пальмбаха, 1961, с. 409].

(20) *Өөндөн үнместээн, өске аалдар барбастаан* [Кудажы, 2002, с. 15].

өөн=ден үн=**местэ=эн** өске аал=дар бар=**баста=ан**
юрта.POSS.3SG=ABL выходить=NEG.PFV=PP другой аал=PL ийти=NEG.PFV=PP
‘Перестал выходить из дома, перестал ездить в другие аалы.’

Результативное состояние, **цессатив** («ситуация X завершилась»), выражается АК, основной глагол которой имеет форму деепричастия на =*n*, а вспомогательный компонент представляют глаголы *каг*= ‘оставлять, класть’, *бер*= ‘давать’:

(21) *Чүгле тараа эвес, мыйыракты хөөп каар* [Сарыг-оол, 1978, с. 9].

чүгле тара эвес мыйырак=ты
только зерно не корень живородной гречишки=ACC
хөөп **ка=ар**
закопать.CV AUX:оставлять=PP
‘Не только зерно, но и корни живородной гречишки закапывают.’

(22) *Чамдык кижилер отче кайган алгаи туруп бергеннер* [Кудажы, 2002, с. 13].

чамдык кижии=лер от=че кайга=п ал=гаш
некоторый человек=PL огонь=LAT смотреть пристально=CV AUX:брат=CV
тур=**уп** **бер=ген=нер**
стоять=CV AUX:давать=PP=3PL
‘Некоторые люди, пристально смотря на огонь, стояли (потрясенные).’

⁴ *Дошпулуур* – двухструнный щипковый музыкальный инструмент.

(23) *Чейзең маң-биле баргаиш, анайны чевинден адырып салыпкан* [Кудажы, 2002, с. 22].

Чейзең	маң-биле	бар=гаш	анай=ны	чев=и=н=ден
Чейзен	скорость-INSTR	идти=CV	козленок=ACC	веревка=POSS.3SG=INFIX=ABL
адыр=ып	сал=ып=кан			
отделять=CV	отпускать=PFV=PP			

‘Чейзен быстро подбежал, козленка от веревки освободил.’

В примере (23) АК *адырып салыпкан* ‘освободил’ (букв.: отделив отпустил) в роли второго компонента использован глагол *сал*= ‘класть, отпускать’, который практически не употребляется в качестве вспомогательного в составе АК. В данном примере он также грамматикализовался не полностью и сохраняет свое основное значение ‘отпускать’.

Для выражения **континуатива** («ситуация X продолжается») используются глаголы *тур*= ‘стоять’, *олур*= ‘сидеть’, *чор*= ‘идти’, *чыт*= ‘лежать’, выражающие процесс, а также глагол *кал*= ‘класть, оставлять’:

(24) *Узун-кыс оон амырап, өске бүгү-ле күске чылдыг өөрүнге тоолдап олар чүве* [Сарыг-оол, 1978, с. 8].

Узун-кыс	оон	амыра=п	өске	бүгү=ле	күске	чыл=дыг
Узун-кыс	потом	радоваться=CV	другой	все=PRTCL	мышь	год=POSSV
өөр=ү=н=ге		тоолда=п		ор=ар		чүве
друзья=POSS.3SG=INFIX=DAT		рассказывать сказку=CV		AUX:сидеть=PrP		PRTCL

‘Узун-кыс, обрадовавшись, всем своим друзьям, которые родились в год мыши, так рассказывала.’

(25) *Балдырым ырбаңайнып турар* [Сарыг-оол, 1978, с. 12].

балдыр=ым	ырба=ңайн=ып	тур=ар
икра=POSS.1SG	дрожать=RITM=CV	AUX:стоять=PrP

‘Икры мои дрожат.’

АК со знаменательными глаголами *хон*= ‘ночевать’, *хүнзе*= ‘проводить день’ выражает конкретные временные рамки протекания основного действия в пределах данного времени суток, времени года: *олура хон*=, *тура хон*= ‘провести ночь без сна’; *черге хон*= ‘ночевать под открытым небом’; *ара хон*= ‘ночевать, не доезжая до места назначения’; *даңны атсы*= ‘всю ночь [до рассвета]’:

(26) *Буян шагда черге хөй катап чааскаан хонуп чораан* [Кудажы, 2002, с. 8].

Буян	шагда	чер=ге	хөй	катап	чааскаан	хон=уп	чора=ан
Буян	раньше	земля=DAT	много	раз	один	ночевать=CV	AUX:идти.PP

‘Сколько раз раньше приходилось Буяну ночевать одному под открытым небом.’

(27) *Салбак-оол өөнүң эжиин шарып кааиш, хоюн кадарып хүнзээн* [Сюрюн-оол, 1994, с. 260].

Салбак-оол	өө=нүң	эжиин=н	шары=п
Салбак-оол	юрта=GEN	дверь.POSS.3SG=ACC	завязывать=CV
ка=аш	хою=н	кадар=ып	хүнзээн
AUX:оставлять=CV	овца.POSS.3SG=ACC	пасти=CV	проводить день.PP

‘Салбак-оол, связав дверь юрты, целый день пас овец.’

Значение **хабитуалиса** («ситуация X имеет место обычно, регулярно») передается АК, в которой деепричастие на =*n* основного глагола сочетается со вспомогательными глаголами *тур*= ‘стоять’, *чор*= ‘идти’ в форме широкого настоящего времени на =*ар*:

(28) *...изиг аржаан соодарынга ажыглап турар* [Кудажы, 1984, с. 204].

изиг	аржаан	соод=ар=ы=н=га	ажыгла=п
------	--------	----------------	-----------------

горячий минеральный источник охладить=PrP=3Sg=INFIX=DAT **использовать=CV**
тур=ар
AUX:стоять=PrP

‘... (его) используют для охлаждения горячих минеральных источников.’

Узуальное действие описывается также при помощи трехкомпонентных АК:

(29) *Аныяктар ... айтырын ап чоруур* [Балчый, 2009, с. 94–104].

аныяк=тар арга-сүме=зи=н айтыр=ып
 молодой=PL способ-совет=POSS.3SG=ACC спрашивать=CV

ап чору=ур
AUX:братъ.CV AUX:идти=PrP

‘Молодые берут у него совет.’

(30) *...Хөндергей, Улаатай аразында чүү боор, улус-чон үргүлчү аргыжып чоруп турар* [Балчый, 2009, с. 104].

Хөндергей Улаатай ара=зы=н=да чүү боор
 Хөндергей Улаатай промежуток=POSS.3SG=INFIX=LOC что PRTCL
 улус-чон үргүлчү аргыж=ып чор=уп тур=ар
 люди-народ постоянно посещать друг друга=CV идти=CV **AUX:стоять=PrP**

‘... между Хөндергеем и Улаатаем рукой подать, народ постоянно ведь ездит туда-сюда.’

Значение **проксиматива** (едва не случившегося действия) передается трехкомпонентной АК, выраженной сочетанием основного глагола в форме деепричастия на =а и грамматикализованной формой причастия будущего времени =ар с глаголом *час* = ‘ошибаться’: =ар *час* = ‘чуть не’.

(31) *Чандыр кымчылаан Буян боду аьдындан аңдарлы бээр часкан* [Кудажы, 2002, с. 56].

чандыр кымчыла=ан Буян боду аьд=ы=н=дан
 мимо бить кнутом=PP Буян сам конь=POSS.3SG=INFIX=ABL

аңдар=л=ы **бээр час=кан**
 падать=PASS=CV **AUX:давать.PrP AUX:ошибаться=PP**

‘Невпопад хлеща кнутом, Буян сам с коня чуть не свалился.’

Мы рассматриваем конструкцию =ар *час* = ‘чуть не’ как особую аспектуальную форму, которая указывает на то, что временная фаза совершения ситуации, обозначенной вспомогательным глаголом, очень близко расположена на временной оси к начальной границе ситуации, которая описывается смысловым глаголом. Но ситуация, хотя и находилась в прошлом на грани осуществления, все же не осуществилась (ср. описание аналогичного аспектуального значения проксиматива в языках Африки [Майсак, 2005, с. 353]). Аспектуальное значение ‘чуть не’ близко к аспектуальному значению проспектива, которым маркируется подготовительная (предначинательная) стадия новой ситуации («состояние такое, что имеются признаки начала ситуации» [Плунгян, 2000, с. 297]), но не тождественно ему.

Аналитические конструкции со значением **мгновенности** формируют глаголы физического воздействия на объект: *шап* = ‘бить’, *сок* = ‘бить’ и глагол *дүш* = ‘падать, останавливаться’, представляющий группу глаголов прекращения действия.

(32) *...Домогацких үзе шаап каан* [Кудажы, 2002, с. 39].

Домогацких үз=е **шаа=п каан**
 Домогацких разрывать=CV **AUX:бить=CV AUX:оставлять.PP**

‘Домогацких разрубил.’

2) Темпоральные АК. Формы настоящего времени в тувинском языке выражаются при помощи аналитических конструкций. Настоящее актуальное и настоящее общее передается сочетаниями дее-

причастия на =*n* и вспомогательных глаголов *тур*= ‘стоять’, *чор*= ‘идти’, *олур*= ‘сидеть’, *чым*= ‘лежать’ [Ооржак, 2014, с. 100]:

(33) *Кажарлап олур сен, күжүрүм* [Кудажы, 2002, с. 201].

кажарла=**п** **олур** сен күжүр=үм
лукавить=**CV** **AUX:сидеть** 2Sg дорогой=**POSS1Sg**
‘Лукавишь, дорогой мой.’

(34) *Кургаг чекпе дег, анаа-ла салдап чоруур* [Кудажы, 2002, с. 25].

кургаг чекпе дег анаа-ла салда=**п** **чору=ур**
сухой гриб-трутовик **POSTP** просто-**PRTCL** плыть на поверхности воды=**CV** **AUX:идти=PP**
‘Как сухой гриб-трутовик, просто плывет на поверхности воды.’

Темпоральное значение выражается в основном двухкомпонентными АК. Трехкомпонентные конструкции осложняются аспектуальными значениями (длительностью), которые привносятся семантикой вспомогательного глагола.

3) Модальные АК. Модальная семантика и способы ее выражения (синтетические и аналитические) рассматривались в диссертационной работе Б. Ч. Ооржак [2019], посвященной описанию системы грамматической модальности в тувинском языке. В системе грамматической модальности автор выделяет аналитические формы и аналитические конструкции. Аналитические формы представляют собой устойчивые в формальном отношении образования, не допускающие дальнейшего наращивания модально-темпоральными и эвиденциальными аффиксами и выражающие ту или иную модальную семантику. Модальные аналитические конструкции, в отличие от аналитических форм, могут наращивать к своим основам модально-темпоральные, эвиденциальные аффиксы (или модальные глаголы), при этом их значение осложняется дополнительными смыслами [Ооржак, 2019, с. 47]. Приведем примеры с модальными глаголами *шыда*= ‘мочь’ и *чада*= ‘не мочь’, которые встречаются в составе двух- и трехкомпонентных деепричастных АК:

(35) *Саванды эдипкен аксын ээле шыдаан* [Кудажы, 2002, с. 117]

Саванды эди=**п=кен** акс=**ы=н** ээле=**п** **шыдаан**
Саванды говорить=**PFV** рот=**POSS3Sg=ACC** быть хозяином=**CV** **мочь.PP**
‘Саванды смог сдержать свое слово.’

(36) *...чаңгыс айтырыгың баажызын тып чадаан* [Кудажы, 2002, с. 16].

чаңгыс айтырыг=**ның** баажы=**зы=н** **тыг=п** **чадаан**
единственный вопрос=**GEN** скрытый смысл=**POSS.3SG=ACC** находить=**CV** **не мочь.PP**
‘...не мог понять суть одного вопроса.’

(37) *...өлгөн сөөктен чүнү-даа негеп ап шыдавас силер* [Кудажы, 1984, с. 159].

өл=**ген** сөөк=**тен** чүнү-даа неге=**п** **ап** шыда=**вас** силер
умереть=**PP** кость=**ABL** ничего требовать=**CV** **AUX: брать.CV** **мочь=NEG.PR** 2Pl
‘...с мертвых костей ничего не сможете потребовать.’

4) Пространственные АК. В тувинском языке, как и в других тюркских языках, имеются АК, в которых сочетаются два глагола движения: знаменательный в форме деепричастия на =*n* и вспомогательный в финитной форме. Семантика таких АК – ориентация движения относительно субъекта. Такую пространственную ориентацию вносит вспомогательный компонент. Он является показателем направления и локализации (директивным маркером), именно в его семантике содержится сема направления.

В тувинском языке в роли директивных маркеров выступают пары соотносительных глаголов, противопоставленных по признаку ориентации движения на субъект наблюдения: *кел*= ‘приходить’, выражающий направленность действия в сторону говорящего; *бар*= ‘уходить’, выражающий направленность действия от говорящего. Вспомогательный глагол *ун*= ‘выходить’ выражает направление движе-

ния вертикально вверх и изнутри, а глагол *душ* = ‘падать’ – вниз. Глагол *кир* = ‘входить’ с аффиксом каузативного залога =*гир* указывает на направление движения внутрь объекта.

– Движение к ориентиру:

(38) *Мен чедип келдим* [Кудажы, 2002, с. 12].

мен	чед=ип	кел=ди=м
я	добираться=CV	AUX:приходить=PAST=1SG

‘Я приехал.’

– Движение изнутри ориентира:

(39) *«Жигули»-даа шимчен үнүпкен* [Улуг-Хем, 1994, с. 15].

Жигули-даа	шимче=п	үн=үп=кен
Жигули-PRТCL	двигаться=CV	AUX:выходить=PFV=PP

‘«Жигули» выехала.’

2. Неконечные глагольные сказуемые

В составе зависимой предикативной единицы последний компонент сказуемого принимает инфинитную форму. Инфинитная организация сказуемого предполагает связь одного события с последующим. Как и финитные сказуемые, инфинитные сказуемые делятся на простые и составные.

2.1. Простые инфинитные сказуемые

Простые сказуемые выражаются инфинитными формами глагола – деепричастиями, причастиями в составе определительных полипредикативных конструкций и причастно-падежными формами в конструкциях обстоятельственной семантики:

(40) *Бажым улуг болгаиш, чая бээр – кайнаар-ла эглир-дир мен, ол уунче чуглу бээр аан* [Сарыг-оол, 1978, с. 10].

баж=ым	улуг	бол= гаиш	чая	бээр
голова=POSS.1SG	большой	быть= CV	качать.CV	AUX:давать.PrP
кайнаар-ла	эг=л=ир-дир	мен	ол	уу=н=че
куда угодно	гнуть=RFL=PrP-PRТCL	я	тот	направление.POSS.3SG=INFIX=LAT
чуг=л=у	бээр		аан	
катиться=CAUS=CV	AUX:давать.PrP		PRТCL	

‘Из-за того, что голова у меня большая, перетягивает – куда качнется, туда и повалишься.’

(41) *...мен дүүн сыыннар ашкан дагже үнүптүм* [Кудажы, 1984, с. 160].

мен дүүн	сыын=нар	аш= кан	даг=же	үнү=п=түм
я	вчера марал=PL	переваливать= PP	гора=LAT	подниматься=PFV=PP

‘...я вчера поднялся на гору, [которую] перевалили маралы.’

(42) *Орустар өттүнерге, ындыг-ла болгай* [Кудажы, 2002, с. 13].

орус=тар	өттүн= ер=ге	ындыг-ла	болгай
русский=PL	подражать= PrP=DAT	так-PRТCL	ведь.MOD.PRТCL

‘Так как русским подражают, так [и бывает] ведь.’

Сюда же относятся примеры аналитико-синтетических причастно-последложных полипредикативных конструкций, в которых сказуемое выражается одиночным причастием:

(43) *Бүдүн сараат сиген кыпкан соонда, өрт калчаарап барган* [Кудажы, 2002, с. 13].

бүдүн	сараат	сиген	кып= кан	соо=н=да
целый	стог	трава	гореть= PP	конец.POSS.3SG=INFIX=LOC
өрт	калчаара=п	бар=ган		

пожар бесноваться=CV AUX:идти=PP
 ‘После того как целый стог сена сгорел, пожар усилился.’

2.2. Составные инфинитные сказуемые

Составные инфинитные сказуемые представлены двумя разновидностями. К первой относятся примеры, в которых сказуемое зависимой предикативной единицы выражено глагольной АК. В обстоятельственных полипредикативных конструкциях, наиболее частотных в повествовательном нарративе, последний компонент принимает форму деепричастия:

(44) *Буянны көрүп кааш, Чудурукпай база аазадып калган* [Кудажы, 2002, с. 366].

Буян=ны көр=үп кааш Чудурукпай база
 Буян=ACC смотреть=CV AUX:оставлять.CV Чудурукпай тоже
 аазад=ып кал=ган
 разевать рот=CV AUX:оставлять=PP
 ‘Увидев Буяна, Чудурукпай тоже разинул было рот.’

(45) *...аьттарывыс чедип алгаи, бадьтывыс* [Кудажы, 1984, с. 113].

аьт=тар=ывыс чед=ип ал=гаи бад=ыпт=ывыс
 лошадь=PL=POSS.1PL вести=CV AUX:братъ=CV спускаться вниз=PFV=1PL
 ‘...мы, взяв за поводья лошадей, спустились.’

В определительных конструкциях последний компонент стоит в причастной форме:

(46) *Аңгырактың мунуп чораан аьдын Донгак чедип алган* [Балчый, 2009, с. 94–104].

Аңгырак=тың мун=уп чораан аьд=ы=н Донгак
 Аңгырак=GEN ехать верхом=CV AUX:идти.PP лошадь=POSS.3SG=ACC Донгак
 чед=ип ал=ган
 вести=CV AUX:братъ=PP
 ‘Лошадь, [на которой] ехал Аңгырак, повел [в поводу] Донгак.’

Во второй разновидности сказуемое зависимой части аналитико-синтетических полипредикативных конструкций выражено АК, последний компонент которой принимает причастную форму.

(47) *Эрткен кыжсын чыннып аар дээш, орук ара кире дүштүм* [Кудажы, 2002, с. 17].

эрт=кен кыжын чынны=п аар дээш
 проходить=PP зимой греться.RFL=CV AUX:братъ.PpP POSTP
 орук ара кир=е дүш=тү=м
 пути промежуток входит=CV AUX:спускаться=PAST=1SG
 ‘[Я] проезжал зимой, на полпути, чтобы согреться, заехал к нему.’

Причастные АК в роли инфинитного сказуемого используются реже деепричастных, аналогично тому, как распределяется частотность деепричастных и причастных АК в простом предложении.

Заключение

В результате проведенного исследования установлено, что среди нефинитных форм абсолютно преобладает форма деепричастия на =п. Это деепричастие употребляется не только для выражения предиката повествовательного предложения, но и для образования аналитических глагольных форм с грамматикализованными и полуграмматикализованными вспомогательными глаголами, обозначающими способы глагольного действия.

Деепричастные формы передают тесные семантические отношения между дискурсивными единицами, подчеркивая, что эти отношения носят не только временной, но и каузальный характер [Шамина, 1987, с. 91].

Деепричастия на =*n* и на =*a* употребляются в разнообразных по семантике аналитических конструкциях: модальных, аспектуальных, фазисных, темпоральных. Вспомогательные глаголы в их составе модифицируют семантику основного глагола, внося дополнительные характеристики способа действия. Большая часть примеров АК причастного сказуемого представляет сочетание причастий с различными модальными формами, частицами и послелогоми. Первый компонент преимущественно употребляется в форме причастия прошедшего времени на =*ган*. Вспомогательные глаголы в составе причастных АК не принимают показателя отрицания.

Список литературы

- Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка: фонетика и морфология. М.: Восточная литература, 1961. 472 с.
- Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005. 480 с.
- Озонава А. А. Модальные аналитические конструкции в алтайском языке. Новосибирск, 2006. 216 с.
- Ооржак Б. Ч. Временная система тувинского языка. М., 2014. 184 с.
- Ооржак Б. Ч. Система грамматической модальности в тувинском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Сибири): Дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2019. 507 с.
- Плунгян В. А. Общая морфология. М., 2000. 383 с.
- Тазранова А. Р. Бивербальные конструкции со вспомогательными глаголами бытия в алтайском языке. Новосибирск, 2005. 226 с.
- Тохнина Э. Т. Бивербальные конструкции с аспектуальной семантикой недлительности в алтайском языке (в сопоставлении с шорским языком): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 21 с.
- Тувинско-русский словарь. Под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энцикл., 1968. 648 с.
- Тыбыкова А. Т. Составные глаголы типа «имя + глагол» с реальным значением в алтайском языке // Вопросы алтайского языкознания. Горно-Алтайск, 1976. С. 71–89.
- Черемисина М. И. Основные типы аналитических конструкций сказуемого в тюркских языках Южной Сибири // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1995. Вып. 2. С. 3–22.
- Шамина Л. А. Временные полипредикативные конструкции тувинского языка. Новосибирск, 1987. 142 с.
- Шамина Л. А., Ондар Ч. С. Глагольные аналитические конструкции с первым причастным компонентом в тувинском языке. Новосибирск, 2003. 242 с.
- Шамина Л. А. Аналитические конструкции сказуемого в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1995. Вып. 2. С. 23–39.
- Шенцова И. В. Шорский глагол. Функционально-семантическое исследование: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998. 50 с.
- Широбокова Н. Н. Бивербальные конструкции с глаголами бытия в шорском языке. Кемерово, 1991. 75 с.

Список источников

- Бадра И. Арзылаң Күдерек. Абакан, 2005.
- Кудажы К.-Э. К. Уйгу чок Улуг-Хем: роман. Кызыл: ТывНУЧ, 2002. 2 т. 376 ар.
- Кудажы К.-Э. К. Таңды кежи: чугаалар. Кызыл: ТывНУЧ, 1984. 217 ар.
- Сарыг-оол С. А. Аңгыр-оолдуң тоожузу. Кызыл: ТывНУЧ, 1978. 437 ар.
- Сюрюн-оол С. С. Тывалаар куксун. Кызыл: ТывНУЧ, 1994. 348 ар.
- Улуг-Хем: литературно-художественный альманах. Кызыл: ТывНУЧ, 1994.

Список условных сокращений и обозначений

1 – 1-е лицо деятеля ('я', 'мы'); **2** – 2-е лицо деятеля ('ты', 'вы'); **3** – 3-е лицо деятеля ('он', 'она', 'оно', 'они'); **ACC** – винительный падеж; **ABL** – исходный падеж; **AUX** – вспомогательный глагол; **CAUS** – каузативный (понудительный) залог; **CV** – деепричастие; **DAT** – дательный падеж; **GEN** – родительный падеж; **IMP** – повелительное наклонение; **INFIX** – инфикс; **INSTR** – творительный падеж; **LAT** – направительный падеж; **LOC** – местный падеж; **MOD.PRCTL** – модальная частица; **NEG** – отрицание; **NEG.CV** – отрицательное деепричастие; **NEG.IMP** – отрицательная форма повелительного наклонения; **NEG.PFV** – прекратительный вид на =баста; **NEG.PrP** – отрицательная причастная форма на =бас; **PAST** – финитная форма прошедшего времени на =ды; **PASTPrP** – форма прошедше-настоящего времени; **PL** – множественное число; **PASS** – страдательный залог; **POSTP** – послелог; **POSS** – посессивный показатель; **POSSV** – форма обладания =лыг; **PFV** – совершенный вид (=ывыт, =nm, =n); **PrP** – причастие настояще-будущего времени на =ар; **PRCTL** – частица; **PP** – причастие прошедшего времени на =ган; **RECIP** – совместно-взаимный залог; **RFL** – возвратный залог; **RITM** – ритмический вид; **SG** – единственное число.

References

- Cheremisina M. I. Osnovnye tipy analiticheskikh konstruktсий v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri [The main types of analytical constructions in the Turkic languages of Southern Siberia]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 1995, iss. 2, pp. 3–22 (in Russ.).
- Iskhakov F. G., Pal'mbakh A. A. *Grammatika tuvinskogo yazyka: fonetika i morfologiya* [Grammar of the Tuvan language: phonetics and morphology]. Moscow, Vost. lit., 1961, 472 p. (In Russ.).
- Maysak T. A. *Tipologiya grammatikalizatsii konstruktсий s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [Typology of grammaticalization of constructions with verbs of movement and verbs of position]. Moscow, 2005, 480 p. (in Russ.).
- Ozonova A. A. *Modal'nye analiticheskie konstruktсии v altayskom yazyke* [Modal analytical constructions in the Altai language]. Novosibirsk, 2006, 216 p. (in Russ.).
- Oorzhak B.Ch. *Vremennaya sistema tuvinskogo yazyka* [The temporal system of the Tuvan language]. Moscow, 2014, 184 p. (in Russ.).
- Oorzhak B. Ch. *Sistema grammaticheskoy modal'nosti v tuvinskom yazyke (v sopostavlenii s tyurkskimi yazykami Sibiri)* [The system of grammatical modality in the Tuvan language (in comparison with the Turkic languages of Siberia)]. Dr. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2019, 507 p. (In Russ.).
- Plungyan V. A. *Obshchaya morfologiya* [General morphology]. Moscow, 2000, 383 p. (in Russ.).
- Shamina L. A. Analiticheskie konstruktсии skazuemogo v tuvinskom yazyke [Analytical constructions of the predicate in the Tuvan language]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 1995, iss. 2, pp. 23–39. (in Russ.).
- Shamina L. A., Ondar Ch. S. *Glagol'nye analiticheskie konstruktсии c pervym prichastnym komponentom v tuvinskom yazyke* [Verbal analytical constructions with the first participial component in the Tuvan language]. Novosibirsk, NSU, 2003, 242 p. (in Russ.).
- Shamina L. A. *Vremennye polipredikativnye konstruktсии tuvinskogo yazyka* [Temporary polypredicative constructions of the Tuvan language]. Novosibirsk, 1987, 142 p. (in Russ.).
- Shentsova I. V. Shorskiy glagol. Funktsional'no-semanticheskoe issledovanie [Shor verb. Functional and semantic research]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Moscow, 1998, 50 p. (in Russ.).
- Shirobokova N. N. *Biverbal'nye konstruktсии s glagolami bytiya v shorskom yazyke* [Biverbal constructions with verbs of being in the Shor language]. Kemerovo, 1991, 75 p. (in Russ.).
- Tazranova A. R. *Biverbal'nye konstruktсии so vspomogatel'nyimi glagolami bytiya v altayskom yazyke* [Biverbal constructions with auxiliary verbs of being in the Altai language]. Novosibirsk, 2005, 226 p. (in Russ.).
- Tokhnina E.T. *Biverbal'nye konstruktсии s aspektual'noy semantikoy nedlitel'nosti v altayskom yazyke (v sopostavlenii s shorskim yazykom)* [Biverbal constructions with aspectual semantics of non-duration in the

Altai language (in comparison with the Shor language)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2006, 21 p. (in Russ.).

Tuvinsko-russkiy slovar' [Tuvan-Russian dictionary]. Tenishev E. R. (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1968, 648 p. (In Tuv., in Russ.).

Tybykova A. T. Sostavnye glagoly tipa "imyа + glagol" s real'nym znacheniem v altayskom yazyke [Compound verbs of the "name + verb" type with real meaning in the Altai language]. In: *Voprosy altayskogo yazykoznaniiya* [Questions of Altai linguistics]. Gorno-Altaysk, 1976, pp. 71–89. (in Russ.).

List of sources

Badra I. Arzilaŋ Kūderek. Abakan, 2005.

Kudaži K-E. K. Uyu čok Ulug-Xem [Restless Ulug-Khem: novel] Kyzyl, TivNÜČ, 2002, vol. 2, 376 p.

Kudaži K-E. K. Taŋdī kežii: čugaalar [Taiga gifts: stories]. Kyzyl, TivNÜČ, 1984, 217 p.

Sarīg-ool S. A. Aŋgīr-oolduŋ toožuzu [The story of a bright boy]. Kyzyl, TivNÜČ, 1978, 437 p.

Sürüŋ-ool. Tivalaar kuskun [A Tuvan-speaking raven]. Kyzyl, 1994. 348 p.

Ulug-Hem: literary and artistic almanac. Kyzyl, TivNÜČ, 1994.

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
10.11.2023

Сведения об авторе

Шамина Людмила Алексеевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

E-mail: shamina_la@mail.ru

ORCID 0000-0003-0539-7732

Information about the Author

Lyudmila A. Shamina – Doctor of Philology, Chief Researcher of the Institute Philology SB RAS (Novosibirsk, Russia)

E-mail: shamina_la@mail.ru

ORCID 0000-0003-0539-7732

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 811.511.2

DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-71-88

Самодийские языки и предыстория Западной Сибири (заметки на полях диссертации А. Ю. Урманчевой)

В. В. Напольских

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Аннотация

В ходе обсуждения диссертации А. Ю. Урманчевой рассматриваются проблемы древней этнической истории Западной Сибири. В целом высоко оценивая лингвистическую часть работы, автор критикует многие предлагаемые в диссертации этимологии, предлагает уточнения, новые интерпретации и подходы. В палеоисторической интерпретации лингвистических данных со многими выводами диссертации трудно согласиться, в связи с чем обсуждаются методологические аспекты использования лингвистических данных в изучении предыстории: условность схемы родословного древа; необходимость учета не только дивергентных, но и конвергентных и контактных языковых процессов и др.

Ключевые слова

Западная Сибирь, предыстория, этническая история, этимология, языковые контакты, генетическая классификация языков, самодийские языки, угорские языки, енисейские языки

Для цитирования

Напольских В. В. Самодийские языки и предыстория Западной Сибири (заметки на полях диссертации А. Ю. Урманчевой) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48). С. 71–88. DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-71-88

The Samoyed languages and the prehistory of Western Siberia (notes on the dissertation of A. Y. Urmanchieva)

V. V. Napolskikh

*Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg Russian Federation*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Abstract

The author examines the problems of the ancient ethnic history of Western Siberia, focusing on the history of internal and external relations of Samoyed languages considered in the dissertation “Reconstruction of the linguistic landscape of Western Siberia (based on the materials of Samoyed languages)” recently defended by A. Y. Urmanchieva. The study of the languages and prehistory of Western Siberia requires a new generalization of the materials accumulated over the last 20–30 years and therefore the dissertation looks timely. The linguistic argu-

© В. В. Напольских, 2023

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 4 (iss. 48)

mentation and conclusions of the dissertation are very thorough, as a rule acceptable, and can provide a basis for such a generalization. However, numerous etymologies proposed in the dissertation should be critically assessed, with corrections, new interpretations, and approaches to be offered. In particular, more attention should be paid to the external relations of Samoyed languages with Ugrian and Yenisei languages. The prehistorical interpretation of linguistic data in the dissertation seems questionable, raising concerns about the actual meaning of the Stammbaum scheme, the need to take into account divergent, convergent, and contact language processes, the role of groups without living daughter languages in prehistory, the importance of geographical and typological coverage, and the inclusion of data from early written sources, archaeology, and other disciplines for better understanding ancient ethno-linguistic processes.

Keywords

Western Siberia, prehistory, ethnic history, etymology, language contacts, genetic classification of languages, Samoyed languages, Ugric languages, Yenisei languages

For citation

Napolskikh V. V. Samodiyskie yazyki i predystoriya Zapadnoy Sibiri (zametki na polyakh dissertatsii A. Yu. Urmanchievoy) [The Samoyed languages and the prehistory of Western Siberia (notes on the dissertation of A. Y. Urmanchieva)]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023. no. 4 (iss. 48), pp. 71–88. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-71-88

В июне 2023 г. в ВШЭ была успешно защищена диссертация А. Ю. Урманчиевой «Реконструкция лингвистического ландшафта Западной Сибири (на материале самодийских языков)»¹ (так же определяется основная цель диссертации автором [с. 4]²). В осмыслении этой проблематики к настоящему времени, очевидно, наметился определенный кризис. После оживленных археолого-этнографических дискуссий 1970-х гг. (Н. Л. Членова, М. Ф. Косарев, В. И. Матющенко, В. И. Васильев, Ю. Б. Симченко и др.) в понимании предыстории Западной Сибири произошла настоящая «лингвистическая» революция – прежде всего благодаря появлению самодийского этимологического словаря Ю. Янхунена и эпохальных работ Е. А. Хелимского и С. А. Старостина, в результате чего к концу XX в. сформировались общие представления о древних этноязыковых процессах в регионе и (что важно для нашей темы) о самодийской прародине и формировании самодийских языков. Однако за последние 25 лет накоплен обширнейший новый материал (в самоедологии прежде всего – в изучении маторского и энецкого языков), созданы новые обобщающие словари, гораздо яснее стали наши представления об исторической фонетике и морфологии многих языков Сибири, их генетических и контактных связях, фольклоре и мифологии. К настоящему времени очевидна необходимость вернуться к обсуждению широких этноисторических проблем, к построению обобщающих гипотез, которые, возможно, не только дополняют прежние, но и существенно скорректируют их. Попытки такого рода уже предпринимаются: не вдаваясь в историографический анализ, могу, например, упомянуть недавнюю монографию Н. А. Тучковой [2020] и главы своей книги [Напольских, 2022, с. 26–30, 61–99]. Таким образом, диссертация А. Ю. Урманчиевой является актуальнейшей работой, появление которой обусловлено современным состоянием науки и от которой можно ожидать прорывных и неожиданных результатов.

Автор определяет свою главную задачу как реконструкцию миграционных процессов в течение более полутора тысяч лет – после распада прасамодийской общности и до появления первых научных сведений о самодийцах в XVIII в., причем – и это принципиальный момент – предполагает сделать это исключительно лингвистическими методами [с. 7]. Сам по себе такой посыл имеет оправдание в том, что диссертация – лингвистическая, автор – лингвист и совершенно корректно считает нужным воздерживаться от привлечения источников за пределами языкознания. Нельзя, однако, не заметить, что при постановке задачи реконструкции исторических процессов исследователь неизбежно вынужден будет выходить за пределы лингвистики. Важно иметь в виду, что, коль скоро мы ограничиваемся языковыми данными, эта аргументация должна быть максимально полной и корректной, и в целом рассматриваемая диссертация в лингвистической своей части представляет собой тщательное, порой скрупулезное исследование. Тем более необходимым представляется обсудить отдельные спорные

¹ Информацию о защите, текст диссертации и автореферат см.: <https://www.hse.ru/sci/diss/825477618>

² Здесь и далее в квадратных скобках даются ссылки на страницы диссертации.

моменты и указать на некоторые особенности избранного подхода к привлечению лингвистического материала, которые, как мне кажется, ослабляют положения работы. В целом задачей данной публикации является не столько критика конкретных положений диссертации А. Ю. Урманчиевой, а обсуждение проблем предыстории Западной Сибири как в конкретной, так и в общеметодологической плоскости, для чего добротная и интересная диссертация дает очень хороший повод.

Главное внимание в работе А. Ю. Урманчиева уделяет внешним связям самодийских языков и генетическим и ареальным связям внутри самодийской языковой группы [с. 7]. Вторая задача в диссертации решается если не блестяще, то на очень высоком уровне, а вот с первой дело обстоит не так хорошо: исследование сосредотачивается почти исключительно на связях самодийских и обско-угорских языков, а древние контакты самодийских языков с языками других групп – тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской, енисейской – специально почти не рассматриваются, потому что такие исследования якобы имеют солидную историю [с. 7–8, 16]. Посыл о возможности рассмотрения самодийско-(обско-)угорских изоглосс как инноваций и о необходимости развести такие инновации и общие архаизмы – очень верный и полезный (см. ниже). Однако трудно согласиться с утверждением о том, что внешние связи самодийских языков с языками названных выше неуральских групп изучены исчерпывающе. Даже самодийско-тунгусская проблематика, несмотря на подводящую итог работы многих ученых (см., напр., [Futaku, 1988]) ценнейшую монографию А. Е. Аникина и Е. А. Хелимского [2007], далека от идеальной изученности. Не уверен, что хоть сколько-нибудь существенно изучены самодийско-енисейские связи (известная статья Е. А. Хелимского [1982] посвящена в основном результатам поздних селькупско-кетских контактов). Вовсе в зачаточном состоянии находится вопрос о самодийско-иранских контактах: тут ссылаются обычно (как и в рассматриваемой диссертации) только на статью Ю. Янхунена [Janhunen, 1983], но при всем уважении к автору вряд ли можно думать, что ею тема закрыта. Между тем для реконструкции предыстории самодийцев эти данные могут иметь решающее значение (некоторые примеры см. ниже).

Начало диссертации посвящено старой проблеме угорско-самодийских языковых связей и уточнению вопроса о соотношении и динамике угорского и самодийского ареалов в предыстории Западной Сибири. Поскольку древние контакты двух восточных уральских групп – самодийской и угорской, несомненно, имели место со времени распада прауральского единства и до исторической современности, важно суметь стратифицировать следы этих контактов, развести результаты контактных конвергентных связей (как собственно контактных ареальных, так и «ареально-генетических» – в терминологии Е. А. Хелимского) и общие архаизмы. В основном успешное отделение общих архаизмов от инноваций – очень сильная сторона диссертации, тем более что, как правило, автор приводит надежные и убедительные аргументы в пользу своих решений. В работе привлекается достаточно данных о древних контактах южного угорского («мансийского» в терминологии автора – см. об этом ниже) и южносамодийских языков. Хотя в целом аргументы автора корректны и содержательны, ряд предлагаемых решений может быть оспорен:

– хант. Вах *kələk* и др., манс. С. *χulaχ* ‘ворон’ и др. ~ сам. **kulâjâ* ‘тж’ [с. 24] – скорее естественное параллельное ономастопозитическое образование, ср., напр., перс. *kalây* ‘ворон’;

– хант. Вах *kočŋi* и др., манс. С. *χəswoj* ‘муравей’ ~ сам. **kecz*, **keczmkâ* ~ **kuczmkâ* [с. 24] – вряд ли это результат позднего контакта, поскольку имеются параллели в уральских языках (ср., напр., удм. *kužijj*; см. по этому поводу замечание в [Хелимский, 1982, с. 244]), и корень даже рассматривается в ностратической перспективе [ND, с. 809]; колебания в консонантизме и тем более вокализме соответствующих слов в уральских языках и за их пределами объясняются, по-видимому, экспрессивным, ономастопозитическим характером слова и связью его с обозначениями ‘мочи’ (удм. *kižanj* ‘мочиться’ и др.);

– сам. **pât(з)*- ‘опустить в котел’ ~ манс. С. *pēti* и др. ‘опускать в котел’ равно как и **pet(â)* ‘(глиняный) сосуд’ (ср. вариант с задним вокализмом: манс. С. *pūt*, хант. Вах *put* ‘котелок’ < ПФУ **pata* ‘тж’ – возможно, здесь перед нами еще один пример палатально-велярного дублета в языках урал-алтайского ареала, см. [Tatár, 1984]) [UEW, с. 358] имеют широкие параллели в Евразии (см. еще в [Напольских, 1989]), прежде всего юкаг. **pant-* ‘варить, класть в воду’ [Nikolaeva, 2006, с. 342–343] и вряд ли являются контактной изоглоссой;

– хант. Дем. *иңс* и др., манс. С. *ūs* ‘нельма’ ~ сам. **ancz* (или хотя бы, как реконструирует А. Ю. Урманчиева, только сельк. *wāncə*) ‘тж’ [с. 28–29] – возведение этого слова к ПУ **ončz* ‘нельма’ [Sebestyén, 1935, с. 19; UEW, с. 339] остается наиболее адекватной этимологией, поскольку отмахнуться от коми *иž* ‘нельма’ нельзя: праязыковые фонетические соответствия безупречны. Отсутствие параллелей в других финно-пермских языках бассейна Волги (западнее в Европе нельмы не было) не должно смущать: древние названия крупных и ценных промысловых рыб не сохранились в поволжских языках в силу товарного характера волжского рыболовства и повсеместного распространения русских и татарских названий;

– хант. Вах *kōri* и др., манс. С. *kārāj* и др. ‘стерлядь’ ~ сам.: нен. *xiryi* ‘маленький осетр’ [с. 29] [Sebestyén, 1935, с. 26–27; UEW, с. 139] (формы типа сельк. *kōr(ə)* ‘муksун’ восходят не к этому ПУ корню, что напрасно опровергается в диссертации, а к ПУ **korz* ‘сиг, рыба из сиговых’ [UEW, с. 187]). Едва ли правильно исключать «единичную, и потому признанную самим Редеей ненадежной фиксацию коми слова в материалах Палласа»: во-первых, у Палласа не коми, а удм. *karej* ‘стерлядь’, во-вторых, как уже сказано выше, возможности сохранения ихтионима в финно-пермских языках ограничены и пренебрегать даже единичными фиксациями опасно. Кроме того, предложенная И. Шебештьен эстонская параллель *luu-kar(n)its* ‘трехиглая колюшка; *Gasterosteus aculeatus* L.’ отвергнута в UEW недостаточно основательно: заднерядный вокализм эстонского слова может объясняться сдвигом в словосложении с *luu* ‘кость’ (И. Шебештьен, впрочем, приводит еще диалектный (?) вариант *luu-kerts*), а сдвиг семантики хорошо объяснен в [Sebestyén, 1935, с. 27];

– манс. С. *nār* и др. ‘болото’ ~ сам.: сельк. *narə* ‘тж’ [с. 30]. Помимо сравнения с эвенк. *нярү*, предлагаемого в диссертации для доказательства отнесения этой параллели «к группе западносибирских бродячих слов», следует не забывать о ПУ **norz* ‘болото’ [UEW, с. 324], и относить это слово к сепаратным мансийско-самодийским параллелям никак не возможно;

– говоря об обско-угорско-самодийской параллели **numz* ‘верхняя часть, небо; бог’ [UEW, с. 308] как о возможном заимствовании в самодийские из обско-угорских [с. 34], следует иметь в виду, что этот религиозно-мифологический термин во всех западносибирских языках может быть заимствованием из среднеиранского источника: иран. **namah-* ‘преклонение, почитание (богов)’ < **nam-* ‘сгибаться, кланяться’ [ЭСИрЯ V, с. 453–455]. Этот пример показывает необходимость более тщательно рассмотреть вопроса об ирано-самодийских контактах, о чем было сказано выше;

– рассматривая ПУ **kuttz* ‘спина’ [UEW, с. 225] (> хант. Юган *kutəl* ‘за, под защитой’ и др., манс. С. *χūtäi* ‘тж’, венг. *hát* ‘спина; обратная сторона’ ~ сам.: сельк. *kottä* ‘навзничь’ и др.) как сугубо угорско-самодийскую основу со значением ‘спина’ [с. 34–35], следует иметь в виду, что ПФУ **kutte* ‘шесть’ может объясняться как образование от ПУ **kuttz* ‘спина’ параллельное с ПСам **māktāt* ‘шесть’ < **mākā* < ПУ **muka* ‘за, позади; спина’ [SW, с. 85; UEW, с. 225], и таким образом ПУ *kuttz* ‘спина’ может получить право на существование;

– сельк. *tapäk* ‘белка’ сравнивается на предмет общей изоглоссы с манс. *tap* в С. *mā-tapriš* ‘мышь; крот’ и венг. *evet* ‘белка’ [с. 38] (в [UEW, с. 436] < ПУ **sāpз / šāpз*). Но в мансийском значение ‘белка’ не зафиксировано! С другой стороны, слово имеет интересные алтайские параллели: ПТМ *дэбдирун* ‘густой (о шерсти), мохнатый, пушистый’ < **dep-* ‘мягкий, пушистый, шерстистый’ (ср. еще нан. *debžini* ‘беличье или соболе гнездо’ [ССТМЯ I, с. 227] ~ кор. *tabok* ‘густой, пышный’ < ПАлт **dēp’a* [EDAL, с. 472]);

– хант. Вах *pāčak* и др. ‘мертворожденный ребенок, дух такого ребенка’ ~ сельк. *pāčija* ‘живущий в холмах дух, который воет по ночам и пугает детей’. Общеселькупское слово не может быть, согласно концепции диссертации, заимствованием из хантыйского, поэтому реконструируется гипотетическое мансийское **pāčik*, которое предлагается как наиболее вероятный источник заимствования в селькупский [с. 39]. Возникает вопрос: а почему не предположить селькупское заимствование в восточнохантыйские диалекты или общее заимствование из третьего языка?

– манс. С. *χūs* и др. ‘работник, слуга’, венг. *hős* ‘герой, (диал.) неженатый юноша’ имеет параллель не только в сельк. *kečə* ‘слуга’ [UEW, с. 110], которое А. Ю. Урманчиева предлагает считать заимствованием из мансийского, но и в мар. *kače* ‘парень, жених’, которое не обязательно заимствовано из чув. *kačə* ‘тж.’ [UEW, с. 110]: чувашское слово не имеет другой этимологии и скорее само является заимствованием из марийского [ЭСЧЯ I, с. 242];

– по поводу сельк. *šāk* ~ манс. Пел. *šāx* и др. ‘соль’ [с. 40] см. [Напольских, 2022]; венг. *só* с этими словами не связано, возможно, сюда относится венг. *szik* (/ *szik* / *szék*) ‘болото; солончак, наземные выходы соды, натрон’. Енисейское происхождение мансийского и селькупского слов несомненно (мнение автора диссертации о том, что это «исконно иранский культурный термин», основано на ошибочной этимологии Е. Коренчи), и этот очень важный момент следовало бы учитывать в построениях диссертации: в контакте южного угорского (может быть, домансийского) диалекта с доселькупскими диалектами прасамодийского должны были принимать участие енисейцы. Кроме того, рассматривать данную изоглоссу как общую инновацию нельзя: в хантыйском ‘соль’ – поздний пермизм, в саянских самодийских – тюркизм, а в северных самодийских – инновационное слово со значением ‘белая’ – вполне возможно, что старое енисейское по происхождению название соли вытеснено в этих языках новообразованиями;

– «уникальная связь» между названием мизинца, предплечья и икры ноги в камасинском и мансийском [с. 42] на самом деле не прослеживается: в мансийском имеем манс. *S. sirēx-tul’ä*, что, скорее всего, означает ‘слабый палец’ (*tul’ä* ‘кольцо, наперсток, палец’, а *sirēx*, не имеющее в сосвинском мансийском отдельного значения, скорее всего, соответствует манс. Тавд. *šērāx* ‘редкий, разреженный’ < тат. *sirāk* ‘редкий, нечастый’ [WogW, с. 542, 550, 678] с переходом ‘редкий’ > ‘слабый’ (примеры см.: <https://datsemshift.ru/shift358>) ~ *kat-sirx-kattul’* ‘руки слабый палец / кольцо’, предплечье и *löl-sirx-kattul’* ‘ноги слабый палец / кольцо’, икры – а в камас. *seme* ‘мизинец’ (в записи М. А. Кастрена) и *sə^Bmuīä*, *sə^Bmī’oñälä* ‘предплечье, запястье’ (возможно, тюркизм: карагас. *semei ergäk* ‘мизинец’, якут. *sömijö* ‘указательный палец’) при *muīä* ‘палец’ – как это слово связано с *seme*? Также непонятно, как *muī*, *māi* ‘берцовая кость’ (“Wadenbein” – не ‘икры’!) [KamW, с. 41, 58] связано с предшествующими словами;

– связь названия красного цвета с названием крови в мансийском, хантыйском и камасинском действительно типологически достаточно распространенный семантический переход [с. 43], но и в Западной Сибири не уникальный: ср. коми *gerd* ‘красный’ и *gird* ‘(запекшаяся) кровь’.

Более мелкие замечания есть и к другим этимологиям этого списка. В целом можно сказать, что приводимые в диссертации мансийско-селькупские сепаратные параллели (1.2.1.–1.2.14) не очень выразительны, а трактовка их как именно мансийских заимствований в селькупском почти никогда ничем не подтверждается, параллели же мансийского с камасинским минимальны. Поэтому вывод о том, что «на изложенном лингвистическом материале вывод о контактах манси, селькупов и камасинцев можно сделать достаточно надежно» [с. 44], нельзя признать доказанным. Корректнее (учитывая также параллели, не приводимые в диссертации) было бы говорить о возможных контактах где-то на юге таежной зоны южноугорских (в том числе домансийских и довенгерских) диалектов с доселькупскими диалектами прасамодийского, в которые были вовлечены также енисейцы (см. возможные енисейские заимствования в мансийском и венгерском в [Напольских, 2022], о трактовке связей самодийских языков с енисейскими А. Ю. Урманчиевой см. ниже), а отсутствие следов этих контактов в хантыйском объяснять, по всей вероятности, тем, что праугры-манче, язык которых лег затем в основу хантыйского, мигрировали на север раньше, чем угорские предки манси. В связи с этим нельзя не заметить некоторую тенденциозность диссертации в приписывании именно мансийскому языку тех черт, которые отражают контакты с селькупским ареалом: см., например, «можно предполагать, что некоторые черты, характерные для языков верхнеобского ареала, хантыйский и мансийский не унаследовали от праобскоугорского, а приобрели независимо» [с. 64] – т. е. в хантыйском эти черты возникли после экспансии восточных хантов вверх по Оби и вхождения их в «верхнеобский ареал». Доказывается этот тезис на примере системы наречий, описывающих ориентацию относительно берега / огня / воды и относительно течения реки, но в приводимой таблице есть только один восточный хантыйский (тромьюганский) пример, остальные – исключительно южные и северные! Возникает вопрос: действительно ли эти черты характерны для языков «верхнеобского ареала» и каковы механизмы их распространения в северных и южных хантыйских диалектах?

Вместе с тем безусловный интерес представляет предложенная в диссертации этимология одного из старых самоназваний селькупов **šōšä-ḱum* из манс. ‘коренной, местный человек’ (манс. *S. sossä ḱum* и др.) [с. 50] – учитывая, что хантыйская параллель (Дем. *ššä.Džž* и др.) указывает на исконный **š*- в обско-угорских, который в селькупском дал бы **š*-, а не *s*-, здесь действительно можно вести

речь о заимствовании из угорского диалекта, близкого к мансийскому (но совершенно не обязательно из мансийского как такового). Что касается этимологии записанного Г. Н. Прокофьевым названия селькупского рода *maş qul* из манс. (почему не праугорского?) **māñcī* (в свете угорских параллелей правильнее **mañcz* со вторичной палатализацией в мансийских диалектах, хотя, учитывая наличие в венгерских памятниках форм *megyer* – название племени, входившего в венгерский союз племен – и *magyar* – самоназвание венгров [UEW, с. 866–867], здесь вновь можно видеть палатально-велярный дублет) > С. *māñsi* и др. ‘самоназвание угров-манче’ [с. 51], она кажется слабее: *maş qul*, все-таки – *hara*, который может быть очень поздним окказионализмом, а фонетика скорее могла бы указывать на севернохантыйское происхождение слова (**mañcz* > хант. сев. *mōś*). Еще сложнее с объяснением камас. *kañmāžə* ‘камасинец’: **«представитель рода Мась с реки Кан»* как результата переноса относительно старого, заимствованного из селькупского языка этнонима на юг (предполагать присутствие манси на Кане все-таки довольно сложно): в этом случае шанс на столь раннее возникновение селькупской формы с денализацией значительно слабее и в любом случае нуждается в дополнительных доказательствах.

Анализ контактной проблематики выходит за пределы собственно самодийских и угорских языков только когда в работе обсуждаются (южно)самодийско-енисейские связи [с. 52–56]. Как было отмечено выше, отказ от рассмотрения большинства внешних связей самодийских языков является недостатком, препятствующим реальной реконструкции самодийской предыстории. Мне не так давно удалось, кажется, продемонстрировать наличие ряда интересных старых енисейско-угорских (преимущественно мансийских и венгерских) параллелей [Напольских, 2022, с. 68–90], говорящих в пользу активного участия енисейцев в (южно)угорско-(южно)самодийских взаимодействиях, вследствие чего этот пункт диссертации для меня особенно интересен. Автор справедливо отмечает (во многом вслед за Е. А. Хелимским), что большинство кетско-селькупских параллелей представлено только в северных селькупских диалектах, и они «должны быть отнесены к эпохе после диалектной дивергенции праселькупского» [с. 53]. Представления о «диалектной дивергенции праселькупского» будут обсуждаться ниже, но тезис о том, что эти кетские заимствования относительно поздние и относятся к эпохе расселения селькупов на север и образования северноселькупского диалектного ареала, оспаривать не приходится.

Главный недостаток списка в целом интересных и в основном приемлемых общеселькупско-енисейских параллелей [с. 53–54] – отказ от использования достижений енисейской реконструкции, опора исключительно на кетский и югский материал, вследствие чего они выглядят как опять-таки весьма поздние заимствования (вследствие этого сюда не попала, например, безусловно древняя селькупская ‘соль’ – см. выше). Встречаются в списке странные дублеты, которые никак не комментируются:

– сельк. *sājpa* ‘ягоды рябины’ < кет. *sānef* [с. 54] – общеселькупское заимствование, а сельк. сев. *sāna* ‘рябина’ < кет. *ᶜsāne* [с. 54] – заимствовано (вновь?) после «распада праселькупского»;

– аналогично сельк. *oñal* ‘яичники’ < кет. *eñ* ‘яйцо’ и сельк. сев. *eñ* ‘яйцо’ < кет. *eñ* ‘яйцо’ [с. 53, 55].

Резюмируя свои наблюдения, автор делает вывод, что «контакты самодийцев и енисейцев следует признать достаточно поздними: камасинский и маторский контактировали с коттским, камасинский, возможно, также с ассанским, селькупский – с кетским», причем все эти контакты (кроме общеселькупско-кетских, тоже, впрочем, не слишком древних [с. 59]) могут быть объяснены ситуацией XVII в., отраженной на известной карте Б. О. Долгих [с. 58]. Вывод этот не выглядит соответствующим действительности. Прежде всего непонятно, почему не обсуждаются старые и хорошо известные параллели: кет. *amta* ‘даже’ (препозит. частица) ~ сельк. *ämtä* ‘даже’ – ср. не приведенное Е. А. Хелимским нган. *amtä* ‘вот’; кет. *bⁱenⁱšeñ* ‘легкое’ ~ сев.-сам. **wājntät* ‘дыхание’; кет. *ᶜlos* ~ нен. лес. *lōs* ‘vagina’; кет. *hangō* ‘мухомор’ ~ ПУ **pañka* (источником кетского слова мог быть угорский или самодийский язык) и некоторые другие, приведенные в [Хелимский, 1982]. Диссертация посвящена в основном анализу лексики, но неплохо бы обратить внимание и, например, на параллели в фонетической эволюции, особенно на уникальный переход **ś- > k-* в маторском и пумпокольском (с не столь системными, но имеющимися примерами в нганасанском и аринском) [Helimski, 1997, с. 79; Старостин, 1982, с. 150–151, 156–157] и более типологически понятный, но не теряющий от этого значения переход **p > h*, объединяющий маторский, нганасанский и кетский языки. Дей-

ствительно ли заимствование лесным энецким из кетского двух основ личных местоимений – всего лишь «курьезный факт» [с. 53]?

Еще один выход в работе за пределы уральских языков – экскурс о тюркизмах в обско-угорских, где, опираясь на данные А. Каннисто, А. Ю. Урманчиева показывает, что в мансийском их на два порядка больше, чем в хантыйском, а в южных диалектах обоих языков, естественно, больше, чем в северных. Проблема здесь только в том, что речь идет на самом деле о татарских заимствованиях, которые вряд ли древнее XIII–XIV вв. Наблюдения автора можно было бы дополнить данными о коми (пермских) заимствованиях в обско-угорских языках по [Toivonen, 1952; Rédei, 1970]: начало контакта следует датировать не позднее XI в., а распределение их в обско-угорских диалектах прямо зеркально по отношению к татаризмам. Пермизмов, проникших во все хантыйские диалекты, – 75, во все мансийские – 38, при этом в северных мансийских – 288, в западных – 137, в восточных – 142, в южных – 47, в северных хантыйских – 295, в южных – 185, в восточных – 122. Пермские заимствования проникали с северо-запада или даже с севера (это в особенности маркируется обско-угорскими словами для ‘моря, низовьев Оби’, заимствованными из пермского), и их распределение также показывает более северное первоначальное расположение хантыйского по отношению к мансийскому (обо всем этом подробнее см. [Напольских, 2018, с. 233 pass.]). Здесь вновь перед нами пример того, что для лингвистической реконструкции необходим как можно более широкий учет всех данных, в том числе – и в особенности – данных о контактных связях рассматриваемых языков.

Переходя к внутрисамодийской проблематике, анализ данных автор начинает с лексикостатистики. Вообще следует отметить, что именно лексике в работе уделяется основное внимание, и диссертация по сути базируется на лексическом материале. Немногие (при этом весьма квалифицированные) экскурсии в область морфологии мало что меняют, а к рассмотрению фонетических изоглосс, кажется, автор вообще не считает нужным обращаться, что нельзя приветствовать (см. об этом еще выше, в частности, в рассмотрении енисейско-самодийских связей).

Замечателен и очень полезен для дальнейших исследований подход автора к лексикостатистике: во-первых, предложенные уточнения по составу лексикостатистических списков (рассматриваются два значения для ‘лежать’: о человеке и о животном; два значения ‘гореть’: об огне и ‘гореть в огне’; вместо общего понятия ‘путь’ – разные типы дорог: ‘дорога’, ‘след’, ‘аргишный путь’, ‘тропа’; вместо единого значения ‘дом’ – два: ‘чум’ и ‘дом’ (стационарный) и др.) [с. 68–69] не вызывают никаких возражений, и их безусловно следует применять в работе как с уральскими, так и с другими сибирскими языками. Во-вторых, составление новой версии стословных списков для самодийских языков и по старым стословникам [с. 67] абсолютно оправданно, а методика, предложенная автором, может рассматриваться как образцовая. Поэтому в основном лексикостатистические материалы и выводы диссертации вполне основательны и надежны. Естественно, к отдельным моментам возникают вопросы. Например, автор оперирует понятием «селькупский язык» [с. 12] и далее в примечании уточняет, что для селькупского замены, произошедшие только в одном диалекте, в подсчетах не учитывались, а в другом месте говорит: «селькупский является очевидно многодиалектным; при определении того, имеет ли некоторое слово из списка соответствие в селькупском, я считала достаточным, чтобы слово было представлено хотя бы в одном диалекте селькупского» [с. 67], и при этом в таблице [с. 72 pass.] видим отдельно южный и северный селькупский, о которых далее как об отдельных идиомах не говорится. Здесь явно налицо какая-то непоследовательность. Кроме того, многодиалектность явно влияет на итоговые цифры (ср. в общененецком уникальных замен в диагностическом списке – 6, а если прибавить замены, произошедшие только в лесном ненецком, т. е. увеличить диалектную базу, это число возрастет до 10 [с. 12]). Может быть, причина высокого процента замен в селькупском как раз в том, что учитывается разнодиалектная лексика?

Безусловно верным следует признать положение о том, что «лексикостатистический метод дает нам изначально довольно неточный инструмент оценки относительного временного расстояния между отдельными языками: в нем не проводится различия между совпадениями, возникающими за счет сохранения общих архаизмов и за счет возникновения общих инноваций» [с. 12], – и соответственно, автор совершенно правильно уделяет внимание количеству лексических инноваций в отдельных языках, при этом еще и разделяя их на имеющие внутренние самодийские истоки и не имеющие таковых («неэтимологизируемая лексика»). Чрезвычайно полезны и важны своды таких «уникальных лекси-

ческих единиц», представленных в лексикостатистических списках [с. 88–94]. Обращает на себя внимание минимум имеющих самодийскую этимологию инноваций и полное отсутствие уникальных инноваций в энецком [с. 95]. Энецкий язык выглядит поэтому каким-то самым «центральным» самодийским, в котором происходило меньше всего инновативного развития и нет несамодийского субстрата, что, наверное, может иметь значение для палеоисторических реконструкций (правда, вновь встает вопрос: а как быть с «курьезным фактом» заимствованных из кетского местоимений?). С другой стороны, важен безусловно заметный (в два с половиной раза в среднем выше, чем в других) высокий процент инноваций (особенно уникальных!) в селькупском и нганасанском. По-видимому, это должно отразиться на статистике и нуждается в историческом объяснении: если для нганасанского можно предположить неизвестный полярный субстрат, то селькупский, кажется, развивался почти на прародине. Возможно, повышенное число инноваций в селькупском объясняется его «многодиалектностью», но не исключено, что его можно рассматривать как маркер центрального места камасинско-селькупской группы (камасинский – третий по числу уникальных инноваций язык), где шло наиболее бурное развитие лексики, сохранялись и использовались в развитии лексикона слова, не дошедшие до других языков. Тогда можно по-другому, нежели в диссертации, интерпретировать и особую близость маторского и ненецкого языков как периферийных, до которых инновации не доходили, вследствие чего в них сохранилось много общих архаизмов, отсутствующих (замененных) в других языках (в селькупском и камасинском развитием «старого центра», в нганасанском – субстратным воздействием) и в общем виде воспринимаемых как инновации.

Здесь мы переходим к одному из самых острых по новизне положений диссертации: о близости маторского языка к северносамодийским и даже специально к ненецкому. В таблицах на с. 79–80, подводящих итог лексикостатистических подсчетов, не заметно особых связей маторского с северносамодийскими, относительно пониженный процент совпадений он дает с селькупским и нганасанским – одним южным и одним северным, причем для обоих характерно наличие повышенного числа уникальных инноваций в списке (селькупский вообще дает самый малый процент совпадений со всеми языками). Кроме того, как отмечает автор, более высокие проценты соответствия в столбце маторского языка дает разница методики, связанная с недостаточностью маторского материала [с. 79].

Поэтому основой гипотезы о близости маторского и северносамодийских / ненецкого является наличие между ними инновационных лексических параллелей. Значительная часть этих маторско-северносамодийских параллелей действительно надежна, но интерпретация их как инноваций в большинстве случаев базируется только на отсутствии возможности вывести этимологии на уральский уровень, что представляет собой, по сути дела, *argumentum ex silentio*. Предлагаются, впрочем, и маторско-северносамодийские инновации, которые можно оспорить:

– мат. *nara*, нен., эн. *nara*, нган. *noru* ‘наст, весна’. «Внешних уральских параллелей слово не имеет» [с. 121], но ср. венг. *nyár* ‘лето’ (до сих пор считается словом неясного и спорного происхождения [EWU, с. 1037]), источником венгерского (а может быть, и самодийских?) слов мог быть какой-то дери́ват Палт **ñjār(à)* ‘молодой; весна, лето’ > тунг. *ñar-gu-* ‘новый, свежий’, тю. *jār* ‘весна, лето’ и др. [EDAL, с. 988–989];

– мат. *seret* ‘град’ < **ser* ‘лёд’ и когнаты в северносамодийских [с. 121]. Поскольку в селькупском и камасинском соответствующие слова – заимствования, то нет оснований думать, что данное слово не отражает прасамодийскую лексему (в другом случае автор следует именно этой логике: «селькупский и камасинский не дают однозначных оснований для того, чтобы признать **per* северносамодийско-маторской изоглоссой, так как и в камасинском, и в селькупском это значение выражается заимствованиями» [с. 126–127]);

– мат. *hinzi* ‘вошь’, нен. *rəncuq*^o, эн. *pod’udəʔo*, нган. *hon’d’ajt’iʔa* ‘крупная вошь’ [с. 121–122] – ср. не имеющее до сих пор внешних параллелей ППерм **pič* ‘блоха’ – если *-*n-* в самодийских рассматривать как результат контаминации с ПСам **āncā* (~ **amčā*) ‘вошь’;

– мат. *aŋga*, нен. *ŋaŋk*^o и др. ‘мочевой пузырь’ [с. 123–124]. Поскольку для камасинского специального термина для этого органа не зафиксировано вообще, нельзя быть уверенным, что там не был представлен тот же корень;

– мат. *Enžá* ‘прямой’, нен. *nyensa* ‘прямой’ и др. [с. 127]. Помимо сравнения с венг. *ëgyenës* ‘тж’ < *ëgy* ‘один’, сюда же можно отнести и фин. *ensi* ‘первый, передний’ и остальные уральские параллели из статьи **ońca* ‘перед’ в [UEW, с. 339], колебания в вокализме с корневым *-e- вполне допустимы;

– мат. *amsa* ‘мясо’, нен. *ŋætса* ‘мясо’ и др. [с. 127–128]. То, что сельк. *apsə* означает ‘еда’, мало меняет дело: семантический переход элементарен. Дальнейшие рассуждения в диссертации путаны и не очень убедительны, судя по табл. на с. 127, скорее имела место шедшая с севера инновация распространения ПСам **ájá* ‘мясо’ на оба значения, достигшая максимума в камасинском, но не дошедшая до маторского;

– мат. *labta* ‘низкий’, нен. *læbta* ‘ровное низинное место’ и др. [с. 128]. В высшей степени странно выглядит рассуждение: «из-за спорности фонетических сравнений в [UEW] и распространенности основ рассмотренной фонетической структуры в сфере образной лексики, выражающей значение ‘плоское, низкое, шлепающее’ – можно считать **lāptā* северносамодийско-маторской инновацией». Если такое ономастопозитическое новообразование частотно, доказать его общее происхождение невозможно. Кроме того, поскольку селькупский и нганасанский дают нам в этом семантическом поле общую инновацию, равно и в камасинском имеем явно инновационные модели [с. 128], – как можно быть уверенным, что маторско-северносамодийская изоглосса не архаизм?

– мат. *salə-* ‘блестеть, мигать’, нен. *saləm/cy°* ‘появиться на мгновение’, нган. *solə* ‘блеск’ < **sālə-* ‘блестеть’ [с. 129]. Сюда, безусловно, следует отнести фин. *salama* ‘молния’ и ПУг **sāl* ‘сверкать, молния’ < ПФУ **šala-* ‘сверкать, молния’ [UEW, с. 459], с интересными индоевропейскими параллелями типа тох. А *slam*, В *sleme* ‘пламя, молния’;

– мат. *sarma* (? *sārma*) ‘окно’, нен. *sarwa* ‘верхушка чума’ и др. [с. 132]. Внешних уральских параллелей слово, возможно, и не имеет (если относить манс. С. *surém* и др. ‘дымовое отверстие в чуме’ к числу «бродячих слов», как это довольно произвольно делает автор), но как быть с камас. *māzəro* (при *mā?* ‘чум’, упрощение *-rm- > -r- по диссимиляции с m-), см. [UEW, с. 463];

– мат. *kaj-*, нен. *xæ/sy°* < **kâj-* ~ **kân-* ~ **kâj-* ‘идти’, ср. также ПСам **kân-* ‘уйти, пойти’ [с. 159]. На самом ли деле эти слова не связаны с ф.-волж. **kāwe* (> мар. *kaj-*) ‘идти’ [UEW, с. 654]?

– мат. *ajba*, нен. *ŋæwa* и др. ‘голова’ < **ojwa* ‘голова’ [UEW, с. 336]. Здесь автор сама признает, что перед нами не инновация, а архаизм [с. 123].

С другой стороны, при рассмотрении маторско-камасинско-селькупских параллелей автор крайне неохотно признает их инновативный характер, см., например, [с. 100]:

– мат. *emaldə-*, камас. *nōmäl-*, сельк. *emäl-* ‘забыть’. В нганасанском представлен не имеющий когнатов глагол ‘забыть’, в ненецком и энецком в этом значении развились дериваты общесамодийского глагола **jürə-*, ‘потеряться, заблудиться’;

– мат. *čöh-*, камас. *d’uʔ-*, сельк. *čō-* ‘мазать’. В нганасанском – не имеющие когнатов глаголы, в ненецком и энецком семантические инновативы от ПСам **māsə-*, означавшего исходно ‘мыть’;

– мат. *kō-hō* (*hō* ‘год’), камас. *k’ē*, сельк. *ke* ‘зима’. В ненецком, энецком и нганасанском значение ‘зима’ – инновативный дериват ПСам **sjrā* ‘снег; зима’ < ПУ **šarə* ‘снег’.

Во всех трех случаях логика отрицания инновативного характера маторско-камасинско-селькупской параллели непонятна: если это не инновации, а архаизмы, то архаизмы от чего? Где, помимо этих языков, сохранились корни, которые позволили бы считать эти слова архаизмами? Несмотря на такой ригористический подход, автор не может отрицать наличие как минимум девяти инновационных маторско-камасинско-селькупских параллелей [с. 104 pass.] и еще почти по 8–9 сходжений с камасинским и селькупским отдельно [с. 117 pass.] (всего – около 25), со всеми тремя северносамодийскими маторский имеет 15 общих инноваций, с ненецко-энецким – 12, с энецким отдельно – 3, с ненецким – 8 (всего с северносамодийскими 38) [с. 165 pass.]. Такие цифры не позволяют сказать о маторском ничего, кроме его обособленной позиции среди самодийских, которая, впрочем, может быть кажущейся вследствие дефектности маторских (а также и камасинских – что в данном случае также важно) материалов. Следует обратить внимание и на характер общих северносамодийско-маторских инноваций: в основном эта лексика очень неспецифическая, нередко относящаяся к базовой (‘наст; весна’, ‘потеряться, заблудиться’, ‘(крупная) вошь’, ‘мочиться’, ‘согнуть’, ‘зажечь’, ‘песок’ и т. п.) [с. 165–169] – ср., например, энецко-нганасанские параллели, явно отражающие вторичный контакт и представляющие собой в значительной мере, если не в основном, термины олене-

водства (в том числе названия частей тела оленя, транспорта и т. п.), промысловые термины, названия элементов полярного ландшафта и т. п. [с. 222–225]. Естественно, это можно объяснять общим генетическим прошлым ненецкого и маторского, но, поскольку речь идет об инновациях, а именно так интерпретирует их автор, ограничение их семантики именно базовой лексикой выглядит все-таки не очень хорошо.

В целом представленный материал, на мой взгляд, не дает оснований беспрекословно выстраивать праненецко-маторскую общность (как делает автор диссертации) и отказаться от возможности альтернативного объяснения позиции и связей маторского языка как изначально периферийного (южно-го, юго-восточного?), в котором, как и в других периферийных языках, ненецком и энецком (северо-западных), сохранялись различные архаизмы, вытесненные в центре самодийского ареала. Точка зрения, отстаиваемая в диссертации, могла бы быть подкреплена параллелями, отражающими общие инновации в морфологии и фонетике, но их крайне мало (не более трех не слишком показательных морфологических сходжений, фонетика почти не рассматривается). В то же время маторский обнаруживает общие фонетические изоглоссы отнюдь не с ненецким (например, самое характерное ненецко-нганасанское развитие $*V- > *ɲV-$ отсутствует в маторском; впрочем, отсутствие этой инновации в энецком может указывать на ее поздний характер), а с пумпокольским, и частично с аринским и нганасанским языками (типологически редкий переход $*ś- > k-$), и с нганасанским и кетским (переход $*p > h$) (см. выше) [Helimski, 1997, с. 79; Старостин, 1982, с. 150–151, 156–157].

В любом случае, если гипотеза об особых связях северносамодийских (ненецкого) и маторского имеет право на существование, необходимо более детальное обоснование прежде всего хронологии этих особых связей: на каком этапе произошло отделение маторского, как примерно можно датировать это событие? Эти вопросы можно решить, только рассмотрев хронологию фонетических и морфологических изменений в рассматриваемых языках и связанную с ними хронологию заимствований (прежде всего – тюркских и монгольских в маторском и угорских в ненецком). Возможно, если такая работа будет проделана, гипотеза о маторско-ненецком единстве может быть подтверждена или скорректирована.

Вторая интересная гипотеза, выдвигаемая в диссертации, – об особых связях нганасанского с селькупско-камасинской группой. Посылком для ее выдвижения является следующее рассуждение: «зная, что в нганасанском высок процент слов, не имеющих соответствий в других языках, нам приходится искать специальное объяснение тому, что нганасанский НЕ ДАЕТ сниженного процента лексических соответствий с селькупским и камасинским в сравнении с другими северносамодийскими. Иначе говоря, примерно РАВНОЕ расстояние от камасинского и селькупского до любого из северносамодийских языков в действительности говорит о ПОВЫШЕННОМ проценте лексических соответствий между нганасанским и селькупским и нганасанским и камасинским. Тем самым, мы наблюдаем вовсе не (псевдо)идеальную картину отсутствия контактов между языками разных подгрупп, а как раз свидетельства возможного контакта между нганасанским и селькупским и нганасанским и камасинским» [с. 97]. Верно ли это математически? Предложим простую модель, в которой запись $L = I_1, I_2, I_3$ означает, что в языке L есть слова I_1, I_2, I_3 ; тогда можно выстроить схему с пятью языками:

$A = a_1, a_2, a_3, b_1, b_2, c_1, c_2, d_1, f_1$

$B = b_1, b_2, b_3, a_1, a_2, c_1, c_2, d_1, f_1$

$C = c_1, c_2, c_3, c_4, a_1, a_2, b_2, d_2, f_2$

$D = d_1, d_2, d_3, d_4, d_5, d_6, f_1, f_2, f_6$

$F = f_1, f_2, f_3, f_4, f_5, f_6, d_1, d_2, d_6$

Здесь язык C (нганасанский) содержит больше особых слов и примерно равно удален от A и B , которые ближе друг к другу, при этом все языки первой группы равно удалены от D и F . Слов в нашей схеме для наглядности мало, но их количество можно увеличить в пропорции хоть до ста³. Поэтому вновь главную роль в доказательстве гипотезы о вторичном контакте селькупско-камасинского и нганасанского играют сепаратные инновации. Автор оценивает их количество так: нганасано-

³ Благодарю М. О. Бахтерева (Екатеринбург) за консультацию.

селькупско-камасинских параллелей 53 (в основном инновации), с ненецким и энецким у селькупско-го и камасинского – 32 параллели (как инновации могут рассматриваться лишь 7) [с. 220–221]. Здесь цифры кажутся более доказательными, чем в случае маторско-ненецкого кластера. Для уточнения их я бы предложил осторожнее отнестись к нескольким этимологиям, которые представляют собой скорее архаизмы:

– нган. *šaruj* ‘стыд’ ~ сельк. *šorə* ‘стыд’, камас. *šērəl'em* ‘стыдиться’ < **kerz-* [с. 175]. Возможно, здесь имеется внешняя параллель: удм. *ker pottinj* ‘стыдиться, стесняться, выказывать стыд’ (*pottinj* ‘выдавать, выпускать, выказывать’) – удмуртское слово можно еще рассматривать как чувашское заимствование (*xur* ‘обида, позор, унижение’ < **qor* или *xāra-* ‘бояться’ < **qorq-* [ЭСЧЯ II, с. 333, 360]), но эта версия выглядит хуже семантически и почти невозможна по вокализму;

– нган. *h'ejbi* ‘жар, жара; теплый, тепло’ ~ сельк. *pū* ‘теплый’ < **pejwä* никак нельзя отделять от фин. *päivä* ‘солнце, день’, коми *bi* ‘огонь’ и др. < ПУ **pä(j)we* ‘теплый’ [UEW, с. 366–367];

– нган. *bəru* ~ сельк. *kūrə* < **wārə* ‘лесистая возвышенность’, при этом эн. **baru?* автор рассматривает по сути как нганасанское заимствование [с. 110]; эти слова, конечно, связаны с фин. *vuori*, коми *ver* и др. < ПФУ / ПУ **were* с точно тем же значением ‘лесистая гора’ [UEW, с. 571] (в UEW дано еще камас. *bōr* ‘гора, грива’);

– нган. *bie* ‘ветер, запах’ соответствует сельк. *kjč(č)ə* ‘запах’, оба слова можно возвести к праформе **wijə*. Слово рассматривается как инновация на фоне общесамодийского **merkä* ‘ветер’ [с. 200–201]. Этот случай особенно интересен в свете указанных выше проблем с учетом данных о внешних связях самодийских языков. Если действительно можно восстанавливать нган.-сельк. **wijə* ‘ветер’ (значение ‘запах’ из общих соображений следует считать скорее вторичным), то трудно не заметить его сходство с иран. **vāju-* ‘ветер’ (ав. *vaui-* ‘тж’, осет. *wæjɯg* ‘великан-вайюг’ и др.) [ИЭСОЯ IV, с. 68–71; KEWAI III, с. 190–191]. Если перед нами действительно иранизм, то возникает вопрос о том, каким образом иранское заимствование могло попасть в нганасано-селькупский ареал, обойдя другие самодийские диалекты, и как такое заимствование могло быть столь поздним.

Однако эти замечания не отменяют наличия большого числа сепаратных нганасанско-селькупско-камасинских параллелей. Означает ли это, что нганасанский язык непременно должен был соседствовать с селькупско-камасинским на какой-то стадии своей предыстории? Здесь начинается уже историческая интерпретация лингвистических выводов диссертации – несмотря на все сделанные замечания, преимущественно блестящих, являющихся результатом очень тонкого этимологического анализа. Историческая часть диссертации представляет собой очень предварительную гипотезу, точнее – авторский вариант интерпретации интереснейших лингвистических выводов. Поэтому вместо анализа конкретики, на которой сама А. Ю. Урманчиева, вероятно, не особо настаивает, мне представляется важным сделать несколько общеметодологических замечаний в продолжение моей статьи [Напольских, 2015], которые, думается, помогут нам в дальнейшем сформулировать палеоисторическую интерпретацию полученных в рассматриваемой диссертации выводов.

1. Переходя от лингвистических схем к реконструкции предыстории, прежде всего следует осознать, что любая, даже самым аккуратным образом выстроенная схема не может отражать всей сложности реальных исторических событий. В первую очередь это касается модели родословного древа языков. Мне уже приходилось достаточно подробно обосновывать тезис о том, что *Stammbaum* отражает не процесс возникновения и развития языков, а только известный нам результат этого процесса, изображает не реальную сложную историю, а просто позволяет структурировать известную по источникам реальность, является одним из способов визуализации такого структурирования [Напольских, 2015, с. 242–245]. Механистическое понимание родословного древа как отражения если не единственного, то по крайней мере магистрального пути развития рассматриваемых языков приводит к фатальной невозможности реконструкции исторического процесса. В исторической части рассматриваемой работы такое понимание, нередкое для лингвистов, вынужденных выходить в предысторию, ощущается: «очевидно, что определение наиболее адекватной классификационной схемы существенно приблизит нас к реконструкции миграционных путей, а также такого взаимного расположения языков на карте, которое отвечало бы модели дивергенции самодийских языков» [с. 11]. Из этого положения имплицитно следует, что в исторической реконструкции нужно оперировать только теми терминами, которые присутствуют в схеме *Stammbaum*: самодийский праязык –

южносамодийский (селькупско-камасинский) праязык – селькупский праязык («периода до диалектной дивергенции» [с. 17]) – селькупский язык / селькупские диалекты. Говорить о нганасанском, например, языке как об участнике исторических процессов в период сразу после распада самодийского (или северносамодийского) – примерно то же самое, что говорить о белорусском или хорватском языке применительно ко второй половине I тыс. н. э. С точки зрения исторической кажется просто странным положение о «селькупском (пра)языке периода до диалектной дивергенции» (ср. результаты работы [Тучкова, 2020], где наглядно продемонстрировано отсутствие всякой возможности существования такого языка в реальности), однако это не случайная оговорка – см. (вслед за М. А. Живловым): «существование инноваций, общих для языков А, В, С и D (но не для других языков данной семьи), может иметь одно из двух объяснений: а) эти инновации появились в общем праязыке пра-ABCD, когда в нем еще не возникли диалектные различия, впоследствии приведшие к возникновению языков А, В, С и D; б) эти инновации возникли в одном из языков и распространились на другие путем заимствования, возможно, еще на стадии, когда языки А, В, С и D были взаимопонятными диалектами одного языка» [с. 13]. Возможно, уважаемые коллеги могут привести примеры языков, в которых нет диалектов. Наверное, под такое определение подходят энецкий, кетский или даже нганасанский языки в их современном состоянии, но дают ли такие языки семью потомков? Мне такой взгляд представляется абсолютно антиисторичным. Еще более неприемлемым выглядит положение о том, что «генетические инновации позволяют построить классификацию языков – и, очевидно, этим дивергентным процессам, отображаемым в классификационной схеме, соответствуют определенные миграционные процессы» [с. 14] (см. еще ниже: сопоставление «миграционных путей, реконструированных на основе дивергентных процессов, и географического соседства разных языков в разные исторические периоды, реконструированного на основе внутренних и внешних конвергентных процессов, – в конечном итоге дает возможность реконструировать в динамике лингвистическую карту Западной Сибири» [с. 14–15]). Это ни в коем случае не очевидно хотя бы потому, что дивергенция языков совершенно не обязательно связана с миграциями (например, исторически отслеживаемый распад русского и белорусского или португальского и испанского никакими миграциями не был обусловлен).

2. С исторической точки зрения сложение народов, а значит и языков, – результат не только дивергенции, но и конвергенции. Любой народ – даже самый немногочисленный – многокомпонентен. Этот тезис был великолепно продемонстрирован как раз на примере нганасан в исследовании Г. М. Афанасьевой [1990]. Автор рассматриваемой диссертации также не отрицает возможности конвергентных процессов в истории языка: «необходимо отметить, что параллельное изучение генетических конвергентных и ареальных дивергентных процессов позволяет отчетливо развести лингвистические явления, отражающие связи первого и второго типа» [с. 11] (здесь, видимо, опечатка, поскольку к явлениям конвергенции ведут скорее ареальные связи, а генетические обычно рассматриваются как результат дивергенции праязыка – ср. ниже в диссертации: «ареальные конвергентные модели в совокупности с генетическими дивергентными моделями позволяют достовернее воссоздать поэтапные изменения лингвистической карты Западной Сибири» [с. 11] и «дивергентным процессам, отображаемым в классификационной схеме» [с. 14]). Если, таким образом, признавать участие в генезисе, например, нганасан (а не признавать этого в свете труда Г. М. Афанасьевой невозможно) разных компонентов, в том числе и разных самодийских компонентов, то полученные А. Ю. Урманчиевой лингвистические результаты можно объяснять вовсе не круговыми хождениями по Западной Сибири мифических вечно существовавших «нганасан» и / или «селькупов», а сложением лексики нганасанского языка (речь в диссертации идет, напомним, почти исключительно о лексике) из трех компонентов: 1) северносамодийского, близкого к ненецко-энецкой группе, появившегося на Таймыре с запада или юго-запада и составившего основной суперстрат, определивший северносамодийскую аффилиацию нганасанского, 2) самодийского, близкого к селькупско-камасинской группе, пришедшего на север вдоль Енисея, как предполагал Е. А. Хелимский, и принесшего лексику, объединяющую нганасанский с селькупским и камасинским, и 3) древнего палеосибирского, составившего в нганасанском таймырский субстрат, из которого происходит лексика неизвестного происхождения. На самом деле этих компонентов могло быть больше, но эти три сегодня уже можно счи-

тать установленными. Подобным образом могут объясняться и многие другие (весьма обоснованные и ценные, повторю) языковые наблюдения диссертации.

3. Из предыдущих тезисов следует еще одно важнейшее положение, часто не учитываемое в палеоисторических построениях разных исследователей. В древних языковых процессах, несомненно, участвовало гораздо больше языков, чем это следует из схемы *Stammbaum* (и чем это обозначено на картах в финальной части рассматриваемой работы). Причем следует иметь в виду, что среди этих языков вполне могли быть как субстратные языки, не принадлежавшие ни к одной из известных нам языковых семей, так и языки, входящие в известные нам семьи, но не оставившие живых потомков, особенности которых восходили бы к этим языкам, – параугорские, парасамодийские, парауральские. И все эти языки должны были участвовать в контактных ареальных взаимосвязях, именно при их посредстве могли возникать изоглоссы, которые объединяют какие-то пары известных нам сегодня (выживших) языков. Таким парасамодийским диалектом должен был быть, например, язык южного, енисейского компонента в составе нганасан. Именно такому параугорскому (южному угорскому, близкому домансийскому и довенгерскому диалектам праугорского) языковому организму мы можем быть обязаны обнаруживаемым А. Ю. Урманчиевой параллелям между мансийским и селькупско-камасинской группой (см. выше), и нет никакой необходимости постулировать былое проживание именно манси по всей южнотаежной полосе Западной Сибири. Аналогично следует рассматривать и обнаружение этнонима **jaring-* / **jargan-jax* в бассейне Васюгана в XVIII в., который автор трактует как хантыйское название ненцев и видит в этом след (единственный, впрочем) пребывания на данной территории даже не ненцев, а маторов (!) [с. 237]: «рассматриваемый этноним восстанавливается для праобскоугорского в виде **järyân* / **jäyrân* и обозначает именно ненцев» – со ссылкой на [Напольских, 2018, с. 216]. Осмелюсь возразить: весь смысл цитируемой статьи упомянутого В. В. Напольских состоит как раз в том, что данный этноним (равно как и связанные с ним коми *jegra* > рус. *Югра*) обозначал никак не ненцев и не обских угров, а аборигенное население северо-запада Западной Сибири, языковая принадлежность которого не может быть на сегодняшний день установлена (скорее всего, парауральцев).

По поводу обско-угорской предыстории у автора диссертации вообще порой обнаруживаются странные представления: «о том, что мансийский язык был распространен в том числе и на более южных территориях, чем сейчас, хорошо известно (например, манси жили на Урале в районе реки Чусовой). Но этот факт ничего не говорит о том, какое положение относительно освоенных манси территорий занимали территории, освоенные хантами» [с. 61]. Бассейн Чусовой – это скорее не южный, а (юго-)западный полюс поздней мансийской экспансии, а наличие хантыйского субстрата в составе именно северных манси – хорошо известный факт.

Кроме того, в диссертации практически обходится молчанием вопрос о важнейшем участнике древних языковых процессов в Западной Сибири – енисейских языках (напомню, автор оперирует исключительно данными кетского и югского). Встречающиеся отсылки к контактам самодийских с енисейскими языками вызывают массу вопросов, см., например: «если говорить о локализации селькупско-кетских контактов, датируемых периодом до диалектной дифференциации селькупского – вероятно, эта контактная зона располагалась южнее современного расселения носителей кетского языка. Это вполне согласуется с реконструируемой историей енисейской семьи: в качестве прародины рассматривается Саянский регион, а начало миграции енисейцев, носителей праязыка северной ветви (к которой относятся современные кетский и югский) с территории прародины на северные территории, в бассейн Енисея, датируется рубежом нашей эры, при этом сама миграция рассматривается как достаточно длительный процесс: “Расселение в северном направлении, в бассейн Енисея носителей протоязыков той ветви, к которой относятся современный кетский и югский, было спровоцировано экспансией скотоводческих культур в гуннскую эпоху (3 в. до н. э. – 2 в. н. э.). Эта миграция должна была еще продолжаться в период возникновения Первого тюркского каганата в 552 г. н. э.” (This migration must have been underway before the rise of the First Turkic Kaganate in AD 552) [Vajda 2020: 469]» [с. 59–60] (приведенный английский фрагмент скорее надо бы переводить «должна была продолжаться до возникновения»). Получается, что (южные) селькупы всегда жили там, где жили, а предки кетов и югов к ним пришли с юга – каким путем, как они оказались севернее селькупов, как это согласуется с известными гипотезами происхождения енисейцев (А. П. Дульзон, Н. Л. Членова,

Г. Вернер – см. обзор в [Напольских, 2020, с. 72–90])? Вообще предпочтение странного «авторитета» Э. Вайды⁴ непонятно: что значит «миграция должна была продолжаться»? Еще не дошли? Новые группы уходили? Почему она датируется таким временем? Если предки кетов «вышли» из Саянского региона, то почему и как они «пришли» в бассейн Енисея – Енисей, собственно, берет начало в Саянах? И т. д. В другом месте в диссертации сказано: «если предполагать, что прасамодийцы занимались рыболовством, Енисей как магистральная трасса северных миграций не слишком пригоден: его притоки, вполне возможно, были освоены енисейскоговорящими народами, для которых рыболовство также было основным занятием» [с. 232] – т. е. получается, что предки кетов освоили север бассейна Енисея еще до начала экспансии предков самодийцев на север? Как это согласуется с предыдущим тезисом? Далее сказано: «по разным причинам для всех них <самодийцев> следует предполагать тяготение к бассейну Оби, а не к бассейну Енисея (об одной причине – возможной конкуренции с носителями енисейских языков на притоках Енисея – я уже упоминала, об остальных скажу дальше по ходу изложения)» [с. 233]. А в бассейне Оби, видимо, никто не жил? С уграми, например, там не было конкуренции?

4. Из всех этих вопросов следует, в частности, и еще одно замечание: говоря о древних миграциях, следует подкреплять свои предположения привязкой к археологическим материалам и к историческому контексту (у нас все-таки есть исторические источники по сопредельным территориям уже для I тыс. н. э.). Приведенная выше цитата из Э. Вайды – один из немногих случаев обращения автора рассматриваемой работы к этим данным. Еще один случай – уже авторское объяснение странного предполагаемого рейда предков маторов со средней Оби на юго-восток, в Саяны: маторы смещаются со своей первоначальной территории на средней Оби под давлением хантов, продвигающихся вверх по Оби и формирующих восточнохантыйский ареал, «далее носители протоматорского, продолжая заданный вектор движения, проходят по юго-западной периферии самодийского ареала и становятся непосредственными западными соседями селькупов и камасинцев» [с. 237]. Не очень понятны причины как «хантыйского взрыва», когда ханты с территорий нижнего Приобья вдруг начинают резко расселяться на юг, на восток и на север, так и такого «продолжения заданного вектора движения» маторов. Исторического обоснования этих процессов не дается, и, что особенно важно, нет никаких, даже самых приблизительных указаний на датировки этих событий, они, по сути дела, повисают в воздухе. Еще интереснее дальнейшее: «далее камасинцы вместе с маторами продолжают смещение на восток (возможно – как раз в низовья Томи, где Э. Г. Беккер отмечает еще один ареал плотного залегания камасинских топонимов); отсюда, наконец (но уже позже), их вытесняет на Саяны поздняя волна миграций носителей тюркских языков, поглотившая впоследствии и носителей южных хантыйских диалектов, и носителей южных мансийских диалектов, и южных енисейцев и, в конечном итоге, носителей саяно-самодийских языков» [с. 237]. Получается, что тюрки вытеснили камасинцев и маторов с севера, с Томи, на исконные тюркские земли, в исторический центр Кыргызского каганата. Как и когда такое могло быть возможно? Мне кажется, здесь не только не учтены исторические и археологические данные, но выводы просто вступают с ними в противоречие.

5. Отсутствие исторического и хронологического контекста прямо приводит к совершенно умозрительному характеру выводов. Помещенные на с. 232–236 карты древних миграций самодийцев («нганасан», «ненцев», «маторов» – как своего рода вечных сущностей) вызывали бы меньше протеста, если бы не были положены на реальную географическую карту: на самом деле для такой привязки решительно никаких оснований не предлагается. Почему, например, первоначальная территория расселения «нганасан» (беру в кавычки, поскольку речь идет об условной вечной сущности), откуда они в готовом виде пришли на Таймыр, – бассейн Тыма? Какие реальные аргументы указывают на то, что на Тyme когда-то присутствовал нганасанский язык? Единственная такого рода попытка привязки реконструируемых миграций и ареалов к реальной карте – отсылка к выводам давних топоними-

⁴ Есть в работе еще одна ссылка на Э. Вайду, точнее на карту распространения енисейских топоформантов в бассейне Енисея, составленную им по работам, в частности, А. М. Малолетко [Vajda, 2020, с. 468] [с. 232]. К сожалению, неархеологические работы А. М. Малолетко находятся за пределами научной методологии и не могут быть использованы в палеоисторических исследованиях. Вероятно, то же верно и в отношении экстралингвистических положений Э. Вайды.

ческих изысканий Э. Г. Беккер: «часть названий на *-ба, -ва, -ма, -ча, -чага*, встречающиеся на территории Томской области, мы считаем южносамодийскими, поскольку в структурном отношении они однотипны с <...> камасинскими и полностью раскрываются из камасинского языка» и т. д., «исследование Э. Г. Беккер позволяет локализовать камасинцев в бассейнах Чижапки, Парабели и далее – в бассейне Томи» [с. 60]. К сожалению, работы Э. Г. Беккер даже для своего времени не были вершиной научного поиска, а сейчас, конечно же, выглядят совершенно архаичными. Как камас. *bu* ‘вода, река’ дало *-ба* или *-ма* в русской адаптации? Как отличить в субстратной топонимии камас. *bu* ‘вода, река’ и *ʔaʔa* ‘река’ [KamW, с. 11–12, 77] от матор. *bii* и *čaga* [Helimski, 1997, 221, 226]? Сама Э. Г. Беккер, как ясно следует из ее текста, не разводила камасинский и маторский языки: «гидронимы с перечисленными формантами широко распространены на юге Западной Сибири, где по данным исторических актов и записям путешественников еще в XVIII веке проживал ряд самодийских племен (камасинцы, моторы, койбалы, карагасы)» [с. 60]. Таким образом, и в этом единственном случае, когда итоговые схемы диссертации могут быть привязаны к карте, аргументация по сути отсутствует. Данные субстратной топонимии бесценны в аргументации палеоисторических гипотез, и сегодня мы имеем блестящий пример того, как такие данные должны вводиться в научный оборот – труды А. К. Матвеева и его школы [Матвеев, 2001–2015; 2011; Дмитриева, 2005], к сожалению, по самодийским ареалам в Западной Сибири эта работа пока по сути дела даже не начата.

Таковы в целом мои замечания к методологии предлагаемой исторической реконструкции. Не обсуждая конкретики, хотел бы заметить, что многие положения и в исторической части работы весьма интересны и заслуживают признания, например – идея о таежном рыболовстве как основе экономического уклада древних самодийцев и, соответственно, о привязке их первоначальных хабитатов и путей миграций к бассейнам средних и малых рек [с. 231].

Думается, что диссертация А. Ю. Урманчиевой – яркое, интереснейшее исследование, базирующееся на филигранном лингвистическом анализе огромного, часто совершенно не исследованного до сих пор материала по самодийским языкам – после публикации его в виде монографии положит начало новому этапу в изучении предыстории самодийцев и Западной Сибири в целом. Данные заметки, надеюсь, также послужат и корректировке ее выводов, и развитию дальнейшей дискуссии.

Список литературы

- Аникин А. Е., Хелимский Е. А.* Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М., 2007. 255 с.
- Афанасьева Г. М.* Традиционная система воспроизводства нганасан. (Проблема репродукции обособленных популяций). М., 1990. 872 с.
- Дмитриева Т. Н.* Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург, 2005. 579 с.
- ИЭСОЯ I–V – Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1–5. М.; Л., 1958–1995.
- Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург, 2001. 346 с.; Ч. II. Екатеринбург, 2004. 369 с.; [Ч.] III. Екатеринбург, 2007. 296 с.; Ч. IV. Топонимия мерянского типа. Сост., науч. ред. О. В. Смирнов. Екатеринбург, 2015. 313 с.
- Матвеев А. К.* Материалы по мансийской топонимии горной части Северного Урала. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2011. 255 с.
- Напольских В. В.* Исторические импликации двух уральских этимологий // Советское финно-угроведение. Том 25, №2. Таллинн, 1989. С. 81–83.
- Напольских В. В.* К методологии палеоисторических реконструкций // Поволжская археология. № 4. Казань, 2015. С. 235–265.
- Напольских В. В.* Очерки по этнической истории. Изд. 2-е, испр. и доп. Казань, 2018. 648 с.
- Напольских В. В.* Названия соли в уральских языках. СПб.: Издательство «Маматов», 2022. 144 с.
- ССТМЯ I–II – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Сост. В. И. Цинциус и др.* Т. 1–2. Ленинград, 1975.
- Старостин С. А.* Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л.: Наука, 1982. С. 144–237.

Тучкова Н. А. Этническая история и фольклор селькупов: Проблема корреляции данных // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 40, вып. 1–2, Казань, 2020. 414 с.

Хелимский Е. А. Keto-Uralica // Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л.: Наука, 1982. С. 238–251.

ЭСИРЯ I–V – Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1–5. М., 2000–2015.

ЭСЧЯ I–II – Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1–2. Чебоксары, 1996.

EDAL – Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. Etymological dictionary of Altaic languages. With assistance of Pyla Gruntov and Vladimir Glumov / Handbook of Oriental Studies / Handbuch Der Orientalistik. Part 8: Uralic & Central Asian Studies, 8. Leiden, 2003. 1556 p.

EWU – Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Hrsg. von L. Benkő. Budapest, 1993–1994. 1684 S.

Futaky I. Uralisch und Tungusisch // The Uralic languages. Description, history and foreign influences. Ed. by D. Sinor. Leiden – New York – København – Köln, 1988. Pp. 781–791.

Helinski E. Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis – Grundzüge der Grammatik – Sprachgeschichte. Szeged : JATE Finnougor tanszék, 1997. (Studia Uralo-Altaica, XLI). 475 S.

Janhunen J. On early Indo-European – Samoyed contacts // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 185. Helsinki, 1983. Pp. 115–127.

Kai Donners Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik. Hrsg. von A. J. Joki / Lexica Societatis Fenno-Ugricae, 8. Helsinki, 1944. 215 S.

KEWAI I–IV – Mayhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. A concise etymological dictionary of the Ancient Indian. Bd. 1–4. Heidelberg, 1956–1980.

ND – Dolgopolsky A. Nostratic dictionary. Cambridge, 2008. 3116 p.

Nikolaeva I. A Historical Dictionary of Jukaghir / Trends in linguistics. Documentation, 25. Berlin – New York, 2006. 500 p.

Rédei K. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1970. 195 S.

Sebestyén I. N. Az uráli nyelvek régi halnevei // Nyelvtudományi közlemények, 49. Budapest, 1935. O. 1–97.

SW – Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien / Castrenianumin toimitteita. № 17. Helsinki, 1977. 186 S.

Tatár M. Palatal / velar doublets in the Uralic and Altaic languages // Riepmočála. Essays in honour of Knut Bergsland presented on the occasion of his seventieth birthday. Ed. by B. Brendemoen, E. Hovdhaugen and O. H. Magga. Oslo, 1984. P. 165–181.

Toivonen Y. Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjakischen // Finnisch-ugrische Forschungen. Bd. 32. Helsinki, 1952. S. 1–169.

UEW – Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986–1991. 906 S.

Vajda E. J. Typological accommodation in Central Siberia // The Language of Hunter-Gatherers. Ed. by T. Güldemann et al. Cambridge, 2020. P. 465–498.

WogW – Wogulisches Wörterbuch. Gesammelt von Bernát Munkácsi. Hrsg. von Béla Kálmán. Budapest, 1986. 950 S.

References

Abaev V. I. *Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka* [Historical-etymological dictionary of the Ossetian language]. Moscow, Leningrad, 1958–1995, vols. 1–5. (In Russ.)

Afanas'eva G. M. *Traditsionnaya sistema vosproizvodstva nganasan. (Problema reproduksii obosoblennykh populyatsiy)* [The traditional nganasan reproduction system. (The problem of reproduction of isolated populations)]. Moscow, 1990, 872 p. (In Russ.).

Anikin A. E., Khelimskiy E. A. *Samodiysko-tunguso-man'chzhurskie leksicheskie svyazi* [Samoyed-Tungusic-Manchurian lexical relations]. Moscow, 2007, 255 p. (In Russ., In Ossetian).

Dmitrieva T. N. *Toponimiya basseyna reki Kazym* [Toponymy of the Kazym River basin]. Ekaterinburg, 2005, 579 p. (In Russ.).

- Dolgopolsky A. *Nostratic dictionary*. Cambridge, 2008, 3116 p.
- Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of Iranian languages]. Moscow, 2000–2015, vols. 1–5.
- Etimologisches Wörterbuch des Ungarischen*. Hrsg. von L. Benkő. Budapest, 1993–1994, 1684 p.
- Fedotov M. R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Chuvash language]. Cheboksary, 1996, vols. 1–2. (In Russ., in Chuvash).
- Futaky I. Uralisch und Tungusisch. In: *The Uralic languages. Description, history and foreign influences*. D. Sinor (Ed.). Leiden, New York, København, Köln, 1988, pp. 781–791.
- Helimski E. *Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis – Grundzüge der Grammatik – Sprachgeschichte*. Szeged : JATE Finnougor tanszék, 1997 (Studia Uralo-Altaica, XLI), 475 p.
- Janhunen J. On early Indo-European – Samoyed contacts. In: *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Helsinki, 1983, vol. 185, pp. 115–127.
- Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. In: *Castrenianumin toimitteita*. Helsinki, 1977, vol. 17, 186 p.
- Khelimskiy E. A. Keto-Uralica. In: *Ketskiy sbornik. Antropologiya, etnografiya, mifologiya, lingvistika* [The Ket collection. Anthropology, ethnography, mythology, linguistics]. Leningrad, Nauka, 1982, pp. 238–251. (In Russ.).
- Kai Donners Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik. Hrsg. von A. J. Joki. In: *Lexica Societatis Fenno-Ugricae*. Helsinki, vol. 8, 1944, 215 p.
- Matveev A. K. *Materialy po mansiyskoy toponimii gornoy chasti Severnogo Urala* [Materials on the Mansi toponymy of the mountainous part of the Northern Urals]. Ekaterinburg, UrSU, 2011, 255 p. (In Russ.).
- Matveev A. K. *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa* [The substratum toponymy of the Russian North]. Ekaterinburg, 2001, pt. 1, 344 p.; 2004, pt. 2, 369 p.; 2007, pt. 3, 296 p.; 2015, pt. 4: *Toponimiya meryanskogo tipa* [Toponymy of the Meryan type]. O. V. Smirnov (Comp., Ed.), 313 p. (In Russ.).
- Mayhofer M. *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. A concise etymological dictionary of the Ancient Indian*. Heidelberg, 1956–1980, vols. 1–4.
- Napol'skikh V. V. Istoricheskie implikatsii dvukh ural'skikh etimologiy [Historical implications of two Uralic etymologies]. In: *Sovetskoe finno-ugrovedenie* [Soviet Finno-Ugric studies]. Tallinn, 1989, vol. 25, no. 2, pp. 81–83. (In Russ.).
- Napol'skikh V. V. K metodologii paleoistoricheskikh rekonstruktsiy [On the methodology of paleohistorical reconstructions]. *The Volga River Region Archaeology*. 2015, no. 4, pp. 235–265. (In Russ.).
- Napol'skikh V. V. *Nazvaniya soli v ural'skikh yazykakh* [Salt names in the Uralic languages]. St. Petersburg, Mamatov, 2022, 144 p. (In Russ.).
- Napol'skikh V. V. *Ocherki po etnicheskoy istorii* [Essays on ethnic history]. 2nd ed., rev. and suppl., Kazan, 2018, 648 p. (In Russ.).
- Nikolaeva I. A Historical Dictionary of Jukaghir. In: *Trends in linguistics Documentation*. Berlin, New York, 2006, vol. 25, 500 p.
- Rédei K. *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Budapest, 1970, 195 p.
- Rédei K. *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Budapest, 1986–1991, 906 p.
- Sebestyén I. N. Az uráli nyelvek régi halnevei. In: *Nyelvtudományi közlemények*, 49. Budapest, 1935, pp. 1–97.
- Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov* [Comparative Dictionary of the Tungusic-Manchu languages]. V. I. Cincius et al. (Comps.). Leningrad, 1975, vols. 1–2. (In Russ.).
- Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. *Etymological dictionary of Altaic languages*. With assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov. Handbook of Oriental Studies. Handbuch Der Orientalistik. Leiden, 2003, pt 8: Uralic & Central Asian Studies, 1556 p.
- Starostin S. A. Praeniseyskaya rekonstruktsiya i vneshnie svyazi eniseyskikh yazykov [Proto-Yenisei reconstruction and external relations of the Yenisei languages]. In: *Ketskiy sbornik. Antropologiya, etnografiya, mifologiya, lingvistika* [The Ket collection. Anthropology, ethnography, mythology, linguistics]. Leningrad, Nauka, 1982, pp. 144–237. (In Russ.).

Tatár M. Palatal/velar doublets in the Uralic and Altaic languages. In: *Riepmočála. Essays in honour of Knut Bergsland presented on the occasion of his seventieth birthday*. B. Brendemoen, E. Hovdhaugen and O. H. Magga (Eds.). Oslo, 1984, pp. 165–181.

Toivonen Y. Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjakischen. In: *Finnisch-ugrische Forschungen*. Helsinki, 1952, vol. 32. pp. 1–169.

Tuchkova N. A. Etnicheskaya istoriya i fol'klor sel'kupov: Problema korrelyatsii dannyx [Ethnic history and folklore of the Selkups: The problem of data correlation]. In: *Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete* [Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography at Kazan University]. Kazan, 2020, vol. 40, iss. 1–2, 414 p. (In Russ.).

Vajda E. J. Typological accommodation in Central Siberia. In: *The Language of Hunter-Gatherers*. T. Güldemann et al. (Eds.). Cambridge, 2020, pp. 465–498.

Wogulisches Wörterbuch. Gesammelt von Bernát Munkácsi. Hrsg. von Béla Kálmán. Budapest, 1986, 950 p.

Сокращения в названиях языков и диалектов

ав. – авестийский; **Вах** – ваховский диалект хантыйского языка; **венг.** – венгерский; **Дем.** – говор с. Демьянка хантыйского языка; **диал.** – диалектное; **иран.** – иранский; **камас.** – камасинский; **карагас.** – карагасский; **кет.** – кетский; **кор.** – корякский; **манс.** – мансийский; **мар.** – марийский; **мат.** – маторский; **нан.** – нанайский; **нган.** – нганасанский; **нен.** – ненецкий язык; **нен. лес.** – лесной ненецкий язык; **осет.** – осетинский; **Палт** – праалтайский; **Пел.** – пельымский диалект мансийского языка; **перс.** – персидский; **ПШерм** – прапермский; **ПСам** – прасамодийский; **ПТМ** – пратунгусо-маньчжурский; **ПУ** – прауральский; **ПУГ** – праугорский; **ПФУ** – прафинно-угорский; **С.** – сосвинский диалект мансийского языка; **сам.** – самодийский; **сев.-сам.** – северносамодийский; **сельк.** – селькупский; **сельк. сев.** – северные диалекты селькупского языка; **Тавд.** – тавдийский диалект мансийского языка; **тат.** – татарский; **тох.** – тохарский; **тунг.** – тунгусский; **тю.** – тюркский; **удм.** – удмуртский; **ф.-волж.** – финно-волжский; **фин.** – финский; **хант.** – хантыйский; **хант. сев.** – северные диалекты хантыйского языка; **чув.** – чувашский; **эвенк.** – эвенкийский; **эн.** – энецкий; **Юган** – юганский говор сургутского диалекта хантыйского языка; **юкаг.** – юкагирский; **якут.** – якутский

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
04.10.2023*

Сведения об авторе

Напольских Владимир Владимирович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия); ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия)

E-mail: vovia.nap@ya.ru

ORCID 0000-0002-1549-9639

Information about the Author

Vladimir V. Napolskikh – Doctor of History, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher at the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); Senior Researcher at the School of Topical Humanitarian Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

E-mail: vovia.nap@ya.ru

ORCID 0000-0002-1549-9639

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.511.142 + 39 + 581.9

DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-89-106

Междисциплинарная экспедиция к ваховским хантам в национальное село Корлики Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в августе 2023 г.: промежуточные результаты

Н. В. Сайнакова¹, С. В. Ковылин², О. И. Белогай¹, Н. Н. Корикова¹

¹ «Музей Природы и Человека», Ханты-Мансийск, Россия

² Институт системного программирования имени В. П. Иванникова РАН, Москва, Россия

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Аннотация

Статья посвящена описанию промежуточных результатов междисциплинарной экспедиции к ваховским хантам в национальное село Корлики Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2023 г. Обсуждается общая информация по гранту «Про Югру: открытые исследования», в рамках которого была проведена экспедиция, результаты лингвистической работы в с. Корлики, данные, полученные из социолингвистических анкет и общего опроса населения, особенности формирования ваховской коллекции этнографических предметов Музея Природы и Человека г. Ханты-Мансийска, результаты этноботанического анкетирования и ботанического исследования местности. Помимо этого, приводится краткая информация по посещению участниками экспедиции праздника «Живые традиции» и выезду на священное место «Каменная гора».

Ключевые слова

междисциплинарная экспедиция, ваховские ханты, лингвистика, этнография, ботаника, этноботаника

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта губернатора Югры, грантополучатель АНО «Малая Родина» (руководитель гранта О. И. Белогай).

Для цитирования

Сайнакова Н. В., Ковылин С. В., Белогай О. И., Корикова Н. Н. Междисциплинарная экспедиция к ваховским хантам в национальное село Корлики Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в августе 2023 г.: промежуточные результаты // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48). С. 89–106. DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-89-106

© Н. В. Сайнакова, С. В. Ковылин, О. И. Белогай, Н. Н. Корикова, 2023

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 4 (iss. 48)

Interdisciplinary expedition to the Vakh Khanty to the national village Korliki of the Nizhnevartovsk region of the Khanty-Mansi Autonomous Area – Yugra in 2023: interim results

N. V. Saynakova¹, S. V. Kovylin², O. I. Belogay¹, N. N. Korikova¹

¹ «Museum of Nature and Man», Khanty-Mansiysk, Russian Federation

² Ivannikov Institute for System Programming of the RAS, Moscow, Russian Federation
Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

Abstract

This paper describes the interim results of an interdisciplinary expedition conducted in 2023 to the Vakh Khanty in the national village of Korliki, Nizhnevartovsk district of Khanty-Mansi Autonomous Area – Ugra. The research covered the following fields, including linguistics, ethnography, ethnobotany, and botany. This multidisciplinary approach allowed for a comprehensive examination of the language, culture, landscape, and flora of the Vakh Khanty. The relevance of the work is determined by its comprehensive interdisciplinary nature, which enables a thorough exploration of the national village of Korliki as a concentrated hub of Vakh Khanty life. This expedition was funded by a grant named “About Ugra: Open Research.” Thus, the general information about the grant is provided. Also, the findings of a linguistic research in the village of Korliki are presented. Particular attention is paid to the data obtained from sociolinguistic questionnaires and a general survey of the population. Furthermore, a discussion is provided on the peculiarities of the formation of the Vakh collection of ethnographic objects located in the Museum of Nature and Man in Khanty-Mansiysk. The paper also presents the results of an ethnobotanical survey and botanical study of the area. Mention is also made visit to the “Living Traditions” holiday and a trip to the sacred place “Stone Mountain.”

Keywords

interdisciplinary expedition, Vakh Khanty, linguistics, ethnography, botany, ethno-botany

Acknowledgements

The study was supported by the grant of the Governor of Ugra, grantee ANO "Malaya Rodina" (grant manager O. I. Belogay).

For citation

Saynakova N. V., Kovylin S. V., Belogay O. I., Korikova N. N. Mezhdistsiplinarnaya ekspeditsiya k vakhovskim khantam v natsional'noe selo Korliki Nizhnevartovskogo rayona KhMAO – Yugry v avguste 2023 g.: promezhutochnye rezul'taty [Interdisciplinary expedition to the Vakh Khanty to the national village Korliki of the Nizhnevartovsk region of the Khanty-Mansi Autonomous Area – Yugra in 2023: interim results]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023. no. 4 (iss. 48), pp. 89–106. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-89-106

Введение

Ханты являются одним из древних аборигенных народов севера Западной Сибири, проживающих по бассейнам притоков Оби и Иртыша и по самой Оби в ее нижнем и среднем течениях [Терешкин, 1981, с. 3]. Хантыйский язык вместе с мансийским принадлежит к обско-угорской подгруппе финно-угорских языков уральской языковой семьи [Хонти, 1995, с. 3; Janhunen, 2003, с. 326–328] и в настоящее время относится к языкам, находящимся под угрозой исчезновения. Согласно последним исследованиям отечественных лингвистов, его можно разделить на четыре языка: севернохантыйский, восточный сургутский хантыйский, восточный вах-васюганский хантыйский и вымерший южнохантыйский (хандэйский)¹, где, в свою очередь, ваховский и васюганский диалекты являются одними из наименее изученных.

Изучению различных аспектов жизни ваховских хантов посвящено существенное количество исследований. Отдельно стоит выделить труды по языку К. Ф. Карьялайнена, Н. И. Терешкина, Я. Гуйи, В. Штейница, Л. Хонти и других исследователей, которые обобщены в работе «Становление традиций изучения языка восточных хантов» [Воробьева и др., 2020], а также труды по истории и этногра-

¹ Список языков России // Проект «Языки России». Режим доступа: http://jazykirf.iling-ran.ru/list_2022.shtml. (дата обращения: 31.10.2023).

фии, например, М. Б. Шатилова [Шатилов, 1931], В. М. Кулемзина и Н. В. Лукиной [Кулемзин, 1974; Лукина, 1985; Кулемзин, Лукина, 2006]. К одному из последних, на данный момент, исследований, посвященных изучению разных аспектов жизни ваховских хантов в местах их традиционного проживания, можно отнести междисциплинарную экспедицию, которая проводилась авторами статьи в национальном селе Корлики в августе 2023 г. по проекту «Про Югру: открытые исследования» (Грант губернатора Югры) (см. раздел 2). Работа велась по четырем направлениям: лингвистика, этнография, ботаника и этноботаника. Экспедиция проводилась с целью сбора данных по языку ваховских хантов (фольклорные и бытовые тексты, опросники и словари), этнографических экспонатов и материалов по материальной и духовной культуре, этноботанике, а также с целью сбора образцов растений для тематического гербария.

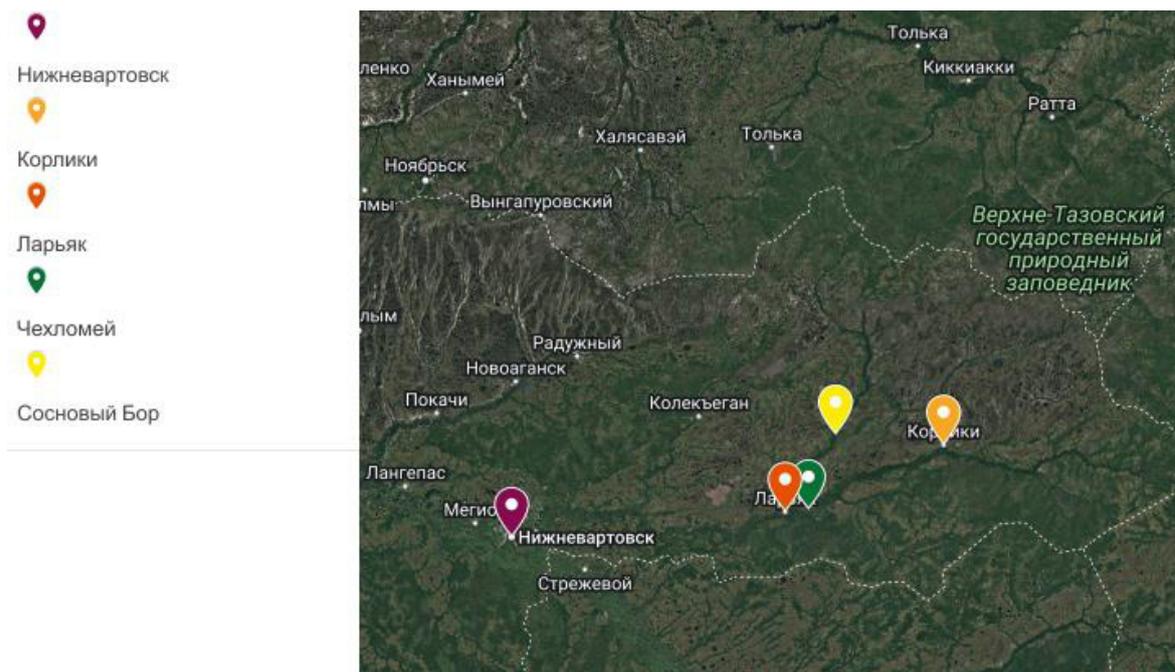
Национальное село Корлики является самым отдаленным населенным пунктом от г. Нижневартовск в Нижневартовском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по течению р. Вах, где проживают ваховские ханты.

Карта 1

**Нижневартовский район Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.
Основные места проживания ваховских хантов, в разной степени владеющих языком**

Map 1

**Nizhnevartovsk district of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra.
The main places of residence of the Vakh Khanty with different levels of language competence**

Целью данной статьи является введение в научный оборот промежуточных результатов, полученных в ходе междисциплинарной экспедиции к ваховским хантам в 2023 г., проживающим в селе Корлики, куда входят исследования по лингвистике, этнографии, ботанике и этноботанике.

Актуальность работы определяет ее комплексный междисциплинарный характер, позволяющий с разных сторон рассмотреть проводимые на сегодняшний день исследования в национальном селе Корлики – компактном месте проживания ваховских хантов.

1. О проекте губернатора ХМАО - Югры «Про Югру: открытые исследования»

Проект «Про Югру: открытые исследования»² направлен на изучение природного и историко-культурного наследия Югры. В рамках проекта организован открытый процесс краеведческих исследований по направлениям история, археология, этнография, этнолингвистика, палеонтология, этноботаника, ботаника, включающий проведение в 2023–2024 гг. 18 экспедиций в Березовском (в том числе на Приполярном Урале), Ханты-Мансийском, Кондинском, Нижневартовском, Нефтеюганском районах.

Целью проекта является получение новых данных о древней и современной истории Югры, этнографии, природном разнообразии региона; предполагается изучение известных и выявление новых объектов культурного и природного наследия. Полученные материалы пополнят государственный музейный фонд РФ.

Исследования ведутся профильными специалистами (историками, археологами, этнографами, лингвистами, биологами, палеонтологами) с привлечением ведущих экспертов региона и страны.

2. Сбор языкового материала

В ходе экспедиции был продолжен сбор лингвистического материала, конечной целью которого является создание современного аудиословаря и аудиокорпуса ваховского диалекта хантыйского языка на базе платформы Института системного программирования РАН Lingvodoc 3.0 (<http://lingvodoc.ispras.ru/>). Данная поездка в с. Корлики является пятой (предыдущие четыре были проведены в 2017, 2018, 2019, 2022 гг.) в составе разных исследовательских групп, вместе с коллегами из Томского государственного педагогического института, Томского государственного университета, Томского политехнического университета, Института филологии СО РАН (г. Новосибирск), Института системного программирования РАН (г. Москва) с целью сбора этнолингвистического материала. Частично материалы предыдущих экспедиций на р. Вах объемом более 10 тыс. словоформ уже проанализированы и выложены в открытый доступ³. Одной из задач было собрать лингвистические данные от наибольшего количества носителей, параллельно оценивая языковую обстановку в с. Корлики на практике.

1) В ходе поездки было записано 15 рассказов, сказок и песен на хантыйском языке, 3 из которых были расшифрованы и переведены на русский: Сказка про речку двух женщин; Рассказ о поминках; Рассказ про оленей, принесенных в дар духам неба, земли и огня.

2) Собран аудиословарь по девяти тематическим группам лексики объемом более 1000 словоформ, включающим разделы: части тела; природа; пространство; время; флора; фауна; лица; материальная культура; пища.

3) Записан «Опросник к описанию глаголов плавания в языках мира» [Майсак, Рахилина, 2007, с. 73–74] от двух информантов.

4) Собрана часть опросника к описанию прилагательных и степеней сравнения.

5) Дополнительно проводилось уточнение этимологии названий ягод и других растений.

Все представленные лингвистические данные являются частью комплексной долгосрочной документации и изучения ваховского диалекта хантыйского языка, что и будет продолжено далее. Материалы постоянно обрабатываются и выкладываются в открытый доступ в виде корпусов, словарей и научных публикаций. На сегодняшний день собрано более 200 часов аудиозаписей социолингвистического (уже частично обработанного) хантыйского-русского материала.

² Про Югру: открытые исследования. Режим доступа: <https://грантгубернатора.рф/public/application/item?id=2f183882-76b5-4ed9-b3ac-da388d4bab28> (дата обращения: 31.10.2023).

³ Ваховский диалект. Глоссированные полевые материалы по ваховскому диалекту восточных ханты (д. Корлики, Ларьяк, Чехломей Chehlomei 2017–2019) (Ковылин Сергей). Режим доступа: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3021/71/perspective/3021/75/view> (дата обращения: 31.10.2023).

Ваховский диалект. Словарь глоссированных полевых материалов по ваховскому диалекту восточных ханты (д. Корлики, Ларьяк, Чехломей 2017–2019). (Ковылин Сергей). Режим доступа: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4860/190/perspective/4860/191/view> (дата обращения: 31.10.2023).

3. Социолингвистические анкеты и общий опрос населения

Собрано 20 социолингвистических анкет, состоящих из 35 вопросов, направленных на извлечение информации об имени, месте рождения и проживания, социальном статусе, национальности и владении языками информанта и его родственников (что частично включало данные о муже, детях, родителях, а также о предках по отцовской и материнской линиях). Также вопросы включали положения о знании информантом элементов родной культуры (сказки, песни, обряды) и социолингвистической ситуации в месте его проживания в целом (языковая ситуация в селе, преподавание языка в школе, предложения по улучшению языковой ситуации). Сбор каждой анкеты занимал в среднем 30 минут. К ним можно добавить еще около 15 социолингвистических анкет с частично сходной информацией, собранных в предыдущих экспедициях, а также разговоры на данную тему с представителями администрации, учителями и местными активистами. Все данные хранятся в аудиоформате в личных архивах участников экспедиции.

Предварительные результаты анкетирования показывают, что еще 40–80⁴ лет назад многие информанты из Корликов и их родственники разных поколений проживали как в самом селе, так и в небольших близлежащих, ныне заброшенных населенных пунктах, например, Красный Север, а также на берегах местных рек и озер, в угодьях. Большинство из них либо не говорило по-русски до школы, либо знало два языка, общаясь со старшими родственниками в основном по-хантыйски. Большая часть вела традиционный образ жизни, заключающийся в охоте, рыбалке, собирательстве дикоросов, использовании объектов окружающей природы для организации жизни (традиционные ремесла), а также разведении оленей. Информанты отмечают, что раньше они и их соседи имели крупные стада оленей. Также среди родственников информантов были шаманы, проводившие различные обряды. Коренное население чтит местные традиции и запреты, имело различные обереги и атрибуты, связанные с соблюдением представлений о традиционной религиозной системе.

В настоящее время основная часть ваховских хантов проживает в населенных пунктах. Национальное село Корлики является единственным местом их компактного проживания, где многие еще активно говорят на родном языке. На 2015 г. из 605 человек к корликовским хантам относилось 382 человека, а в местах промысла (официально) проживало 44 семьи – 126 человек⁵. Все ваховские ханты из с. Корлики (как и ваховские ханты в целом) говорят на русском языке. Дети практически не говорят / не используют родной язык, однако в отдельных редких случаях можно встретить родителей, общающихся с маленькими детьми только на хантыйском. Основная часть хорошо владеющих языком – это люди старше 40 лет. Лучше всего язык помнят представители старшего поколения, которые знают его во всей полноте. У более молодых представителей может наблюдаться, в разной степени, угасание языка, которое заключается в его упрощении и трансформации, переходе на русские синтаксические модели, забывании лексики. Собранные данные показывают, что большая часть корликовских хантов проживает в селе, и только часть из них периодически выезжает на угодья. Поголовье оленей на угодьях, по словам информантов, постоянно сокращается, из-за того что многие (в основном молодое поколение) отказываются от ведения традиционного образа жизни, а также из-за постоянного истребления оленей волками, что ведет к медленному, но постепенному угасанию оленеводческой традиции. Сейчас уже не удается обнаружить семьи, у которых в ближайшей или средней ретроспективе дети рождались в тайге, хотя отдельные из них периодически проживают вместе с детьми на угодьях. Ханты продолжают заниматься охотой, рыбалкой, собирательством дикоросов, однако меньше используют традиционные методы и инструменты добычи и заготовки продуктов питания, используя привозные инструменты и технологии, например, отказ от рыболовных заборов, современные снасти для ловли рыбы, моторные лодки, готовые продукты из магазина и т. д. Традиционные ремесла все еще используются для нужд проживания, однако становятся не очень распространенными среди населения. В с. Корлики нет шаманов, однако, хоть и в угасающем виде, до сих

⁴ Средний возраст респондентов.

⁵ Официальный сайт администрации. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Нижневартовский район. Городские и сельские поселения Нижневартовского района. Режим доступа: <http://www.nvraion.ru/poseleniya/all/laryak/history.php#:~:text=Национальное%20село%20Корлики&text=Население%20-%20605%20человека.,%2C%20коми%2C%20марийцы%2C%20немцы> (дата обращения: 31.10.2023).

пор соблюдаются отдельные традиции и обряды. В целом, подводя итог, необходимо сказать, что глобализация очень сильно повлияла на жизнь и представления о мире коренного населения ваховских хантов с. Корлики (они обладают теми же материальными благами и доступными ресурсами, что и среднестатистический россиянин). Тем не менее они продолжают сохранять родную культуру и язык.

В ходе опросов информанты часто выходили за рамки предложенного анкетирования и сообщали о дополнительных проблемах, связанных с экономической нецелесообразностью, сложностью поддержания функционирования отдаленных населенных пунктов типа с. Корлики, что приводит к невыгодности содержания производств, отражающихся в высоком уровне безработицы, оттоке населения, постепенной утрате языка, культуры и традиционного образа жизни.

Также удалось узнать, что в настоящее время преподавание на ваховском диалекте хантыйского языка ведется один раз в неделю в качестве факультатива в школах населенных пунктов Корлики, Ларьяк и Охтеурье⁶, раз в год проводится «Фронтальный диктант» на хантыйском языке. С 31.03.2018 г. в местной газете «Новости Приобья»⁷ возобновился выпуск тематической полосы на ваховском диалекте хантыйского языка «Родное слово».

Далее необходимо продолжить сбор социолингвистических анкет от новых информантов. В целом не ожидается значительных изменений от общей представленной картины, однако дополнительные материалы позволят уточнить уже имеющиеся данные.

4. Формирование ваховской коллекции в Музее Природы и Человека

Одной из задач экспедиционной поездки являлась перепроверка и дополнение каталога ваховской коллекции этнографических предметов, хранящихся в Музее Природы и Человека с помощью метода работы с таблицами узнавания. Была проведена сверка и сбор информации предметов, поступивших в музей на период с 1957 по 2004 гг. Перед тем как отправиться в поездку, была проверена информация о предыдущих экспедициях, сдатчиках, авторах изделий (мастерах) и единицах хранения. Велся подсчет предметов, полученных только из населенного пункта Корлики, так как первая поездка по проекту была намечена именно на данную территорию. Было выявлено, что в Музее Природы и Человека на постоянном хранении находятся более 100 предметов ваховских хантов из с. Корлики, привезенных их двух экспедиций.

Первое поступление предметов в фонды Музея Природы и Человека из Корликов было в 1957 г. от З. П. Соколовой, которая вела полевые исследования в Ханты-Мансийском национальном округе на р. Вах в рамках Северной экспедиции Института этнографии АН СССР [Соколова, 2016, с. 63–191]. От З. П. Соколовой поступило четыре предмета от двух авторов – У. О. Пыгатовой и Р. П. Могульчиной.

Второе поступление в фонды Музея Природы и Человека из Корликов было в 2004 г. Сотрудниками Музея Природы и Человека была проведена историко-этнографическая экспедиция в Нижневартовский район в соответствии с программой комплектования и планом работы Музея Природы и Человека. Фонд музея был пополнен на 74 единицы хранения: детали жилища, предметы интерьера, предметы ухода за детьми, берестяная утварь, одежда и аксессуары, орудия труда, средства передвижения, упряжь, игрушки, культовые предметы. Эта на сегодняшний день самое большое поступление от ваховских хантов. Предметы были получены от хантов М. П. Могульчина, И. Г. Кунина, Г. И. Кунина, Р. П. Могульчиной, М. К. Пыгатовой, Л. Н. Каткалевой, Ж. А. Хохлянкиной, А. Е. Каткалевой, Н. В. Каткалевой, П. Е. Каткалева, А. А. Каткалева, В. А. Чехомовой, О. Д. Каткалевой, Е. Н. Прасиной.

Третье поступление предметов в фонды Музея Природы и Человека из Корликов было в 2023 г. после проведенной комплексной экспедиции в Нижневартовский район. Предметы поступили от сдатчиков Ж. А. Хохлянкиной, В. Г. Кунина, А. А. Каткалевой, Н. Н. Каткалева. Во время поездки было собрано также более 40 предметов от мастеров с. Корлики, что в дальнейшем позволит подго-

⁶ Возможно, и в других населенных пунктах (Чехломей).

⁷ «Новости Приобья» Общественно-политическая газета Нижневартовского района. Режим доступа: <https://novpriob.ru/> (дата обращения: 31.10.2023).

товить «Каталог-словарь ваховской коллекции Музея Природы и Человека». От Ж. А. Хохлянкиной и В. Г. Кунина были зафиксированы названия хантыйских предметов, которые можно разделить на предметы женского и мужского изготовления, предметы по этноботанике (см. Таблица 1). А. А. Каткалева предоставила для осмотра и фотофиксации предметы из местного музея и провела для участников экспедиции мастер-класс по изготовлению берестяной тарелки с орнаментом в традиционной технике выскабливания, которую передала в фонды музея.

Таблица 1

**Предметы, привезенные из села Корлики в 2023 г.
(авторы Ж. А. Хохлянкина и В. Г. Кунин)**

Table 1

**Items brought from the village of Korliki in 2023
(authors J. A. Khokhlyankina and V. G. Kunin)**

№ п/п	Хантыйские названия	Перевод на русский язык
Предметы, изготовленные женщиной		
1	<i>jantə qirəy</i> (шить-PRS.PTCP мешок)	сумка женская для рукоделия
2	<i>amtəw poč</i> (люлька зад)	оберег для люльки
3		тарелка берестяная
4	<i>nämet</i>	игольница
5		женское нагрудное украшение
6	<i>öyäli jernäs</i> (девочка платье)	платье детское
7	<i>jernäs niñäy</i> (платье женское)	платье женское
8	<i>öyäli köləy</i> (девочка шуба)	шуба (сах) детская
9	<i>öyäli əntəw</i> (девочка пояс)	пояс детский
10	<i>ram köñčiw</i> (трава чесалка)	чесалка для травы в футляре
11		ложка
Предметы, изготовленные мужчиной		
12	<i>köt juç</i> (нога дерево)	колодка
13	<i>səwəs</i>	игла для вязания сетей
14	<i>qaləw lump</i> (сеть поплавок)	сетевой поплавок
15	<i>qaləw köy</i> (сеть камень)	сетевое грузило
16	<i>weli</i>	олень (щепковый)
17	<i>masn'a + käsna</i> (трубка + кисет)	трубка курительная и кисет
18		нож и ножны
19		игрушка юла
20		игрушка жужжалка
21		погремушка детская из гусиной шеи
Предметы по этноботанике		
22	<i>joç</i>	кедровый корень
23	<i>köñtəm ram</i> (чесать-PT. PTCP трава)	чесаная трава / трава для обуви
24	<i>näñk ränoč'</i> (лиственница ?лиственничный гриб)	лиственничный гриб
25	<i>jom kär</i> (черемуха кора)	кора черемухи
26		чага
27	<i>lətqis</i>	трилистник / трилистник в мешочке
28		сабельник в мешочке
29		кора ольхи серой в мешочке
30		стружка для розжига

Проведена верификация данных по предметам первого и второго поступления из с. Корлики, хранящихся в фондах Музея Природы и Человека. Работа велась при помощи таблиц узнавания с двумя информантами, хорошо владеющими родным языком – Ж. А. Хохлянкиной и Л. Г. Прасиной, где им

предлагалось уточнить имеющуюся на русском и хантыйском языках информацию. В результате сверки были исправлены неточности и ошибки в хантыйских названиях, классификации предметов, вписаны хантыйские названия (при отсутствии таковых). Также получена информация об авторах (хантыйские мастера), которые передали предметы в фонды Музея Природы и Человека. Далее планируется более детальная разработка вопроса по истории формирования этнографической ваховской коллекции в фонде Музея Природы и Человека, подготовка каталога-словаря «Ваховская коллекция Музея Природы и Человека».

5. Этноботанические анкеты

Основной целью этноботанического направления был сбор информации о видах растений, используемых в быту ваховскими хантами с. Корлики в настоящее время, и их ботаническая атрибуция. Параллельно собиралась информация о названиях растений на хантыйском языке с указанием значения слова или словосочетания на русском языке.

Для получения материалов были составлены опросники по разделам: биографические данные информантов, растения в питании человека или животного, лекарственные, запретные растения, растения в быту. Разделы опросников уточняли способы заготовки, обработки, область применения растений и их частей. Было опрошено 17 информантов в возрасте от 46 до 83 лет, из них 4 мужчины и 13 женщин. Записано применение 56 видов местной флоры.

В результате зафиксировано, что наиболее широко используемые в настоящее время растения – это все съедобные виды ягод местной флоры (12 наименований). Сезонная ягода заготавливается для личных целей, а также для реализации. Грибы, как пища для людей, в местной кухне появились сравнительно недавно (поколение 40–60-летних). По отзывам информантов, их родители не заготавливали грибы, так как это приравнивалось к «оленьей еде».

Сохранилось применение бересты как материала для изготовления традиционной посуды (короба, тарелки и пр.). Берестяные емкости до сих пор используются в быту для сбора ягод (набирки), для хранения продуктов (короба). В связи с этим остались знания о времени сбора бересты и способах ее обработки. Изготовлением изделий из этого материала занимаются только женщины, в том числе потомственные мастерицы. Из коры березы делается и сувенирная продукция.

Кроме утилитарного значения, береза является у ваховских хантов священным деревом. Одно из таких деревьев (*Betula pendula*) расположено в поселке и украшено подношениями – цветными лентами. Еще одно, по словам местных жителей, священное дерево – лиственница (*Larix sibirica*), находится в ограде частного дома.

Для длительного хранения пищевых растений и грибов используются все современные способы (заморозка, консервация). Лекарственные травы сушат или делают настойки. При этом знания о традиционных способах, например, хранение ягод в сфагнуме, на леднике, остались. У информантов сохранены четкие представления о сезонности сбора и заготовки растений или их частей (ягоды, береста, смола), о технологии их обработки (корень кедр, осока пузырчатая), о лекарственном применении (лиственничный гриб, чага и др.).

Отмечено использование в качестве лекарственных растений заносных видов, таких как пижма, одуванчик, подорожник. Доступность информации (Интернет), без сомнений, расширяет базу знаний о применении растений в пищу или как лекарственных средств (отмечено самими информантами).

При заполнении опросников неоднократно звучала некая трава, которая вкладывается внутрь носков (традиционная обувь из оленьего меха). В итоге была установлена видовая принадлежность «травы для обуви» – это осока пузырчатая *Carex vesicaria* L., произрастающая по берегам водоемов, на болотах.

Особо стоит отметить практически исчезнувшую в наши дни традицию жевания табака. К табаку, со слов информантки, «для удаления горечи» добавляют пепел ложного трутовика *Phellinus igniarius*. Использование такой смеси отмечено у двух женщин (возраст 59 и 82 года).

Значительная часть информантов и / или членов их семей связана в настоящее время или была связана в прошлом с оленеводством (содержанием и выпасом домашних оленей). В связи с этим зафиксированы дополнительные знания о растениях, используемых оленями (домашними и дикими), у тех лю-

дей, кто вырос или провел детство на стойбище (на угодьях). Особенности ландшафта и растительного покрова в месте проживания безусловно влияют на выбор растений и спектр их применения.

6. Ботаническое направление

В гербарии высших сосудистых растений Музея Природы и Человека в систематическом научном разделе, разбитом по районам округа, хранится лишь небольшая коллекция по Нижневартовскому району, переданная ботаниками Сургутского государственного университета. Последние двадцать лет биологических экспедиций в этот район сотрудниками музея не проводилось, а экспедиция 2023 г. в с. Корлики с целью изучения флоры, описания фитоценозов, сбора гербария в коллекцию музея, фотографирования проводится нами впервые. Эта восточная часть округа интересна тем, что здесь можно наблюдать и фиксировать виды, расселяющиеся с востока на запад либо находящиеся на границе своего ареала (западного или восточного, северного или южного). Исследования проводились на территории и в окрестностях с. Корлики. Этот населенный пункт находится на самом востоке округа, ближе к границе с Красноярским краем. Река Корлик, приток Ваха, протекает по лесу и заболоченной пойме верхней Оби. Леса встречаются на повышенных формах рельефа – гривах, увалах, островах среди болот. В окрестностях села естественные фитоценозы – это лишайниковые и брусничные сосновые боры на приречных песчаных террасах с бедными подзолистыми почвами, скудным флористическим составом. Берег р. Корлик возле села песчаный, крутым откосом уходящий к воде, с редкой травянистой растительностью. За селом лес подходит к самой воде: узкая полоса ивняка, кусты рябины, березы и осины, дальше смешанный лес с сосной сибирской и сосной обыкновенной. Вдоль домов по краю населенного пункта распахана противопожарная полоса, здесь же находится вертолетная площадка.

Нами проведены рекогносцировочные маршруты с учетом и описанием встреченных растений (названия видов приводятся по определителю растений ХМАО, [Определитель, 2006], и сбором гербария: по улицам села (обочины дорог, палисадники, огороды, аллеи, парки); по берегу реки в пределах села и частью за ним; по дороге и лесу к устью реки Вах; к свалке бытовых отходов и верховому болоту за ней; по противопожарной полосе; по окрестностям с сосняком беломошником. Состоялась одна поездка на моторной лодке с местными жителями до Каменной горы на р. Вах.

В результате собрано 73 листа гербария 70 видов растений из 30 семейств, в список флоры села и окрестностей занесено 107 видов из 36 семейств.

Сосна обыкновенная *Pinus sylvestris* – самый распространенный древесный вид, в селе она используется для озеленения и самосевом растет на пустырях, заброшенных участках, где можно наблюдать ее всходы разного возраста. Небольшая сосновая роща возле здания бывшего музея и еще одна роща в другой части села обращают на себя внимание необычным видом – деревья с волнообразными, искривленными стволами. Второй вид сосны, сосна сибирская *Pinus sibirica*, отмечена реже, в единичных посадках на приусадебных участках, в смешанном лесу по берегу реки. Ель сибирская *Picea obovata*, пихта сибирская *Abies sibirica*, лиственница сибирская *Larix sibirica* встречаются в составе приречных лесов и единично в озеленении села. Береза бородавчатая *Betula pendula* в составе сосняков обычна, реже осина *Populus tremula*, эти два вида растут и в посадках в селе. Единично встречена ольха серая *Alnus incana* в селе и по берегу. Среди кустарников распространена рябина *Sorbus sp.*, черемуха *Padus sp.*, единично бузина красная *Sambucus sibirica*, калина обыкновенная *Viburnum opulus*, крушина *Frangula alnus*, малина *Rubus*, два вида шиповника – иглистый и майский *Rosa acicularis majalis*, свидина белая *Svida alba*.

Рудеральная, сорная флора села представлена доминирующим на всех газонах и обочинах дорог тысячелистником обыкновенным *Achillea millefolium*, в естественных условиях он встречается на лугах и в осветленных лесах по берегам рек. Одуванчик лекарственный *Taraxacum officinale*, по свидетельствам жителей села, был ими специально завезен семенами и распространен. Крупные рудералы, такие как полынь *Artemisia vulgaris*, Иван-чай *Chamerion angustifolium*, крапива *Urtica dioica*, не образуют зарослей, единичны на обочинах и пустырях. Также изредка отмечаются подорожник большой *Plantago major*, три вида лапчатки *Potentilla*, льнянка *Linaria*, пижма *Tanacetum*, пастушья сумка *Cab-sella bursa pastoris* и другие единичные встречи сорных и заносных растений, не более 35 видов. Отдельно можно отметить несколько видов, нечасто встречающиеся в округе: сапонария или мыльнянка

Saponaria officinalis отмечена на улицах села, по-видимому, переселившаяся с клумб во дворах, европейский вид, введенный в культуру несколько столетий назад. Верблюдка иссополистная *Corispermum hyssopifolium* – европейский южный вид, переселившийся в Сибирь, встречается на песчаных пляжах берега реки. Таран раструбистый *Aconogonon ochreatum*, относящийся к северной, полярно-арктической флоре, растущий на побережье, здесь отдельными экземплярами растет в селе и образует заросли на противопожарной полосе и вертолетной площадке.

7. Праздник «Живые традиции» и выезд на священное место «Каменная гора»

Участникам экспедиции удалось побывать на традиционном для села празднике «Живые традиции», приуроченном ко Дню коренных малочисленных народов мира. Темой праздника в 2023 г. стало чествование рода Каткалевых (*Каткалевых людей день*). Сам праздник проходил во дворе Дома культуры, где был установлен небольшой чум и разведен костер, на фоне которых шло открытие мероприятия. Ход подготовки и сам праздник сопровождался музыкальными записями с исполнением песен на ваховском диалекте местными участницами фольклорного ансамбля «Лесные женщины».

Ведущая А. А. Каткалева рассказала о своем роде, продемонстрировала изделия из бересты, изготовленные ею и другими мастерицами. Т. Ф. Каткалева рассказала сказку на хантыйском языке. В празднике приняли участие дети, танцевавшие «Танец чаек». После торжественной части все гости были приглашены на обряд приношения даров – цветных лент, которые развесили на священную березу, растущую рядом. Затем был организован стол с традиционными блюдами – шукой, приготовленной на специальных жердях на открытом костре (*шука на палочке*; процесс разделки и готовки был заснят), пирогами с уткой, с черникой, хлебом, выпеченным по старинному рецепту. Совместная трапеза и чаепитие являются важным элементом в культуре обских угров, они обязательны как завершающее действие после обрядов и других событий.

По приглашению информантов Ж. А. Хохлянкиной и В. Г. Кунина участники экспедиции совершили поездку на моторной лодке на одно из близлежащих священных мест, расположенных примерно в 8 км вверх по течению р. Вах от впадения в нее р. Корлики. Священное место находится на левом берегу, на высоком осыпающемся яру, сложенном светлыми осадочными породами, и называется Каменная гора. По прибытию, до выхода на берег, все участники бросили в воду монеты и бисер «чтобы нас приняли и за то, что побеспокоили». Перед проведением ритуала, Ж. А. Хохлянкина, отвернувшись, прошептала какое-то послание духам на хантыйском языке. Далее все поднялись по крутому склону наверх.

На святом месте нет никаких объектов, кроме смешанного сосново-березового леса. На вопрос о том, кому посвящено место, четкого ответа получено не было, известно лишь, что «раньше где-то здесь повязывали тряпочки». Место разрешено посещать и женщинам, и мужчинам. Выше по течению в нескольких километрах расположено еще одно священное место – Белая гора. После посещения Каменной горы участники переправились на другой берег, где был разожжен костер и организовано чаепитие.

Заключение

В рамках проекта «Про Югру: открытые исследования» была проведена междисциплинарная экспедиция по четырем направлениям: лингвистика, этнография, ботаника и этноботаника. Комплексность подходов сбора и анализа на стыке наук полученного материала, при одновременной работе с информантами специалистов разного профиля, позволила детально проработать отдельные темы по каждому направлению, углубленно изучить этнолингвистическую и этноботаническую составляющую, заключающуюся в том, что названия предметов окружающей действительности и процессы жизнедеятельности васюганских хантов закодированы в их языке.

В экспедиции была проведена портретная съемка, запись аудио-/видеоинтервью, собрано более 36 часов социолингвистических и этноботанических аудиозаписей от 22 информантов, проведен сбор новых экспонатов и верификация данных по коллекции предметов, хранящихся в Музее Природы и Человека г. Ханты-Мансийска, произведен сбор гербария и изучен местный ландшафт. Было принято участие и отмечена специфика проведения праздника «Живые традиции», произведен выезд на священное место «Каменная гора».

В рамках лингвистического направления была продолжена документация языка, в ходе которой было собрано 15 рассказов, сказок и песен, более 1000 лексем по 9 тематическим группам, проведено уточнение этимологии названий ягод и некоторых растений, а также заполнены анкеты, направленные на описание лексических и грамматических особенностей функционирования ваховского диалекта хантыйского языка.

В ходе сбора социолингвистических анкет (20 интервью) и общего опроса населения была выявлена общая трансформация культурной и языковой составляющей ваховских хантов за последние 40–80 лет. Несмотря на то, что на ваховском диалекте хантыйского языка всё еще говорят представители среднего и старшего поколения, предпринимаются различные меры по его сохранению, язык находится на грани исчезновения, постепенно утрачивается, и эта динамика только ускоряется. Также отмечается повсеместная существенная трансформация культурной составляющей, связанная с общей глобализацией и постепенной утратой компонентов традиционного образа жизни.

В результате поездки ваховская музейная коллекция Музея Природы и Человека была пополнена на 42 единицы хранения. Важно понимать, что все изделия, принятые от мастеров, дают объективное представление о локальной культуре, позволяют выявить и заполнить этнографические лакуны, а также дают более целостное представление об изучаемой культуре.

В ходе этноботанических исследований от информантов получены сведения о применении человеком в быту и животными в дикой природе 56 видов местной флоры. Зафиксировано использование растений в качестве пищевых, лекарственных средств, а также как материала для различных изделий, характерных для территории проживания локальной группы ваховских хантов. Выявлены заносные виды растений, произрастающие здесь несколько десятков лет. Полученный этноботанический материал имеет высокую ценность в связи с ускоряющейся трансформацией культуры обских угров в целом под влиянием современных тенденций, сокращением количества носителей языка и традиционных знаний.

Подводя предварительные итоги ботанических исследований, важно отметить, что проведенная разведка позволяет выявить объекты для дальнейших исследований – это поймы рек, луговой стороны и коренного берега с различными типами лесов по их положению в рельефе. Предполагается также изучение болот, которые составляют 50 % ландшафта района. В общих чертах обозначены особенности и видовой состав антропогенной флоры с. Корлики. Собрано 70 листов гербария – который станет частью музейной научной коллекции и послужит иллюстрацией флоры Нижневартовского района, среди собранных видов есть и новые для гербария музея.

Список литературы

Воробьева В. В., Новицкая И. В., Мухтаруллина А. Р., Малькова Я. Ю. Становление традиций изучения языка восточных хантов // Язык и культура. 2020. № 49. С. 42–65.

Кулемзин В. М. Шаманство васюганско-ваховских хантов, конец XIX – первая четверть XX вв.: Дис ... канд. ист. наук. Томск, 1974. 186 с.

Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв.: этнографические очерки. Тюмень: Мандр и К, 2006. 208 с.

Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов (Восточная группа). Томск: Издательство Томского университета, 1985. 365 с.

Майсак Т. А., Рахилина Е. В. Глаголы движения и нахождения в воде: лексические системы и семантические параметры // Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Изд-во «Индрик», 2007. С. 27–75.

Определитель растений Ханты-Мансийского автономного округа / под ред. И. М. Красноборова, Д. Н. Шауло, М. Н. Ломоносова и др.; рис.: Н. В. Прийдак, Н. И. Прийдак, Е. Л. Васильевской. – Новосибирск–Екатеринбург: «Баско», 2006. 304 с.

Соколова З. П. Этнограф в поле. Западная Сибирь. 1950–1980-е годы. Полевые материалы, научные отчеты и докладные записки. М.: Наука, 2016. 941 с.

Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981. 544 с.

Хонти Л. Ваховский диалект хантыйского языка // Народы Северо-Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. Вып. 2. С. 3–22.

Шатилов М. Б. Ваховские остяки (Этнографические очерки). Томск: Томский Краевой Музей, 1931. III, Т. 4. 175 с.

Janhunen J. Uralic languages // International Encyclopedia of Linguistics: 4-Volume Set. Volume 4, Second Edition, Editor in Chief William Frawley. Oxford: University Press, 2003. Pp. 326–329.

References

Honti L. *Vahovskiy dialekt hantyyskogo yazyka* [Vakh dialect of the Khanty language]. In: *Narody Severo-Zapadnoy Sibiri* [Peoples of North-West Siberia]. N. V. Lukina (Ed.). E. V. Zhitkov, N. V. Lukina (Transl. from German). Tomsk, TSU, 1995, iss. 2, pp. 3–22.

Janhunen J. Uralic languages. In: *International Encyclopedia of Linguistics: 4-Volume Set*. 2nd ed., William Frawley (Ed. in Ch.). Oxford, OUP, 2003, vol. 4, pp. 326–329.

Kulemzin V. M., Lukina N. V. *Vasyugansko-vahovskie hanty v kontse 19 – nachale 20 vv.: etnograficheskie ocherki* [Vasyugan-Vakh Khanty in the late 19th – early 20th centuries: ethnographic essays]. Tyumen, Mandr i K, 2006, 208 p.

Kulemzin V. M. *Shamanstvo vasyugansko-vahovskih hantov, konets 19 – pervaya chetvert' 20 vv.* [Shamanism of the Vasyugan-Vakh Khanty, late 19th – first quarter of the 20th centuries]. Cand. Hist. Sci. diss. Tomsk, 1974, 186 p.

Lukina N. V. *Formirovanie material'noy kul'tury khantov (Vostochnaya gruppa)* [Formation of the material culture of the Khanty (Eastern group)]. Tomsk, TSU, 1985, 365 p.

Maysak T. A., Rakhilina E. V. *Glagoly dvizheniya i nahozhdeniya v vode: leksicheskie sistemy i semanticheskie parametry* [Verbs of movement and location in water: lexical systems and semantic parameters]. In: *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya* [Verbs of movement in water: lexical typology]. T. A. Maysak, E. V. Rakhilina (Eds.). Moscow, Indrik, 2007, pp. 27–75.

Opredelitel' rasteniy Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga [Guide to plants of the Khanty-Mansi autonomous area]. In: I. M. Krasnoborova, D. N. Shaulo, M. N. Lomonosova et. all (Ed.). Pictures N. V. Priydak, N. I. Priydak, E. L. Vasiljevskaya. Novosibirsk–Yekaterinburg, Basko, 2006. 304 p.

Shatilov M. B. *Vahovskie ostyaki (Etnograficheskie ocherki)* [Vakh Ostyaks: (Ethnographic essays)]. Tomsk, Tomskiy Kraevoy Muzey, 1931, III, vol. 4, 175 p.

Sokolova Z. P. *Etnograf v pole. Zapadnaya Sibir'. 1950–1980-e gody. Polevye materialy, nauchnye otchety i dokladnye zapiski* [Ethnographer in the field. Western Siberia. 1950–1980s. Field materials, scientific reports, and memos]. Moscow, Nauka, 2016, 941 p.

Tereshkin N. I. *Slovar' vostochno-khantyyskikh dialektov* [Dictionary of Eastern Khanty dialects]. Leningrad, Nauka, 1981, 544 p.

Vorobyova V. V., Novitskaya I. V., Muhtarullina A. R., Malkova Ya. Ya. *Stanovlenie traditsiy izucheniya yazyka vostochnyh hantov* [History of research of the Eastern Khanty language]. *Language and culture*. 2020, no. 49, pp. 42–65.

Список условных сокращений

PRS.PTCP – причастие настоящего времени; **PST.PTCP** – причастие прошедшего времени.

Приложение

Appendix

Список информантов из с. Корлики (август 2023 г.)

- 1) Аликина Ирина Петровна (1941 г.р.);
- 2) Исаева Антонина Алексеевна (1957 г.р.);
- 3) Истомина (Анисья Прохоровна (1970 г.р.);

- 4) Каткалева Анастасия Антоновна (1977 г.р.);
- 5) Каткалев Степан Иванович (1959 г.р.);
- 6) Каткалева (Прасина) Татьяна Федоровна (1944 г.р.);
- 7) Кунин Алексей Егорович (1948 г.р.);
- 8) Кунин Василий Гаврилович (1962 г.р.);
- 9) Кунин Данил Семенович (1963 г.р.);
- 10) Кунина Евгения Алексеевна (1943 г.р.);
- 11) Катакалева Наталья Николаевна (1975 г.р.);
- 12) Лыгомина (Могульчина) Анфиса Александровна (1951 г.р.);
- 13) Олтормин Владимир Анатольевич;
- 14) Прасина Любовь Григорьевна (1976 г.р.);
- 15) Прасина Оксана Сергеевна (1969 г.р.);
- 16) Прасина (Камина) Светлана Петровна (1964 г.р.);
- 17) Пыгатов Иван Сергеевич (1962 г.р.);
- 18) Сигильетова Галина Ивановна (1967 г.р.);
- 19) Хохлянкина (Могульчина) Жанна Александровна (1967 г.р.);
- 20) Хохлянкина (Прасина) Мария Гавриловна (1940 г.р.);
- 21) Хохлянкина Ольга Аркадьевна (1978 г.р.);
- 22) Хромова (Камина) Лариса Михайловна (1963 г.р.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
12.10.2023*

Сведения об авторах

Сайнакова Наталья Викторовна – кандидат исторических наук, ученый секретарь Бюджетного учреждения ХМАО-Югры «Музей Природы и Человека» (Ханты-Мансийск, Россия)

E-mail: nsainakova@umuseum.ru

ORCID 0000-0001-6593-3387

Ковылин Сергей Васильевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Лингвистические платформы» Института системного программирования имени В. П. Иванникова РАН (Москва, Россия); доцент кафедры языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия)

E-mail: kovylin.ser@yandex.ru

ORCID 0000-0003-0108-9214

Белогай Оксана Ивановна – старший научный сотрудник отдела истории и этнографии Бюджетного учреждения ХМАО-Югры «Музей Природы и Человека» (Ханты-Мансийск, Россия)

E-mail: obelogay@umuseum.ru

ORCID 0009-0001-9572-4225

Корицова Надежда Николаевна – заведующая отделом природы Бюджетного учреждения ХМАО-Югры «Музей Природы и Человека» (Ханты-Мансийск, Россия)

E-mail: nkorikova@umuseum.ru

ORCID 0009-0006-2972-0812

Information about the Authors

Natalia V. Saynakova – Candidate of History, Academic Secretary of the Budget Organization of KMAO-Ugra «Museum of Nature and Man» (Khanty-Mansiysk, Russia)

E-mail: nsainakova@umuseum.ru

ORCID 0000-0001-6593-3387

Sergei V. Kovylin – Candidate of Philology, Senior Researcher of the Laboratory “Linguistic Platforms”, Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (Moscow, Russia); Associate Professor of the Department of Siberian Indigenous Languages, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia)

ORCID 0000-0003-0108-9214

Oksana I. Belogay, – Senior Researcher of the Department of History and Ethnography of the Budget Organization of KMAO-Ugra «Museum of Nature and Man» (Khanty-Mansiysk, Russia)

E-mail: obelogay@umuseum.ru

ORCID 0009-0001-9572-4225

Nadezhda N. Korikova – Head of the Department of Nature of the Budget Organization of KMAO-Ugra «Museum of Nature and Man» (Khanty-Mansiysk, Russia)

E-mail: nkorikova@umuseum.ru

ORCID 0009-0006-2972-0812

Фото 1. С. В. Ковылин за работой с информанткой Л. Г. Прасиной. Фото О. И. Белогай.

Фото 2. Игольница, принадлежащая Ж. А. Хохлянкиной Фото О. И. Белогай.

Фото 3. А. А. Каткалева проводит мастер-класс по изготовлению берестяной тарелки.
Фото О. И. Белогай

Фото 4. Н. В. Сайнакова за работой (изучение коллекции местного музея). Фото О. И. Белогай.

Фото 5. А. А. Каткалева на открытии праздника «Живые традиции». Фото О. И. Белогай.

Фото 6. Ж. А. Хохлянкина показывает семейные изделия из бересты. Фото О. И. Белогай.

Фото 7. Ж. А. Хохлянкина с травой для обуви. Фото Н. В. Сайнаковой

Фото 8. Ботаник Н. Н. Корикова с информанткой А. П. Истоминой Фото О. И. Белогай.

Фото 9. Священная Каменная гора. Фото О. И. Белогай

Фото 10. Чаепитие у Каменной горы. Фото О. И. Белогай

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 398.22; 398.221; 398.224
DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-107-115

Содержательно-структурные особенности эпических произведений российских хори-бурят

Б.-Х. Б. Цыбикова

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Улан-Удэ, Россия*

Аннотация

Статья посвящена выявлению содержательно-структурных особенностей улигеров восточно-бурятской традиции. Впервые анализируются композиционные элементы хоринских эпических произведений: тема, сюжет, мотивы. Доминантной единицей повествовательного полотна эпоса признается тема, вокруг которой развивается сюжет, состоящий из совокупности мотивов. Предпринята попытка охарактеризовать сюжетно-мотивные единицы, реализуемые в улигерах российских хори-бурят, в контексте основного повествовательного ядра: поиск суженой / похищенной жены и сватовство / прохождение повторных испытаний. Прослежены функции наиболее типичных для рассматриваемой традиции мотивов, важных для раскрытия темы и развития сюжета.

Ключевые слова

эпос, тема, сюжеты, мотивы, хори-бурятские улигеры

Для цитирования

Цыбикова Б.-Х. Б. Содержательно-структурные особенности эпических произведений российских хори-бурят // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48). С. 107–115. DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-107-115

Content-structural features of epics of Hori Buryats of Russia

B.-Kh. B. Tsybikova

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, Russian Federation*

Abstract

This article examines the plot-compositional structure of uligers, epics of Hori Buryats. The composition of Hori Buryat uligers is centered on a primary epic core that forms the basis of the plot for each text. The events in these texts are organized into semantic blocks, each comprising motifs or sets of motifs. The content-structural features of

© Б.-Х. Б. Цыбикова, 2023

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 4 (iss. 48)

the epics are characterized by analyzing the sources from the eastern regions of Ethnic Buryatia. Emphasis is placed on the local peculiarity of uligers of Hori Buryats of Russia, with fewer records of the Eastern Buryat texts compared to the Western Buryat epics. An attempt is made to identify the plot-motif units used in the Hori uligers in the context of the main narrative core. These are the search for a betrothed or kidnapped wife and the process of matchmaking or passing repeated tests. Systematizing and describing the plots and motifs of the Hori Buryat uligers required the identification of the concept of “epic motif.” According to the theoretical judgments of scholars, a motif is the smallest narrative unit that serves a specific function in the plot development and has its own semantics within the implementation of the narrative outline of the epic tradition. The plot is formed by combining different motifs. The plot is defined as a certain model combining different motifs.

Keywords

epic, subject, plots, motifs, Hori Buryat uligers

For citation

Tsybikova B.-Kh. B. Soderzhatel'no-strukturnye osobennosti epicheskikh proizvedeniy rossiyskikh khori-buryat [Content-structural features of epics of Hori Buryats of Russia]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2023, no. 4 (iss. 48), pp. 107–115. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-107-115

Введение

В настоящее время существует устоявшаяся классификация бурятских улигеров: эхирит-булагатский, унгинский, хоринский эпос. Наиболее изучена фольклористами западно-бурятская эпическая традиция по сравнению с улигерами хори-бурят.

Для характеристики и анализа эпических произведений, отнесенных в статье к восточно-бурятской традиции, привлечены тексты, записанные на территориях современного расселения хори-бурят: в Еравнинском, Хоринском, Кижингинском, Мухоршибирском, Бичурском районах Республики Бурятия и в Агинском Бурятском округе Забайкальского края, где дисперсно проживают представители восьми (из одиннадцати) родов хоринских бурят. Нам приходится уточнить, что речь идет об эпосе «российских» хори-бурят, потому что хори-буряты проживают анклавной группой еще во Внутренней Монголии Китая и в нескольких приграничных с Россией аймаках Монголии.

Исследователями подчеркивается ограниченное количество записанных эпических текстов восточных бурят по сравнению с западно-бурятскими эпосами. Редкие фиксации текстов в период активного бытования эпоса могут быть объяснены локальными особенностями художественно-стилевой традиции, отличающейся от западно-бурятской. Дело в том, что улигеры хори-бурят, по утверждению большинства бурятских эпосоведов, являются лаконичными по объему (до трех тысяч строк) по сравнению с эхирит-булагатскими и унгинскими эпическими произведениями, достигающими до десятка и более тысяч строк. Кроме того, они бытуют в основном в смешанной стихотворно-прозаической форме, что не характерно для тех же западно-бурятских улигеров, исполняющихся исключительно в стиле стихотворных эпосов. Во-вторых, с распространением тибетского буддизма среди монгольских народов, в том числе хори-бурят, буддийское духовенство стремилось искоренить исконную религию бурятского этноса – шаманизм, и ламы запрещали исполнение эпоса и принуждали носителей традиции отказаться от практики сказывания улигеров. Это привело к процессу угасания традиции исполнения эпических произведений, содержащих в своей основе архаические смыслы и мифологические представления. Таким образом, в восточных регионах этнической Бурятии вытеснялись крупные улигерные жанры: «Ламаизм, проникший в конце XVII и в начале XVIII века в Забайкалье, отрицательно повлиял на развитие и распространение улигеров хоринских бурят» [Хундаева, 1999, с. 32]. Наиболее негативные последствия имел запрет на исполнение знакового эпического произведения устного творчества бурят «Гэсэра», пронизанного шаманистским мировоззрением. Так, в силу сложившихся социокультурных условий, был существенно сужен эпический репертуар хори-бурят. А в сохранившиеся традиционные эпические сюжеты хоринских бурят стали проникать ламаистские элементы в отличие от эпоса предбайкальских бурят, которые в значительно меньшей степени испытали влияние буддизма.

Материал и цель исследования

Целью данного исследования является характеристика сюжетно-мотивного фонда улигеров российских хори-бурят, выявление значимых функциональных единиц, реализуемых в хоринском эпосе для раскрытия его основных тем. Для выявления содержательно-структурных особенностей эпиче-

ских произведений восточных регионов этнической Бурятии проанализированы опубликованные записи ученых и отдельных собирателей устного народного творчества дореволюционного периода и советского времени. Это зафиксированные Ц. Жамцарано в 1908 г. от хори-бурятского сказителя Базара Галданова два улигера: «Хэедээр Мэргэн» («Хэедэр Мэргэн») [Улигеры хори-бурят, 1988, с. 22–82] и «Мэньелтэ Мэргэн» («Мэньелтэ Мэргэн») [Мэньелтэ Мэргэн, 1984, 144 с.]. Привлечены для сравнительного анализа три текста: «Лодой Мэргэн», «Шоролтор Мэргэн», «Убгун Жибжэн», – записанные А. Д. Рудневым в 1911 г. от Галана Ниндакова [Руднев, 1913, с. 1–29, 30–39, 40–41]. Рассмотрены два произведения в исполнении А. М. Степанова, записанные в 1941 г. в Бичурском районе Бурятии: «Арбан табан насатай Абаадай Мэргэн» («Пятнадцатилетний Абаадай Мэргэн»), «Арбан табан насатай Алтан Ганшуудай» («Пятнадцатилетний Алтан Ганшуудай») [Намжилова, 1997, с. 85–98, 99–120]. Использован улигер «Хулдай Мэргэн», исходный вариант которого был записан Д. Черниновым, Г. Чимитовым от местного знатока устного творчества, услышавшего его в свое время от своего земляка, знаменитого улигершина из Мухоршибирского района Бурятии [Хулдай Мэргэн, 1958, 176 с.]. Привлечены опубликованные востоковедом П. Б. Балданжаповым улигеры, записанные им в Агинском округе Забайкальского края: «Боро соохор моритой Боронгуу Мэргэн» («Боронгуу Мэргэн на серо-пестром коне»), «Зүгы Мэргэн хаанай Мижэд хүбүүн» («Мижэд – сын Зугы Мэргэн хана») [Агын үльгэрнүүд, 1961, с. 9–45, 46–100]. Проанализирован улигер «Нүгэлтэ нүсэгэн Гургуули, али Тэгэс Тэлдэр хаанай хүбүүн Цэдэндамба» («Грешный голый Гургуули или Цэдэндамба – сын Тэгэс Тэгэлдэр хана»), который был записан в 1961 г. в Ононском районе Забайкальского края сотрудниками Бурятского института общественных наук Ц.-А. Н. Дугар-Нимаевым, Г. О. Туденовым, Ц. Р. Галановым [Улигеры хори-бурят, 1988, с. 146–173]. Кроме того, впервые вводятся в научный оборот улигерные тексты, находящиеся в Общем архивном фонде Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (сокращенно: ОАФ ЦВРК ИМБТ СО РАН). Это материалы фольклорных экспедиций, участниками которых были зафиксированы восточно-бурятские эпические повествования на территории Бурятии в разные годы: в Еравнинском районе – в 1937 и 1957 гг., Бичурском районе – в 1955 г., Хоринском районе – в 1957 г.

Сюжетно-мотивный фонд улигеров российских хори-бурят

Структурные единицы эпического текста представляют собой его смысловые блоки, составляющие композицию как схему построения улигерного произведения. Доминантной единицей повествовательного полотна эпоса признается тема, которая «развертывается в нарративе посредством фабульно выраженных мотивов» [Силантьев, 2004, с. 86]. Вокруг этого функционального элемента эпического произведения (темы) развивается сюжет. Как известно, сюжет представляет собой определенную модель, состоящую из совокупности различных мотивов, а под мотивом мы подразумеваем, вслед за А. Н. Веселовским, «элемент сюжета», «слагаемый сюжета» [Веселовский, 2006, с. 539].

Анализ улигеров российских хори-бурят выявил, что основным стержнем, вокруг которого развивается сюжетная линия, является тема женитьбы главного героя, характерная для традиционного архаического эпоса. И наиболее развитой и устойчивой практикой реализации большинства хоринских улигеров для раскрытия значимой темы – матримониальной – следует признать разработку сюжета о героическом сватовстве и женитьбе на небесной деве, дочери владыки неба – тэнгрия. События, разворачивающиеся до отправления героя за суженой, преодоление им различных препятствий для достижения цели, приключения, которые случаются с ним и его невестой на обратном пути домой, являются связанными с главной сюжетной линией композиционными элементами, составляющими фабулу улигерного повествования. Кроме того, довольно четко разрабатывается охотничья тема, собственно, с нее и берет начало сюжетное развитие большинства хоринских улигеров, завязкой служит исчезновение зверей на территории героя, из-за чего он отправляется в чужие земли в поисках зверья. В некоторых хоринских текстах исходной точкой развития событий служит тема очага, когда сестра нарушает строгий наказ брата постоянно поддерживать огонь.

Улигеры российских хори-бурят по сюжетной структуре своей далеко не однородны. Некоторые из них, таковых меньшинство, состоят из одного законченного сюжета, другие представляют собой цепь из нескольких связанных друг с другом сюжетных рядов. Базовым сюжетом в них является героическое сватовство главного действующего лица эпоса. Стабильными улигерными компонентами для его развертывания служат следующие сюжетные звенья: согласие хана выдать дочь после успеш-

ного прохождения испытаний героем; оставление по возвращении домой невесты в пути для подготовки к ее прибытию; опустошенный после нападения мангаса родительский очаг; отправка за родителями: узнавание ими сына по метке на спине; возвращение домой; свадьба.

Сюжетно-мотивные единицы, как показал анализ, реализуются в эпосе хори-бурят в контексте основного повествовательного ядра – поиск суженой / похищенной жены и сватовство / прохождение повторных испытаний. При систематизации и более подробном описании сюжетов и мотивов улигеров хоринских бурят, составляющих содержательно-структурные элементы улигерных произведений, неизбежно возникает необходимость конкретизации понятия «эпический мотив». При их рассмотрении мы основывались на теоретических разработках отечественных исследователей категории мотива. «Под мотивами, – писал А. Н. Веселовский, – я разумею простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения» [2006, с. 538]. По теории Б. Н. Путилова, «эпический мотив – один из элементов сюжетной схемы» [1975, с. 140]. С. Ю. Неклюдов считает: «Мотив – это данность фольклорного произведения, именно та содержательная единица, которой оперирует сама устная традиция» [2004, с. 241], «мотив может рассматриваться не только как составная часть сюжета, но и как его эмбриональная функция» [Там же, с. 240], мотивы – это «минимальные с сюжетно-семантической точки зрения фрагменты» [Там же]. По мнению И. В. Ершовой, основанием для вычленения мотива в героическом эпосе служат «минимальность, предикативность, связь с событием» и его «закрепленность на формульном уровне» [2017, с. 14]. И. В. Силантьев, рассмотрев разные подходы по осмыслению понятия «мотив», дает следующую трактовку: это «а) эстетически значимая повествовательная единица, б) интертекстуальная в своем функционировании, в) инвариантная в своей принадлежности к языку повествовательной традиции и вариантная в своих событийных реализациях, г) соотносящая в своей семантической структуре предикативное начало действия с актантами и пространственно-временными признаками» [2004, с. 96]. Таким образом, мотив является минимальной повествовательной единицей, необходимым компонентом сюжета, выполняющим определенную функцию в его развитии и имеющим свою семантику при реализации повествовательной канвы эпоса в рамках традиции. И сюжет представляет собой определенную модель, состоящую из совокупности различных мотивов. Придерживаясь утверждения Б. Н. Путилова о том, что «сюжет складывается по законам жанра, его грамматики, языка; каждый жанр обладает своим сюжетным фондом» [2003, с. 200], рассмотрим содержательно-структурные особенности улигеров хори-бурят.

Изучение функциональных значений мотивов хоринских улигеров позволяет раскрыть внутренний смысл эпического произведения. При анализе комплекса выявленных мотивов по их функциональной роли в сюжетной схеме улигерных произведений установлено несколько групп мотивов:

1. Сюжетообразующие мотивы.
2. Мотивы, выполняющие «сугубо формальную» функцию – «сцеплять сегменты сюжета между собой, сопровождать основные сюжетообразующие мотивы и заполнять сюжетное повествование» [Ершова, 2017, с. 18].
3. Мотивы семантически значимые, вызывающие «дополнительные повороты или витки сюжета» [Ершова, 2017, с. 18].

Сюжетообразующие мотивы

Наиболее характерный сюжетообразующий мотив восточно-бурятских улигеров – это мотив превращения лебеди в девушку, женитьба героя на ней. Подобным образом обосновывается правомерность существующего мифа-легенды хори-бурят, ведущих свою родословную от праматери-лебеди: *хун шубуун гарбалтайб* ‘род мой от птицы-лебеди’. Кроме этого, общебурятский мотив оживления героя в улигерной традиции восточных бурят разрабатывается исключительно в контексте животворящей роли небесной девы, наделенной воскрешающей, исцеляющей способностью.

Мотив испытания героя – стержневой мотив при добывании невесты. Узловые моменты композиционного строя улигеров при реализации этого мотива следующие: отправление за суженой, участие в различных состязаниях, добывание невесты, свадьба. Так, эпический батор отправляется за избранницей – дочерью Наран-хана, успешно проходит состязания, одерживает победу в трех турнирах за руку ханской дочери и женится на ней. С мотивом испытания героя априори связан присущий не только восточно-бурятским улигерам, но и всей бурятской эпике, мотив традиционных состязаний,

так называемых «трех игрищ мужей». Он используется в эпосе для демонстрации боевых качеств силы, меткости, ловкости, мобильности батора. Кроме этого, с мотивом преодоления героем препятствий органически связан мотив превращений, с наибольшей частотностью встречаются превращения героя в неказистого сопливого / пастуха, коня – в обгорелого / серого лончака¹.

Формальные мотивы

К формальным можно отнести несколько мотивов, один из которых – мотив оставления героем дома предмета, являющегося индикатором его состояния в походе. В качестве такого объекта могут выступать разные вещи, к примеру, напильник, который будет сигнализировать о благополучии / неблагополучии героя: если с ним удача и победа, то все зазубрины остаются острыми; если герой будет побежден врагом, они затупятся, покроются ржавчиной; если смерть наступит – напильник разломится надвое.

К архаическим чертам улигерных произведений хори-бурят относится часто присутствующий в улигерах и сказках мотив усыпления путем облизывания пятки ханской дочери / ханской жены / хана, относящийся к одному из соматических кодов, подчеркивающих социальный статус персонажа, по отношению к которому предпринимается действие.

К числу формальных мотивов, употребляемых в восточно-бурятских улигерах, относим мотив исполнения колыбельной песни, из текста которой герою становится известно о родном племяннике: брат положил погибшую сестру в сундук, подвесил на рога лося; семья бедняков находит сундук с девушкой, оживление ее; женитьба их сына на ней; узнавание героем племянника по песне, исполненной бабушкой. Отмечен специфический мотив, связанный с определением половой принадлежности персонажа: девушке, скрывающей свой пол и заподозренной в том, что она не парень, удалось не обнаружить себя – следуя совету коня, она подвесила в причинном месте серого гуся. Этот мотив, присутствующий не только в анализируемых улигерах, но и в бурятских сказках, также относим к окказиональным мотивам. Указанные мотивы имеют константный характер и существенно не влияют на динамику развития повествовательной структуры эпоса, они важны в целом как художественно-поэтический ресурс.

Семантически значимые мотивы

Мотивами, вызывающими дополнительное развитие сюжета, являются те мотивы, которые определяют изменение сюжетной ткани эпоса. В группе таких мотивов важное место занимает мотив коня. В эпике тюрко-монгольских народов конь играет, наряду с улигерным батором, ведущую роль и является значимой единицей в эпико-легендарном сюжетосложении. Во всех бурятских улигерах, в том числе хори-бурятских, реализуется мотив преданного коня. По боевым качествам богатырский конь соотносится с решительными, доблестными качествами эпического героя. Кроме того, в проанализированных хоринских текстах конь, сопровождающий хозяина с рождения до его смерти, выступает в качестве средства передвижения, провидца, советчика, инициатора воскрешения героя. Преданный конь является своего рода дежурным стражником, готовым оказать любую помощь хозяину (предугадывать надвигающуюся беду, разбудить его вовремя, предостеречь от чрезмерной доверчивости и наивности и т.д.). Традиционны и стабильны мотивы состязания коня героя с другими скакунами. Конные скачки выявляют лучшего скакуна, равного по скорости и ловкости доблестному батору, подчеркивают единство эпического богатыря и его коня. Как справедливо пишет Р. С. Липец, конь «не только участник походов, помогающий своему хозяину добиться победы. Конь в эпосе покровитель и руководитель хозяина, превосходящий его в даре предвидения, скорости реакций в сложных ситуациях, обладающий твердой волей, подчиняющей себе всадника в минуты, когда тот проявляет слабость. Даже в чувстве долга он иногда стоит выше, чем героический батыр. Такова эта пара, созданная гением коневодческих народов на заре раннеклассового общества» [Липец, 1984, с. 124–125].

Событийная ситуация улигерного повествования изменяется введением мотива вторичного рождения героя в образе младенца, оказавшегося брошенным в море.

¹ Лончак – годовалый конь.

Стратегия действий героя может также измениться с введением мотива чудесных помощников, как то: кнут, ударом которого герой сделал себе проход в море; череп, подсказавший, какие предпринять действия, чтобы окончательно добиться успеха.

Встречающийся в хоринских улигерах мотив разоренного врагом дома и хозяйства героя / родителей способствует дополнительному развитию сюжета, когда герой совершает новый поход для освобождения своих близких. И для дальнейшего продвижения сюжетной линии важна реализация мотива подсказки добрых советчиков и значима роль волшебных предметов. В сюжетике хори-бурятских улигеров продуктивен также мотив помощи и подсказки суженой героя, которая предупреждает, что он должен предпринять, чтобы преодолеть ожидающие его трудности, предотвратить / упредить коварство противника; кроме этого, она всячески способствует опознаванию, узнаванию ее с помощью кольца после вынужденной разлуки с ним.

Сюжетная композиция хори-бурятского эпоса может наращиваться разработкой мотива неверной жены. В отсутствие героя его жена вступает в сговор с неприятелем / чужаком, и, притворившись больной, она отправляет мужа за черной водой и рогом однорогого изюбра. Примечательно, что поиск и добывание вечной воды и рога изюбра предполагают в улигерном повествовании обречение героя на верную смерть. Тем самым последовательность событийного ряда усложняется, герой преодолевает множество трудностей, чтобы избежать гибели, и достигает цели. Во время поединка между вернувшимся домой мужем и его противником выздоровевшая от простой воды (вечная вода заранее заменена доброй помощницей героя) жена всячески способствует тому, чтобы ее муж потерпел неудачу, в результате герой проваливается в пропасть. И это служит оживлению сюжета: в активную форму действий включается конь и уговаривает девушку, подменившую воду, оживить вечной водой его хозяина, и т.д.

Указанный мотив мнимой болезни жены взаимосвязан с другим мотивом – мотивом осквернения предмета мужа для подавления его физических ресурсов. Оказывая всякое пособничество отрицательному персонажу, жена оскверняет золотой кубок мужа, пропустив меж ног, чтобы исчерпать его жизненную силу. Мотив осквернения предмета мужа, в данном тексте – золотого кубка, связан, возможно, с тем, что женское чрево / лоно, по мнению древних людей, является нечистым местом, низменным локусом, как темная пещера, таящая в себе опасность, угрозу. Таким образом, в эпическое полотно подключаются дополнительные действующие лица, расширяя его сюжетную канву: оживление героя, женитьба на девушке, оказавшей ему немало полезных услуг.

Присутствие мотива коварства жестоких братьев, вытянувших главную артерию главного героя и бросивших его в пропасть, обуславливает дальнейшую динамику сюжетной структуры, когда предпринимаются активные действия справедливого богатыря, вознамерившегося наказать лживых, злых персонажей.

Наблюдается усложнение сюжета за счет введения дополнительного мотива – оставления в пути своей невесты, когда герой, прибыв домой раньше, намерен подготовиться к ее приему. В это время она похищена / возвращена обратно. Так развивается новая коллизия, когда герою приходится вновь отправляться в путь, чтобы освободить ее.

Углубляет сюжет реализация мотива белой птицы-ведуньи, указавшей герою, где ему следует охотиться, чтобы иметь богатую добычу. За оказанную услугу она просит, чтобы его сын женился на ней. Отправившийся за птицей сын героя дождался трех лебедей, спустившихся с неба, но не может принудить одну из них остаться. Выбранная парнем девушка превращается то в волка, то в черного лося, пуская гром и молнии, чтобы не покориться его воле. Таким образом, с мотива подсказки птицы-ведуньи меняется сюжетная ситуация в повествовании, вводятся дополнительные персонажи (сын героя, небесные лебеди и т.д.).

В записях относительно поздней фиксации улигеров наблюдаются процессы сказительского новаторства: введение мотива машины, летающей по воздуху, плавающей по воде; несколько нестандартно разрабатывается известный фольклорный мотив метаморфозы персонажей: молодые люди, убегающие от погони, трансформируются в жаворонка, собаку, затем обретают снова человеческий облик в образе русских старика и старухи, которые затем почему-то превращаются в бурятских стариков. Изменившиеся современные реалии позволяют исполнителям улигеров в соответствии с их импровизационными возможностями вносить в традиционный сюжет чуждые мотивы и элементы. Подобные приемы обуславливают изменчивость, варьирование и трансформацию сюжетных мотивов эпического произведения, это естественный процесс жизни эпоса во времени.

Персонажи хоринских улигеров

В структуре эпического сюжета можно отдельно выделить блок действующих героев. Прежде всего, персонажный ряд большинства восточно-бурятских эпических произведений характеризуется присутствием мифологических персонажей: небесные девы-лебеди, небожители (владыка неба, Хурмаста тэнгри, Енарий тэнгри), владыки водного пространства (Бая 'Богатый' Лусан; Хара 'Черный' Лусан). Эпическому герою оказывают содействие добрые советчики, функции которых заключаются в оказании ему помощи для достижения намеченной цели: некоторые из них дают полезные советы, одаривают нужным предметом с волшебными свойствами; другие подменяют живую воду на обычную, чтобы избавить его от неверной жены; третьи могут участвовать в его походе за суженой и вступить вместо него в противостояние с противником. Немаловажна роль невесты героя как советчицы в преодолении трудностей – она предостерегает его, как справиться с испытаниями и уберечься от различных козней противников.

Соперниками героя выступают персонажи, участвующие в прохождении свадебных испытаний. Незначительна в развитии сюжета роль нейтральных персонажей (престарелые старик со старухой, нашедшие сундук с умерщвленной сестрой героя; затем либо их сын, либо другой хан, который женится на ней после ее воскрешения). К антагонистам героя относятся мангадхай², его жена и их сын, выходящий из утробы матери (эти персонажи представлены в наиболее древних сюжетах); в более поздних вариантах – враждебный хан; а также женщина-вредительница с острым клювом, железными губами. Особенность подобных персонажей в хоринских улигерах заключается в том, что им не дается индивидуальная характеристика, не приводятся выразительные описания в отличие от западно-бурятской эпической традиции. К ним примыкает персонаж, выведенный в хори-бурятском эпосе как жена-изменница, жена-предательница, приве чающая в отсутствие мужа его врага и позже оказывающая всяческое пособничество последнему в их противостоянии. Присутствие подобного мотива относится к архаичному варианту эпоса, возникшему на ранней стадии его сложения, когда еще не существовало парных браков, и женщина была свободна в выборе партнера (А.И. Уланов). Жена, приходя в чужой род, продолжает отторгать некровную дуальную сторону, когда для древнего родового общества была типична антигеиза "свой – чужой".

Выводы

Таким образом, сюжетно-мотивные единицы, реализуемые в хоринских улигерах, подчиняются логике раскрытия основных тем эпоса, а также связанного с ними основного сюжетного ядра – поиск суженой / похищенной жены и сватовство / прохождение повторных испытаний. Мотив же, как показал анализ, «есть не только элемент, слагаемое, конструирующее сюжет. В известном смысле эпический мотив программирует и обуславливает сюжетное развитие» [Путилов, 1975, с.149]. Мотив выделяется своей вычленимостью, повторяемостью внутри текста, типологической общностью. Тематически мотивы могут быть представлены в двух разновидностях: «статистические» и «динамические» (Б. В. Томашевский), к первым по функциональной роли в эпосе хори-бурят относятся формальные мотивы, ко вторым – сюжетообразующие мотивы и мотивы, вызывающие дополнительное развитие сюжета. Действующие лица в эпосе хори-бурят, имеющие важное значение для развертывания сюжетной ситуации, занимают две позиции по отношению к главному герою – оказывают содействие или противодействие в достижении намеченной цели.

Список литературы

Агын үльгэрнүүд (Агинские улигеры) / Сост. П. Балданжапов. Улан-Удэ: Бурядайд номой хэблэл, 1961. 127 с. (На бурят. яз.).

Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов // Веселовский А. Н. Избранное: Историческая поэтика. М.: РОССПЭН, 2006. С. 535–670.

Ершова И. В. К толкованию эпического мотива (постановка проблемы) // Новый филологический вестник. 2017. № 2 (41). С. 14–20.

Лунец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 264 с.

² Мангадхай – чудовище.

Мэньелтэ Мэргэн (ульгэр) = Мэньелтэ Мэргэн (улигер). Улаан-Үдэ: Бурядад номой хэблэл, 1984. 144 н. (На бурят. яз.).

Намжилова М. Н. Хоринские улигеры. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 1997. 120 с. (На бурят. и рус. яз.).

Неклюдов С. Ю. Мотив и текст // Язык и культура: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996) / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 235–247.

Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору: сб. статей в память В. Я. Проппа. М.: Наука, 1975. С. 141–155.

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Петербург. востоковедение, 2003. 457 с.

Руднев А. Д. Хори-бурятский говор. СПб, 1913. Вып. 2.: Тексты. 129 с. (На бурят. яз.).

Силантьев И. В. Поэтика мифа. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.

Улигеры хори-бурят / Отв. ред. Ц.-А. Дугар-Нимаев; вступ. ст., подгот. текстов, перевод и примеч. М. Н. Намжиловой. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1988. 174 с. (На бурят. и рус. яз.).

Хулдай Мэргэн. Ульгэр. Даша Чернинов Гунга Чимитов хоёр найруулан бэшэбэ = Хулдай Мэргэн. Улигер. Обработка Даши Чернинова и Гунги Чимитова. Улан-Удэ: Типогр. М-ва культуры БурАССР, 1958. 176 с. (На бурят. яз.).

Хундаева Е. О. Бурятский героический эпос «Гэсэр»: знаковая система, традиции, поэтика: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 1999. 38 с.

References

Agyn yl'gernyyd [Aginsk uligers] P. Baldanzhapov (Comp.). Ulan-Ude, Buryaaday nomoy kheblel, 1961, 127 p. (In Buryat).

Ershova I. V. K tolkovaniyu epicheskogo motiva (postanovka problemy) [To the explanation of an epic motif (A problem statement)]. *The New Philological Bulletin*. 2017, no. 2(41), pp. 14–20. (In Russ.)

Khundaeva E. O. *Buryatskiy geroicheskiy epos "Geser": znakovaya sistema, traditsii, poetika* [Buryat heroic epic "Geser": sign system, traditions, poetics]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Ulan-Ude, 1999, 38 p. (In Russ.).

Khulday Mergen. Yl'ger [Khulday Mergen. The uliger]. Ulan-Ude, Tip. Ministerstva kul'tury BurASSR, 1958, 176 p. (In Buryat).

Lipets R. S. *Obrazy batyra i ego konya v tyurko-mongol'skom epose* [Images of batyr and his horse in the Turkic-Mongolian epos]. Moscow, Nauka, 1984, 264 p. (In Russ.).

Men'elte Mergen (yl'ger) [[Men'elte Mergen. The uliger]. Ulan-Ude, Buryaaday nomoy kheblel, 1984, 144 p. (In Buryat).

Namzhilova M. N. *Khorinskie uligery* [Hori uligers]. Ulan-Ude, BSC SB RAS, 1997, 120 p. (In Russ., in Buryat).

Neklyudov S. Yu. Motiv i tekst [Motif and text]. In: *Yazyk i kul'tura: Semantika i grammatika. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Nikity Il'icha Tolstogo (1923–1996)* [Language and culture: Semantics and grammar. To the 80th anniversary of Academician Nikita Ilyich Tolstoy (1923–1996)]. S. M. Tolstaya (Ed. in Ch.). Moscow, Indrik, 2004, pp. 236–247. (In Russ.).

Putilov B. N. *Fol'klor i narodnaya kul'tura* [Folklore and popular culture]. St. Petersburg, Peterburg. Vostokovedenie, 2003, 457 p. (In Russ.).

Putilov B. N. Motiv kak syuzhetoobrazuyushchiy element [Motif as a plot-forming element]. In: *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru: sb. st. v pamyat' V. Ya. Proppa* [Typological research on folklore: collection of articles in memory of V. Ya. Propp]. Moscow, Nauka, 1975, pp. 141–155. (In Russ.).

Rudnev A. D. *Khori-buryatskiy govor* [The Hori Buryat dialect]. St. Petersburg, 1913, iss. 2: Teksty [Texts], 129 p. (In Buryat).

Silant'ev I. V. *Poetika mifa* [Poetics of myth]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 296 p. (In Russ.).

Uligery khori-buryat [Uligers of Hori Buryats]. Ts.-A. Dugar-Nimaev (Exec. Ed.), M. N. Namzhilova (Introd. article, text prep., transl. and notes). Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1988, 174 p. (In Russ., in Buryat).

Veselovskiy A. N. Poetika syuzhetov [Poetics of plots] In: Veselovskiy A. N. *Izbrannoe: Istoricheskaya poetika* [Selected works: Historical poetics]. Moscow, ROSSPEN, 2006, pp. 535–670. (In Russ.).

Рукопись поступила в редакцию

The manuscript was submitted on

31.07.2023

Сведения об авторе

Цыбикова Бадма-Ханда Бадмадоржиевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: bch58@yandex.ru

ORCID 0000-0003-3672-1566

Information about the Author

Badma-Khanda B. Tsybikova – Candidate of Philology, Leading researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation)

E-mail: bch58@yandex.ru

ORCID 0000-0003-3672-1566

Образ духа-хозяйки земли в эпосе олонхо. Часть 2: Мифологические истоки

М. Т. Сатанар

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

Аннотация

В статье поставлена проблема изучения древних корней одного из почитаемых в якутской традиционной культуре образов – духа-хозяйки земли *Аан Алахчын Хотун*. Выявлены предпосылки формирования образа, представляющие элементами древней космогонии. Устанавливаются фитоморфный, орнитоморфный, зооморфный ипостаси ранних пластов образа духа-хозяйки земли, отражающих черты архаических слоев сознания – магизма, тотемизма, фетишизма, анимизма. В развитии антропоморфного образа обнаруживаются трансформации в функциях образа. В исследовании обращается внимание на присутствие мужских персонажей духов земли, а также множественных локальных духов местности в эпических текстах олонхо. Полученные выводы задают вектор дальнейших исследований – восстановление картины исторического становления антропоморфного образа духа-хозяйки земли *Аан Алахчын Хотун*.

Ключевые слова

мифологическое мышление, фетишизм, анимизм, зооморфная ипостась, орнитоморфный символ, земляные персонажи

Для цитирования

Сатанар М. Т. Образ духа-хозяйки земли в эпосе олонхо. Часть 2: Мифологические истоки // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48). С. 116–125. DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-116-125

The image of earth spirit in the olonkho epic. Part 2: Mythological origins

M. T. Satanar

North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk, Russian Federation

Abstract

This article is a logical continuation of a previous study, “The image of the spirit-mistress of the earth in the Olonkho epic. Part 1: Static and dynamic characteristics,” which identified the composition of stable features of the image. The current study aims to verify the ancient roots of the anthropomorphic representation of the mistress of the earth in the context of the archaic worldview. To achieve this, the author utilized structural-semiotic and functional-semantic types of analysis, as well as empathy and hermeneutics methods. The analysis reveals various historical layers in the image, reflecting the features of archaic strata of consciousness, specifically magism, totemism, fetishism, and animism. Additionally, the study uncovers the prerequisites for the formation of the image, represented by the elements of ancient cosmogony. The prototype of the image features a fused binary opposition of the feminine and masculine principles, with phytomorphic, ornithomorphic, and zoomorphic hypostases of the early layers of the image. The connection between the prototype and the goddess of childbirth and the patron saint of cattle breeding is

identified. The development of the concept of the human kut 'soul' of the traditional worldview was found to have contributed significantly to the animistic worldview prototype design. Overall, the findings set the vector of further research towards determining the historical formation of the anthropomorphic image of Aan Alakhchyn Khotun, the Earth spirit mistress.

Keywords

mythological thinking, fetishism, animism, zoomorphic hypostasis, ornithomorphic symbol, earth characters

For citation

Satanar M. T. *Obraz dukha-khozyayki zemli v epose olonkho. Chast' 2: Mifologicheskie istoki* [The image of earth spirit in the olonkho epic. Part 2: Mythological origins]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 4 (iss. 48), pp. 116–125. DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-116-125

Введение

Исторические истоки образов архаической мифологии в якутской фольклористике были и остаются одной из малоизученных тем. Между тем, с одной стороны, постепенное нарастание объема знаний в смежных науках (этнография, археология, история и т. д.), с другой – осмысление ключевого значения архаики для понимания природной сути новых современных формаций подталкивают к необходимости обращения к этой теме. Якутский эпос олонхо был отмечен В. Я. Проппом как «создание дофеодальной культуры» [Пропп, 1999, с. 39], которое обладает «обилием реликтов первобытной магии, шаманской традиции, культовых представлений, мифических персонажей, символических объектов» [Захарова, 2004, с. 6]. В методологическом плане важно то, что изучение исторической трансформации мифологических образов неминуемо связывает структурализм с этнографией, что подтверждается словами Е. М. Мелетинского: «Обращение к исторической поэтике и к фольклору повернуло меня в сторону этнографии... Когда я от компаративизма в плане исторической поэтики стал переходить к структурным идеям, мой структурализм с самого начала принял этнографическую, а не лингвистическую окраску» [2018, с. 21–22].

Цель исследования – выявление истоков формирования образа духа-хозяйки земли *Аан Алахчын Хотун*. Работа является продолжением первой части исследования «Образ духа-хозяйки земли в эпосе олонхо. Часть 1: Статические и динамические характеристики», в результате которого был установлен состав устойчивых признаков образа [Сатанар, 2023]. По нашему мнению, необходимо придерживаться установки А. Ф. Лосева, который предлагал проводить «рассмотрение мифологии не как неподвижной картины... но как вечно становящегося человеческого мышления» [Лосев, 1957, с. 11]. Появлению антропоморфного образа предшествует «множество самых разнообразных исторических продуктов и образований» [Там же, с. 18], отражающих различные состояния древнего мифологического мышления. Дополним, что для получения наиболее полной картины древнего образа в процессе исследования автором статьи привлекались данные по истории, археологии, этнографии, психологии, малым жанрам народного искусства.

Архаические истоки антропоморфного образа Аан Алахчын Хотун

Наличие единого атрибута, а именно трости у хозяйки земли, бога-творца, мудрого старика *Сээркээн Сэсэна*, безусловно, имплицитно идею «эпохи первотворения» [Сатанар, 2022, с. 81]. Трость, с одной стороны, служит первым орудием миротворения, а с другой – является аналогом священной вертикали мироздания – древа [Там же, с. 67], где обитает хозяйка земли *Аан Алахчын Хотун*. Первопредметом предстает и другой атрибут образа – черпак (ложка). Посредством трости и черпака тема мироустройства устойчиво ассоциируется с парой первостихий земля–вода. Известно, что в зачинах эпосов родственных тюркских народов, в описании актов первотворения присутствуют эти предметы, к примеру, в шорском сказании: *күскү мус шени күлтүрөп турча, ат паглачаң алтын шарчыңның* ‘когда мешалкой землю делили, когда камысом воду делили’ [ШГС, 1998, с. 323, 324]. На связь образа *Аан Алахчын Хотун* со стихией воздуха указывает форма её появления – дуновение теплого воздуха. В текстах олонхо из всех первостихий наиболее имплицитно связана связь образа со стихией огня, которая будет рассмотрена ниже.

Интерес вызывает использование хозяйкой земли черпака в качестве инструмента гадания. Известно, что «ковш (ложка, черпак) имели в древности более высокий знаковый статус, нежели инструмент гадания» [Сагалаев, 1991, с. 48]. А. М. Сагалаев считает, что данное ритуальное действие

имеет космогонический контекст [Там же]. Надо отметить, что в текстах олонхо соотнесенность черпака и шаманской колотушки у хозяйки земли максимально эксплицирована в виде указания *хамыйах булаайахтаах* 'имеющая колотушкой священную ложку' [Тимофеев-Теплоухов, 1985, с. 29, 305]. В таких описаниях очевидно то, что ложка-*хамыйах* (наделенная космогоническим статусом) стадильно архаичнее, чем гадальная ложка и колотушка.

Весьма ценным представляется устойчивое сохранение в народных представлениях фетишистских представлений о явлениях природы [Трощанский, 1902, с. 28–29]. Так, в труде В. Ф. Трощанского приводится архаичный фрагмент поклонения духу растительных сил природы: «духи растительности, сырость земли и места, ешьте, кушайте!» [Там же]. Здесь в выражении «сырость земли и места» имплицитно отображена тесная связь матери-земли с небом-отцом. Древние люди наблюдали, что небесную сырость *ардах* 'дождь' получает лоно матери-земли, в котором далее воплощаются (сотворяются) реальные плоды. Известно, что «у предков якутов некогда был развит культ Неба, который был воплощен в образе Аар Тойона» [Гоголев, 2002, с. 15]. В примере В. Ф. Трощанского ключевым моментом древнего сознания предстает «закрепление атрибута сырости именно за матерью-землей, а не за отцом-небом» [Топоров, 1998–1999, с. 251], так как подчеркивается не «сырость неба», а «сырость земли».

Реликтом эпохи матриархата служат представления, связанные со слиянием образа духа-хозяйки земли с духом родового дерева; см.: [Сатанар, 2023]. В фрагментах текстов, где дух дерева кормит и воспитывает героя-одиночку с младенчества, обнаруживается связь эпического первопредка с деревом. В пору фетишистских представлений «в священном дереве обитают души умерших предков» [Фрэзер, 2001, с. 87], при этом, как видно из текста У. Г. Нохсорова, само дерево является телом этого духа, который поит и кормит младенца [Сатанар, 2023, с. 72–73]. В родовой матриархальной общине деревототем сливается с образом матери-предка, которая оберегает родовое место и потомков от разных негативных жизненных ситуаций, и почтительное отношение к ней засвидетельствовано и в этнографических источниках. Так, в старину якуты «сравнивали себя с деревом, вырастающим из земли» [Васильев, Варавина, 2016, с. 75]. Позднее, с развитием анимистических представлений, «дерево становится только пристанищем духа дерева, который по желанию может его покинуть и возвращаться» [Фрэзер, 2001, с. 87] – именно с этой точки отсчета начинается постепенное разделение слитных функций единого прообраза матери, соответственно появление отдельных образов якутского мифологического пантеона (духа леса, духа земли, духа огня, относящихся к наземным духам; образа всезнающего мудреца – подземного духа; бога-творца, бога грома и молнии – небесных богов) [Сатанар, 2022, с. 76–77]. В пользу пережитков архаических представлений о древе-матери как символе плодородия свидетельствуют данные археологических раскопок: в погребальных ямах были обнаружены вертикально поставленные берёзки, стоящие корнями на крышах гробов [МДЯ, 2012, с. 104]. Такой обычай отражает веру людей в то, что «тело умершего забирала земля, а душа улетала на небеса» [Васильев, Варавина, 2016, с. 75], и вместе с тем представление о возвращении души на землю: «дерево смерти одновременно является и плодоносным родословным деревом» [Захарова, 2004, с. 134].

Дух мать-дерева, дающий потомство женщинам, а также приплод скоту, своими корнями уводит к образу богини деторождения Айыысыт и богини размножения коров Ньадьы Дьангха. Исследователи склонны придерживаться мнения, что образ Айыысыт очень древний (Н. А. Алексеев, А. М. Сагалаев и т. д.). В связи с этим информативным предстает еще один атрибут образа – рысья шуба. Перед нами атрибутивный рудимент, который, возможно, «некогда был самым этим божеством..., впоследствии отделившийся и заострившийся в виде внешнего придатка к данной фигуре» [Лосев, 1957, с. 21]. Полагаем, что исходной причиной «мифологизации» рыси послужил ряд ее «зоологических свойств» [Мелетинский, 2018, с. 197] – белый окрас, кольцевидные пятна на шкуре, способность незаметно набрасываться на жертву сверху (с дерева), ум и хитрость, чистоплотность. Про человека, обладающего пронизательным умом, якуты говорят *бэдэр мэйиши* – букв. 'с рысиным мозгом человек'. Очевидно то, что такая идиома образовалась на основе охотничьих наблюдений. Отнесение образа рыси к некоему чистому, божественному отражается в народной пословице *бэдэр дүлүн унуоргуттан аһыырыгар дылы* 'подобно тому, как рысь ест из-за валежника' [Кулаковский, 1979, с. 127]. Смысл высказывания объяснен Кулаковским: «рысь кладет пойманную добычу около валежника, а сама перебирается на другую сторону его и оттуда уж начинает пожирать ее, чтобы не запачкаться в ее крови» [Там же]. Показательно устойчивое употребление в текстах парного сочетания образов рыси и соболя (у духа земли рысье-соболя шапка), обнаруживающих исключитель-

но положительную семантику. К примеру: «С шапкой богатой / Из рысей, соболей, / С тростью счастливой / Юрюнг Аар Тойон старик» [Ядрихинский, 2011, с. 413].

В якутской сказке у развилки двух дорог с благополучной, восточной стороны вывешивается рысье-соболья шкура, а с несчастливой, западной – медвежья [СБ, 1972, с. 7]. И перед выбором этих дорог оказывается девушка-невеста. Подчеркнем, что в научной литературе указывается семантическая связь рыси с культом плодородия [Худяков, 2016, с. 259 и др.]. Так, гардероб якутской невесты состоял из нарядной шубы и шапки из рысьих шкур, рысьего покрывала для лица *аннах* (оберег от посторонних глаз), а с наружной стороны ее панталонов традиционно пришивалась рысья шкурка, защищающая детородные органы невесты [Гаврильева, 1998, с. 64; Худяков, 2016, с. 259]. Символика рыси находит свое продолжение и в ритуалах, связанных с деторождением: «Женщина трижды громко вскрикнула, / Поднатужилась – / И на сено упал / Мальчик с кудрявыми волосами, / Бабка-повитуха кинулась к мальчику, / Набросила на него рысьи и соболя шкурки» [Тимофеев-Теплоухов, 1985, с. 447]. Объяснение момента данного «ритуального одевания» новорожденного дано Е. С. Новик: важно «видеть в нем зооморфного заместителя младенца, моделирующего объект в момент передачи его от природной сферы в сферу домашнюю» [Новик, 2004, с. 173], т. е. образ рыси предстает медиатором между природой и домом (культурой). Заметим, что и среди современных саха широко используется высказывание *бэйэбэр кэлбэтэҕинэ бэдэргэр кэлиэ* ‘если не воздастся тебе самому, то воздастся твоим рысятам’, где наблюдается параллель «дети – рысята». Итак, можно предположить, что зооморфной ипостасью прообраза *Аан Алахчын Хотун* некогда являлась рысь, исходя из общих функций дарителей плодovitости, потомства с богиней *Айыысыт*. Косвенно об этом сообщает и высказывание «в старину якуты считали богом соболя» [Худяков, 2016, с. 259], идентичного в народном восприятии с образом рыси.

Особую ценность представляет описание того, каким путем небожители заселили в родовое древо добрую заступницу людей *айыы Айыысыт* – богиню деторождения: она проникла внутрь древа в виде светлых лучей. Лучи льются из белоснежного облака, нависшего над деревом, во время «легкого грома и теплого ветра» [Говоров, 2010, с. 58–60]. Здесь, во-первых, фиксируется момент переходного этапа архаической тотемистической идеи в антропоморфный образ; во-вторых, образ духа земли заменяется образом *Айыысыт*, на основе единых локусов и функций покровительниц рожениц, а значит – и единых предыстоек.

С богиней *Айыысыт* тесно связана покровительница скота *Ньадьы Дьангха*. Ранее установлены общие черты содержания обрядов призвания *Айыысыт* и испрашивания душ рогатого скота [Алексеев, 1975, с. 94], выполнение *Ньадьы Дьангха* стадийно ранних функций, связанных «с культом матери-земли» [Данилова, 2011, с. 50]. Кроме этого, и изоморфизм местоположений *Аан Алахчын Хотун* и *Айыысыт* в древе указывает на их бывшее единство: в старину опорный столб якутского жилища, располагающийся на юго-западе, считали столбом *Айыысыт*¹. Известно, что жилище соотносится с мирозданием [Габышева, 2019, с. 28], при котором опорный столб служит прототипом мирового древа, находясь в центре «мира» и поддерживая «небо и землю» [Элиаде, 1994, с. 30].

Почитание образа рыси, восходящее к тотемистически-промысловому культу, относит к некогда бытовавшим магическим охотничьим обрядам, возможно, совершавшимся жрицами-удаганками, которые и исполняли роль матери-зверя. В таком свете показательным представляется семантическое тождество «имитативных действий охотника с рысью при проведении промыслового обряда с ритуальными действиями свадебного обряда», впервые замеченное Е. Н. Романовой [Данилова, 2011, с. 81]. Связь пары «рысь – невеста» говорит о существовании в древности представлений о рыси как о символе огня. Об этом же свидетельствуют схожие охотничьи обряды на рысь у якутов [Алексеев, 1980, с. 97]. Восприятие рыси в качестве продуцирующего начала (выступающей символом огня и плодоносящих сил) как нельзя лучше наблюдается в следующем обычае: старые женщины перед уходом в иной мир клали в промежность кусочек рысьей шкурки. Установлено, что данное символическое действие отражает идею реинкарнации души, веру в последующее зарождение души [Данилова, 2011, с. 81].

¹ Саввин А. А. Материалы по истории и этнографии якутов. 1934–1948 гг. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4, оп. 12, д. 10, л. 45.

Культ женщины удаганки – жрицы огня принято относить к палеолитическому периоду. В текстах олонхо, помимо описания духа-хозяйки земли с шаманскими атрибутами, она еще наделяется качествами удаганки, обладающей магическими способностями. Мотив превращения удаганки в кукушку (фетишизм) древнее, чем мотив, описывающий отделение духа челности и языка хозяйки земли *Аан Алахчын Хотун*, пролетевшего по огненному проходу в Верхний мир айбы, к самому *Юрюнг Аар Тойону* (анимизм)². В этих примерах «просвечивает» восходящий путь эволюции прообраза *Аан Алахчын Хотун* посредством орнитоморфного образа кукушки, при которой ее положительная семантика еще сохраняется. Согласно В. Я. Проппу «то, что некогда играло роль самого бога, впоследствии становится его атрибутом (орел Зевса)» [2000, с. 46–47]. Кукушка, в первооснове воплощающая собой идею материнства, плодородия, очевидно, была связана с культом жриц-удаганок (повелительниц стихий, владычиц очага), исполнявших роль матери-зверя (тотемного предка-женщины). Об ее некогда имевшей место положительной семантике свидетельствует и содержание якутской сказки: когда-то она могла снести двенадцать яиц, куковала все лето, но в один год, прилетев раньше всех птиц, успела свить гнездо, снести яйца, об этом узнали боги и наказали ее за поспешность лишением гнезда, уменьшением количества яиц до двух (и то – с подкладыванием в гнезда других птиц), возможностью куковать лишь с Николина до Петрова дня [ЯС, 1981, с. 39–40]. В традиционной картине мира устойчива связь ее прилета и кукования с оживлением природы в начале лета, возрождением природы. Следовательно, в архаических представлениях, возможно, именно кукушка выступала богом растительных сил природы. О ее былой положительной семантике свидетельствует и соотносительность образа кукушки с Верхним миром в фольклоре других тюркских народов; к примеру, у шорцев сохранилась загадка: «На верхушке золотого дерева золотая кукушка, распутив крылья, сидит» [Дыренкова, 1940, с. 353], где золото в качестве металлического кода служит маркером Верхнего мира. Позднее, в дальнейшей своей трансформации, образ кукушки, в результате разрушений матриархально-родовых отношений, приобретает отрицательную семантику, воплощаясь в виде главной вехи дороги «кровавая Кяхтия», ведущей в Верхний мир *абаасы*³ [Ойунский, 2013, с. 25]. И кукушке приписывается олицетворение идеи не только возрождающейся жизни, но и смерти (циклической реинкарнации). Таким образом, очевидна и орнитоморфная ипостась прообраза *Аан Алахчын Хотун* в виде кукушки. Дополним, что в народном сознании функция обладательницы тайных знаний образа также находит свою параллель с образом кукушки как птицы-предсказательницы судеб людей. В таком свете прообраз хозяйки земли (кукушка) предстает медиатором между мирами, что подтверждается связью с образом древа. Общая мать-тотем, обладающая магией, имеет власть не только над природными стихиями, но и подчиняет себе всех лесных зверей (способность превращаться в птиц и животных) [Захарова, 2004, с. 155]. Полагаем, что функция властителя лесных зверей в пору развития анимистических представлений наследуется хозяином темного леса *Баай Барылаах*, что и служит индикатором не только их генетической связи, но и рудиментом архаического этапа развития *Аан Алахчын Хотун*.

Глубинные архаические корни раскрываются и при анализе еще одной черты исследуемого образа – *Аан Алахчын Хотун* обладает непременно большими грудями. В. Я. Пропп отмечает, что «дарительница волшебных свойств доисторична, чрезвычайно архаична» [2000, с. 88]. Большие груди как центральная область женского сосуда являются вместилищем материнских вод. «Однако эта “материнская вода” не только содержит в себе жизнь, она также питает и трансформирует, все живые существа строят и поддерживают свое существование с помощью воды (“молока” Земли)» [Эрих, 2022, с. 60]. Н. Эрих считает, что главной формулой матриархального символизма служит связь «женщина=тело=сосуд=мир» [Там же, с. 55]. Примечательно, что эпическая традиция сохранила в своих недрах данную связь: «Чьи щедрые грудные соски / Как кумысные кожаные мешки» [НБС, 2007, с. 21]. Мифологическое содержание имеет художественный прием сравнения грудных сосков именно с «кумысными кожаными мешками». Кумыс – священный напиток, изготавливаемый из кобыльего молока. Будучи связанным с культом богов-покровителей Верхнего мира, напиток наделен богатой обрядовой символикой, в нашем же случае имплицитно связывает хозяйку земли с светлым началом.

² См.: *Сатанар М. Т.* Образ духа-хозяйки земли в эпосе олонхо. Часть 1.

³ Абаасы – злой дух, злое начало, вредный и враждебный человеку.

Но мотив вскармливания *Аан Алахчын Хотун* в некоторых текстах заменяется аналогом – передачей сосуда-пузыря с живой водой [Сатанар, 2023]. В олонхо важно указание места локализации воды – под корнем дерева-великана. Неслучаен также выбор вместилища воды – «пузыря». И сосуд *kögör*, изготавливаемый из бычьей кожи, и пузырь (в быту якуты из мочевого пузыря быка изготавливали сумки) содержат в себе мифологическую подоплеку связи с образом быка. Предметы эти «в основе своей связанные с животными, и есть прообраз наших “волшебных даров”, среди которых особый класс представляют всякого рода мешки, сумки... и т. д.» [Пропп, 2000, с. 163]. Итак, очевидно еще одна зооморфная ипостась рассматриваемого образа – корова. Добавим, что и с точки зрения аналитической психологии «к мотиву груди относится символика молока и коровы» [Эрих, 2022, с. 142].

Образ коровы выводит к хтонической природе прообраза *Аан Алахчын Хотун*, т. е. связи с Нижним миром. В таком случае богиня плодородия, «спускаясь» под землю, предстает одновременно и богиней смерти, и она начинает обладать двойной природой: кроме радостной участи «быть оплодотворенной, родить, кормить... род человеческий» [Топоров, 2000, с. 252–253], она наделяется еще горестной долей «принимать в свое лоно своих покойных детей, превращая саму смерть в залог новой жизни» [Там же]. Именно «уход прообраза под землю» в дальнейшей его трансформации служит толчком того, что с появлением скотоводства «“лесная” религия превращается в сплошную нечисть» [Пропп, 2000, с. 89]. Так, способствующая плодородию людей, животных, урожаю растительного мира богиня превращается в *абаасы* в женском облике: «По направлению вниз сверху выросшую / Голень железную имела; / Из груди выпуклой / Вверх прямо выросшую / Руку одну длинную имела» [Захаров, 2018, с. 115, 117]. Как хтоническая хозяйка стихий удаганка-*абаасы* продолжает властвовать не только над стихиями природы (способность превращаться в палящий зной, реку с каменистым дном и т. д.) [Борисова, 2022, с. 165], но и над птицами, зверьми, насекомыми, будучи способной оборачиваться в них [Там же, с. 166–172]. Половиннотелая девка-*абаасы* в некоторых олонхо предстает многорукой [Захарова, 2004, с. 188]. При этом известно, что «гипертрофия материнского органа не соответствует никаким супружеским функциям» [Пропп, 2000, с. 57]. В эпической традиции девки-*абаасы* бесплодны, причем данное качество распространяется на всех жителей подземного мира: «С женолюбивыми парнями холостыми, / С мужелюбивыми девами одинокими, / С жеребцами, с кобылами не сходящимися, / С коровами, с быками не случающимися» [Захаров, 2018, с. 41].

А. Е. Захарова утверждает, что «атрибут большегрудости» антропоморфного образа *Аан Алахчын Хотун* сохраняется от предшествующей ступени ее развития [Захарова, 2004, с. 188]. В таком свете примечательно то, что эпическая традиция сохранила переходной фрагмент «восхождения» рассматриваемого образа с Нижнего мира (из-под земли, корня) в Средний мир (ствол дерева) [Сатанар, 2023, с. 72].

В дальнейшем, идея плодородия развивается в сторону «отношений полов» [Фрэзер, 2001, с. 101], и появляются мужские персонажи [Сатанар, 2023, с. 70]. Появление мужского напарника объясняется «маскулинизацией» прообраза духа земли – обозначением вообще человека как «земного» [Топоров, 2000, с. 329]. Здесь, казалось бы, нет сомнений в том, что дух земли в женском облике более архаичен, чем в мужском. Однако в мужском образе духа земли В. Н. Топоров склонен видеть именно проекцию ипостаси архаического образа неба-отца, упомянутого выше [Там же, с. 333]. Таковы предпосылки появления мужского образа хозяина земли.

Далее, дух-хозяин земли «продолжает творить» в лице культурного героя на лоне земли, становясь духом-хозяином культурных построек (коновязи, изгороди, двора, ограды, жилища, дорог и т. д. [Тимофеев-Теплоухов, 1985, с. 291], т. е. того, что «“природная” земля создать не может» [Топоров, 2000, с. 334]. Тексты олонхо отражают наличие целого комплекса персонажей духов в мужской презентации. Примечательно при этом сохранение хтонических черт этих хозяев, к примеру, в описании портрета духа-хозяина дорог: «Трех черных смертей / Свирепый зверь, кружась, / Все видящий глазами огненными, / Великий пестрый зверь / Нижнюю челюсть огромную / Опустит в Нижний мир» [Бурнашов, 2013, с. 317].

Проникновение анимизма во все сферы древнего социума (в условиях и матрилинейных, и патрилокальных отношений) сопровождалось развитием концепции *кут* ‘души’. Есть следующее предположение: «Вероятно, древние представления о *кут* были непосредственно связаны с мифологическими воззрениями о небе-отце, который “вдувал” эмбрион жизни *кут* в лоно земли-матери» [Бравина, 2005, с. 13]. В текстах олонхо утверждается, что человеческая сущность изначально соединена с матерью-землей: «Ой, вот как! / Люди в среднем мире, / Когда-то созданные из единой смеси /

Земли поганой да земли нечистой / С основой из дикой-дряхлой почвы» [Там же, с. 14]. Именно «земляная душа» (К. Г. Юнг) человека после смерти предается земле, и родная земля, где «покоятся» предки, считается оберегающей и защищающей от разных несчастий и бед. В старину якуты «отправляясь в дальнюю дорогу, брали с собой горсть родной земли с целью в момент глубокой тоски по родной местности принимать вовнутрь, разбавив водой» [Там же, с. 25] – так они исцелялись. И среди современных якутов бытует восприятие земли предков как места восстановления утраченных сил, и человек, ощущающий связь с ней, признается человеком с крепкими корнями. В основе этих поверий, безусловно, лежат древние магические постулаты. Впрочем, глубинную связь *кут* ‘души’ с образом земли как нельзя лучше объясняют выводы К. Г. Юнга: «В филогенетическом отношении мы произрастаем из темных и тесных глубин земли. <...>. Отдаление от бессознательного и тем самым от исторической обусловленности означает лишенность корней. Это представляет опасность для покорителя чужой земли; опасно для того, кто <...> теряет связь с теми темными, материнскими, земными первоосновами своей сущности. <...> Нельзя присваивать себе чужую землю, потому что на ней обитают чужие души предков, которые будут вселяться в новорожденных. В этом заключена великая психологическая истина» [Топоров, 2000, с. 349]. Следует отметить, что связь *буор кут* ‘земли-души’ человека с образом матери-земли и с точки зрения архетипа, и с точки зрения исторических нарративов – тема, требующая специального изучения.

Заключение

Анализ текстов олонхо позволил верифицировать предыстоки и истоки формирования антропоморфного образа духа-хозяйки земли *Аан Алахчын Хотун*. В генеалогии образа наблюдается тенденция связи образа с первоэлементами космогенеза древней картины мира, что гипотетически можно отнести к предпосылкам его образования. Важным подтверждением древних основ служит наличие в образе слитного единства бинарных противопоставлений отца-неба и матери-земли. К более архаическим корням относится сфокусирование представлений о духе земли и духе дерева в едином прообразе матери-первопредка, отвечающего за потомство женщин, приплод животных, рост трав, всей флоры. Анализ атрибутивного рудимента приводит к установлению древней генетической связи прообраза с богиней деторождения *Айыысыт*, а также зооморфной ипостаси образа в виде рыси, при этом рысь восходит к тотемистически-промысловому культу предков. Индикатором связи рассматриваемого образа с удаганским культом, при котором мать-жрица предстает владычицей природных стихий и лесных зверей, выступает некогда функционировавшее в народном сознании орнитоморфное понимание символа изобилия и плодородия через кукушку. Позднее, под воздействием шаманской картины мира, данный символ плодородия и растительных сил природы эволюционирует в дух челюсти и языка хозяйки земли *Аан Алахчын Хотун*. С развитием анимистического мирозерцания наблюдается функциональное обогащение прообраза в качестве опосредующего медиального элемента между Верхним и Нижним эпическими мирами с локализацией в Мировом древе. Анализ хтонической природы образа приводит к установлению имплицитно присутствующей второй зооморфной ипостаси – коровы, символизирующей в эпической традиции женское, земное начало. Существенное воздействие на становление образа оказывает культ предков, который в пору анимизма оформляется обогащением представлений о составляющих элементах человеческой *кут* ‘души’, в нашем случае – именно *буор кут* ‘земли-души’. В текстах олонхо фиксируется присутствие мужских образов хозяина земли, вызванных вытеснением матрилинейной общины патрилинейным, а также локальных духов отдельных местностей, связанных с развитием абстрагирующего мышления древних. В целом, можно заключить, что эпическая память сумела сохранить эксплицитные и имплицитные истоки становления антропоморфного образа, который складывался в традиционном мировоззрении на протяжении многих тысячелетий. И следующим шагом исследования предстает диахронический анализ антропоморфного образа *Аан Алахчын Хотун* в его исторической эволюции.

Список литературы

Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX вв. Новосибирск, 1975. 199 с.

Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980. 317 с.

- Борисова А. А. Многоликое чудовище абаасы (на материале олонхо) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 162–176.
- Бравина Р. И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса: на материале традиций саха. Новосибирск, 2005. 307 с.
- Васильев В. Е., Варавина Г. Н. Образ дерева в мифах и ритуалах якутов и северных тунгусов // Общество: Философия. История. Культура. 2016. № 4. С. 75–77.
- Габышева Л. Л. Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. Новосибирск, 2019. 143 с.
- Гаврильева Р. С. Одежда народа саха конца XVII – середины VIII века. Новосибирск, 1998. 144 с.
- Гоголев А. И. Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. Якутск, 2002. 104 с.
- Данилова Н. К. Традиционное жилище народа саха: Пространство. Дом. Ритуал. Новосибирск, 2011. 122 с.
- Захарова А. Е. Архаическая ритуально-обрядовая символика саха (по материалам олонхо). Новосибирск, 2004. 312 с.
- Кулаковский А. Е. Научные труды. Якутск, 1979. 484 с.
- Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. 620 с.
- МДЯ – Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской экспедиции). Якутск, 2012. 226 с.
- Мелетинский Е. М. Миф и историческая поэтика: избранные статьи. Воспоминания. М., 2018. 695 с.
- Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: опыт сопоставления структур. М., 2004. 304 с.
- Ойунский П. А. Якутская сказка, ее сюжет и содержание. Якутск, 2013. 96 с.
- Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 1999. 636 с.
- Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000. 336 с.
- Сагалаев А. М. Урало-алтайская мифология: символ и архетип. Новосибирск, 1991. 155 с.
- Сатанар М. Т. Генезис образа Сээркээн Сээна в эпосе олонхо // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 3. С. 50–86. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11262
- Сатанар М. Т. Образ духа-хозяйки земли в эпосе олонхо. Часть 1: Статические и динамические характеристики // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (вып. 47). С. 67–77. DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-67-77
- Топоров В. Н. К реконструкции балто-славянского мифологического образа земли-матери * *Zemīa* & * *Mātē* (* *Mati*) // Балто-славянские исследования 1998–1999. XIV. Сборник научных трудов. М.: Индрик, 2000. С. 239–371.
- Троцанский В. Ф. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Казань, 1902. 219 с.
- Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: В 2 т. М., 2001. Т. 1. 528 с.
- Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа. Якутск, 2016. 448 с.
- Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. 144 с.
- Эрих Н. Великая мать. Женские изображения и символы. СПб., 2022. 608 с.

Список источников

- Бурнашов И. И. Сылгы уола Дыырай бухатыыр = Сын лошади Богатырь Дыырай. Якутск, 2013. 376 с. (На якут. и рус. яз.).
- Говоров Д. М. Непобедимый Мюльджю Бёгё. Якутск, 2010. Кн. 2. 326 с. (На рус. яз.).
- Дыренкова Н. П. Шорский фольклор. М.; Л., 1940. 449 с. (На шор. и рус. яз.).
- Захаров Т. В. Ала Булкун Бухатыыр = Ала Булкун богатырь. Якутск, 2018. 520 с. (На якут. и рус. яз.).
- НБС – Нюргун Боотур Стремительный: олонхо / пер. В. В. Державина. Москва, 2007. 407 с. (На рус. яз.).
- СБ – Биэс ынахтаах Бэйбэрикээн эмээхсин = Старуха Бейбэрикан: сказка для детей дошкольного возраста. Якутск, 1972. 16 с. (На якут. яз.).
- Тимофеев-Теплоухов И. Г. Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур = Строптивый Кулун Куллустуур. М., 1985. 609 с. (На якут. и рус. яз.).
- ШГС – Шорские героические сказания. Москва, 1998. 463 с. (На шор. и рус. яз.).

Ядрихинский П. П. Дьырыбына Дьырылыатта кыыс бухатыыр = Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта. Якутск, 2011. 448 с. (На якут. и рус. яз.).

ЯС – Якутские сказки. Якутск, 1981. 304 с. (На рус. яз.).

References

Alekseev N. A. *Traditsionnye religioznye verovaniya yakutov v 19 – nachale 20 vv.* [Traditional religious beliefs of the Yakuts in the 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk, 1975, 199 p. (In Russ.).

Alekseev N. A. *Rannie formy religii tyurkoyazychnykh narodov Sibiri* [Early forms of religion of the Turkic-speaking peoples of Siberia]. Novosibirsk, 1980, 317 p. (In Russ.).

Borisova A. A. *Mnogolikoe chudovishche abaasy (na materiale olonkho)* [The many-faced monster abaasy (based on olonkho)]. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.* 2022, no. 2, pp. 162–176. (In Russ.).

Bravina R. I. *Kontsepsiya zhizni i smerti v kul'ture etnosa: na materiale traditsiy sakha* [The concept of life and death in the culture of an ethnos: based on the Sakha traditions]. Novosibirsk, 2005, 307 p. (In Russ.).

Danilova N. K. *Traditsionnoe zhilishche naroda Sakha: Prostranstvo. Dom. Ritual* [Traditional dwelling of the Sakha people: Space. House. The ritual]. Novosibirsk, 2011, 122 p. (In Russ.).

Eliade M. *Svyashchennoe i mirskoe* [Sacred and worldly]. Moscow, 1994, 144 p. (In Russ.).

Erikh N. *Velikaya mat'. Zhenskie izobrazheniya i simvoly* [The Great Mother. Female images and symbols]. St. Petersburg, 2022, 608 p. (In Russ.).

Frezer D. D. *Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii: V 2 t.* [The golden bough: a study of magic and religion: in 2 vols]. Moscow, 2001, vol. 1, 528 p. (In Russ.).

Gabysheva L. L. *Fol'klornyy tekst: semioticheskie mekhanizmy ustnoy pamyati* [Folklore text: semiotic mechanisms of oral memory]. Novosibirsk, 2019, 143 p. (In Russ.).

Gavril'eva P. C. *Odezhda naroda sakha kontsa 17 – serediny 18 veka* [Clothing of the Sakha people of the late 17th – mid 18th century]. Novosibirsk, 1998, 144 p. (In Russ.).

Gogolev A. I. *Istoki mifologii i traditsionnyy kalendar' yakutov* [The origins of mythology and the traditional Yakut calendar]. Yakutsk, 2002, 104 p. (In Russ.).

Khudyakov I. A. *Kratkoe opisanie Verkhoyanskogo okruga* [Brief description of Verkhoyansky district]. Yakutsk, 2016, 448 p. (In Russ.).

Kulakovskiy A. E. *Nauchnye trudy* [Scientific works]. Yakutsk, 1979, 484 p. (In Russ.).

Losev A. F. *Antichnaya mifologiya v ee istoricheskom razviti* [Antique mythology in its historical development]. Moscow, 1957, 620 p. (In Russ.).

Meletinskiy E. M. *Mif i istoricheskaya poetika: izbrannye stat'i. Vospominaniya* [Myth and historical poetics: selected articles. Memories]. Moscow, 2018, 695 p. (In Russ.).

Mir drevnikh yakutov: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy (po materialam sakha-frantsuzskoy ekspeditsii) [The world of the ancient Yakuts: the experience of interdisciplinary research (based on the materials of the Sakha-French expedition)]. Yakutsk, 2012, 226 p. (In Russ.).

Novik E. S. *Obryad i fol'klor v sibirskom shamanizme: opyt sopostavleniya struktur* [Ritual and folklore in Siberian shamanism: the experience of comparing structures]. Moscow, 2004, 304 p. (In Russ.).

Oyunskiy P. A. *Yakutskaya skazka, ee syuzhet i sodержanie* [Yakut fairy tale (Olonkho), its plot and contents]. Yakutsk, 2013, 96 p. (In Russ.).

Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Historical roots of the fairy tale]. Moscow, 2000, 336 p. (In Russ.).

Propp V. Ya. *Russkiy geroicheskiy epos* [Russian heroic epos]. Moscow, 1999, 636 p. (In Russ.).

Sagalaev A. M. *Uralo-altayskaya mifologiya: simbol i arkhetyp* [Ural-Altai mythology: symbol and archetype]. Novosibirsk, 1991, 155 p. (In Russ.).

Satanar M. T. *Genesis obraza Seerkeen Sesena v epose olonkho* [Genesis of the Image of Seerkeen Sesen in the Olonkho Epic]. *The Problems of Historical Poetics.* 2022, vol. 20, no. 3, pp. 50–86. (In Russ.). DOI 10.15393/j9.art.2022.11262

Toporov V. N. *K rekonstruktsii balto-slavyanskogo mifologicheskogo obraza zemli-materi * Zemja & * Mātē (* Mati)* [Towards the Reconstruction of the Balto-Slavic Mythological Image of the Mother Earth *].

Zemja & * Mātē (* Mati)]. In: *Balto-slavyanskije issledovaniya 1998–1999. 14. Sbornik nauchnykh trudov* [Balto-Slavic Studies 1998–1999. XIV. Collection of scientific papers]. Moscow, Indrik, 2000, pp. 239–371. (In Russ.).

Troshchanskiy V. F. *Evoljutsiya chernoy very (shamanstva) u yakutov* [Evolution of the Black faith (shamanism) among the Yakuts]. Kazan, 1902, 219 p. (In Russ.).

Vasil'ev V. E., Varavina G. N. *Obraz dereva v mifakh i ritualakh yakutov i severnykh tungusov* [The image of a tree in the myths and rituals of the Yakuts and northern Tungus]. *Society: Philosophy, History, Culture*. 2016, no. 4, pp. 75–77. (In Russ.).

Zakharova A. E. *Arkhaicheskaya ritual'no-obryadovaya simbolika sakha (po materialam olonkho)* [Archaic ritual symbolism of the Sakha people (based on Olonkho materials)]. Novosibirsk, 2004, 312 p. (In Russ.).

List of sources

Bies ynakhtaakh Beyberikeen emeekhsin [Old woman Byabyarikyan: a fairy tale for preschool children]. Yakutsk, 1972, 16 p. (In Yakut).

Burnashov I. I. *Sylgy uola Dyyray bukhatyyr* [Son of a horse Bogatyr Dyyray]. Yakutsk, 2013, 376 p. (In Yakut, in Russ.).

Dyrenkova N. P. *Shorskiy fol'klor* [Shor folklore]. Moscow, Leningrad, 1940, 449 p. (In Russ., in Shor).

Govorov D. M. *Nepobedimyy Myul'dzhyu Bege* [Invincible Mulju Bega]. Yakutsk, 2010, vol. 2, 326 p. (In Russ.).

Nyurgun Bootur Stremitel'nyy [Nyurgun Bootur the Swift]. V. V. Derzhavin (Transl.). Moscow, 2007, 407 p. (In Russ.).

Shorskie geroicheskie skazaniya [Shor heroic tales]. Moscow, 1998, 463 p. (In Shor, in Russ.).

Timofeev-Teploukhov I. G. *Kuruubay khaannaakh Kulun Kullustuur* [Obstinate Kulun Kullustuur]. Moscow, 1985, 609 p. (In Yakut, in Russ.).

Yadrikhinskiy P. P. *D'yrybyna D'yrylyatta kyys bukhatyyr* [The hero girl Jyrybina Jyrylyatta]. Yakutsk, 2011, 448 p. (In Yakut, in Russ.).

Yakutskie skazki [Yakut fairy tales]. Yakutsk, 1981, 304 p. (In Russ.).

Zakharov T. V. *Ala Bulkun Bukhatyyr* [The epic hero Ala Bulkun]. Yakutsk, 2018, 520 p. (In Yakut, in Russ.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
25.02.2023*

Сведения об авторе

Сатанар Марианна Тимофеевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора «Олонховедение» Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Якутск, Россия)

E-mail: satanar68@mail.ru

ORCID 0000-0002-3546-7343

Information about the Author

Marianna T. Satanar – Candidate of Philology, Researcher, Sector for Olonkho studies, Olonkho Research Institute, Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation)

E-mail: satanar68@mail.ru

ORCID 0000-0002-3546-7343

ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 398.8

DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-126-137

Гневные божества «докшиты» в ранних песнях-шастрах монголоязычных народов

Б. Х. Борлыкова

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Элиста, Россия

Аннотация

В статье на материале ранних записей песен-шастр монголоязычных народов (халха-монголов, ойратов, калмыков, бурятов) впервые рассматриваются буддийские гневные божества «докшиты» (Махакала, Ямантака, Хаягрива, Дамдин Дорлик, Ваджрапани, Окон Тенгри). Исследование буддийских персонажей в песнях-шастрах обусловлено необходимостью дальнейшего осмысления песенного наследия монголоязычных народов. Источником исследования послужили архивные материалы, хранящиеся в Русском географическом обществе, Институте восточных рукописей РАН, Институте русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Санкт-Петербургском государственном университете, опубликованные записи А. М. Позднева, Г. Й. Рамстедта, Н. Очирова. В качестве дополнительных материалов были привлечены фольклорные (легенды, сказки, эпос), лексикографические, этнографические источники, а также переводы буддийских сутр. В статье использованы описательный, сравнительно-типологический и сравнительно-сопоставительный методы, позволяющие выявить общие и специфические характеристики божеств. Автор приходит к выводу, что рассмотренные тексты ранних песен-шастр являются ценными источниками для изучения буддийской культуры монголоязычных народов. Сведения, почерпнутые из текстов песен, свидетельствуют, дополняют и расширяют знания о буддийском пантеоне. В статье публикуются и тем самым вводятся в научный оборот неизвестные и малоизвестные тексты песен монголоязычных народов.

Ключевые слова

песни монголоязычных народов, ранние записи, архивные материалы, тибетский буддизм, буддийский пантеон, гневные божества «докшиты», описание «докшитов», функции «докшитов»

Для цитирования

Борлыкова Б. Х. Гневные божества «докшиты» в ранних песнях-шастрах монголоязычных народов // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48). С. 126–137. DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-126-137

© Б. Х. Борлыкова, 2023

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 4 (iss. 48)

Wrathful deities “dokshita” in the early shastra songs of the Mongol-speaking peoples

B. Kh. Borlykova

Kalmyk State University named after. B. B. Gorodovikova, Elista, Russia

Abstract

This article focuses on the early shastra songs of the Mongol-speaking peoples, offering insights into the wrathful deities referred to as “dokshita” in the Buddhist pantheon. Shastras are songs with spiritual content dedicated to the praise of the Teachings of Buddha, deities, clergy, Buddhist monasteries, pilgrimages, and similar themes. This study does not address the question of the origin of the wrathful deities. The author adheres to the assumption that Mongolian peoples borrowed them from Tibetan Buddhism. Archival and published materials serve as the source base for the study. A comprehensive characterization of the “dokshita” found in the early records of the shastra songs of the Mongol-speaking peoples is conducted using a descriptive method. Consideration is given to the etymology of the phrase “shastir duu.” A review of the sources with early texts of shastra songs of Mongolian-speaking peoples is presented. The history of the spread of Buddhism among Mongols, Buryats, and Oirats (Kalmyks) is examined. Six wrathful deities of the “dokshita,” namely Mahakala, Yamantaka, Hayagriva, Damdin Dorlik, Vajrapani, and Okon Tengri, are identified and described. For that purpose, folklore, lexicographical, and ethnographic materials, as well as Buddhist sutras and ritual texts, are examined. The analysis of song texts complements and expands the knowledge about “dokshita,” including their functions, appearance, location, attributes, mounts, and others. The present article makes a valuable contribution to the existing research on the characters of the Buddhist pantheon, both in Russia and abroad.

Keywords

Songs of Mongol-speaking peoples, early records, archival materials, Tibetan Buddhism, Buddhist pantheon, wrathful deities “dokshita”, description of “dokshita”, functions of “dokshita”

For citation

Borlykova B. Kh. Gnevnye bozhestva «dokshity» v rannih pesnyakh-shastrakh mongoloyazychnykh narodov [Wrathful deities “dokshita” in the early shastra songs of the Mongol-speaking peoples]. *Yazyki i fol'klorkorennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 4 (iss. 48), pp. 126–137. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-126-137

Введение

История записи и фиксации. В песенном фольклоре монгольязычных народов особое место занимают песни-шастры (монг. *шастир дуу*, ойр. *шастар дун*, бур. *буддын шажанай дуун*, *буддын магтаал дуун*, калм. *частр дун* или *өөрдин частр*) – песни духовного содержания, восхваляющие Учение Будды, божества, духовенство, буддийские монастыри, паломничество в Тибет, святыни и др. Термин *шастир дуу(н)*, является атрибутивным словосочетанием, состоящим из двух существительных в именительном падеже: *шастир* ‘шастра’ + *дуу(н)* ‘песня’. Слово *шастир* (*шастар*, *шаитр*, *частр*) ‘шастра, трактат, буддийское религиозное сочинение, гимн’ [БАМРС, т. 4, 2002, с. 345; КРС, 1977, с. 646; КРС, 1911, с. 164; Тодаева, 2001, с. 451; Шагдаров, Черемисов, 2010, с. 596] в монгольских языках заимствовано из санскрита (ср. *sāstra*) через уйгурский язык (ср. *šastir*). В бурятском песенном фольклоре песни-шастры имеют и другие названия: *бурханай дуунууд* букв. ‘песни о Будде’, *буддын шажанай дуунууд* букв. ‘песни о буддизме’ и *буддын магтаал дуунууд* букв. ‘песни-восхваления Учения Будды’¹.

Впервые в отечественной литературе, по нашим сведениям, термин *шаитр дун* упоминается в труде Б. Я. Владимирцова «Образцы монгольской народной словесности» [1926]. Опираясь на личный полевой материал, собранный среди ойратов Монголии, Б. Я. Владимирцов к данному жанру песен относит «песни буддийского, духовного содержания, песни о монастырях, ламах и др.» [Владимирцов, 1926, с. 5]. Исследователь монгольских песен К. Н. Яцковская песни-шастры называет «здравницей, обращенной к паломникам после их долгого пути к святым местам» [Яцковская, 1988, с. 65]. И. В. Кульганек,

¹ См. URL: <https://www.culture.ru/objects/482/pesennaya-tradiciya-vostochnykh-buryat> (дата обращения: 23.08.2023); Песни хонгодоров / Сост., вступ. ст. и примеч. Г. Д. Фролова. Улан-Удэ: ВСГТУ, 1998. С. 3, 354–355.

исследуя рукописи по монгольскому фольклору, хранящиеся в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (далее – ИВР РАН), отмечает, что песни-шастры (она называет их религиозно-философскими песнями) в Монгольском фонде архива занимают третью часть от всего количества песен [Кульганек, 2010, с. 88]. По мнению исследователя монгольского буддизма А. М. Позднеева, песни-шастры у монголов возникли вместе с распространением буддизма и самые ранние из них были созданы ламами, знавшими буддийские сутры и ритуальные тексты [Позднеев, 1880, с. 83].

Ранние тексты песен-шастр монголоязычных народов можно обнаружить в рукописных материалах, хранящихся в российских и зарубежных архивах (Барадийн Б. Б. «Записи бурят-монгольских песен», Жамцарано Ц. Ж. «Коллекция 1903 г. Записи образцов народной словесности монгольских народов», Номинханов Ц.-Д. «Фольклорные материалы. Записи текстов» и др.), а также в печатных изданиях XIX – начала XX в.

История распространения буддизма в Монголии, как отмечает Б. Я. Владимирцов, делится на три этапа. Он пишет, что монголы впервые узнали о буддизме еще до XIII в., но эта религия не получила широкого распространения, так как монголы в то время переживали подъем, связанный с успешными завоевательными войнами и образованием империи во главе с классом монгольской аристократии. В XIII–XIV вв. положение изменилось, аристократия вместе с членами ханского рода охотно принимает буддизм. Победа буддизма в Монголии произошла в конце XVI – начале XVII в.: «В XVI веке вместе с укреплением некоторых монгольских ханств начинается и общее возрождение монгольской жизни. Перестает удовлетворять монголов, в особенности их аристократию, первобытный шаманизм, начинают разгораться кое-где сохранившиеся искры прежнего их буддизма. В эту-то пору им пришлось столкнуться с Тибетом, познакомиться с буддизмом в форме секты “желтошапочников”. <...> ...Буддизм широко и быстро распространился среди всех почти монгольских племен» [Владимирцов, 2002, с. 133–134]. В первой половине XVII в. тибетский буддизм из Монголии проник на север к бурятскому населению Забайкалья, выходцев из Халхи. За короткий период с конца XVII до начала XVIII в. буддизм распространился по всему Забайкалью. До 1917 г. на территории Бурятии функционировало 47 дацанов, в которых служили более десяти тысяч монахов [Буддизм, 1992, с. 69]. После откочевки части ойратов из Джунгарии (XVI–XVII вв.) процесс приобщения народа к буддизму продолжался, и в этой связи песни-шастры (калм. *частр дуд*) сохраняли свою актуальность. В период бытования в новых географических, общественно-исторических условиях *частр дуд* как духовные песни не потеряли своей жанровой принадлежности. Об этом свидетельствуют калмыцкие песни «На вершине дворца Поталы», «Благословение Махакалы», «Местность [храм Джоканг], называемая Зу», «Учение отца Цзонхавы» и др. – из рукописей, хранящихся в фондах Русского географического общества, Архива востоковедов ИВР РАН, библиотеки восточного факультета СПбГУ и др. Ряд калмыцких песен *частр дуд* уже опубликованы авторами настоящей статьи [Калмыцкие народные песни..., 2015; Борлыкова, 2023; Электронный каталог..., 2022].

Песни-шастры монголоязычных народов встречаются в фольклористических сборниках и монографиях, изданных во второй половине XX – начале XXI в.² и др. Тема буддизма редко становилась объектом исследования монгольской фольклористики. Имеются отдельные работы, написанные на материале бурятского эпоса «Гэсэр» (А. И. Уланов, С. Ш. Чагдуров, Е. О. Хундаева, Э. Б. Аюшеева), бурятских улигеров, малых жанров, сказок, легенд и преданий (Б. Б. Шойнжонов), калмыцкого героического эпоса «Джангар» (Н. Б. Бадгаев), калмыцких сказок (С. В. Мирзаева), монгольских сказок (К. В. Менкенова, Е. А. Эрдниева, Б. Дариймаа и др.), монгольских песен (Б. Катуу, А. Алимаа). В настоящее время назрела необходимость исследования песен-шастр монголоязычных народов, исходя из современных подходов, концепций и теоретических положений.

² См.: Шаракшинова Н. О. «Лирические песни бурят» (1973); Хорлоо П. «Монгол ардын дууны яруу найраг» (1981); «Моңһл ут дууна үг» (1984); Сампилдэндэв Х. «Монгол ардын уртын дуу» (1983); Яцковская К. Я. «Народные песни монголов» (1988); Хабунова Е. Э. «Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия: исследования и материалы» (1998); Бадамдаш Ш. Ж. «Буриад арадай дуун» (1998); Кульганек И. В. «Мир монгольской народной песни» (2001); Алимаа А. Монгол уртын дууны бичмэл цоморлиг (2003); Б. Катуу «Дөрвөд ардын найрын болон богино дуу» (2005); Ганболд И., Сүхбаатар На. «Ут сайхан күрэн» (2005); Борджанова Т. Г. «Обрядовая поэзия калмыков» (2007); Алексеева П. Э. «Принцесса Нирджидма и книга песен торгутов Китая» (2009); и др.

Цель и материал исследования. Основной целью настоящей статьи является выявление и описание гневных божеств «докшитов» буддийского пантеона на материале ранних песен-шаштр монголоязычных народов: халха-монголов, ойратов, калмыков и бурятов. Статья также призвана ввести в научный оборот ранние тексты песен-шаштр монголоязычных народов. Обращаясь к вопросу исследования гневных божеств «докшитов» на материале песенных текстов, мы не ставим вопрос об их происхождении и придерживаемся вывода, что они были все заимствованы монголами из тибетского буддизма.

Материалом для исследования послужили рукописи, хранящиеся в архивах Русского географического общества (РГО), Института восточных рукописей РАН, Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН, Санкт-Петербургского государственного университета, а также опубликованные записи А.М. Позднеева [1880], Г.Й. Рамстедта [Ramstedt, 1962], Н. Очирова [2006]. В качестве дополнительных источников для интерпретации имен гневных божеств «докшитов» и их описания были привлечены фольклорные (легенды, сказки, эпос), лексикографические и этнографические материалы. Для получения более полных сведений о докшитах приводятся отрывки из буддийских сутр и ритуальных текстов, в которых описана последовательность визуализации учителей и божеств. Тексты сутр были переведены с тибетского языка на русский А. В. Зориным и С. Р. Батомункуевой.

В процессе исследования применялись описательный, сравнительно-типологический и сравнительно-сопоставительный методы, позволяющие выявить общие и специфические характеристики докшитов, встречающихся в исследуемых нами песенных текстах монголоязычных народов. Основным методом исследования является описательный метод, позволяющий более полно охарактеризовать гневные божества буддийского пантеона в ранних записях песен-шаштр.

Гневные божества «докшиты»

Буддийский пантеон состоит из множества будд (достигшие высшего состояния духовного совершенствования), архатов (достигшие полного освобождения от клеш и вышедшие из «колеса перерождений»), идамов (покровители разделов тантрического учения), бодхисаттв (стремящиеся к пробуждению «бодхи»), дхармапалов (докшитов) (гневные божества, повергающие врагов буддизма), младших божеств и духов (божества не буддийского происхождения). А. М. Позднеев во второй половине XIX в., исследуя буддизм в Монголии, пишет, что *докшиты* делятся на два вида: 1) суть будды – собственно идам бурханы (*Ямандага*, *Махагала* и др.); 2) находящиеся в степени бодхисаттв – *номыйн сакуусуны* (< санскр. *dharmapala*). По внешней форме докшиты бывают в сладострастных (*үцзүгүүргэхүй байдалтан*), богатырских (*багаатур байдалтан*) и ужасных (*сүрхэй байдалтан*) формах [Позднеев, 1993, с. 51]. Рассмотрим гневные божества «докшиты», упоминаемые в текстах ранних песен-шаштр монголоязычных народов.

Махакала (санскр. *Maḥākāla*; тиб. *nag ro chen ro* букв. ‘Великий Чёрный’ > ойр. *Махагала*, калм. *Махал*; бурят. *Дархан хара Махакала* ‘Чёрный кузнец Махакала’, монг. *Гомбо сахюусан* ‘Защитник Учения Гомбо (< *Гонпо* – тибетское имя Махакалы) или *Ехэ Хара сахюусан* букв. ‘Большой чёрный защитник Учения’) – гневный защитник Учения Будды (дхармапала), имеющий более семидесяти разных форм. В буддизме он считается одним из гневных воплощений Авалокитешвары. Известно, что культ черного ужасающего Махакалы среди монголов получил развитие еще в XIII в. при правлении Хубилай-хана (1215–1294), он был символом его могущества [Бира, 2013, с. 41]. В тибетском ритуальном тексте «*Муур мдзад ye shes kyi mgon po phyag drug pa'i gtor chog bskang gso cha lag dang bcas pa bzhuḡs so*» («Ритуал умилоствления и подношения торма Быстродействующему Защитнику Мудрости – Шестирукому Махакале»), хранящемся в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, приводится внешнее описание Шестирукого Махакалы [Батомункуева, 2021, с. 574–575]. Буддийские иконы (цакли) с изображением Махакалы подробно описаны исследователями А. В. Зориным, М. Б. Иохвин и Л. И. Крякиной, см.: [Сто восемь буддийских икон..., 2013, с. 58; 178].

Имя буддийского божества Махакалы довольно часто упоминается в песенном фольклоре монгольских народов. К примеру, в калмыцкой песне: «Махалын эдстид...»³ («Благословение Махакалы»): *Махалын эдстид*, / *Манжуши хүвлһтэ*, / *Манд хорта дээсиг* / *Товрг-тоосн болһит* ‘Благословение Махакалы, / Перерождение Манджуши, / Врагов, наносящих нам вред, / Превратите в пыль’⁴;

³ Здесь и далее названия песен даются по первой строке.

⁴ Здесь и далее перевод текстов мой. – Б. Б.

в олётской песне «Бурханай шачжин окторгой...» («Небеса Учения Будды»): *Махагала бурханыйги / Манънай дээрэн шүтүй; Магат кисэн килинцэдэн / Манійгаан умшичжэй цзалбарийя* ‘Махакалу бурхана вознесем ко лбу, / Совершенные грехи / Устраним чтением мантр’. В приведенных образцах песен народ обращается к земной направленности Махакалы, к его функции защиты, покровительства и устранения препятствий. В третьем образце, песне забайкальских бурят «Эрхим Шинчжи Ямандага» («Главный Ямантака Шинджепе»), записанной А. М. Позднеевым в XIX в., приводится описание Махагалы и его деяний, видимо, это было заимствовано из буддийских сутр и ритуальных текстов. В тексте акцентируется цветовая характеристика божества — изящный черный Махагала, что является характерной особенностью тибетских буддийских текстов [Батомункуева, 2021, с. 1118].

Образ могущественного и грозного Шестирукого Махакалы занимает важное место в культовой системе бурят. Он является защитником первого бурятского буддийского монастыря – Цонгольского дацана «Балдан Брайбун», названного Д.-Д. Заяевым (1710–1776) в честь тибетского монастыря Палден Дрепунг Гоманг. Божество Махакала почитается и в тувинском буддизме⁵, оно упоминается в тувинской богатырской сказке «Хайндырынмай Багай-оол» при описании восьмилетнего мальчика-богатыря, из лба которого исходит сияние Мага-Хала-бургана: «на четырехножном *ширэ*⁶ / в *дөре*⁷ сидел / восьмилетний мальчик / в одеянье-кольчуге, / в золоченом уборе *овадай*⁸; / от макушки его / исходило [сияние] Очур-Маная, / ото лба его исходило [сияние] **Мага-Хала-бургана**» [Тувинские народные сказки, 1994, с. 57]. В калмыцком эпосе «Джангар» перерожденцем Махакалы является богатырь Хонгор, кольчуга у него, как у божества, иссиня-черного цвета, вверху на лобовой стороне шлема искусно изображен *геген Махагала*⁹. Этимология имени Хонгор (калм. *Хоңһр*) восходит к тибетскому слову *гонгор* < *mgondkar* (*mgon* ‘защитник’ + *dkar* ‘белый’) – букв. ‘белый защитник’ (Белый Махакала) [Борлыкова, Меньяев, Басанова, 2021, с. 57].

Ямантака — идам и дхармапала, гневная форма бодхисаттвы Манджушри (санскр. *Yamāntaka* ‘Сокрушающий Яму (бога смерти)’, тиб. *Шинджепе* > монг. *Ямандага*, бур. *Ямандага*, ойр. *Yatandaya*, калм. *Ямндаһа*). В иконографии Ямантаку изображают многоруким, многоногим и многоголовым (одна из голов бычьей, а самая верхняя – голова Манджушри), в одиночной форме или в форме яб-юм (изображение божеств в любовном соитии со своими супругами). Подробное внешнее описание божества Ямантаки, одного из десяти гневных защитников Учения, представлено в «Монгольском толковом словаре религиозных терминов» [Дагвадорж, 1995, с. 110]. В текстах ранних песен олётгов Монголии и калмыков народ за помощью обращается к защитнику Ямантаке, как к грозному и бесстрашному божеству, победившему бога смерти. В олётском варианте: *Бардйт ирэкү дайсуныйги / Бйтурхан Ямандага-дйн дйдахуйя* ‘Уверенно наступающего врага / Вверим грозному Ямантаке’ [Позднеев, 1880, с. 177]; в калмыцком – *Бэрлдэд ирсн дээг / Баатр Ямндаһа гэлдтхэ!* ‘От вторгшегося с войной врага / Пусть Батыр Ямантака защитит!’; *Зөрлдэд ирсн дээг / Зоргтэ Ямндаһа гэлдтхэ!* ‘От пришедшего с войной врага / Пусть бесстрашный Ямантака защитит!’ [Очиров, 2006, с. 118]. В песне забайкальских бурят рядом с именем Ямантака представлено дополнительное его монголизированное тибетское имя *Шинчжи* < тиб. *Шинджепе* (*gshin-rjeq shed*, *gshin-rje mthar-byed* букв. ‘Царь смерти’, ‘Владыка смерти’): *Эрхим Шинчжи Ямандага* ‘Главный Ямантака Шинджепе’ [Позднеев, 1880, с. 215]. В калмыцком эпосе «Джангар» перерожденцем Ямантака считается сам властелин Джангар, силу которого сравнивают с силой устрашающего защитника дхармы Махакалой. Известно, что божество Ямантака является защитником донских калмыков, под его именем атаманы в старину давали присягу и нарекали детей именем *Ямата*.

Хаягрива (санскр. *Hayagrīva* букв. ‘лошадиная шея’, тиб. *rta mchog* > бур. *Хаинкирва*, ойр. *Хаянгрва*, калм. *Хаянрва*) — персонаж индуистской мифологии (в современном индуизме обычно принимается за воплощение Вишну) и буддийской образной системы (как «гневное божество-защитник Учения», дхармапала). «Гнев Хаягривы направлен на причины страдания и возникает из сочувствия, которое он испытывает ко всем страдающим существам. К его особым умениям от-

⁵ Защитник дхармы тувинского монастыря «Тубтен Шедруб Линг» («Обитель объяснения и практики учения Будды Шакьямуни»).

⁶ *Ширэ* — устар. престол, трон.

⁷ *Дөр* — почётное место в юрте.

⁸ *Овадай* — корона.

⁹ *Dayici xan boqdo jangyariyin yabudaliyin tuujiyin nige böldq* // Научный архив РГО. Р. 53, оп. 1, д. 126, л. 38а.

носят лечение болезней, в особенности болезней кожи, включая даже такие серьезные заболевания, как проказа, которая считается болезнью, насылаемой нагами» [Басаев]. «Хаягрива символически связан с образом коня, быстрого, как просветление, и столь же рьяно летящего вперед, как сам Хаягрива спешит нести благо живым существам» [Сторожук, 2015, с. 45]. Известно, что тибетцы и монголы Хаягриву считают покровителем коней и коневодства. Пламя мудрости, в котором стоит Хаягрива, упомянуто в песне забайкальских бурят: *Среди пламенеющего огня (стоящий) / Бадма Хаинкирва, / Очисти до конца / Препятствия, несчастья и грехи* [Позднеев, 1880, с. 215]. В тексте имя Хаягривы упоминается как *Бадма Хаинкирва* – букв. ‘Лотосовый Хаягрива’, т. е. его называют по принадлежности к Лотосовому семейству. В калмыцкой песне «Эцк Зунквин шажиг» («Учение отца Цзонхавы»), открывающей цикл «Өөрдин частр» («Гимн ойратов») Хаягрива упоминается как покровитель трех основных тибетских монастырей школы Гелуг: *Серэ ‘Сера’, Берң (Бервң) ‘Брай-бун, Дрепунг Гоман’, Галдн ‘Ганден’*.

Дамдин Дорлик (санскр. *Vajrasādhu* букв. ‘Ваджрное Благо’, ‘Благо ваджры’, тиб. *rdo rje legs pa* букв. ‘Благая ваджра’ > монг. *Дамдин Дорлик, Дамчен Дорлег сахюусн*, бур. *Дамжан сахюусан, Дорлик хан*, ойр. *Dorliq xān*, калм. *Дорльгхан*) – в школе тибетского буддизма Ньянгма защитник терма (скрытых текстов буддийских учений). В народе он считается покровителем ювелиров и кузнецов, а также тех, кто занимается творчеством (писатели, поэты, музыканты, сказители и др.). Среди ранних записей песен халха-монголов А. М. Позднеевым зафиксирована песня, посвященная гневному боже-ству Дамдин Дорлик [Позднеев, 1880, с. 82]. Исследователь считает, что данную песню сочинил лама, знавший ритуальные тексты. Внешнее описание Дамдина Дорлика в песне соответствует ритуальному тексту и изображению в живописи:

*Абуралту Дээдү лама мини
Амурлингъгойн байдалтай.
Арбан цзүгыйн бурхан ни
Абуран тэтхүн соирха.*

Спасительный высокий лама мой
С умиротворенным видом.
Будды десяти сторон,
Помилуйте и спасите!

*Гэйгүлүхчи Дамдин Дорлик
Гэгэн доихин дүритэй.
Гэмтэн хамук дайсуныйги
Ганцахан сайтур даруба.*

Просвещающий Дамдин Дорлик
Имеет святой и свирепый вид.
Всех врагов, приносящих вред,
Он один совершенно сокрушил.

*Хамугāса үлэмчжи
Харабтур хөхө үньгүтэй,
Хара дархан нэрэтэй
Хан больчжи сүба.*

Превосходный из всех (черно-синих),
С черно-синим телом.
С именем «Черный кузнец»
Взошел на ханский престол.

*Хүрэнъ сарал ямаиги
Хөлгө болгочжи цзаларбай.
Хончжир сансар бүхүныйги
Хүчжиин шорбгөр дарубай.*

Из темно-рыжей козы
Сделал ездовое животное.
Всё нечистое сансары
Сокрушил он пешлом курительной свечи.

*Цусун далайн доторо
Сольбин гурбун нүдүтэй,
Сула цаган шүдүтэй,
Цокту номыйн сакүсун.*

Среди кровавого моря
[Стоит] с тремя косыми глазами,
С оскаленными белыми клыками,
Величественный хранитель Учения.

*Хүрү хадаин доторо
Хурум цзандан ильдүтэй,
Хүрэн болот цзүрүхэтэй
Гайамшихтай шүтээн.*

Среди скал обнаженных камней
[Стоит] с сандаловым мечом,
С темно-бурый стальным сердцем
Удивительный *шутен*¹⁰.

¹⁰ *Шутен* – религ. святыня, божество.

Шарбалцатала ширтэчжи
Шүдү бэйин ирцэйтчжи.
Шараин шачжинай дайсуныйги
Шамдачжи сайтур дарубай.

С выпученными глазами
С оскаленными клыками,
Врагов Гелугпы
Он быстро и совершенно сокрушил.

Дамдин Дорлик упомянут в ойратских рукописях «*Aryā Pala sudur orošiboī*» («Сутра Авалокитешварь»): *Varoun-dayān dayisuni süke dayildaq=san / Zöun-dayān bar küröq bariqsan / Pāzar sadv dorliq xān-du mürgütüi*: ‘Правой рукой взмахивающий топором [в сторону] врагов, /левой рукой держащий изображение, / Поклоняюсь Ваджрасаттве Дорлику!’ [Меняев, 2018, с. 10].

Ваджрапани (санскр. *Vajrapāṇi* ‘державший ваджру в руке’, тиб. *phyag na rdo rje* > монг. *Очирвани*, ойр. *Očirvani*, калм. *Очрвани (Учирвани)*) — один из главных бодхисаттв в Учении Махаяны, существо, относящееся к семье Будды Акшобхьи, «чаще всего он изображается, согласно традиции ваджраяны, в гневном облике и трактуется как Владыка тайного, поскольку хранит тексты тантр и учений, полученных от Будды Шакьямуни в форме Ваджрадхары» [Сто восемь буддийских икон..., 2013, с. 172]. Внешнее описание Ваджрапани приводится в живописи и ритуальных текстах. В тибетском свитке XII в. из рукописной коллекции Института восточных рукописей, исследованной А. В. Зориным, божество Ваджрапани представлено как страшное и нестерпимое божество с темно-синим телом, ужасающим взглядом, оскаленными ужасными клыками, вздыбленными волосами; на теле – украшения нагов, голову, шею, плечо и пояс красят змеи белого, желтого, красного и голубого цветов; в правой руке он держит золотую ваджру (тиб. *rdo rje* ‘владыка камней’, монг. *дордже*) [Зорин, 2014, с. 172]. Ваджрапани сопровождают пылающая и свирепая свита из ста тысяч гневных царей. В Индии божество Ваджрапани отождествляют с богом грома – Индрой, среди монгольских народов он под именем *Очирвани* известен как покровитель военных и считается божеством-охранителем и защитником (сахиусан) Монголии. Воплощением настоящего божества является сам Чингисхан [История Эрдэни-дзу, 1999, с. 55]. В ранней халха-монгольской песне божество Очирвани возносят ко лбу и просят у него прощения от совершенных грехов [Позднеев, 1880, с. 176–177]. В песне донских калмыков «Буйн кишгтэ Бокшранк» («Благословенная земля Богшранкинов») ¹¹ народ просит у покровителя военных Очирвани благословения их атаману Санчиру:

Урльг ухата одмн Санчир
Олн улсднь таалмжста.
Олн улсднь таалмжста Санчириг
Учирвани (Очирвани) евэтхэ!
Учирвани евэлхальдад,
Урт насн түлдэ күртхэ!

Умный атаман Санчир
Почитаем всем обществом.
Почитаемого всем обществом Санчира
Пусть Очирвани благословит!
С благословением Очирвани
Пусть достигнет долгих лет!

Окон Тенгри (санскр. *Śrīdevī*, тиб. *dpal ldan lha mo* букв. ‘прославленная богиня’, монг. *Охин-тенгри*, ойр. *Okın tenggeri*, калм. Окон Тенгр, бур. *Ухин Хара-тенгри* букв. ‘Дева чёрное Тенгри’ / ‘Дева тёмное Тенгри’ либо *Балдан Магзар Жалма* ‘Преславная Богиня’, алт. *Умай-Энэ*) – в тибетском буддизме гневное женское божество, одна из восьми основных дхармапал, защитников Учения Будды, покровительница Лхасы и Петербургского буддийского храма – Дацана Гунцзэчойнэй. В мифологии настоящее божество (*тенгри*) отождествляют с древним тибетским образом – богиней-матерью *Палден-лхамо Максор-гьелмо ремати* (Великая богиня), либо доиндуистской богиней риса и плодородия *Шри-Девы* (Небесная дева), почитаемой в Западной Индонезии и Малайзии. В традициях монголоязычных народов Окон Тенгри считается богиней-матерью, прародительницей, покровительницей всех монголов; благодетельным и охранительным божеством, «богиней плодородия и возрождения жизни». В бурятской шаманской мифологии к *Ухин Хара-тенгри* (Окон Тенгри) относятся как к «бо-

¹¹ *Листопадов А. М.* Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа в ноябре 1902 г. // Фонограммархив Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН: ФА ИРЛИ, РФ, п. 30, ед. хр. 215, 216, л. 240–267.

гине, несущей смерть». В мифологии монгольских народов и тувинцев с божеством Окон-тенгри (тув. *Балдан Лхамо*) связывают причину установления праздника «Цаган сар» (монг. *Цагаан сар*, калм. *Цаһан сар*, тув. *Шагаа*, бур. *Сагаалган*, алт. *Чага Байрам*). Богиня, убив кровожадного в будущем младенца, рожденного от *мангаса*, спасает человеческий род. По одной из версий, это был младенец, рожденный от нее и *мангаса*, по второй – рожденный от царицы. В ранних записях калмыцких легенд Окон-тенгри называют *Дэркин гегэн* ‘родительница богов’, что соответствует выводам бурятского исследователя С.-Х. Сыртыповой: «Балдан Лхамо — гневное воплощение Бодхисаттвы Тары» [Сыртыпова, 2003, с. 46]. В некоторых вариантах калмыцкой легенды Окон Тенгри называют Зеленой Тарой (калм. *Ноһан Дэрк*), оказывающей мгновенную помощь человеку в момент смертельной опасности. Среди ранних песен монголоязычных народов имя богини Окон Тенгри упоминается в калмыцкой песне-молитве «Арьябала нертэ...» («С именем Арьябала...»), записанной финским ориенталистом Г.Й. Рамстедтом в 1904 г. во время посещения Калмыцкой степи: *Өмн үзгин сүмд / Окон Теңгр шүтэтэ* ‘В храме южной стороны / Хранится шутен Окон Тенгри’ [Ramstedt, 1962, с. 84]. В песне донских калмыков «Буйн киштэ Бокшпанк» («Благословенная земля Богшпанкинов»), зафиксированной в 1902 г. А. М. Листопадовым во время проведения Донской экспедиции, указана масть коня Окон Тенгри: *Өрг шарһ мөрнь / Окон Теңгртнь таалмжта* ‘Булаво-золотистый конь / Пристоен Окон Тенгри’¹². Из текста протяжной песни «Бааза-багш», воспевающей путешествие в Тибет настоятеля Дунду-хурульского монастыря Бааза-бакши (1846–1903), становится известно, что стоящий в океане *Мола Данг Окон Тенгри* является покровителем дербетов (*Дөрвдин сэжүсн Окон Теңгр*), одного из субэтнотрофов ойратов (калмыков) [Очилов, 2006, с. 128].

Выводы

Таким образом, исследуемые нами тексты ранних песен-шаштр являются ценными дополнительными источниками в изучении буддийской культуры монголоязычных народов. Песни-шаштры возникли у монголов, ойратов (калмыков) и бурят в связи с распространением тибетского буддизма. Вслед за монголоведом А. М. Позднеевым мы считаем, что первыми сочинителями текстов песен-шаштр были монахи, знавшие буддийские сутры и ритуальные тексты, в которых даются описания буддийских божеств [Позднеев, 1880, с. 83]. При исследовании текстов песен было выявлено шесть божеств, относящихся к гневным божествам – докшитама: *Махакала, Ямантака, Хаягрива, Дамдин Дорлик, Ваджрапани, Окон Тенгри*. Сведения, почерпнутые из текстов песен, свидетельствуют, дополняют и расширяют знания о докшитамах (их внешний вид, местопребывание, атрибуты, ездовые животные и др.). Функции докшитов заключаются в защите, покровительстве Учения и его последователей, а также в устранении препятствий. Культ докшитов, заимствованный из тибетского буддизма, крепко вошел в религиозные представления монголоязычных народов, о чем свидетельствуют образцы устного народного творчества. За несколько столетий бытования культ докшитов не угас, традиции почитания этих божеств и в настоящее время занимают главное место в храмовых церемониях монголоязычных народов.

Список литературы

- БАМРС 4 — Большой академический монгольско-русский словарь: В 4-х т. / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 4: X–Я. 532 с. (На монг. и рус. яз.).
- Басаев Д. Э. В Лагани монахи Дрепунг Гоманга возвели мандалу Хаягривы [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-57920652_3274?ysclid=llszeg2bfs922763764 (дата обращения: 23.05.2023)
- Батомункуева С. Р. К истории культа Махакалы в Тибете // Ориенталистика. 2020. Т. 3. № 4. С. 1114–1130.
- Батомункуева С. Р. Образ Шестирукого Махакалы и его окружения в тексте «Ритуал умилоствления и подношения торма Быстродействующему Защитнику Мудрости – Шестирукому Махакале» // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 3. С. 568–580.

¹² Листопадов А. М. Калмыцкие песни...

Бира Ш. Монгольская идея тенгризма и Хубилай-хан // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 36–44.

Борлыкова Б. Х. Калмыцкие народные песни и мелодии XIX – начала XX в.: исследование и материалы. Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, 2023. 352 с.

Борлыкова Б. Х., Меняев Б. В., Басанова Т. В. Ономастикон сартг-калмыцкой версии эпоса «Джангар» в записи А. В. Бурдукова // Эпосоведение. № 4. 2021. С. 53–62.

Буддизм: Словарь / Л. Л. Абаева, В. П. Андросов и др. М.: Республика, 1992. 287 с.

Владимирцов Б. Я. Образцы монгольской народной словесности (С.-З. Монголия). Ленинград, 1926. 200 с.

Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Вост. лит., 2002. 557 с.

Зорин А. В. Текст по культу Ваджрапани и восьми царей нагов в древнем тибетском свитке Дх-178 из собрания ИВР РАН // Зографский сборник. Вып. 4. / Отв. ред. М. Ф. Альбедиль, Я. В. Васильков. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2014. С. 170–197.

История Эрдэни-дзу. Факсимиле рукописи / Пер. с монг., введ., коммент. и прил. А. Д. Цендиной. М.: Вост. лит., 1999. 255 с.

Калмыцкие народные песни и мелодии XIX в. (по архивным и опубликованным материалам). Записи XIX века / Вступ. ст., сост., предисл., подгот. текстов, пер. на соврем. калм. яз. и прил. Б. Х. Борлыковой. Транслитерация, пер. со старокалм. на соврем. калм. яз. Б. В. Меняева. Элиста: Джангар, 2015. Ч. 1. 120 с. (На калм. яз.).

КРС, 1911 — Калмыцко-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах / Сост. А. Позднеев. СПб.: Типогр. Император. Акад. наук, 1911. 306 с. (На калм. и рус. яз.).

КРС, 1977 — Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 764 с. (На калм. и рус. яз.).

Кульганек И. В. Монгольский поэтический фольклор: проблемы изучения, коллекции, поэтика. СПб.: Петербург. востоковедение, 2010. 240 с.

Меняев Б. В. О неизвестном письменном памятнике ойратов Китая «Агуя пала судур огойбои» («Сутра Арьябаль») // Общественные науки. 2018. № 1. С. 6–17.

Очилов Н. Живая старина / Сост., вступ. ст., коммент. Б. А. Бичеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 397 с.

Позднеев А. М. Образцы народной литературы монгольских племен. СПб.: Типогр. Император. Академии наук, 1880. Вып. 1: Народные песни монголов. 347 с.

Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Изд. репринтное. Элиста. Калм. кн. изд-во, 1993. 512 с.

Сто восемь буддийских икон из собрания Института восточных рукописей РАН / Авторы-составители: А. В. Зорин, М. Б. Иохвин, Л. И. Крякина. Под ред. А. В. Зорина. СПб.: Петербург. востоковедение, 2013. 240 с.

Сторожук А. Г. Ма-шэнь. генезис и традиции поклонения // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2015. Вып. 4. С. 43–49.

Сыртыпова С.-Х. Культ богини-хранительницы Балдан Лхамо в тибетском буддизме (Миф, ритуал, письменные источники). М.: Вост. лит., 2003. 237 с.

Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Сынцзына. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.

Тувинские народные сказки / Сост. З. Б. Самдан. Новосибирск: Наука, 1994. 460 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-оруд толи. Бурятско-русский словарь. В 2 т. Улан-Удэ: Республ. типогр., 2010. Т. 1: А–Н. 636 с.

Электронный каталог «Калмыцкие народные песни» (по архивным и опубликованным материалам). Записи XIX – начала XX в. / Вступ. ст., сост., предисл., подгот. текстов, переложение на соврем. калм. яз. и прил. Б. Х. Борлыковой, Б. В. Меняева. 2022. URL: <http://kalmyki.narod.ru/songs> (дата обращения: 12.06.2023)

Яцковская К. Н. Народные песни монголов. Москва: Наука, 1988. 254 с.

Дагвадорж Д. Монголын шашин суртахууны тайлбар толь. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн философи социологийн хүрээлэн, 1995. 112 с. (На монг. яз.).

Ramstedt G. J. Kalmückische Lieder / Aufgezeichnet von G. J. Ramstedt; Bearb. und hrsg. Von S. Balinov und Pentti Aalto. Helsinki, 1962. 127 с.

References

Basaev D. E. *V Lagani monakhi Drepung Gomanga vozveli mandalu Khayagrivy* [In Lagan, the monks of Drepung Gomang erected a Hayagriva mandala]. URL: https://vk.com/wall-57920652_3274?ysclid=lls zeg2bfs922763764 (accessed 05.23.2023). (In Russ.).

Batomunkueva S. R. K istorii kul'ta Makhakaly v Tibete [On the history of the cult of Mahakala in Tibet]. *Orientalistica*. 2020, vol. 3, no. 4, pp. 1114–1130. (In Russ.).

Batomunkueva S. R. Obraz Shestirukogo Makhakaly i yego okruzheniya v tekste “Ritual umilostivleniya i podnosheniya torma Bystrodeystvuyushchemu Zashchitniku Mudrosti — Shestirukomu Makhakale” [The image of the Six-Armed Mahakala and his entourage in the text “Ritual of propitiation and offering of torma to the Fast-Acting Protector of Wisdom — the Six-Armed Mahakala”]. *Oriental Studies*. 2021, vol. 14, no. 3, pp. 568–580. (In Russ.).

Bira Sh. Mongol'skaya ideya tengrizma i Khubilay-khan [The Mongolian idea of Tengrism and Kublai Khan]. *Golden Horde Review*. 2013, no. 1, pp. 36–44. (In Russ.).

Bol'shoy akademicheskii mongol'sko-russkii slovar': V 4-kh t. [Large academic Mongolian-Russian dictionary: In 4 vols]. G. Ts. Pyurbeev (Ed. in Ch.). Moscow, Academia, 2001, vol. 4: Kh–Ya, 532 p. (In Mong., in Russ.).

Borlykova B. Kh. *Kalmytskiye narodnyye pesni i melodii 19 – nachala 20 vv.: issledovaniye i materialy* [Kalmyk folk songs and melodies of the 19th – early 20th centuries: research and materials]. Elista, KalmSU, 2023, 352 p. (In Russ., in Kalm.).

Borlykova B. Kh., Menyaev B. V., Basanova T. V. Onomastikon sart-kalmytskoy versii eposa “Dzhangar” v zapisi A. V. Burdukova [Onomasticon of the Sart-Kalmyk version of the epic “Dzhangar” as recorded by A. V. Burdukova]. *Epic Studies*. 2021, no. 4, pp. 53–62. (In Russ.).

Buddizm: Slovar' [Buddhism: Dictionary]. Abaeva L. L., Androsov V. P. et. al. (Comps.). Moscow, Republic, 1992, 287 p. (In Russ.).

Dagvadorzh D. *Mongolyn shashin surtakhуuny taylbar tol'* [Mongolian explanatory dictionary of religious terms]. Ulaanbaatar, Institute of Philosophy and Sociology of the Mongolian Academy of Sciences, 1995, 112 p. (In Mong.).

Elektronnyy katalog “Kalmytskiye narodnyye pesni” (po arkhivnym i opublikovannym materialam). Zapisi 19 – nachala 20 vv. [Electronic catalog “Kalmyk folk songs” (based on archival and published materials). Records of the 19th – early 20th centuries]. B. H. Borlykova, B. V. Menyaeva (Intr. art., comp., foreword, text prep., transl. into modern Kalmyk language, and appendix). 2022. URL: <http://kalmyki.narod.ru/songs> (accessed 06.12.2023). (In Kalm., in Russ.).

Istoriya Erdeni-dzu. Faksimile rukopisi [History of Erdene-zu. Facsimile of the manuscript]. A. D. Tsendin (Transl. from Mongolian, introd., comm. and appendix.). Moscow, Vost. lit., 1999, 255 p. (In Russ.).

Kalmytskiye narodnyye pesni i melodii 19 v. (po arkhivnym i opublikovannym materialam). Zapisi 19 veka [Kalmyk folk songs and melodies of the 19th century (based on archival and published materials). Records from the 19th century]. B. H. Borlykov (Intr. art., comp., foreword, text prep., transl. into modern Kalmyk language and appendix), B. H. Borlykova (Comp.), B. V. Menyaev (Translit., transl. from Old Kalm into modern Kalm language). Elista, Dzhangar, 2025, pt. 1, 120 p. (In Russ., in Kalm.).

Kalmytsko-russkii slovar' [Kalmyk-Russian dictionary]. B. D. Munieva (Ed.). Moscow, Rus. yaz., 1977, 764 p. (In Kalm., in Russ.).

Kalmytsko-russkii slovar' v posobiye k izucheniyu russkogo yazyka v kalmytskikh nachal'nykh shkolkakh [Kalmyk-Russian dictionary as a guide to studying the Russian language in Kalmyk primary schools]. A. Pozdnev (Comp.). St. Petersburg, Tipogr. Imperator. Akad. nauk, 1911, 306 p. (In Kalm., in Russ.).

Kulganek I. V. *Mongol'skiy poeticheskiy fol'klor: problemy izucheniya, kolleksii, poetika* [Mongolian poetic folklore: problems of study, collections, poetics]. St. Petersburg, Petersburg Oriental Studies, 2010, 240 p. (In Russ.).

Menyaev B. V. O neizvestnom pis'mennom pamyatnike oyratov Kitaya "Aryā pala sudur orošiboī" ("Sutra Ar'yabaly") [About the unknown written monument of the Oirats of China "Aryā pala sudur orošiboī" ("Aryabala Sutra")]. *Obshchestvennyye nauki*. 2018, no. 1, pp. 6–17. (In Russ.).

Ochirov N. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. B. A. Bicheev (Comp., intro. art., comm.). Elista, Kalm. book publishing house, 2006, 397 p. (In Russ.).

Pozdneev A. M. *Obraztsy narodnoy literatury mongol'skikh plemen* [Samples of folk literature of Mongolian tribes.]. St. Petersburg, Tipogr. Imperator. Akademii nauk, 1880, iss. 1: Narodnye pesni mongolov [Folk songs of the Mongols], 347 p. (In Russ.).

Pozdneev A. M. *Ocherki byta buddiyskikh monastyrey i buddiyskogo dukhovenstva v Mongolii v svyazi s otnosheniyami sego poslednego k narodu* [Essays on the life of Buddhist monasteries and Buddhist clergy in Mongolia in connection with the latter's relationship with the people]. Reprint ed. Elista, Kalmyk book publishing house, 1993, 512 p. (In Russ.).

Ramstedt G. J. *Kalmückische Lieder*. Aufgezeichnet von G. J. Ramstedt; Bearb. und hrsg. Von S. Balinov und Pentti Aalto. Helsinki, 1962, 127 p.

Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkiy slovar': V 2 t.* [Buryat-Russian dictionary: In 2 vols.]. Ulan-Ude, Respubl. tipogr., 2010, vol.1: A–N, 636 p. (In Russ., in Buryat).

Storozhuk A. G. Ma-shen'. Genezis i traditsii pokloneniya [Ma-shen. Genesis and traditions of worship]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13*. 2015, iss. 4, pp. 43–49. (In Russ.).

Sto vosem' buddiyskikh ikon iz sobraniya Instituta vostochnykh rukopisey RAN [One hundred and eight Buddhist icons from the collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS]. A. V. Zorin, M. B. Iokhvin, L. I. Kryakina (Comps.), A. V. Zorin (Ed.) St. Petersburg, Petersburg Oriental Studies, 2013, 240 p. (In Russ.).

Syrtypova S.-Kh. *Kul't bogini-khranitel'nitsy Baldan Lkhamo v tibetskom buddizme (Mif, ritual, pis'mennyye istochniki)* [The cult of the guardian goddess Baldan Lhamo in Tibetan Buddhism (Myth, ritual, written sources)]. Moscow, Vost. lit., 2003, 237 p. (In Russ.).

Todaeva B. Kh. *Slovar' yazyka oyratov Sin'tszyana* [Dictionary of the Oirat language of Xinjiang]. Elista, Kalm. kn. izd., 2001, 493 p. (In Russ., in Oirat).

Tuvinskiye narodnyye skazki [Tuvan folk tales]. Z. B. Samdan (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 1994, 460 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]). (In Russ., in Tuvan).

Vladimirtsov B. Ya. *Raboty po istorii i etnografii mongol'skikh narodov* [Works on the history and ethnography of the Mongolian peoples]. Moscow, Vost. lit, 2002, 557 p. (In Russ.).

Vladimirtsov B. Ya. *Raboty po istorii i etnografii mongol'skikh narodov Obraztsy mongol'skoy narodnoy slovesnosti (S.-Z. Mongoliya)* [Samples of Mongolian folk literature (NW Mongolia)]. Leningrad, 1926, 200 p. (In Russ.).

Yatskovskaya K. N. *Narodnyye pesni mongolov* [Folk songs of the Mongols]. Moscow, Nauka, 1988, 254 p. (In Russ.).

Zorin A. V. Tekst po kul'tu Vadzhrapani i vos'mi tsarey nagov v drevnem tibetskom svitke Dkh-178 iz sobraniya IVR RAN [Text on the cult of Vajrapani and the eight Naga kings in the ancient Tibetan scroll Dkh-178 from the collection of the Institute of Oriental History of the Russian Academy of Sciences]. In: *Zografskiy sbornik* [Zografsky collection]. M. F. Albedil, Ya. V. Vasilkov (Eds. in Ch.). St. Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography named after. Peter the Great (Kunstkamera) RAS (St. Petersburg), 2014, iss. 4, pp. 170–197. (In Russ.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
01.02.2023*

Сведения об авторе

Борлыкова Босха Халгаевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научного отдела Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова (Элиста, Россия)

E-mail: borlboskha@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9264-3430

Information about the Author

Boskha Kh. Borlykova – Candidate of Philology, Senior Researcher, Kalmyk State University B. B. Gorodovikova (Elista, Russian Federation)

E-mail: borlboskha@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9264-3430

УДК 811.551.3+81'35
DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-138-147

Гидронимы севера Камчатки и их осмысление в устной традиции коряков

Т. А. Голованева

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

В статье представлен анализ структуры корякских гидронимов, которые послужили субстратом для современной официальной гидронимии северной части Камчатского полуострова. В ходе адаптации корякских гидронимов к фонетике русского языка исконные номинации несколько исказились, однако морфемная структура большинства из них определяется отчетливо. Выявляется базовая типичная модель корякских гидронимов, которая представляет собой инкорпоративный комплекс, состоящий из двух или трех основ с детерминантом *в'эем* 'река' или *гытгын* 'озеро'. В статье анализируются истоки формирования гидронимов, в семантике которых содержится непосредственная характеристика географического объекта, также рассмотрены номинации, образованные на основе метафоры или под влиянием мифологических мотивов. Помимо разбора морфемной структуры и этимологического анализа корякских гидронимов, в статье представлены фрагменты интервью с носителями корякского языка, отражающие толкование соответствующих номинаций в устной традиции, а также фрагменты топонимических преданий, записанных сотрудниками Института филологии СО РАН в ходе камчатских экспедиций 2004, 2006, 2019 гг.

Ключевые слова

коренные народы Камчатки, коряки, корякский фольклор, корякский язык, гидронимы, топонимика, топонимические предания

Для цитирования

Голованева Т. А. Гидронимы севера Камчатки и их осмысление в устной традиции коряков // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48). С. 138–147. DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-138-147

Hydronyms of the north of Kamchatka and their comprehension in the Koryak oral tradition

T. A. Golovaneva

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The etymology of the names of the largest rivers in the north of Kamchatka: *Apuka*, *Essowejem*, and *Pakhacha* cannot be identified in the context of the Koryak language. These names are apparently a linguistic relic of older tribes who had inhabited the north of Kamchatka before the arrival of the Koryaks. The Koryak language hydronyms have a stable and typical word-formation structure. The model includes the stem base *gytgyn* 'lake' or *wejem* 'river', supplemented by a dependent base according to the rules of left-handed incorporation: *Gal'mogytgyn* 'a crooked lake.' The article considers the hydronyms that directly characterize the natural features of the objects (*Ynagytgyn* 'a foggy lake,' *Kujviwejem* 'an icy river') or refer to a certain kind of trees growing along the river (*Tyklawajam* 'a poplar

© Т. А. Голованева, 2023

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 4 (iss. 48)

river'). Also considered are metaphorically grounded hydronyms (*Urupkin* 'under the nose river'). The analysis covers the hydronyms with warning semantics (*Akakujul* 'a terrible swamp stream', *Wajampylka* 'a river where people drown'). The structure of a Koryak hydronym can refer to a particular animal species (*Yajolwajam* 'a fox river') or the hydronym may be rationally motivated (*Echgyynywajam* 'white fish river'). It is also possible for hydronyms to have mythological origins. The article presents the fragments of the legends the mythological motifs of which may have provided the basis for the appearance of hydronyms *Yil'ewejem* 'the river of the Evrazhka' or *Ev'jojnwajam* 'the river near the place where wolves were driven into a trap.' In conclusion, hybrid hydronyms used in cartography to nominate tributaries are discussed.

Keywords

aboriginal peoples of Kamchatka, Koryaks, Koryak folklore, Koryak language, hydronyms, toponymy, toponymic legends

For citation

Golovaneva T. A. *Gidronimy severa Kamchatki i ikh osmyslenie v ustnoy traditsii koryakov* [Hydronyms of the north of Kamchatka and their comprehension in the Koryak oral tradition]. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 4 (iss. 48), pp. 138–147. (In Russ.).

DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-138-147

Введение

Гидронимы северных районов Камчатки, отмеченные на географических картах, нередко восходят к корякским или чукотским лексемам и представляют собой тот этноязыковой субстрат, на базе которого была создана современная система гидронимов севера полуострова.

Цель статьи – раскрыть структуру корякских гидронимов и показать их связь с традициями коренного населения севера Камчатки. Актуальность исследования обусловлена тем фактом, что русскоговорящее население, в том числе и потомки коренных жителей полуострова, не говорящие на этническом корякском языке, воспринимают субстратные номинации как немотивированные.

Материал исследования – гидронимы, зафиксированные на географических картах и в устной речи коряков, тексты-толкования (ремотивация – термин Е. Л. Березович), записанные автором статьи от коряков-чавчуменов¹ в ходе ряда интервью 2019 г., а также тексты корякских-нымыланских топонимических преданий, зафиксированные сотрудниками Института филологии (ИФЛ) СО РАН в ходе камчатских экспедиций 2004, 2006 гг. Особую ценность для нас представляет серия бесед со старожилом Пенжинского района Николаем Ивановичем Тынэтэгиным², который, в отличие от многих, сохранил в своей памяти сюжеты топонимических преданий и подробно рассказал нам о происхождении некоторых названий. Обращает на себя внимание тот факт, что в культуре коряков-чавчуменов жанр топонимических преданий в настоящее время характеризуется минимальной сохранностью. Сюжеты по большей части утрачены и передаются в редуцированном виде в самых общих чертах.

Основные методы исследования: метод интервью, метод морфемного разбора, метод этимологического анализа. Метод семантической реконструкции применялся лишь отчасти, так как в настоящее время для корякской топонимики не столь характерна типичная для некоторых традиционных культур «актуализация топонима в фольклорном дискурсе», в ходе которой мифологические «сюжеты обрастают художественными деталями» [Ойноткинова, 2022, с. 54].

¹ Коренной народ Камчатки, по отношению к которому используют этноним «коряки», представляет собой два субэтноса: чавчумены (самоназвание *чав'чывав'* или *чаучу*), исторически – кочевники северного и центрального районов Камчатки, и нымыланы (самоназвание *нымылъу*), исторически – оседлые жители приморских поселков Камчатского перешейка [Тураев, 2010, с. 303–307]. В результате археологических исследований установлено, что культура береговых коряков первична по отношению к культуре кочевых коряков: «Происхождение оленных коряков на археологическом материале не прослеживается, поэтому можно лишь гипотетически предполагать их достаточно позднее отделение от оседлых групп и переспециализацию на сухопутную охоту и крупностадное оленеводство» [Хаховская, 2023, с. 95].

² Тынэтэгин Николай Иванович (корякское имя *Тыуэтэгын*), 1937–2020, коряк-чавчумен, носитель корякского языка, родился в с. Таловка Пенжинского района КАО. Более 55 лет работал в камчатском оленеводстве, сначала пастухом, бригадиром, бригадиром-оленетехником. «Заслуженный работник сельского хозяйства», «Оленевод I класса», «Почетный житель Камчатского края».

Субстратные (докорякские) гидронимы

Номинации объектов природного мира изначально всегда мотивированы. Если истоки названия не ясны, речь идет о проявлении более древнего языкового субстрата, который был распространен на данной территории до заселения этого ареала тем или иным народом. В топонимике распространен взгляд, согласно которому названия крупных рек представляют собой «наиболее яркое проявление древнего субстрата» [Матвеев, 2006, с. 47]. Эта гипотеза всецело подтверждается гидронимией севера Камчатского полуострова. В частности, наименования самых крупных рек севера Камчатки: Алука (коряк. ³ *Алу́в 'аям*), Эссовэем (коряк. *Эчг'эйв'эем*), Пахача (*По́ачв'аям*) в контексте корякского языка этимологии не поддаются и, по-видимому, являются языковым реликтом более древних племен, обитавших на севере Камчатки еще до прихода коряков. Согласно археологическим данным, формирование древнекорякской культуры происходило в окрестностях «Тауйской губы Охотского побережья. Открытые здесь стоянки токаревской культуры (датируемые VIII в. до н. э. – V в. н. э.) обнаруживают преемственность с более поздней культурой, которую исследователи идентифицируют как древнекорякскую. В свою очередь, древние коряки положили начало современному (этнографическому) корякскому этносу» [Хаховская, 2023, с. 95]. С середины I тыс. н. э. племена постепенно мигрировали с территории современной Магаданской области в сторону Камчатки и к началу XVII в. полностью заселили северные районы полуострова, при этом самые западные стоянки датируются X–XV вв. [Лебединцев, 2010, с. 109]. В качестве субстратного источника гидронимии севера Камчатки могли бы выступить древнеительменная или древнеэскимосская культуры, однако в современных ительменско-русском и эскимосско-русском словарях мы не обнаружили основ, сопоставимых с начальными компонентами гидронимов *Элу́в'эем*, *Эчг'эйв'эем*, *По́ачв'аям*. При этом во всех трех номинациях детерминантом является типичная для структуры корякских гидронимов основа *в'эем* 'река', не ясно значение зависимых основ: *элу́в-*, *эчг'эй-*⁴, *по́ачв-*.

Корякские гидронимы

Для русскоязычных жителей полуострова гидронимы северных районов Камчатки, отмеченные на картах, представляются немотивированными, так как субстратным языком для большинства этих номинаций является корякский. Например, озера Йынагытгын, Гальмогытгын, Майныгытгын и др., реки Ветроваям, Куйвивеем⁵, Куюлваам, Эвлываам, Упупкин, Акакуюл.

Происхождение гидронима может быть обусловлено обычаями или обрядами коренного населения данной местности. Так, около села Таловка Пенжинского района Камчатского края расположено озеро Эягытгын (*Г'эягытгын*) 'озеро для гонок на оленьих упряжках', в структуре гидронима выделяется детерминант *гытгын* 'озеро' и зависимая глагольная основа *г'эя-* (*г'иек* 'участвовать в гонках на оленьих упряжках')⁶. Как рассказывают местные жители: «Когда-то давно на этом озере проводили гонки на оленях, так и осталось название». На карте отмечено название Килвайгытгын (*Килв'айгытгын*), в структуре гидронима четко выделяются две субстантивные основы: детерминант *гытгын* 'озеро' + зависимая основа *килвай* 'весенний обрядовый праздник коряков-чавчувенов'.

³ Здесь и далее в скобках курсивом приводятся корякские гидронимы. Запись дана в соответствии с нормами современной корякской орфографии, согласно которой фарингальный щелевой согласный [ʃ] на письме обозначается как графическое сочетание «г'» (гэ с апострофом), произносится без голоса, как смычка на выдохе (приблизительно, как звук между гласными [э] и [а] в просторечном варианте: «неа» в значении 'нет', произнесенном на выдохе и с усилием).

⁴ Предположение, что название реки Ачайваам (*Эчг'эйв'эем*) восходит к корякскому слову *чыгэй* 'мелкая галька, дресва, речной песок' не учитывает языковые закономерности корякского языка, а потому является ложным.

⁵ На географических картах встречается и другой орфографический вариант записи данного гидронима: Куйбивеем.

⁶ Показательно, что при инкорпорации в данном случае меняется фонетический облик зависимой основы: узкие гласные глагольной основы переходят в широкие: *г'ие* → *г'эя*. Данный фонетический процесс свидетельствует, что в слове *гытгын* редуцированные гласные восходят к гласным полного образования [а], поэтому под воздействием сильного гласного (который к настоящему времени стал редуцированным), зависимая основа со слабыми гласными изменила свое звучание.

В корякском языке словообразовательная структура гидронимов устойчива и, как правило, соответствует типовой модели: стержневая основа *гытгын* 'озеро' или *в'эем* 'река', к которой слева по правилам левосторонней инкорпорации присоединяется зависимая основа.

Например, озеро *Йынагытгын* (*Йынагытгын*) с корякского языка переводится как «туманное озеро». Номинация представляет собой инкорпоративный комплекс, в котором к стержневой основе *гытг-* (*гытгын* 'туман') слева присоединяется основа существительного *йынайың* 'туман'. Местные жители объясняют, что это озеро получило свое название из-за того, что над ним всегда туман.

Название реки Куйвиеем (*Буйвиев'эем*) образовано в результате присоединения основы существительного *кувыкуй* 'лед' к топооснове *в'эем* 'река', букв. 'ледяная река'. В составе гидронима Куюльваам (*Куюль'аям*) также выделяется стержневая основа *-в'эем// -в'аям* 'река', к которой присоединяется зависимая основа *куюл* 'болотный ручей'. Приведем еще несколько гидронимов, в структуре которых зависимая основа дает объективную физическую характеристику природному объекту. Озеро *Гальмогытгын* (к основе *гытгын* 'озеро' присоединяется основа глагола *гэльмык* 'сгибаться, искривляться'), букв. 'кривое озеро', *Эвлываам* (*Эв'лыв'аям*) 'длинная река' (основа *в'эем* 'река' + адъективная основа *эв'л-* (*нив'лыңын* 'длинный')).

В гидронимах может подчеркиваться размер реки или озера. Для этого в корякской гидронимии используется основа прилагательного *нымэйыңын* 'большой, крупный', которая инкорпорируется в состав словоформы: *Майнуыяёлв'аям* 'большая река Яёлваам', *Майныгытгын* (*Майныгытгын*) 'большое озеро'. Также на карте отмечен гидроним, в структуре которого выделяется суффикс со значением увеличительности *-незу // -нязо*: *Гытгыняка* (*Гытгынязо*) 'большое озеро', букв. 'озерище'.

Непонимание внутренней структуры гидронимов повлекло за собой появление на карте «странных» названий, которые непонятны ни коренным, ни приезжим жителям Камчатки. Звуковой облик и значение таких номинаций не очевидны. Иногда бывают и курьезные случаи этимологизации таких названий. Например, название реки Ветроваям совершенно необоснованно толкуют как связанное с русским словом «ведро»: *vetro = wajam* 'ведро=река' [Голованева и др., 2012, с. 8]. По поводу названия Ветроваям Н. И. Тынэтэгин сокрушался: «На карте отмечена речка Ветроваям, но это неправильная запись. Надо было бы написать *Вэтьыяваам*». Действительно, такая запись была бы гораздо ближе к исконному корякскому гидрониму *Вэтг'ыав'аям*. Данная номинация соответствует типичной словообразовательной модели, характерной для корякских гидронимов: к стержневой основе *в'эем* 'река' слева присоединяются зависимые основы: *витг'- // вэтг'-* (*витг'ывит* 'мох-сфагнум') + *-я-* (*яяңа* 'дом') – т. е. *В'этг'ыав'аям* можно перевести как «река рядом с жилищем из мха». Упоминание жилища из мха требует пояснения. Рядом с р. Ветроваям располагалось с. Ветвей, в котором проживали перешедшие к оседлости чавчулены [Вдовин, 1973, с. 59]. В отличие от оленеводов-кочевников, использовавших переносные яранги, коряки, ведущие оседлый образ жизни, сооружали полуподземные жилища, сверху покрытые дерном.

Инкорпорация дает возможность объединять в одной словоформе несколько, как правило, две или три основы. Например, в составе номинации *Кывыкываям* (*Кывыкыв'аям*) помимо детерминанта *в'эем* 'река' выделяются омонимичные зависимые основы: адъективная основа *-кв-* (*ныквыңын* 'крупный') + субстантивная основа *кв-* (*в'ыкв'ылуын* 'камень'). Местные жители объясняют: «На этой речке крупные круглые камни. На них даже наступить невозможно, поэтому-то речку и называли "речка с крупными камнями"»⁷. Гидронимы, в семантике которых проявляется непосредственное описание природных свойств местности типичны для языков мира и «по своей семантике общи для самых разных народов» [Матвеев, 2006, с. 112].

Гидроним *Уннэйвэем* обусловлен названием сопки *Унэй*, рядом с которой располагается река. Структура гидронима представляет собой трехкомпонентный инкорпоративный комплекс, в котором в качестве стержневой топоосновы выступает детерминант *в'эем* 'река', что типично для корякской гидронимии. К стержневой основе слева присоединяются две субстантивные основы: *нэй-* (*нэйнуэй* 'гора') + *у-* (*уттыут* 'дерево'). Поморфемный перевод номинации *Уннэйвэем* выглядит как 'дерево=гора=река'. Почему же реку называли *Уннэйвэем*? Н. И. Тынэтэгин рассказывает: «Возле этой реч-

⁷ Подобно корякскому гидрониму *Кывыкываям*, название хакасской реки *Таштып* также указывает на каменистое дно реки [Миндибекова, 2020, с. 34], однако в хакасском фольклоре это объективная характеристика природных особенностей речного дна послужила основой формирования сюжета топонимического предания.

ки расположена большая сопка, густо покрытая кустарниками, кедрочами. Там невозможно пройти из-за палок, настолько густо растут кедрочы. И вот из-за этих палок сопку назвали Уттынэй 'сопка, покрытая палками'. В названии Уннэйвэем есть отсылка к апеллиативу «гора», но при этом в структуре гидронима содержится и основа *в'эем*, таким образом, в составе одной номинации присутствуют сразу две топоосновы: *уэй-* (*уэйуэй* 'гора') и *в'эем* 'река'. Детерминирующей является основа *в'эем* (в корякской словоформе она занимает постпозицию). Гидроним Уннэйвэем можно перевести как 'река, расположенная рядом с горой Уттынэй'.

К универсальным средствам топонимики относится метонимия. При метонимическом переносе «одна и та же топонимическая лексема прилагается к двум и более смежным географическим объектам разного типа, например, к реке и горе» [Матвеев, 2006, с. 25]. Для корякской топонимики в целом не характерно явление метонимии, так как в подавляющем большинстве случаев в структуре гидронима присутствует детерминант *в'эем* 'река'. Однако есть исключения. На географических картах зафиксировано название реки Упупкин (*Упупгун*). Эта номинация не вполне соответствует устойчивой словообразовательной модели корякских гидронимов: в ее морфемной структуре отсутствует детерминант *в'эем* 'река'. Основа слова *-уп-* в составе номинации *Упупгун* повторяется дважды: *уп-уп* – в данном случае проявляется типичное для корякского языка удвоение корня (редупликация). Основа *уп-* исторически представляет собой соединение глагольной основы *п-* (*йытык* 'воткнуть') и субстантивной основы *у-* (*уттыут* 'дерево'). В корякско-русском словаре зафиксировано слово *упык* 'упираться, оттолкнуться от берега шестом' [1960, с. 97]. Слово *упык* буквально означает 'воткнуть дерево, палку'. В составе номинации *Упупгун* присутствует суффикс *-гун* – локализатор с семантикой «под чем-либо». Таким образом, гидроним *Упупгун* можно перевести как «(находящийся) под воткнутыми деревьями». Интересно, что в сознании русскоязычных жителей Камчатки река Упупкин ассоциируется с русским словом «пуп». Такая ассоциация вызвана не только звуковым тождеством корякской фонетической комбинации «у-пуп» и русского слова «пуп», но и тем фактом, что слово «пуп» востребовано в народной топонимике русских старожилов полуострова. На Камчатке лексема «пуп» используется для шуточного наименования безымянной сопочки: Дунькин пуп.

Гидроним может передавать негативную информацию о географическом объекте и тем самым служить сигналом предостережения. Так, на карте отмечена река Куюльваям (*Куюль'аям*). В переводе с корякского *куюль* означает «болотный ручей». В Пенжинском районе Камчатки болотистые места представляют собой смертельную опасность, поэтому основа *куюль* предостерегает – опасная река, болотистая! Н. И. Тынэтэгин рассказал несколько реальных историй о гибели родственников и знакомых при переходе болотных ручьев: «На Параполье болотные ручьи без гальки, черные, глубокие. Там дно – гнилая мягкая земля. А леса вокруг нет. Эти болотные ручьи очень опасные, почва чувствительно их называют *г'ажакуюль*. Вроде бы то болотистое место узенькое, но там ведь твердой земли совсем нет, глубоко. У нас тут болото серьезное. Особенно для тех, кто не знает перехода. Есть такие болотистые места, что земля там даже качается. Очень опасно». В структуре корякского гидронима *Г'ажакуюль* (на карте Акакуюль) помимо детерминанта *куюль* 'болотный ручей' выделяется адъективная основа *г'ажа-* 'страшный, дурной, дрянной' (основа функционирует только в сложениях), т. е. название Акакуюль предупреждает – «страшный болотный ручей». Однако для приезжего населения это название выглядит как немотивированное.

В корякских гидронимах в качестве лексического детерминанта может выступать основа наименования дерева. Так в Пенжинском районе протекают реки Нынчеваям 'осиновая река' (*Нынчев'аям*: *нынчев* 'осина'⁸ + *в'эем* 'река') и Лыгунэвэем 'березовая река' (*Лыгунэв'эем* < *лыгун* 'берёза' + *в'эем* 'река'). Севернее Таловки расположена река Тыклаваям 'тополиная река' (*Тыклавэ'эем* < *тыкыл* 'тополь' + *в'эем* 'река'). Структурно более сложным является гидроним Вэкиктыклевэем (*Вэкиктыкэв'эем*), в семантике которого содержится отсылка к двум апеллиативам, один из которых – наименование дерева *тыкыл* 'тополь', а другой – наименование вида птиц *вэкытгын* 'сорока'. Для местных жителей неочевидно, почему у этой реки такое название: «Там не очень много тополей, но есть. А *вэкик*, возможно, связано со словом *вэкытгын* 'сорока'. Может быть, там водилось много со-

⁸ Слово *нынчев* в тематическом корякско-русском словаре переводится как «верба» [Жукова, 2007, с. 30], однако те носители корякского языка, с которыми мы беседовали, переводят слово *нынчев* как «осина»; возможно, в данном случае имеет место просто неразличение двух видов деревьев.

рок?» Основа *тыбыл* ‘тополь’ присутствует и в структуре гидронима Чилитыклевэем (*Чилитыклевэем*). Н. И. Тынэтэгин рассказал, что название появилось после несчастного случая, который произошел вблизи этой реки в 1950-е гг. Николай Иванович лично знал героев этой трагической истории: «Возле Таловки, на правой стороне реки Энычаваям, чуть повыше, с севера течет ручеек в Таловскую речку. Этот ручеек называется Чилитыклевэем. *Тыбыл* – это тополь. Так называли, потому что рядом с ручьем тополей много. А вот Чили – имя женщины. На этом ручье убили молодую женщину по имени Чили. Это произошло в середине пятидесятых годов. Весной Алексей Кайнын и его жена Чили обедали внутри юрты. И вдруг выстрел – Чили сразу упала мертвой. Пуля попала ей точно в голову. Как получилось, что убили? Кто-то из бригады пришел на обед и оставил малопульку⁹ возле входа в юрту, а малопулька, оказывается, была заряженная. Он не разрядил ружье, забыл и не проверил. В это время около юрты играли девочки, схватили малопульку, и одна из девочек нечаянно дернула курок. Выстрелила и случайно попала в голову Чили. Хотя ведь девочка и не видела, кто в юрте, и не знала, что ружье заряжено. После этого ручеек назвали Чилитыклевэем и даже записали его название на карте». Номинация *Чилитыклевэем* представляет собой редкий для коряжской топонимики случай апелляции к антропониму. В исследованиях по русской топонимике отмечается, что в русской культуре имена собственные нередко выступают в качестве мотивирующих основ для создания топонимов и гидронимов [Федотова, 2010, с. 201–211]. Однако для коряжской культуры апелляция к имени собственному в составе топонима – редкое исключение. Показательно, что гидроним *Чилитыклевэем*, в состав которого входит основа имени собственного, появился уже в советское время, в 1950-е гг., в то время, когда на севере Камчатки усилилось влияние русской культуры.

Со стороны перевала Пойгыткон протекает река Яёлваям (*Яёлвэем*) ‘лисыя река’, в составе номинации выделяются две основы: детерминант *вэем* ‘река’ + *яёл* ‘лиса’. Местные жители объясняют: «На этой реке много лисиц водится, поэтому так называли». Гидроним Эчгынныям (*Эчгынныям*) ‘река белой рыбы’ представляет собой трехкомпонентный инкорпоративный комплекс, в структуре которого выделяются три основы: детерминант *вэем* ‘река’ + *ынныын* ‘рыба’ + адъективная основа - *эчг*- (*нэчгыжэн* ‘светлый’). «Эту речку так называли, потому что там очень много белорыбицы. Хариус по ней поднимается на нерест. Там настолько много рыбы!» – рассказывают местные жители.

Апелляция (в структуре гидронима) к определенному виду животных может иметь и мифологические основания. В Пенжинском районе протекает река Йильэвэем (*Йильэвэем*), в структуре гидронима присутствует детерминант *вэем* ‘река’ и зависимая основа *йиль*- (*йильгэйиль* ‘евражка’). Название реки дано по названию священного камня, который расположен рядом: «Там [недалеко от берега] стоят два камня, размером с железную лодку. Эти два камня очень похожи на евражку. Йильэйиль – это “евражка”, поэтому и речку так называли “река евражки”. Когда мы шли на летовку и проходили мимо камня Йильэйиль, то обязательно делали забой. Олений череп с рогами ставили на камне, рядом оставляли еще и патрончики. Без этого дальше идти нельзя, мало ли что может случиться», – рассказал Н. И. Тынэтэгин.

Согласно топонимическим исследованиям, «чем реже то или иное явление встречается в действительности, тем возможнее называние объекта соответствующим апеллативом» [Матвеев, 2006, с. 73]. В случае с камнем Йильэйиль метафорический перенос строится на основе внешнего сходства очертаний камня и животного, но как объяснить тот факт, что камень, похожий на евражку, стал почитаться как священный. Нам не удалось зафиксировать в Пенжинском районе мифологический сюжет о происхождении священного камня Евражка. Однако во время экспедиции в с. Тиличики Аллоторского района сотрудники ИФЛ СО РАН записали топонимическое предание о духе священного места *Йильгэйиль* ‘евражка’. Предание рассказала корячка-нымыланка А. П. Пастущена-Косыгина. Приведем небольшой фрагмент фольклорного текста (в переводе с аллоторского языка): «Когда вернулись [рыбаки], снова из всей [рыбы] юколу сделали, а Священному месту не дали рыбы. И вот ночью Дух священного места рассердилась. [Люди] увидели Евражку, у которой снята шкура с головы, [из раны] немного кровь течет. Снова начало светать. Снова они стали рыбачить. Снова лодку до краев наполнили рыбой. Всю [рыбу] на юколу раздали. Ничего не дали Духу священного места, ни одной рыбки. И вот ночью снова ужасно начала Дух священного места сердиться. И они увидели Евражку на

⁹ В русской диалектной речи приезжих и коренных жителей севера Камчатки «малопулька» – мелкокалиберное ружье.

священном месте, на сопке. Там сидит Евражка на священном месте. Опять кровью истекает, без шкуры совсем осталась. Вся шкура слезла, вся в крови. А утром снова человек пошел [на реку], опять лодку до краев наполнил рыбой. Привез [рыбу] домой. Всю-превсю юколу развешал. Снова ничего не дал Духу священного места, потому что плохой этот человек, наверное, был. И тогда старуха – Дух священного места сказала женщине: «Стемнеет, оставь их всех [рыбаков], потому что они *нинвитами*¹⁰ станут. Ты так, [как они], не делала, ты убегай». Этой Старухой была Дух священного места-Евражка»¹¹. В Пенжинском районе, несмотря на то, что сам мифологический сюжет уже забыт, традиция почитания священного места Евражка сохраняется до сих пор¹².

Возможно, мифологические мотивы послужили основой происхождения гидронима Евъёйываям (*Г'эв'ёйывыв'аям*). Перевод национальной номинации не очевиден. Носитель корякского языка Г. В. Тнагиргин¹³ подсказал нам, что в структуре слова присутствует основа *юй-* // *ёй-* глагола *юйык* 'повернуть стадо в определенном направлении'. Данный глагол не отмечен в словарях. Он относится к промысловой оленеводческой лексике и, в условиях утраты традиций корякского оленеводства, практически не используется в обыденной речи. Гидроним *Г'эв'ёйывыв'аям* представляет собой трехкомпонентный инкорпоративный комплекс, в структуре которого объединяются три основы: детерминант *в'эем* 'река' + субстантивная основа *г'эв'-* (*г'эгылын* 'волк') + глагольная основа *юй-* // *ёй-* (*юйык* 'повернуть стадо оленей (стаю зверей) в определенном направлении'). К глагольной основе присоединяется суффикс *-нв*, локализатор со значением «место». У глагола *юйык* есть и второе (дополнительное) значение «заставить бежать в заданном направлении»: *гэюйлинэв'* 'их окружили со всех сторон, загнали в западню'. Таким образом, гидроним *Г'эв'ёйывыв'аям* можно перевести как «река рядом с местом, где окружили волков, загнали их в западню». Предание о событиях на этой сопке предельно краткое, без подробностей и мифологических мотивов: «Около этой речки есть небольшая скалистая сопочка. Когда-то давно-давно, на этой сопочке в марте месяце отдыхала стая волков. Люди узнали, взяли карабины и окружили сопочку. Видимо, всех тех волков убили, поэтому и назвали так речку около той сопки», – рассказал Н. И. Тынэтэгин. Показательно, что в этом небольшом повествовании ситуация представлена рационально, без какого-либо мифологического подтекста, хотя еще в первой половине XX в. этнографы отмечали, что в корякской культуре существовал запрет убивать волков. В настоящее время отношение к волкам в среде коряков-чавчуменов, скорее, рациональное. Приведем небольшой фрагмент из интервью 2019 г. с корячкой-чавчувенкой Н. С. Кузнецовой-Кергуйе¹⁴: «Волки ничего хорошего людям не приносят! Только плохое делают людям, ведь на табуны нападают и убивают оленей. Поэтому и ненавидят этих волков, они только вредят населению!» В период расцвета советского оленеводства борьба с волками стала делом особой важности, так как позволяла эффективно предотвращать потери поголовья в оленеводческих совхозах, поэтому мифологическое восприятие волка было вытеснено рационалистическим подходом. Интересно, что в среде коряков-нымыланов мифологическое отношение к волкам оказалось более устойчивым. Сотрудники ИФЛ СО РАН¹⁵ в 2006 г. в пгт Палана и с. Лесная Тигильского р-на Камчатского края записали от коряков-нымыланов несколько вариантов топонимического предания о

¹⁰ В корякской мифологии *нинвита* – злой дух.

¹¹ Предание о священном месте *Йыльг'эйыль* 'евражка' рассказала Анна Петровна Пастущена-Косыгина, 1945 г. р., уроженка с. Куллушное Олюторского района Корякского национального округа, корячка-нымыланка, носительница алюторского языка. Записали сотрудники ИФЛ СО РАН Г. Е. Солдатова (рук.), А. А. Мальцева, Е. Л. Крунич (Тирон), К. А. Сагалаев, А. Г. Гомбожапов в августе 2004 г. в с. Куллушное.

¹² Интересно, что в настоящее время на Дальнем Востоке и, в частности, в Приморье, население которого, казалось бы, не отличается особой традиционностью, наблюдается всплеск интереса к особым сакрализованным местам, расположенным в зоне прибрежной акватории. Как следствие, появилась целая серия легенд, имеющих псевдофольклорное происхождение [Краюшкина, 2012].

¹³ Тнагиргин Геннадий Владимирович (корякское имя Ует), 1959 г. р., родился в с. Верхние Пахачи Олюторского района Корякского национального округа, коряк-чавчувен, носитель корякского языка.

¹⁴ Алюторский – язык коряков-нымыланов, до 2000 г. рассматривался как диалект корякского языка. В настоящее время алюторский официально внесен в «Список языков РФ».

¹⁵ В составе камчатской экспедиции 2006 г. были А. А. Мальцева (рук.), Е. И. Жимулева (Исмагилова), К. А. Сагалаев, А. Г. Гомбожапов.

сопке Эгран (по-алюторски¹⁶ *Г'эгран* < *г'эгылуын* 'волк' + *рарауа* 'дом, жилище'). По сюжету предания, из-за нарушения запрета¹⁷ большая семья, поселившаяся на сопке Эгран, превратилась в волков, поэтому сопку называли *Г'эгран* 'волчий дом'.

Универсальным приемом создания топонима является метафора. В разных языках метафорический перенос при создании топонимов и гидронимов реализуется с опорой на семантическое поле «части тела» [Березович, 1998, с. 129]. Примеры анатомических метафор обнаруживаются в топонимических системах повсеместно, что доказывает гипотезу о «совпадении чувственного восприятия мира у всех народов» [Матвеев, 2006, с. 113]. Апелляция к частям тела человека представлена и в корякской гидронимии. Так, в структуре гидронима Ингинвэем (*Г'иуиуэв'эем*) выделяется топооснова: *в'эем* и зависимая основа *г'иу*¹⁸, к которой присоединяется суффикс *-иу* 'под чем-либо'. На русский язык гидроним Ингинвэем можно перевести как «река, расположенная под носом». Местные жители так объясняют происхождение этого названия: «Рядом с речкой расположена сопочка, которая похожа на человеческий нос, поэтому так речку и назвали». На карте можно прочесть название реки Альхаваям. Русскоязычные жители полуострова связывают данный гидроним с названием дерева «ольха», однако название реки дано по названию длинного вертикального камня. Этот камень считается как священный, его называют Гувальха (*В'ув'в'ыльца* < *в'ув'в'ын* 'камень' + *г'ыльца* 'мужской половой орган') 'каменный половой орган'.

Основанием для топонимической метафоры могут быть не только части тела, но и хозяйственные инструменты. На карте отмечено название реки Найвалваям (*Найв'ала'аям* < *уэй-уэй* 'гора' + *в'ала* 'нож' + *в'эем* 'река') – это название можно перевести как «гора-нож перерезала реку». В данном случае номинация отражает особенности рельефа: длинный горный хребет, словно нож, перерезал реку.

Гибридные гидронимы

Среди названий камчатских северных рек, отмеченных на карте, встречаются и гибридные номинации. В составе таких словосочетаний детерминант выражен корякской лексемой, а атрибутив – русской. Такие гибридные номинации используются для обозначения речных притоков в тех случаях, когда название крупной реки восходит к корякской лексеме. Например, среди притоков реки Тыклаваам (*Тылэв'эем* 'тополиная река') на карте отмечены притоки Западный Тыклаваам и Восточный Тыклаваам. Один из притоков реки Куюл назван Чёрный Куюл (букв. 'чёрный болотный ручей'). Притоки крупной реки Упупкин (*Упупиу*): Большой Упупкин и Малый Упупкин. Притоки реки Куйвиеем¹⁹ (*Куйвиев'эем*): Большой Куйвиеем, Малый Куйвиеем. Интересно, что для третьего притока реки Куйвиеем используется номинация, в составе которой обо компонента корякские: Кэйкуйвиеем (*Кэйкуйвиев'эем*²⁰ 'маленькая ледяная река').

На севере Камчатского полуострова есть географические объекты, имеющие параллельные названия (корякское и русское). Река Осиновая, по-корякски *Гэльмыв'эем* 'извилистая река' (*в'эем* 'река' + адъективная основа *гэльм-* (*ныгэлымыцин* 'гибкий')) – оба ее названия зафиксированы на географической карте, при этом корякский гидроним отмечен в скобках: «Осиновая (Гэльмывиеем)». А вот для реки Воямполка (*В'аямпылца* < *в'аям* 'река' + *пылцатык* 'тонуть'), напротив, основным осталось корякское предостерегающее название Воямполка 'река, на которой тонут', при этом русское название оказалось менее распространенным, на географических картах оно отмечено в скобках: (Жиловая).

¹⁶ Кузнецова-Кергубье Надежда Семеновна (в девичестве Нутенут, корякское имя *Нутэуэв'ыт*), 1949 г. р., родилась в с. Верхние Пахачи Олоторского района Корякского национального округа.

¹⁷ Невестки ожидали возвращения своих мужей с охоты, однако такое нетерпеливое ожидание строго запрещалось.

¹⁸ Интересно, что основа *г'иу-* используется только в составе инкорпоративных комплексов. Так, в слове *г'иуытг'ым* 'нос' выделяется стержневая основа *г'ытг'ым* 'кость', к которой слева присоединяется зависимая основа *г'иу-*, значение которой не ясно.

¹⁹ На географических картах встречается и другой орфографический вариант записи названия этой реки: Куйбиеем.

²⁰ В словообразовательной структуре гидронима *Кэйкуйвиев'эем* помимо двух основ (*в'эем* 'река' + *куйвыцуи* 'лед') выделяется префикс диминутива *кэй-* // *кай-*, придающий основе значение уменьшительности. Семантика «маленький» также может передаваться при помощи уменьшительно-ласкательного суффикса *-пиль*: *Куюлтиль* (букв. 'болотная речушка').

Интересно, что две параллельные номинации одной реки семантически между собой не связаны. Как отмечает А. К. Матвеев, наличие параллельных номинаций (на разных языках) для одних и тех же природных объектов возможно только при активном двуязычии населения, проживающего в данной местности [2006, с. 83]. Однако в настоящее время, в 20-е гг. XXI в., об активном двуязычии на севере Камчатки можно говорить с большой долей условности. В то же время русскоязычные потомки коренного населения Камчатки пусть и не пользуются сейчас корякским языком в обиходе, но в юности, молодости общались со своими родителями на родном корякском языке, поэтому национальные названия остаются привычными, даже в том случае, если основным средством общения для них уже является русский.

Выводы

Словообразовательный процесс в области топонимии обусловлен возможностями и грамматикой конкретного языка. Структура большинства корякских гидронимов подчиняется типовой модели, представляющей собой инкорпоративный комплекс с детерминантом *в'эем* 'река' или *гытгын* 'озеро', к которому присоединяются одна или две зависимые основы. В семантике зависимой основы сохраняется характеристика природного объекта, выделяющего его из ряда подобных. В то же время топонимическая система естественным образом складывается по универсальным законам освоения и осмысления человеком природного пространства. При анализе корякской гидронимии обнаруживаются устойчивые семантические алгоритмы, которые характерны для топонимики как универсального общечеловеческого явления: актуализация физических свойств природного объекта, появление топонимов на основе метафоры, обусловленность топонимов мифологическими мотивами.

Список литературы

- Березович Е. Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург, 1998. 338 с.
- Голованева Т. А., Мальцева А. А., Пронина Е. П. Тексты на корякском языке, записанные от А. А. Симоновой // Экспедиционные материалы по языкам народов Сибири (1995–2012) / Отв. ред. Н. Н. Широбокова. Новосибирск, 2012. С. 3–72.
- Жукова А. Н. Тематический словарь корякского языка. СПб., 2007. 88 с.
- Корякско-русский словарь / Сост. Т. А. Молл. Л., 1960. 236 с.
- Краюшкина Т. В. Современные легенды о заповедных уголках Приморского края // Вестник ДВО РАН. 2012. № 1. С. 126–133.
- Лебединцев А. И. Формирование и развитие охотоморских культур // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2010. № 1. С. 107–114.
- Матвеев А. К. Ономатология. М., 2006. 292 с.
- Миндибекова В. В. Мифологический контекст народной этимологии: гидронимы и оронимы в сказочной прозе хакасов // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 29–40.
- Ойноткинова Н. Р. О мифологизации топонимов в языке и фольклоре алтайцев // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 2: Филология. С. 48–56.
- Тураев А. В. Коряки: этногенез и этническая история // Народы Северо-Востока Сибири / Отв. ред. Е. П. Батянова, А. В. Тураев. М., 2010. С. 303–307.
- Федотова Т. В. Русская топонимия Забайкальского края: формирование, семантика, функционирование. Новосибирск, 2010. 256 с.
- Хаховская Л. Н. Традиционное летоисчисление эвенов и коряков Магаданской области (в связи с современными этническими праздниками встречи Нового года) // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2023. № 3. С. 88–101.

References

Berezovich E. L. *Toponimiya Russkogo Severa: Etnolingvisticheskie issledovaniya* [Toponymy of the Russian North: Ethnolinguistic studies]. Ekaterinburg, 1998, 338 p. (In Russ.).

Fedotova T. V. *Russkaya toponimiya Zabaykal'skogo kraya: formirovanie, semantika, funktsionirovanie* [Russian toponymy of the Transbaikal Territory: formation, semantics, functioning]. Novosibirsk, 2010, 256 p. (In Russ.).

Golovaneva T. A., Mal'tseva A. A., Pronina E. P. Teksty na koryakskom yazyke, zapisannye ot A. A. Simonovoy [Texts in the Koryak language, recorded from A. A. Simonova]. *Ekspeditsionnye materialy po yazykam narodov Sibiri (1995–2012)* [Expedition materials on the languages of the peoples of Siberia (1995–2012)]. N. N. Shirobokova (Ed.). Novosibirsk, 2012, pp. 3–72. (In Russ., In Koryak.).

Khakhovskaya L. N. Traditsionnoe letoischislenie evenov i koryakov Magadanskoj oblasti (v svyazi s sovremennymi etnicheskimi prazdnikami vstrechi Novogo goda) [Traditional chronology of Evens and Koryaks in Magadan oblast (in connection with the modern ethnic New year holidays)]. *Bulletin of the North-East Scientific Center, Russia Academy of Sciences Far East Branch*. 2023, no. 3, pp. 88–101. (In Russ.).

Koryaksko-russkiy slovar' [Koryak-Russian dictionary]. T. A. Moll (Comp.). Leningrad, 1960, 236 p. (In Russ., In Koryak.).

Krayushkina T. V. Sovremennye legendy o zapovednykh ugolkakh Primorskogo kraja [Modern legends about the protected corners of Primorsky Krai]. *Vestnik of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2012, no. 1, pp. 126–133. (In Russ.).

Lebedintsev A. I. Formirovanie i razvitie okhotomorskikh kul'tur [Formation and development of Okhotomorsk cultures]. *Bulletin of the North-East Scientific Center, Russia Academy of Sciences Far East Branch*. 2010, no. 1, pp. 107–114. (In Russ.).

Matveev A. K. *Onomatologiya* [Onomatology]. Moscow, 2006, 292 p. (In Russ.).

Mindibekova V. V. Mifologicheskij kontekst narodnoy etimologii: gidronimy i oronimy v neskazochnoy proze khakasov [Mythological context of folk etymology: hydronyms and oronyms in the Khakass non-fairy prose]. *Siberian Journal of Philology*. 2020, no. 4, pp. 29–40. (In Russ.).

Oinotkinova N. R. O mifologizatsii toponimov v yazyke i fol'klore altaytsev [On the mythologization of toponyms in the language and folklore of the Altaians]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 48–56. (In Russ.).

Turaev A. V. Koryaki: etnogenez i etnicheskaya istoriya [Koryaks: ethnogenesis and ethnic history]. *Narody Severo-Vostoka Sibiri* [Peoples of North-Eastern Siberia]. E. P. Bat'yanova, A. V. Turaev (Ed). Moscow, 2010, pp. 303–307. (In Russ.).

Zhukova A. N. *Tematicheskij slovar' koryakskogo yazyka* [Thematic dictionary of the Koryak language]. St. Petersburg, 2007, 88 p. (In Russ., In Koryak.).

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
02.09.2023

Сведения об авторе

Голованева Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

E-mail: gta-77@mail.ru

ORCID 0000-0003-4980-8150

Information about the Author

Tatiana A. Golovaneva – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: gta-77@mail.ru

ORCID 0000-0003-4980-8150

ХРОНИКА

УДК 092.(-05).(-055.2)

DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-148-162

«Фольклорист учится всю жизнь»: Интервью с Натальей Владимировной Леоновой (к ее 70-летию)

Для цитирования

«Фольклорист учится всю жизнь»: Интервью с Натальей Владимировной Леоновой (к ее 70-летию) / Подготовила Т. В. Дайнеко // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48). С. 148–162.
DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-148-162

“A folklorist never stops learning”: Interview with Natalya Vladimirovna Leonova (on her 70th anniversary)

For citation

“Fol’klorist uchitsya vsyu zhizn’”: Interv’y u s Natal’ey Vladimirovnoy Leonovoy (k ee 70-letiyu). Podgotovila T. V. Dayneko [“A folklorist never stops learning”: Interview with Natalya Vladimirovna Leonova (on her 70th anniversary). Prepared by T. V. Dayneko]. *Yazyki i fol’klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 4 (iss. 48), pp. 148–162. (In Russ.).
DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-148-162

Н. В. Леонова выступает на конференции в Санкт-Петербургской государственной консерватории. 2016 г. Фото Т. В. Дайнеко.

28 ноября 2023 г. отметила 70-летний юбилей Наталья Владимировна Леонова, кандидат искусствоведения, профессор кафедры этномузыкознания Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки. В научном мире Наталья Владимировна известна как этномузыковед, крупнейший специалист в сфере изучения музыкально-фольклорных традиций сибирских переселенцев. Она является автором более 150 публикаций, как научно-исследовательского, так и публицистического характера. С самого основания академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» Наталья Владимировна принимает участие в подготовке «славянских» томов – в качестве автора-составителя песенных корпусов и аудиоприложений томов, автора музыковедческих статей, нотировок, указателей, научных комментариев, редактора музыковедческих разделов; в числе опубликованных томов: «Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных» (1993), «Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Легендарные. Бытовые» (1993), «Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры» (1997), «Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока» (1997), «Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего

© Т. В. Дайнеко, 2023

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 4 (iss. 48)

Востока: Свадебная поэзия. Похоронная причеть» (2002), «Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока. Часть 1: Семейно-обрядовые песни и причитания» (2011). С 1977 г. по настоящее время Н. В. Леонова занимается полевыми исследованиями традиционных культур, на ее счету более 50 экспедиций, маршруты которых пролегли на территории от Уральских гор до Тихого океана. За годы педагогической деятельности Наталья Владимировна подготовила широкий круг учеников, стала главой научной школы по изучению музыкальных традиций сибирских переселенцев. Под ее руководством подготовлено и защищено 8 кандидатских диссертаций, более 25 дипломных, бакалаврских и магистерских работ, посвященных изучению музыкальных культур как переселенческих, так и коренных народов сибирско-дальневосточного региона.

В данной публикации представлены фрагменты беседы с Натальей Владимировной Леоновой, состоявшейся в ноябре 2023 г. (расшифровка по аудиозаписи и литературная обработка текста, составление общей композиции публикации выполнены мной. – Т. Д.). В центре внимания были профессиональный путь Н. В. Леоновой, ее становление как музыковеда-исследователя и особенно – работа над томами серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», которую сама Наталья Владимировна называет судьбоносной.

* * *

Татьяна Дайнеко (ТД): Наталья Владимировна, Вы изучаете переселенческие традиционные культуры. А как попала в Сибирь Ваша семья, Ваши предки ведь тоже были переселенцами?

Наталья Владимировна Леонова (НЛ): Знаю по рассказам своих родителей и других родственников, что моя бабушка со стороны мамы в начале XX века приехала из Монастырщинского уезда Смоленской губернии в Волчихинский район Алтайского края, уже там она овдовела и затем вышла замуж за моего деда (тоже вдовца с детьми), выходца с Волги, из Саратовской губернии. По отцовской линии и бабушка, и дедушка смоленские, из Духовщинского уезда; родственники так там и жили, часть семьи разъехалась, а мой отец встретил маму в Сибири.

Из семейных реликвий сохранилась мамина рубаха, которую она в возрасте 15-16 лет, то есть в 1930-е годы, сшила из домотканого полотна и сама вышила. Поскольку мамина семья жила в деревне, населенной в основном украинцами, то и рубаха получилась в большей степени украинская, а не смоленская. Дедушка (мамин отец) играл на гармонии с колокольчиками. Мама хорошо пела, но смоленских песен я в своей семье не слышала, а вот украинские звучали.

ТД: Почему родители захотели отдать Вас в музыкальную школу?

НЛ: Профессионально родители были далеки от музыки. Но моя мама, как я уже сказала, пела народные песни, а приехав в город Улан-Удэ в возрасте 16 лет, она быстро стала городской в отношении музыкальной культуры: ходила петь в самодеятельный хор академического типа, часто посещала оперный театр. Меня мама еще в дошкольном возрасте начала водить в оперный, причем билеты покупала исключительно на первый ряд, так важен для нее был театр; и я с нею постепенно пересмотрела все спектакли – и балеты, и оперы. Мне кажется, что маме больше нравилась опера, потому что она сама любила петь. Вообще у нас в семье и вокруг, в общем быту, было много музыки: на застольях родители с гостями пели народные и массовые песни, по радио всегда звучала и классика, и детская хоровая музыка. Поэтому, конечно, меня отдали в музыкальную школу, даже вопроса не стояло, отдавать или нет.

ТД: И во сколько лет Вы начали заниматься?

НЛ: Первая попытка поступить была в 1-м классе общеобразовательной школы, но я тогда была очень маленькая, ручки тоже были маленькие, меня отправили подрасти. Второй раз поступила через год – конечно, на фортепианное отделение. Я училась в музыкальной школе № 1, в самом центре города Улан-Удэ, недалеко от оперного театра. Это было довольно далеко от пригорода, где мы жили, приходилось ездить. Параллельно я чем только ни занималась. Пока в начальной школе учились, принимала участие во всех концертах, которые организовывала наша классная руководительница, – я и пела, и танцевала. В 5-м классе я перешла в другую школу, там было очень много кружков, кроме того, приглашали в кружки за пределами школы. Поэтому в школе я посещала драматический кружок и секцию художественной гимнастики, а за пределами школы ходила в ансамбль народного танца знаменитого в Республике Бурятия педагога Тамары Полозовой и еще в академический хор. Да, жизнь была насыщенной, но я везде успевала. У нас же не было компьютеров, смартфонов, очень долго в большинстве семей не было телевизоров –

и свободного времени у детей было много. Я же и с друзьями-подружками успевала погулять, побегать, и в театр мы с мамой продолжали ходить.

Потом, когда поступила в музыкальное училище, я продолжала танцевать, и еще мы, студенты, часто посещали концерты, которые проводились в училище, а также спектакли оперного театра. В этом смысле музыкальная подготовка была очень хорошая: мы просто много слушали, много видели вживую.

ТД: А как возникла идея пойти в музучилище?

НЛ: Мне кажется, это всегда определяют мамы. Отец был против. Он считал, что, раз я такая круглая отличница, мне надо идти, к примеру, в инженеры, получать какое-то основательное образование. Но в итоге мы с мамой победили, и в музыкальной школе, безусловно, были уверены, что мне надо идти в музучилище. Когда я уже училась в 7-м классе музыкальной школы, она располагалась с музучилищем в одном здании, поэтому педагоги приходили на наши экзамены, и часть выпускных экзаменов нам зачили как вступительные. Я думала поступать на фортепианное, но Владислав Александрович Останин, педагог по сольфеджио и фортепиано, убедил идти на теоретическое отделение.

ТД: Вы ушли из школы после 8-го класса?

НЛ: Да, я ушла после 8-го, что было огорчением для директора школы: она считала, что я могу получить медаль – не золотую, так серебряную. У меня же никаких сожалений, что не получу полного десятилетнего образования, не было, к тому же я все учебники своего старшего брата перечитала. Для меня было совершенно однозначно и естественно, что я иду в училище, буду заниматься только музыкой, и в будущем, скорее всего, – музыкальной педагогикой. Видимо, я сразу смогла сделать выбор.

ТД: А в музучилище в это время работал легендарный педагог, который оказал на Вас большое влияние...

НЛ: Да, Олег Иосифович Куницын, выпускник Новосибирской консерватории, более того, выпускник класса Татьяны Аркадьевны Роменской, которая его заразила изучением музыкальной культуры Сибири. По окончании консерватории он по распределению попал в Бурятию и там стал, действительно, легендой. Педагог, музыкальный критик, человек просто неимоверной трудоспособности. У него нельзя было не работать, нельзя было лениться. И он сам подавал такой пример, говорил, что у него ни одного дня не может быть без страницы написанного текста – научного или критического. У Куницына же несколько тысяч критических статей, рецензий, мало того, у него есть учебники, учебные пособия, несколько монографий! Это у педагога с полной нагрузкой в музыкальном училище, где научная работа не предусматривается; только гораздо позже он стал работать в институте культуры. Олег Иосифович был членом композиторской организации именно как музыковед, и его знали и уважали все композиторы Бурятии, он был первым исследователем их творчества. Он и нас, студентов, постоянно знакомил с их произведениями: в курсе «Бурятская музыка» показывал творчество композиторов бурятской национальной школы, в том числе произведения, созданные на основе фольклора. Это было очень интересно и полезно – изучать, как осваивались в композиторской музыке фольклорные жанры, стилевые средства.

Олег Иосифович у нас вёл почти все предметы. Был предмет «Дополнительные учебные материалы» – и на этих уроках Куницын учил нас, в частности, как писать рецензии. Он раскрывал «кухню» этой работы: что на концерт нельзя пойти просто так, а нужно подготовиться, почитать литературу, составить представление о произведениях, найти информацию об исполнителе. Критик должен быть не просто грамотным слушателем, а музыкальным экспертом. Олег Иосифович внедрял в наше сознание мысль, что вообще нигде в работе музыковеда не должно быть никакой самостоятельности, наития, импровизации. Он считал, что всё должно быть подготовлено.

Сам он работал, наверное, по 16-18 часов в сутки, и мы тоже такие были. Например, всё воскресенье я проводила в республиканской библиотеке (ныне Национальная библиотека Республики Бурятия. – *Т. Д.*): надо было прочитать те книги, которых не было в библиотеке музыкального училища. И это была норма. Он считал, что музыковед – это рабочая лошадка, не в меньшей степени, нежели музыканты-исполнители. Почему исполнитель должен каждый день заниматься по 6 часов, а музыковед не должен? У него был однозначный ответ на этот вопрос.

ТД: Предмет «Народное творчество» был у Вас?

НЛ: «Народное творчество» было, его у нас вёл тоже Олег Иосифович. Преподавание этого предмета было вполне традиционным: Куницын нам рассказывал про жанры русского фольклора, и мы

учили песни, к концу года у нас набралось их более 120. Я их до сих пор помню, потому что, видимо, память тогда была безразмерная, всё впитывала.

Какие нам Куницын викторины давал! И звуковые, и зрительные, и викторины «по нарастающей». Зрительная – это когда открываются ноты, ты на эти странички пять секунд смотришь и должен сказать, что это такое: клavier оперы или симфоническое произведение, какая часть, какая тема... Или прошли мы тему, например, творчество Глинки, – и викторина по Глинке. Потом прошли Даргомыжского – Глинка плюс Даргомыжский. Затем прошли Бородин – Глинка плюс Даргомыжский плюс Бородин... К концу семестра набирается огромное количество произведений. Таким образом Куницын, с одной стороны, пытался удержать в нашей памяти основные произведения, с другой – мы должны были научиться узнавать стиль каждого композитора.

На «Дополнительных учебных материалах» мы часто слушали совсем незнакомые произведения, о которых нигде ничего нельзя было прочитать (разве что о композиторе и его стиле в целом), и должны были написать аналитическую работу: определить форму, услышать тональный план, охарактеризовать разделы, темы. Этот же способ анализа он применял и для совсем новой музыки. Рассказывал, что, когда композитор показывает свое новое сочинение на заседании в Союзе композиторов, перед обсуждением его нужно оценить, понять, и часто это можно сделать только на слух. Он считал: чем больше ты наслушан, тем больше слышишь.

ТД: Да, мощная подготовка. И, наверное, именно Олег Иосифович Вас направил в Новосибирскую консерваторию, или он говорил о том, что надо в столицы поступать?

НЛ: Нет, никто особенно не указывал, куда ехать, просто у нас традиционно сложилось, что выпускники музучилища ехали получать высшее образование в Новосибирск или в Екатеринбург, потом еще во Владивосток. Я поехала в Новосибирск одна, потому что в то время можно было свободно поступать в вуз, только если ты отработал несколько лет по распределению или же у тебя есть рекомендация для поступления. С моего курса рекомендацию дали только мне. Бау Базарович Ямпиллов (крупный бурятский композитор. – *Т. Д.*), который у нас был председателем госкомиссии, подписывая мою рекомендацию, сказал: «Ну, должна поступить».

ТД: Помню, Вы рассказывали, что поступление в консерваторию в то время – это был настоящий марафон с письменными и устными экзаменами по всем предметам.

НЛ: Это было очень сложно. Во-первых, нас поступало 80 человек – сейчас это представить себе невозможно. Но, правда, нас и взяли довольно много – примерно 30 человек, из них 18 – «очники» и «вечерники». «Вечерники» занимались с нами, но главное – им разрешалось официально работать, в отличие от «очников», которым это запрещалось. Только в середине 4-го курса нам давали справку о неполном высшем образовании, и мы имели право работать. До этого времени можно было давать лишь частные уроки, то есть работать неофициально. Мы должны были учиться. А еще хотелось получать стипендию, которая в то время почти давала возможность не работать. Экзамены же – это был очень большой и тяжелый марафон, мы каждый день что-либо сдавали, поэтому готовиться уже не было возможности.

ТД: Что привез, то привез.

НЛ: Да. Первый день был относительно легкий – мы писали реферат. Мне кажется, мы тогда текст излагать умели: был и опыт сочинений в школе, у меня еще и опыт написания рецензий у Куницына (некоторые даже публиковались в газете «Молодежь Бурятии»). А со следующего дня начинался полный кошмар, потому что было очень большое число поступающих. Каждый экзамен – сольфеджио, гармония, музыкальная литература – состоял из письменной и устной части, и абитуриенты должны были обе части пройти за день. То, что педагоги делились на две группы, не особо облегчало ситуацию. Было очень сложно. Юрий Александрович Брагинский, ответственный секретарь приемной комиссии, и Владимир Михайлович Калужский, который курировал все экзамены по специальности, сидели до последнего абитуриента и выдавали экзаменационные листы тем, кому идти дальше, часто уже после полуночи.

Общую оценку за весь специальный комплекс ставили, когда всё было сдано. В этот комплекс входил экзамен по фортепиано, причем у всех поступающих были весьма солидные программы. И потом у нас еще был коллоквиум, и тоже серьезный. Например, спрашивали и про музыкальную жизнь твоего родного города, и про то, какие ты знаешь важные события в музыкальной жизни страны, произошедшие в этом году, и кто из композиторов что нового написал, и какое последнее сочинение у Шостаковича, и т.д.

ТД: Вы, наверное, это всё знали благодаря Олегу Иосифовичу? Он-то вас просвещал.

НЛ: Да. Мы обязательно читали два журнала – «Советскую музыку» и «Музыкальную жизнь», это была норма для музыковедов, делали выписки, что-то брали на заметку. А Олег Иосифович вел специальную картотеку, где на отдельных карточках отмечал, что и где опубликовано о композиторах, произведениях или исполнителях. Он был просто феноменально организованным человеком, был в курсе всего. Мы, конечно, тоже вместе с ним узнавали об основных событиях.

После изматывающего марафона по специальности вступительные экзамены по общеобразовательным предметам: русскому языку, литературе и истории – это была уже сущая ерунда.

ТД: И вот, Наталья Владимировна, Вы стали студенткой консерватории... Какой это был год?

НЛ: 1973-й. В этом году было 50 лет, как я поступила.

ТД: Помню по Вашим рассказам, что это были очень хорошие студенческие времена, счастливые, что тогда у консерватории было новое общежитие, кипела студенческая жизнь и Вы во всем активно принимали участие. На разных факультетах были действующими педагогами легендарные личности. Расскажите, пожалуйста, о Ваших самых ярких впечатлениях, которые оказали влияние на выбор Вашего дальнейшего пути по специальности.

НЛ: В консерватории всё было очень интересно. Педагогов было много, и в целом преподавание по сравнению с училищем велось на другом уровне. Многое мне было знакомо и понятно благодаря хорошей базе знаний, полученных в музыкальном училище, но здесь были уже другие требования к тому, как надо анализировать материал, нужно было уметь оперировать большими объемами, не по одному произведению. На всех предметах были очень взрослые задания, требующие не только специальных знаний, но и общего культурного кругозора, знания контекста. Учебные курсы у некоторых педагогов были выстроены с учетом всей вышедшей литературы (например, у Суламифи Самуиловны Мусиной по истории русской музыки), а другие читали авторские курсы, свое видение какого-то периода в истории музыки (например, Татьяна Аркадьевна Роменская так вела историю зарубежной музыки, Галина Анисимовна Осипенко – советской). Наверное, в вузе и то, и другое нужно, чтобы студент научился разному.

Мы читали очень много специальной литературы, конспектировали. Кстати, писать конспекты нас тоже специально учили: на что обращать внимание, что выделять, как отличать главное от второстепенного, как оформлять свои записи, – то есть учили технологии. Правда, чему я так и не научилась – читать между строк, а это надо было уметь при изучении истории, да и истории современной советской музыки тоже. Наверное, нужно признать, что все-таки у нас, 50 лет назад, специальной литературы было меньше, чем сейчас. Сейчас, пожалуй, ее всю освоить невозможно. И музыки сейчас гораздо больше, не говоря уж о том, что всю классику можно свободно послушать почти в любом исполнении.

ТД: Когда пришла пора определяться с темой исследования, как Вы решили заниматься фольклором? Как вообще подошли к выбору темы и научного руководителя?

НЛ: У меня было две темы на примете. Первая – я хотела заниматься изучением профессиональной музыкальной культуры Сибири. Это в нас заложил еще Олег Иосифович. Он говорил, мол, если мы не будем заниматься музыкальной культурой Сибири, то кто тогда будет ее изучать? У нас страна большая, музыкальное пространство огромное – почему все должны изучать творчество Шостаковича или Прокофьева? Куницын был фанатом музыкальной культуры Сибири и считал, что мы просто обязаны заниматься своими местными темами. Вторая тема, которой я хотела заниматься, – современная отечественная музыка. И, наверное, я имела в виду в качестве научного руководителя Галину Анисимовну Осипенко, потому что слышала восторженные отзывы о ней как о специалисте по симфонизму. Уже после того, как я выбрала в качестве темы фольклор, на 4-м курсе мы проходили у Галины Анисимовны историю отечественной музыки. Когда я сдавала экзамен, она меня спросила: «Наташа, почему Вы выбрали сибирскую тему? Вы же такая замечательная студентка». Я не смогла ей сказать, что у меня второй вариант был пойти в ее класс.

ТД: В то время считалось, что заниматься изучением Сибири – это «второй сорт»?

НЛ: Да, именно так и говорили. И Александр Миронович Айзенштадт, и Татьяна Аркадьевна Роменская, – это были такие персоны... которые занимаются чем-то не тем. Но ладно, Айзенштадт – он фольклорист. А вот зачем Татьяна Аркадьевна занимается музыкальной культурой декабристов и вообще музыкальной культурой Сибири? Это не считалось чем-то стоящим внимания. Сибирскую тему давали заочникам и не очень сильным студентам, кто не мог заниматься чем-то «серьезным». Мол,

пусть они на местах у себя пособирают материал, и это уже полезно. Как показало время, не надо было негативно относиться к музыкальной культуре Сибири. То, что студенты насобирали у себя на местах, эти их дипломные работы, – всё очень пригодилось. Когда стали делать наш трехтомник «Музыкальная культура Сибири», вдруг выяснилось, что у нас есть материалы и по сибирским городам, и по другим разным темам. Когда педагогов стали посылать в командировки, чтобы еще посидеть в архивах, дособрать материал, у нас уже была хорошая база. Негативное отношение к сибирской теме стали переламывать только во второй половине 1970-х годов, когда я уже занималась фольклором.

Впервые я сама стала писать на фольклорную тему, когда делала курсовую по истории музыкальной культуры Сибири у Татьяны Аркадьевны Роменской: мне досталась тема об омской исполнительнице Аграфене Оленичевой, участнице Омского народного хора (о ней же я потом писала уже в классе по специальности, в первом семестре 3-го курса). И еще на меня произвели впечатление отчеты студенток старшего курса на заседаниях студенческого научного общества: в 1974–1975 годах они рассказывали о фольклорных экспедициях, в которые ездили по линии Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры по Новосибирской области. Но все-таки, когда я определялась, я выбирала даже не фольклор как тему, а Татьяну Аркадьевну как руководителя. К ней пошли четыре человека с нашего курса – так она нас увлекла историей музыкальной культуры Сибири. И когда стали выбирать тему, Татьяна Аркадьевна сказала: «А у Вас ведь так хорошо получилось про фольклор написать. Фольклор – это интересно, там сейчас самые пионерские работы выходят». И действительно, тогда выходили исследования Э. Е. Алексеева, В. Л. Гошовского, другие прорывные труды... Я пожалала плечами: «Ну, фольклор так фольклор».

ТД: И как Вы выбрали конкретную тему? Это от педагога шло?

НЛ: У нас было не так, как сейчас, когда занимаются одной темой вплоть до защиты дипломной работы. Первая моя курсовая была, как я уже сказала, – по Аграфене Оленичевой, вторая курсовая на 3-м же курсе – по сибирским казакам. Татьяна Аркадьевна принесла сборник 1916 года «Песни сибирских казаков»: «А вот разберитесь с ними». На летней сессии у меня по этой работе была огромная и трудная защита.

А потом Татьяна Аркадьевна как-то сказала: «Надо вас познакомить с Мельниковым. У нас материалов никаких нет, а надо “садиться на архивы”, потому что фольклорист в принципе должен именно так работать – нотировать материал и анализировать его». У Татьяны Аркадьевны были очень верные представления о том, как надо изучать фольклор. Единственное, поскольку она сама этим серьезно не занималась, то она теоретически многое знала, а практически помочь ничем не могла.

И вот случилась встреча с Михаилом Никифоровичем. Это произошло очень, я бы сказала, смешно – где-то на улице, по дороге: Михаил Никифорович куда-то бежал, и мы с Татьяной Аркадьевной куда-то топали... И Татьяна Аркадьевна познакомила нас друг с другом. Михаил Никифорович сказал: «А приезжайте в пединститут, я Вам дам записи – и будете нотировать». И действительно, в конце 3-го курса я к нему приехала посмотреть материалы. Я, в общем-то, не знала, каким конкретно жанром хочу заниматься, просто надо было с чего-то начать. Мы с ним договорились, что я все свои нотировки потом сдам в архив пединститута, и он мне дал целую сумку пленочных записей. Всё лето после 3-го курса я сидела за нотированием: нотировала, наверное, песен 300. Из этого всего я выбрала свадебные песни, поскольку их было больше всех. Я решила, что вот их я, наверное, и возьму, ими и займусь. И на 4-м курсе уже написала две курсовые работы именно по свадебным песням. Они были на том материале, с которым я работала. Одна из курсовых была отправлена на Всесоюзный конкурс студенческих работ.

ТД: Уже тогда его делали? Вы диплом получили, Наталья Владимировна?

НЛ: Да, такой был Всесоюзный конкурс, давали всего 10 дипломов – на все республики. И я получила диплом за лучшую работу в области музыкального искусства.

ТД: Здорово! Я вообще не знала этого факта, впервые слышу. Важно, что работа была по фольклору, да еще и по сибирскому.

НЛ: Да. Причем в конкурсе участвовали все работы в области музыкального искусства – и по фольклору, и не по фольклору.

ТД: А когда Вы начали ездить в экспедиции?

НЛ: Как раз после 4-го курса в первый раз я поехала в экспедицию. С 1976 года в консерватории стала действовать комплексная тема «Музыкальная культура Сибири». Ректорат по главе с Леонидом Николае-

вием Шевчуком провели подготовительную работу. Именно Шевчук очень поддерживал Татьяну Аркадьевну в том, что она занималась музыкальной культурой Сибири. А с 1976-го года, уже усилиями Евгения Георгиевича Гуренко (ректор Новосибирской консерватории, пришедший на смену Л. Н. Шевчуку. – Т. Д.), сибирская тема стала комплексной темой консерватории. Стало ясно: раз мы единственная консерватория за Уральскими горами, то и заниматься этой темой должны обязательно. В качестве руководителя и организатора нового научного направления пригласили Юрия Григорьевича Марченко, философа, культуролога. Более того, и аспирантуру у нас снова открыли тоже под сибирскую тему.

ТД: Это очень важный факт.

НЛ: Да, в Новосибирской консерватории в эти годы была восстановлена аспирантура, и в нее принимали только по сибирской теме. Аспиранты с обычными музыковедческими темами получали целевые места и учились в Москве и Ленинграде. Сибирские же темы в столичных аспирантурах не приветствовались. Некоторое пренебрежение темами, связанными с музыкальной культурой Сибири и творчеством местных композиторов, проявляется и до сих пор. Но в фольклористике такого, к счастью, не наблюдается.

ТД: Наталья Владимировна, а как развивалось фольклористическое направление в Новосибирской консерватории? Когда Вы начали взаимодействовать с другими фольклористами? Осветите, пожалуйста, Вашу интеграцию в фольклористическое сообщество в период учебы и далее.

НЛ: В период студенчества ничего особенного не было. Впервые я выступила на конференции, уже обучаясь в аспирантуре, в 1979-м году, в Екатеринбурге. Конференция была посвящена традиционной культуре Урала и Сибири. Благодаря этой конференции состоялась моя встреча с Евгением Владимировичем Гишпиусом. В какой-то момент меня вызвали на телефонные переговоры со Всероссийской фольклорной комиссией (тогда же был переговорный пункт, приходило извещение, надо было явиться в определенное время). Я бегу, естественно, на переговоры сломя голову. Беру трубку, а там: «С Вами говорит Евгений Владимирович Гишпиус. Вы подали материалы на конференцию в Екатеринбург, я это всё прочитал. Это всё хорошо, что Вы написали, но вы, сибиряки, все примерно про это пишете. А не могли бы Вы развернуть Ваш материал в некоторых других аспектах...», – и он эти аспекты со мной проговорил. – «Выберите что-нибудь из этого, напишите и присылайте». Я всё сделала, и это была моя первая публикация, которая произошла с благословения и под редакцией Гишпиуса, – в сборнике конференции (он такой тоненький, смешной, изданный малым тиражом).

Важна сама встреча с Е. В. Гишпиусом. Это удивительная фигура в российской фольклористике: он, как мне кажется, не стремился специально создать свою научную школу, но в итоге так сложилось, что создал ее. А главное, что он везде «продвигал» фольклористику. Когда я уже стала приезжать, например, в Москву на какую-нибудь конференцию, я знала, что почти все иногородние участники находили время в расписании, чтобы прийти к Евгению Владимировичу Гишпиусу и показать свои материалы или очередной сборник. Под его редакцией вышло огромное количество сборников, очень разных. А его научная школа была создана в итоге в Гнесинке (ныне Российская академия музыки имени Гнесиных. – Т. Д.), потому что там работала Борислава Борисовна Ефименкова, его ярая последовательница и ученица. И он читал лекции в Гнесинке и, видимо, также во Всероссийской комиссии по фольклору. И главное, Гишпиус поддерживал фольклористику в регионах. Он, можно сказать, жизнь положил на то, чтобы фольклористика в разных местах нашей страны – была.

У него совершенно не было снобизма. Я помню, что, приехав в тот 1979-й год в Екатеринбург, я заселилась в гостиницу и приходила в штаб конференции, чтобы отметить Гишпиуса в штабе не было, но, видимо, ему сообщали информацию о том, кто прибыл. Звонок мне в гостиничный номер: «Это Евгений Владимирович Гишпиус. А Вы не хотите со мной лично познакомиться? Я в штабе Вас жду». Конечно, я пришла, познакомилась, передала ему привет от Михаила Никифоровича Мельникова. Гишпиус сказал: «Я его нежно люблю. Потому что это человек, который вашу сибирскую фольклористику поднимает, двигает». Конечно, я напросилась на консультацию. Она была назначена на 6 часов утра, потому что другого времени у него не было, всё было расписано до начала заседания конференции.

На одном из концертов в рамках той конференции Евгений Владимирович познакомил меня с Бориславой Борисовной Ефименковой. Мы разговаривали, вскоре начался концерт – и мы с ней вместе сели. До этого я уже читала некоторые ее статьи и имела представление о слогоритмических структурах. И поэтому я сидела на концерте и пыталась записать в блокноте слогоритмические формулы песен, звучащих со сцены. Борислава Борисовна же в некоторые моменты брала мой карандаш и кое-что в этих набросках подправляла – получился мастер-класс с живой музыкой.

Вот так я, можно сказать, выбрала научную школу, направление, в рамках которого буду вести исследование. Сама. Я понимала, что мне придется самой всё осваивать, потому что в Новосибирской консерватории мне совершенно никто помочь в этом не мог. Я училась по статьям, по книгам, – их тогда было немного. В первую очередь, конечно, я «пропахала» текстологическое исследование Е. В. Гипшиуса, которое было опубликовано в сборнике русских народных песен Балакирева.

А в Новосибирской консерватории активизация полевой фольклористической работы произошла в связи с комплексной сибирской темой. В пятилетнем плане развития, с 1976-го по 1981-й год, были запланированы ежегодно по две экспедиции: одна по Новосибирской области, а другая – за ее пределы. Как председатель факультетского студенческого научного общества я принимала участие в составлении этого плана, который, кстати, был в значительной степени выполнен. Впервые я поехала в экспедицию в 1977-м году – в Доволенский и Кочковский районы Новосибирской области, в 1979–1981 годах я ездила по области уже как руководитель, со студентами. В этих экспедициях со мной побывали и Наташа Кутафина (Индан), и Лена Тюрикова, мои первые ученицы, которые потом были в моем классе по специальности.

ТД: Как начало работы над серией «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» повлияло на развитие фольклористики в Новосибирске, и какое значение это имело лично для Вас?

НЛ: Я считаю, что фольклорный «взрыв» в Новосибирской консерватории произошел, когда в 1983-м году приехал Юрий Ильич Шейкин. И он бы не прибыл сюда, если бы не началась серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (далее – Серия. – Т. Д.). Подготовительные работы проводились еще раньше, а в 1983-м году в Новосибирск уже приехал Александр Бадмаевич Соктоев.

Тут много чего сложилось. Ведь фольклорная практика в вузах возникла только в середине 1950-х

Н. В. Леонова на заседании главной редколлегии серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Институт филологии СО РАН. 2004 г. Фото К. А. Сагалаева.

годов. И должно было пройти 10–15 лет, чтобы накопился материал, устроилось это направление деятельности. Александр Миронович Айзенштадт тоже организовывал фольклорные экспедиции. Другое дело, что ему не удалось создать систематизированный архив при Новосибирской консерватории. Была попытка организовать Кабинет Сибири и в нем собрать фольклорные коллекции, но он просуществовал чуть ли не меньше года. Записи, которые там хранились (и Айзенштадта, и студентов, ездивших в экспедиции по Рудному Алтаю), были надолго потеряны и нашлись буквально 10 лет назад. Затем уже Галина Геннадьевна Бычкова (Колыватова) все-таки организовала Кабинет по музыкальной культуре Сибири. Коллекции музыкального фольклора тоже в нем хранились, мы делали камеральную обработку материалов, составляли каталог. Но всё это было лишь в рамках учебного процесса.

Масштаб работы изменился, когда сложились два фактора: серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» – новый большой научный проект, для которого требовались специалисты, и Юрий Ильич Шейкин, который стал работать на Серию со свойственными ему энергией и недюжинным талантом организатора. И ему студентов удалось заинтересовать живым и очень значимым делом – они, как говорится, «пачками» пошли изучать фольклор; среди первых были ныне работающие этномузыковеды: Н. М. Кондратьева, Г. Б. Сыченко, затем Г. Е. Солдатова, О. Э. Добжанская и много-много других.

Для меня рабочие совещания по «Памятникам фольклора...» – а я начала их посещать с января 1984-го года – явились школой фольклористики, которой у меня не было. Совещания проводились каждый январь, обычно в конце месяца, когда в вузах каникулярное время. Ведь фольклористикой занимались в основном вузовские педагоги, которые преподавали фольклор в разных городах – в Омске, Красноярске, Иркутске, Чите и т. д. На совещания съезжалось огромное количество людей, – все, кого приглашали принять участие в авторских коллективах. Была разработана структура из 60 томов, и, ка-

жется, на первом же совещании были вывешены листы ватмана: на них в левом столбике были выписаны названия томов, а напротив них, в правый столбик, каждый из участников мог вписать свою фамилию, обозначив таким образом, что хочет принять участие в подготовке какого-то тома. Я думаю, что члены главной редколлегии Серии в принципе знали, кто будет входить в авторский коллектив каждого тома, и у них были наверняка еще и официальные переговоры с конкретными людьми. Но, поскольку приглашали на эти совещания, особенно на первые из них, больше людей, и эти люди сюда приезжали, им дали возможность выбирать: где бы вы себя видели, в составе какого авторского коллектива. Я как человек скромный никуда не рвалась. Собственно, меня Михаил Никифорович буквально взял за шиворот, подвел к этим листам и сказал: «Вот, давай вписывайся в русский обрядовый том, в украинский, в белорусский...» Я не помню, везде ли я вписалась, но куда-то вписалась.

Думаю, организаторы таким способом хотели в целом выяснить, какое у нас число фольклористов, какие тома легко будут обеспечены специалистами, а какие – нет. Если говорить о музыковедах-фольклористах, то они были не только из сибирского региона, присутствовали приглашенные из Москвы и Ленинграда: приезжали Мехнецов Анатолий Михайлович, Щуров Вячеслав Михайлович, Богданов (Бродский) Игорь Аркадьевич, Лапин Виктор Аркадьевич и другие. Более широкий круг людей хотели привлечь к этой работе, заразить идеей Серии, потому что в столицах были высококвалифицированные музыковеды-фольклористы, а у нас в Сибири наблюдался дефицит таких кадров.

Например, Вячеслав Михайлович Щуров ездил в Сибирь в экспедиции, поэтому он согласился стать автором-составителем музыковедческой части тома «Русские лирические песни...», и так впоследствии и случилось. А с Анатолием Михайловичем Мехнецовым не вышло. Поначалу он взял на себя русский обрядовый том, в то же время и я записалась в работу над этим томом. На одном из рабочих совещаний группы по русским томам Мехнецов предложил сделать его только на собственных экспедиционных материалах: в центр поставить свадебный обряд, записанный в Томской области, остальные тексты дать в комментариях, календарный фольклор показать минимально... Во время очередного обсуждения выступил Борис Николаевич Путилов: «Нам никак нельзя потерять сибирского автора. Давайте их как-нибудь разведем». И мне поручили сделать календарную часть, а свадебную оставили за Анатолием Михайловичем. Б. Н. Путилов исходил из того, что нужно поддерживать сибиряков, помогать возвращать фольклористическую школу именно здесь, если ее не хватает. Ведь Москва и Питер не смогут сделать Серию. В этом он был совершенно прав. По поручению главной редколлегии я написала аннотацию для календарной части русского обрядового фольклора. Также изложила, какие материалы имеются к белорусским и украинским томам, какая у них может быть концепция.

А потом, поскольку мне поручили заниматься русским календарным фольклором, я стала собирать материал, и постепенно насобирала довольно много. Спасибо коллегам из сибирско-дальневосточного региона. Вообще, Юрий Иванович Смирнов и Виктор Михайлович Гацак всё время говорили, что в томе следует представить весь регион, на описании одного какого-то обряда показать регион нельзя, нужны и другие материалы. Я это сразу взяла на вооружение. Благо, что мы, русисты, работали все вместе на совещаниях по русским томам – и все перезнакомились. По приглашению Татьяны Георгиевны Леоновой я поехала в Омск – на первый семинар по народной культуре Сибири вузовского центра по фольклору. Потом я познакомилась с Нелли Александровной Новосёловой из Красноярска, с иркутскими коллегами... С русистами из Улан-Удэ, изучающими сказки, – Ниной Васильевной Соболевой и Руфиной Прокопьевной Матвеевой, а также с Любовью Михайловной Свиридовой и Лидией Евгеньевной Фетисовой из Владивостока, с Сергеем Иннокентьевичем Красноштановым из Хабаровска... – то есть я узнала людей со всего региона.

Естественно, я ко всем обращалась с просьбой: мол, милые голубчики, календарный фольклор очень плохо зафиксирован; если можно, я хотела бы получить материалы по календарю, которые есть у вас, – то, что вы посчитаете возможным предоставить. А «Памятники фольклора...» – это в то время был проект такой значимости, что никому и в голову не пришло жадничать, отказывать... Благодаря Александру Бадмаевичу Соктоеву, который постоянно выступал и замечательно рассказывал об истории формирования идеи Серии, освещал, какие организационные шаги были сделаны, где и какие были приняты важные решения, – все специалисты понимали, что это наше – сибиряков – дело. Очень важно и для региона, и для России, для страны в целом.

Татьяна Георгиевна Леонова как-то раз привезла фонограммы, которые я в фонотеке консерватории переаудиовосприняла на более удобный формат, и себе тоже оставила копии. А потом я несколько раз

ездила в Омский пединститут и там уже работала непосредственно с их огромным архивом. Татьяне Георгиевне некому было дать поручение сделать для меня выборку, поэтому она сказала: «Приезжайте, будете жить у меня и работать». У нее, кстати, дома был магнитофон, какие-то пленки мы брали из института к ней домой, и я там продолжала работать.

Поначалу я собирала только календарный фольклор. Это, действительно, не так хорошо зафиксированный материал. Тем более, что все-таки ориентироваться надо было на русских старожилов, а у них же вообще календарная традиция не очень развита. В итоге мне удалось насобирать около 150 песен с нотами. Некоторые тексты были хорошей сохранности, некоторые – разрушенные. Были тексты явно заимствованные, но вошедшие в репертуар русских старожилов. Т. Г. Леонова об этом феномене писала в сборнике «Фольклор Западной Сибири»: в смешанных сибирских сёлах календарный фольклор, в отличие от свадебного, тоже оказался смешанным – скорее всего, потому, что календарные праздники были совместными. И я в корпус текстов тома взяла несколько белорусских песен, которые закрепились в репертуаре русских старожилов.

В этот период в главную редколлегия Серии пришло письмо от А. М. Мехнецова – он отказался быть автором-составителем тома, объяснив, что у него сейчас другие задачи (в это время он вместе с коллегами готовил открытие отделения «Этномузыкология» у себя в консерватории), и поэтому ему некогда заниматься томом. Вместо себя Мехнецов предоставил одну из своих учениц, сказав, что, мол, доверяет ей как самому себе – она всё хорошо сделает. Это была начинающая исследовательница, примерно такого же ранга, как и я. Предполагалось, что она будет готовить том (в нем все еще планировалось разместить как семейно-обрядовый, так и календарный фольклор) в соответствии с той концепцией, на которой настаивал Мехнецов, и на его материалах. И тогда Юрий Ильич Шейкин попросил меня сформулировать свое видение русского обрядового тома, а также написать, какие у меня есть материалы для него. Я сделала. И еще до этого на совещаниях я показывала, что у меня уже есть материалы по календарному фольклору из Омской, Томской, Новосибирской областей, из Красноярского края и т. д.

Не знаю, как там дальше всё решалось (интересно было бы посмотреть протоколы заседаний главной редколлегии – это же ценнейшие свидетельства истории создания Серии). В итоге стало ясно: материала по календарному фольклору я накопила столько, что в один том всё не войдет; русский обрядовый том решено было разделить на два – свадебный и календарный. В число авторов-составителей календарного тома вошли Михаил Никифорович Мельников, Фирс Федосович Болонев и я. Как раз в это время Фирс Федосович нашел новые материалы по заговорам, которые надо было опубликовать. И решили, что календарь и заговоры будут в одном томе, а семейно-обрядовый пласт, в том числе свадьба, – в другом.

Говоря о работе главной редколлегии Серии, не могу не сказать, что многое держалось на личных качествах Александра Бадмаевича Соктоева, который проявлял чудеса изобретательности, такта, дипломатичности. Умудрялся так убеждать специалистов, разводить их в случае каких-то непониманий, что это не мешало работе. Нам неоднократно приходилось встречаться то по одному, то по другому поводу – и он вообще никогда не показывал, что у кого-то ранг начинающего специалиста, а у кого-то выше. Всегда и всех он выслушивал с огромным вниманием и интересом, задавал вопросы. Это очень важно для руководителя такого крупного дела, как Серия, особенно на начальном этапе. Соктоев смог собрать команду главной редколлегии – людей, которые вовсе необязательно друг с другом хорошо ладили, объединить специалистов со всего огромного региона, заразить всех Серией, удерживать в отношениях сотрудничества. Невозможно представить, каких трудов и нервов ему это стоило. И всегда на банкетах он поднимал тост: «За успех нашего безнадёжного дела!» Человек-глыба. Всегда вспоминаю Александра Бадмаевича с большим чувством.

Когда я защищала свою диссертацию «Русские календарные песни Сибири», он был членом нашего диссертационного совета, но на моей защите не был. Как только у него появилась возможность, он мне позвонил. Причем сначала попал на мою маму, стал ей представляться, а она и говорит: «А, Бадмаевич! Как же, много о Вас слышала». Он засмеялся, они хорошо поговорили, в том числе о прошлом нашей семьи в Бурятии, откуда и сам он родом. Потом Александр Бадмаевич все-таки перезвонил и поздравил меня лично, сказал, что он очень доволен, счастлив тем, что у меня так всё хорошо прошло и что моя работа написана именно на материале, который пойдет в том Серии.

ТД: Наталья Владимировна, я знаю, что у Вас были написаны две диссертации, и защищали Вы вторую. Как так получилось?

НЛ: Поскольку дипломная работа у меня была по свадебному фольклору, в аспирантуре я продолжала изучать этот материал, и первую диссертацию написала по нему. А почему не защитила – тут как раз сработало то, что в Новосибирской консерватории не было фольклориста, некому было направить меня в русло какой-то из существующих в то время фольклористических научных школ. Все – и научный руководитель, и ректорат – считали, что у меня всё очень хорошо: пишет и пишет, план выполняет. А потом, когда я закончила текст диссертации и уже поехала в столицы ее обсуждать, оказалось, что она ни под какие известные исследовательские каноны не подходит. Всё было сделано каким-то своим способом, не очень понятным с точки зрения методологии и методики анализа песенного фольклора. Потому что у меня школы никакой не было. Я как смогла, так и сделала. Но ведь диссертация – это квалификационная работа. У меня же материал был фольклорный, а анализ – совершенно не фольклористический, в большей степени общемузыкаловедческий. Диссертацию нужно было сильно дорабатывать, делать более строгим анализ, причем анализировать в рамках подходов какой-то определенной фольклористической школы, ведь тогда уже сложились и гнесинская научная школа, и питерская.

Я собиралась закончить эту диссертацию, но времени не хватало: у меня была полная педагогическая нагрузка, я была деканом, было море общественной работы. И главное – я уже включилась в процесс подготовки томов. И я решила, что эта работа важнее, и что сейчас я буду заниматься «Памятниками фольклора...», томами. Работы было много: то Р. П. Матвеева попросила помочь ей сделать пластинку, то Н. В. Соболева – для своих томов по русским сказкам. Потом на первый план вышел календарный том: он уже был почти готов и со стороны филологов-фольклористов, и с моей стороны. У меня был собран весь песенный материал, готовы комментарии, в процессе работы на совещаниях по тому я познакомилась с подходами разных фольклористических школ, прочла много литературы. И решила, что можно написать другую диссертацию – уже по календарному фольклору. И написала ее очень быстро: начала 1 ноября, писала по 3-4 часа каждый день, и через полгода, в июне, уже представила работу на заседании кафедры этномузыказнания, получила рекомендацию к защите. И 8 ноября 1996-го года, в день празднования 40-летия консерватории, прошла моя защита. Диссовет был открыт в 1994-м году, и я, получается, вошла в первую пятерку диссертантов. Первые защиты у нас были очень подробные, долгие – по 3–3,5 часа, еще всем было не скучно.

ТД: Кто был Вашим оппонентом?

НЛ: В качестве первого оппонента я пригласила Эдуарда Ефимовича Алексеева, который был членом главной редколлегии Серии. Он хорошо знал мой материал. И. И. Земцовский в тот период уже не приезжал на рабочие совещания, поэтому все материалы по тому я показывала Алексееву. И еще Болеславу Исааковичу Рабиновичу, который мне очень помог с тем, чтобы выправить все нотные записи так, как было принято в то время в музыкальной фольклористике. Я уже знала книгу Алексеева о нотной записи народной музыки (мы ее прочли в рукописи) и вроде бы всё поняла про аналитическую нотацию. Но именно с Болеславом Исааковичем мы послушали что-то из моих записей песен, и он в моей рукописи поправил всё, что нужно. Это практическая аналитика, которую можно понять во время изучения сборников, но лучше, когда кто-то показывает и вовремя вносит исправления, сразу объясняя, почему здесь надо сделать так или эдак. И плюс в этом деле мне помог Эдуард Ефимович, который отредактировал все мои ноты: я дважды их переписывала после консультаций с ним. Эта работа стала моим университетом: обычно такие навыки получают на студенческой скамье, а я это прошла в Серии. Я до сих пор храню свои нотные листочки с пометками Алексеева. Он же научил меня еще одному важному моменту. Когда завершилась последняя правка нот, он сказал: «Вы очень поможете наборщику, если каждый нотный образец разместите на отдельном листе бумаги. Мы сами не можем сделать нотный набор, поэтому надо помогать тем, кто нам помогает». И я это запомнила, и так и сделала – все 92 образца написала на отдельных листах.

Нотные записи я отдала Эдуарду Ефимовичу – он отвечал в томах за нотный набор, а сами ноты набирали в московском отделении издательства «Советский композитор». Потом он привез уже набранные ноты в Новосибирск, чтобы я их посмотрела на предмет ошибок – действительно, их было немного. Но главное, я увидела в рукописи, какие подробные пометки он делает для наборщиков. Я поняла, что так и надо работать в крупных издательских проектах: очень тщательно, чтобы тебя хорошо понимали другие и у них была бы минимальная возможность ошибиться. Это азбука научного труда. Помню, что я очень старалась хорошо всё написать, переписать, исправить, Эдуард Ефимович это отметил.

И так у меня получилось «два в одном»: с одной стороны, я защитила на материале календарного фольклора диссертацию, с другой – вышел том. Я считаю, что при подготовке я «пролопатилась» всё, что могла к тому моменту. Многие прорывы в моем понимании сибирской русской народной музыки тоже произошли в процессе подготовки тома. Для меня Серия сыграла судьбоносную роль.

Н. В. Леонова на презентации «белорусского» тома 31 в Институте филологии СО РАН. Май 2012 г. Фото К. А. Сагалаева.

Дальше я участвовала в подготовке еще ряда томов: по русским лирическим песням (1997), семейно-обрядовому фольклору (2002), еще позже – по семейно-обрядовому фольклору белорусов Сибири и Дальнего Востока (2011). Вообще среди русских томов первым был том по эпической поэзии; Юрий Иванович Смирнов давно над ним работал, он был уже почти готов, поэтому этот том пропустили вперед. После этого вышли «сказочные» тома, которые тоже были более готовыми; и они в большей степени соответствовали тому, что хотела видеть главная редколлегия. В документе «Принципы и порядок подготовки томов серии “Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока”» был указан определенный объем тома в авторских листах, поэтому первые тома, за исключением эпического, – они довольно тоненькие. А потом специалисты стали добывать всё больше и больше материалов, стало жалко от них отказываться. Фактически, стали издавать максимальное количество материала (конечно, хорошо проработанного по научным принципам Серии): чем дальше, тем всё объемнее становились тома. С другой стороны, если находятся новые материалы (а они открываются постепенно), почему бы их не опубликовать или даже выпустить дополнительный том.

По сравнению с первыми годами издания Серии в настоящее время ситуация, конечно, иная. Специалисты, начинавшие Серию, постепенно уходят: от первого состава главной редколлегии остается всё меньше и меньше человек, и то же самое происходит с авторскими коллективами. К тому же тогда, в 1980-е годы, фольклористов и педагогов-фольклористов из институтов и университетов совершенно спокойно командировали для участия в совещаниях по Се-

рии. А потом-то наступили 1990-е, с командировками стало сложнее, а сейчас и совсем трудно. Кроме того, везде в оценку педагога внедряются новые наукометрические принципы (нужно писать статьи, как и сотрудникам научно-исследовательских институтов,) а его работа как специалиста в рамках Серии зачастую вообще не учитывается. Считаю, что 1980-е годы были последним благоприятным периодом, когда такой проект, как «Памятники фольклора...», можно было затеять. И Серия явилась настоящим «двигателем прогресса» в сибирской фольклористике.

Кроме меня, в рамках Серии вырастали и многие другие специалисты. Например, ученики Ю. И. Шейкина, мои ученики. Мы же все присутствовали на рабочих совещаниях: и Наташа Индан приезжала, и Таня Мартынова (выпускницы Новосибирской консерватории, получившие известность как фольклористы-практики. – Т. Д.), хотя они и не были членами авторских коллективов. Все фольклористы, кому это было интересно, могли приехать. Совещания проходили в больших помещениях – например, в Малом зале Дома ученых в Академгородке. Мы слушали доклады и по жанрам, и по текстологии, и по переводу, и по другим темам. Мы же цвет всей фольклористики увидели.

На совещаниях всё было подчинено целям Серии – были всегда специально отобранные докладчики, кому давалось время на большие сообщения. Некоторые выступления были обучающими, расставляли ориентиры в какой-либо научной области – например, в области эпоса, или обрядового фольклора, или в сфере систематизации материалов. Одно из таких рабочих совещаний, кстати, проходило в консерватории – по поводу составления музыкальных приложений к томам Серии. Это была главная, «пленарная» часть совещаний. А затем, как правило, все расходилось по секциям, по авторским коллективам. По-

сколькo я входила в число составителей русских томов, могу сказать, что было при их подготовке: авторы отчитывались, что сделано, давали информацию о статистике образцов, о географии. Обязательно Юрий Иванович Смирнов поднимал вопрос: «География, география!.. Почему у вас нет образцов из этой области или этого края?» В русских томах использовался жанровый принцип, а образцы нужно было представить, собранные по всей Сибири и Дальнему Востоку, – за этим очень следили.

Также на совещаниях могла быть проведена экспертиза томов. Филологи первыми давали свой вариант подготовленной на данный момент рукописи тома – тексты с комментариями. Тексты систематизировали, чтобы уже в рукописи была видна структура тома. И обязательно должны были быть комментарии, по крайней мере очень точная паспортизация, и какие-нибудь указатели – чаще всего тот же географический. На экспертизе члены главной редколлегии смотрели тексты, оценивали, куда нужно развивать этот том, каких материалов не хватает. Всегда задавали очень много вопросов, формулировали рекомендации.

Нас, музыковедов, подключали немного позже, когда становилась понятна концепция филологической части тома. Выступления музыковедов тоже были тщательно спланированы: в повестке всегда указывали, кто из членов авторского коллектива выступает и по какому вопросу, кто должен принять участие в обсуждении. Тогда велась мощная работа: готовились первые тома, и необходимо было задать высокую академическую планку. По окончании рабочего совещания члены главной редколлегии, приехавшие из разных мест, зачастую оставались в Новосибирске и продолжали работу – читали рукописи, делали пометки. И это же всё пересылалось...

ТД: ...обычной почтой, бумажными талмудами.

НЛ: Да. Помимо всего прочего, это была огромная техническая работа.

Первоначально считалось, что музыковедческая часть должна располагаться отдельно, в виде приложения к каждому тому, и в некоторых томах так оно и есть. Однако в русском эпическом томе стало по-другому – музыкальные фрагменты распределены по всему тому. И потом решили и дальше в славянских томах придерживаться этого принципа. Мы с М. Н. Мельниковым сразу поставили те материалы, которые я нашла, в корпус текстов. Потом я отправила свои материалы Лидии Евгеньевне Фегисовой – для похоронной части семейно-обрядового русского тома и Раисе Павловне Потаниной – для свадебного тома. Они должны были поставить их в корпуса своих томов.

И у Раисы Павловны ко мне возникли вопросы: ей показалось, что я отправила какую-то часть некачественных текстов. В очередной приезд В. М. Гацака мы с ним разбирали эту ситуацию: я ему рассказывала, какие есть тексты, и какие из них забраковала Р. П. Потанина. Дело в том, что среди свадебных песен много таких, в которых комментируются этапы обряда: они сами по себе короткие, простые по структуре, поются часто на один напев, а в текстах описывается обрядовая ситуация (невеста просит разрешения у батюшки затопить баню, потом – чтобы подружки повели ее в баню, затем – чтобы вывели ее на крыльцо, и так далее). Следуя за обрядом, небольшие песни идут одна за другой, однако каждая из них имеет значение, это не одна песня. К сожалению, Раиса Павловна решила, что это сюжетные песни, но разрушенные, неполноценные. Пришлось мне Виктору Михайловичу показывать фрагменты таких песен, объяснять, что это особенности именно старожильческой традиции, которая фиксируется, например, у русских в Алтайском и Красноярском краях, и я выбирала самые чистые тексты, а вовсе не разрушенные.

Тогда Виктор Михайлович поручил мне просмотреть весь том, выявить слабые тексты, которые можно безболезненно убрать. Попросил, чтобы я подготовила подборку текстов с нотами, которые, наоборот, стоит включить. Я это сделала, и мы потом с ним обсудили каждый текст. Я объясняла, почему какой-то текст слабый, по какой причине его можно изъять: например, если подобных вариантов очень много, целый куст, и данный текст не вносит ничего нового, – его можно поместить, например, в приложение или в примечания. В томе оказалось и несколько «корявых» текстов, плохо записанных кем-то. Мы с Виктором Михайловичем такие тексты исключили, сделали на них ссылки в комментариях, а на освободившееся место в корпусе поставили предложенные мной тексты.

А потом Сергей Иннокентьевич Красноштанов меня попросил, не могу ли я в помощь В. М. Щурову, который в своем томе ограничился довольно узким географическим кругом, что-то добавить. Я добавила в статью большие фрагменты, в которых говорилось об изучении изданий музыкальных материалов. И в корпус тома добавила лирические песни, записанные в Тобольской области и Красноярском крае. И чтобы еще расширить географию, какие-то песни включила в комментарии. С одобрения Э. Е. Алексеева редколлегия поставила меня вторым музыкальным редактором этого тома, рядом с самим Алексеевым. Но у меня там есть и авторская работа, которую я готова была сделать ради улучшения тома. Трудно бы-

ло представить, что Вячеслав Михайлович Щуров будет искать материалы по Тобольской области или Красноярскому краю, где он не был в экспедициях. Конечно, он поставил в том материалы из тех мест, где был сам. И у него замечательные материалы. Он мощный полевик и очень требователен к качеству текстов, которые публикует. Щуров всегда говорил: «Я искатель жемчуга, песенных жемчужин. Не люблю такой материал, который не является жемчужинами». Всё, что он отобрал для тома, было строго, художественно, качественно. Но не хватало каких-то локальных типов лирических песен. И прежде всего, как я уже сказала, Красноштанова беспокоил недостаточный географический охват. Видимо, сказалось влияние Юрия Ивановича Смирнова, который работал с ним над этим томом. Сам-то Сергей Иннокентьевич всё сделал, а вот у Вячеслава Михайловича оказалась в его части такая избирательная география.

ТД: Как интересно. Получается, в самом начале работы над Серией Вы себя скромно вписали в авторские коллективы одного или двух томов, а в итоге Вам довелось поучаствовать в подготовке многих других томов.

НЛ: Значит, просто-напросто прав был Путилов, когда сказал, что сибирячку надо удержать среди авторов-составителей. Он понимал, что вначале будет широкий круг участников, а потом будут работать именно сибиряки – их нужно поддержать, нельзя потерять, он был совершенно прав.

Наталья Владимировна Леонова. 2016 г.
Фото А. В. Золотухиной.

разное время и другие исследователи, но они, например, бросали научную работу или еще что-то случалось, и они надолго в этой теме не задерживались. А я здесь сижу и темой славянских переселенцев занимаюсь и занимаюсь. В настоящее время в разных регионах Сибири есть собиратели и издатели переселенческого фольклора (как правило, это педагоги институтов культуры, музыкальных училищ), но исследователей по-прежнему не хватает. И среди моих учеников, с которыми мы писали дипломные работы, готовили диссертации, не все продолжили исследовательскую работу.

ТД: Однако Ваши ученики так или иначе внесли свой вклад в изучение музыкальных культур переселенческих народов Сибири.

НЛ: Конечно, ведь мы с ними выбирали такие темы исследования, которые закрывали какие-то белые пятна в музыкальной сибирике. А таких белых пятен у нас море – нужно очень много учеников, чтобы закрыть их все. Особенно если учесть, что в моем классе мы вышли за пределы славянского материала (русского, белорусского, украинского) и стали обращаться к изучению и других диаспорных традиций (чувашей, мордвы), а также фольклора коренных народов (якутов).

ТД: Хочу задать вопрос насчет подготовки нового поколения этномузыковедов. Вы ведь еще учились в аспирантуре, когда стали преподавать?

НЛ: Я закончила аспирантуру в 1981-м году, а в 1982-м у меня уже была первая выпускница в консерватории. Когда я начала свою педагогическую деятельность, и у меня уже были мои студенты, я сама, по сути, еще ничего не умела и не знала. Была ищущим педагогом, который в процессе совместной со студентом деятельности продолжает учиться. Вместе со студентами я осваивала принципы полевой работы, проходила практику нотирования, целенаправленно читала научную литературу, училась этнографически точному описанию обрядов, и так далее. Кроме того, я всегда редактирую тексты студентов, если вижу, что они не очень ясны.

ТД: Наталья Владимировна, все музыковеды, которые исследовали традиции славянских переселенцев Сибири, – это же Ваши ученики. Получается, что Вы являетесь создателем сибирской этномузыкологической школы по изучению переселенческих славянских культур.

НЛ: Наверное, по изучению славянских переселенцев – да, сейчас это действительно так. Были в

За прошедшие десятилетия работы по собиранию и изучению фольклора как будто многое стало понятным: каким должен быть собранный материал по количеству и качеству, каковы способы его систематизации, каковы наиболее эффективные методы и конкретные аналитические приемы его изучения и особенности их приложения к фольклорным традициям сибирских переселенцев. И тем не менее каждая новая изучаемая традиция ставит вопросы и проблемы, требующие осмысления и поиска решений, как бы заново... Фольклорист учится всю жизнь.

Н. В. Леонова (вторая справа) с учениками и коллегами на II Сибирском форуме фольклористов. Новосибирск, октябрь 2021 г.

* * *

Сотрудники сектора фольклора народов Сибири и весь коллектив Института филологии СО РАН сердечно поздравляют уважаемую Наталью Владимировну с юбилеем и желают здоровья, новых научных идей и много сил для их воплощения!

Текст подготовила *Татьяна Дайнеко*

Рукопись поступила в редакцию

The manuscript was submitted on

10.12.2023

Сведения об авторе

Дайнеко Татьяна Владимировна – кандидат искусствоведения, научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

E-mail: tan-dai@mail.ru

ORCID 0000-0002-9801-3007

Information about the Author

Tatyana V. Dayneko – Candidate of Art Studies, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: tan-dai@mail.ru

ORCID 0000-0002-9801-3007

УДК 398.8 (314.7)
DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-163-166

**Международный научный онлайн-семинар
«Проблемы изучения переселенческих музыкально-фольклорных традиций»**

П. С. Шахов^{1,2}, Н. В. Леонова²

¹ *Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия*

² *Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки, Новосибирск, Россия*

Благодарности

Научный семинар организован исполнителями проекта Российского научного фонда № 19-78-10113 «Фольклор автохтонных и переселенческих традиций народов Поволжья в современных записях и исторической динамике: интерактивный атлас звучащих текстов», <https://rscf.ru/project/19-78-10113/>

Для цитирования

Шахов П. С., Леонова Н. В. Международный научный онлайн-семинар «Проблемы изучения переселенческих музыкально-фольклорных традиций» // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48). С. 163–166. DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-163-166

**International scientific online seminar
“Problems of studying migrant musical and folklore traditions”**

P. S. Shakhov^{1,2}, N. V. Leonova²

¹ *Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation*

² *M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory, Novosibirsk, Russian Federation*

Acknowledgments

The scientific seminar was organized by the team of the project of the Russian Science Foundation, No. 19-78-10113, “Folklore of Autochthonous and Migratory Traditions of Volga Region Peoples in Modern Records and Historical Dynamics: An Interactive Atlas of Audio Texts”, <https://rscf.ru/en/project/19-78-10113/>

For citation

Shakhov P. S., Leonova N. V. Mezhdunarodnyi nauchnyi onlain-seminar “Problemy izucheniya pereselencheskikh muzykal’no-fol’klornykh traditsii” [International scientific online seminar “Problems of studying migrant musical and folklore traditions”]. *Yazyki i fol’klor korenykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 4 (iss. 48), pp. 163–166. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-163-166

5 декабря 2023 года состоялся Международный научный онлайн-семинар «Проблемы изучения переселенческих музыкально-фольклорных традиций», организованный совместно Институтом филологии СО РАН и Новосибирской государственной консерваторией имени М. И. Глинки.

С одной стороны, научный семинар приурочен к юбилею одного из ведущих этномузыкологов, специалиста по изучению музыкально-фольклорных традиций сибирских переселенцев, кандидата искусствоведения, профессора кафедры этномузыкознания Новосибирской консерватории Натальи

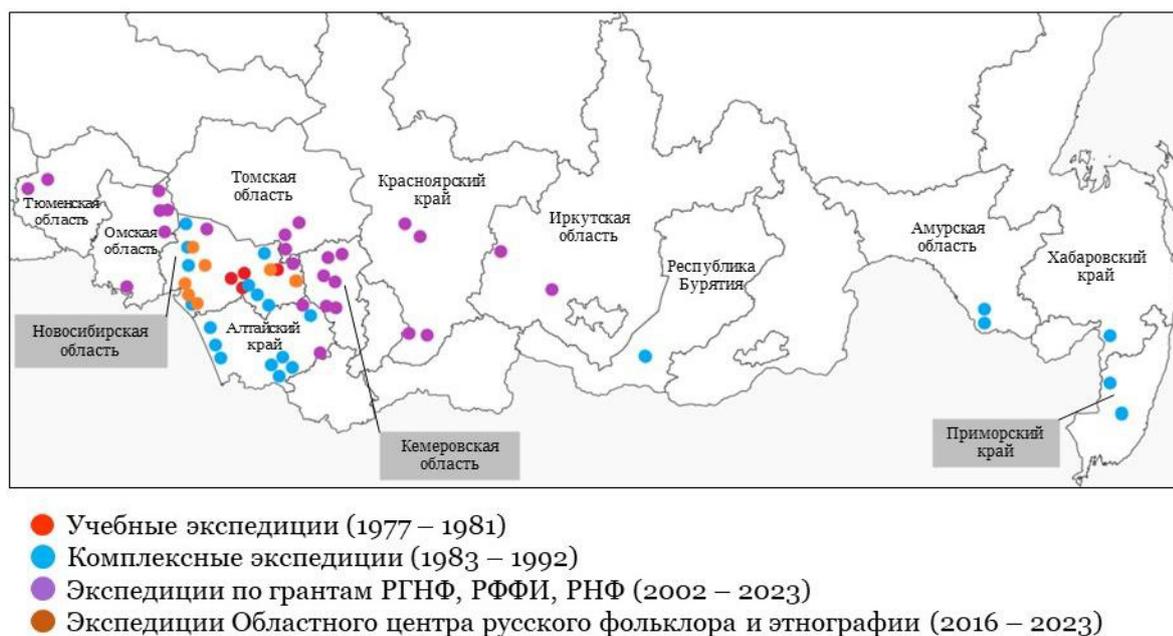
© П. С. Шахов, Н. В. Леонова, 2023

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 4 (iss. 48)

Владимировны Леоновой. С другой стороны, семинар организован в рамках научно-исследовательского проекта Российского научного фонда «Фольклор автохтонных и переселенческих традиций народов Поволжья в современных записях и исторической динамике: интерактивный атлас звучащих текстов» (№ 19-78-10113) и призван привлечь внимание научной общественности к обсуждению круга проблем фольклористики и этномузыкознания в русле тематики проекта.

Семинар открыл доклад **Натальи Владимировны Леоновой** «Полевые исследования в моей научной практике», посвященный описанию истории и географии собственной экспедиционной деятельности на территории Сибири и Дальнего Востока (рис. «Карта полевых исследований Н. В. Леоновой»). В докладе были представлены сведения, касающиеся собранных музыкально-фольклорных коллекций под руководством и / или при участии автора и предложена их систематика, включающая четыре группы: 1) коллекции, собранные в учебных экспедициях, организованных с 1977 по 1981 г. в рамках фольклорной практики Новосибирской консерватории; 2) коллекции комплексных экспедиций с 1983 по 1992 г., направленных на сбор фольклорных материалов для академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (Новосибирская область, Алтайский край, Республика Бурятия, Амурская область, Хабаровский и Приморский края); 3) материалы полевых исследований, поддержанных научными фондами (РГНФ, РФФИ, РНФ) с 2002 г. по настоящее время, в том числе в рамках серии проектов «Сибирская этномузыкалогическая экспедиция» (Тюменская, Омская, Томская, Новосибирская, Кемеровская, Иркутская области, Красноярский и Алтайский края); 4) коллекции фольклорно-этнографических экспедиций по Новосибирской области в составе экспедиционных групп Областного центра русского фольклора и этнографии с 2016 г. по настоящее время.

© Леонова Н.В.

Рис. Карта полевых исследований Н. В. Леоновой.

Fig. The map of field research by N. V. Leonova.

Доклад **Альмеевой Наили Юнисовны** – кандидата искусствоведения, Заслуженного деятеля искусств Республики Татарстан, старшего научного сотрудника сектора фольклора Российского института истории искусств (г. Санкт-Петербург) – «Песенный фольклор кряшен-переселенцев Иркутской области в записях Ленера Замалетдинова (1971 год). Вопросы атрибуции» был посвящен описанию небольшого собрания аудиозаписей казанского филолога-фольклориста Ленера Замалетдинова (1935 г. р.). Записи были сделаны им в 1971 г. в двух селах Иркутской области: с. Хареты Аларского (с 2019 г. – Нукутского) района и с. Бохан Боханского района – от кряшен, приехавших в Сибирь в ходе столыпин-

ской реформы из современной северо-западной Башкирии в 1912–1913 гг. Автору доклада удалось установить некоторые данные об их происхождении, атрибутировать татарские и кряшенские напевы, констатировать наличие традиционного звукоизвлечения в кряшенских напевах и наличие одного двухголосного образца. В докладе были представлены уникальные аудиозаписи музыкального фольклора иркутских кряшен, вызвавшие неподдельный интерес участников и слушателей семинара.

Интересный аспект изучения переселенческой проблематики, связанный с конфессиональным ракурсом, был представлен в докладе доктора исторических наук, профессора Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва (г. Саранск) **Сушковой Юлии Николаевны** «Фольклорные традиции мордвы-духоборов Канады». В контексте изучения истории русского сектантства, имеющего многонациональную основу, докладчик на основе собственных полевых материалов 2004 г. освятила различные компоненты традиционной культуры и быта мордвы-духоборов, эмигрировавших в Канаду в конце XIX в. Особое внимание докладчика было направлено на описание сохранившейся у мордвы-мокши Британской Колумбии фольклорной традиции, в том числе многоголосного пения.

Зарубежная переселенческая проблематика также была представлена в докладе «Эрзянско-мокшанская диаспора Эстонии: проблемы формирования репертуара фольклорного ансамбля “Вастома” Эстонско-Мордовского общества» **Ёрмаков Натальи Николаевны**, PhD, научного сотрудника Эстонского литературного музея, президента Ассоциации народов Эстонии, члена правления Эстонско-Мордовского общества (г. Тарту, Эстонская Республика). Автор рассмотрела этапы переселения мордвы в Эстонию, динамику численности и историю появления национально-культурных обществ, остановившись на освещении особенностей формирования репертуара мордовского фольклорного ансамбля «Вастома». Автор представила данные о фольклорных экспедициях эстонских ученых на автохтонную территорию проживания эрзи и мокши, рассказала о культурно-образовательных эстонско-мордовских связях, подчеркнув роль национально-культурных общественных организаций в сохранении и развитии мордовской культуры в Эстонской Республике.

Три доклада, представленных на семинаре, были посвящены результатам работы по проекту Российского научного фонда «Фольклор автохтонных и переселенческих традиций народов Поволжья в современных записях и исторической динамике: интерактивный атлас звучащих текстов» (проект № 19-78-10113). Среди них:

1) доклад **Исмагиловой Екатерины Игоревны**, кандидата искусствоведения, старшего научного сотрудника сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (г. Новосибирск) «Проблемы изучения песенного фольклора чувашских переселенцев Сибири», в котором были освещены некоторые проблемы, возникающие при фиксации и характеристике фольклорных традиций сибирских чувашей (проблемы жанровой индентификации, диалектной принадлежности, сохранности фольклорного наследия на современном этапе его бытования, наличия связей с поволжской и приуральской материковыми традициями и др.);

2) доклад **Пчеловодовой Ирины Вячеславовны**, кандидата филологических наук, научного сотрудника Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (г. Ижевск) (в соавторстве с Е. А. Софроновой и Н. В. Анисимовым) «Современное состояние фольклорной традиции сибирских удмуртов», посвященный описанию и изучению фольклорных традиций удмуртов Томской, Кемеровской областей и Красноярского края;

3) доклад **Шахова Павла Сергеевича**, кандидата искусствоведения, старшего научного сотрудника сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (в соавторстве с И. В. Зубовым) «Интерактивный атлас фольклорных текстов как инструмент изучения фольклорных традиций автохтонного и сибирского бытования», посвященный представлению электронного ресурса свободного доступа (URL: <http://folkmap.philology.nsc.ru>), преследующего две цели: репрезентативную и исследовательскую. Последняя включает возможность внесения данных о представленных фольклорных текстах и гибкую систему поиска по ряду характеристик (этнос, регион, локация, годы записи, жанр, этнографический комплекс, тематика, форма исполнения, тип фактуры, музыкально-поэтическая композиция, структура стиха, слогоритмическая форма напева).

В завершение семинара состоялся круглый стол, где выступили ученики Натальи Владимировны Леоновой: Е. В. Тюрикова (методист Томского музыкального колледжа имени Э. В. Денисова), В. Ю. Багринцева (директор Государственного центра народного творчества Омской области),

А. Д. Халтанова (Татарина) (доцент Высшей школы музыки Республики Саха (Якутия)), Т. В. Дайнеко (научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН) и др., – которые рассказали о своей текущей деятельности, связанной с музыкальным фольклором. Доцент кафедры этномузыкознания Новосибирской консерватории Н. М. Кондратьева поздравила юбиляра со знаменательной датой.

Организация и проведение Институтом филологии СО РАН совместно с Новосибирской государственной консерваторией имени М. И. Глинки междисциплинарного научного семинара по этномузыкознанию и фольклористике было инициировано II Сибирским форумом фольклористов (18–20 октября 2021 г.) и закреплено в резолюции форума. Начиная с марта 2022 г. по настоящее время проведено семь международных научных онлайн-семинаров с участием приглашенных российских (Новосибирск, Владивосток, Якутск, Ижевск, Саранск, Чебоксары, Санкт-Петербург) и зарубежных (КНР, Италия, Финляндия, США, Эстония) ученых. Видеозаписи семинаров по мере подготовки размещаются на YouTube-канале ИФЛ СО РАН (<https://www.youtube.com/@Institute-of-Philology>).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
11.12.2023*

Сведения об авторах

Шахов Павел Сергеевич – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия), преподаватель кафедры этномузыкознания Новосибирской государственной консерватории имени М. И. Глинки (Новосибирск, Россия)

E-mail: pashahoff@mail.ru
ORCID 0000-0002-2023-8185

Леонова Наталья Владимировна – кандидат искусствоведения, профессор кафедры этномузыкознания Новосибирской государственной консерватории имени М. И. Глинки (Новосибирск, Россия)

E-mail: nleonova53@mail.ru
ORCID 0000-0001-9350-8265

Information about the Authors

Pavel S. Shakhov – Candidate of Art Studies, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation), Lecturer of the Department of Ethnomusicology at the M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: pashahoff@mail.ru
ORCID 0000-0002-2023-8185

Natalia V. Leonova – Candidate of Art Studies, Professor of the Department of Ethnomusicology at the M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: nleonova53@mail.ru
ORCID 0000-0001-9350-8265

К 75-летию исследователя чувашской музыкальной культуры Михаила Григорьевича Кондратьева

В августе 2023 г. исполнилось 75 лет выдающемуся исследователю чувашской народной и профессиональной музыки, основателю научной школы по изучению чувашского музыкального фольклора, специалисту по исследованию межнациональных связей в традиционной музыкальной культуре Михаилу Григорьевичу Кондратьеву.

М. Г. Кондратьев родился в 1948 г. во Владивостоке. После окончания Казанской государственной консерватории с 1972 г. работает в Чувашском государственном институте гуманитарных наук в отделе искусствоведения, в 1996 г. становится его заведующим. В разное время преподавал в Чебоксарском музыкальном училище им. Ф. П. Павлова, Чувашском государственном педагогическом университете им. И. Я. Яковлева, в Чувашском государственном университете им. И. Н. Ульянова и в Казанской государственной консерватории им. Н. Г. Жиганова. В 1995 г.

М. Г. Кондратьеву первому из музыковедов республик Урало-Поволжья присуждена степень доктора искусствоведения. С 2001 г. М. Г. Кондратьев является членом диссертационного совета Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки, с 2003 г. входит в состав Главной редколлегии серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

Автор более 300 публикаций и 16 монографий и учебных пособий.

Михаил Григорьевич имеет множество наград и почетных званий: академик Международной академии наук педагогического образования, заслуженный деятель искусств Чувашской Республики, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, лауреат Государственной премии Чувашской Республики в области гуманитарных наук, лауреат премии имени Д. Д. Шостаковича и др.

Труды М. Г. Кондратьева по истории и теории музыкального фольклора чувашей и других народов Поволжья, безусловно, имеют важное теоретико-методологическое значение и для сибирского этномызыкознания. М. Г. Кондратьев является ответственным редактором томов

«Песенный фольклор чувашей Сибири», «Тувинские народные песни», «Обрядовый фольклор тувинцев» (академическая двуязычная серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»). Михаил Григорьевич регулярно участвует в работе заседаний редколлегии Серии, выступает с докладами на конференциях в Институте филологии и Новосибирской консерватории, благодаря чему происходит знакомство этномузыкологов и фольклористов сибирского региона с достижениями современной музыкальной науки Поволжья.

Главная редколлегия академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», коллектив сектора фольклора Института филологии Сибирского отделения РАН сердечно поздравляют замечательного специалиста с 75-летним юбилеем и желают ему крепкого здоровья и сил для осуществления научных планов, душевной радости, счастья и благополучия!

**Памяти Юрия Ильича Шейкина
(16.08.1949 – 5.11.2023)**

5 ноября 2023 г. на 75-м году жизни ушел выдающийся этномузыковед, исследователь традиционных культур коренных народов Сибири, член Главной редколлегии серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», доктор искусствоведения, профессор Юрий Ильич Шейкин.

Всю свою жизнь ученый посвятил сбору, изучению и сохранению музыки народов Сибири и Дальнего Востока. Благодаря таланту, трудолюбию, любви к своему делу и дару человеческого общения он смог собрать ценнейшие материалы по фольклору коренных этносов Северной Азии: звукозаписи, музыкальные инструменты, фотографии и видеодокументы. Исследования Ю. И. Шейкина охватывают широкий круг сибирских культур, открывают их исторические и генетические связи, служат методологическим ориентиром для всех поколений этномузыковедов.

Ю. И. Шейкин внес большой вклад в подготовку томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Он участвовал в разработке основных положений и принципов формирования музыковедческих разделов (1985);

был неизменным участником комплексных фольклорных экспедиций по Сибири и Дальнему Востоку (1984–1991), где руководил группами этномузыковедов; стал автором и соавтором музыковедческих разделов в томах эвенкийского, бурятского, алтайского эпоса, тувинских сказок, якутских преданий и мифов, якутской и эвенкийской обрядовой поэзии, фольклора удэгейцев; в качестве члена Главной редколлегии обсуждал и рецензировал работы музыковедов в большинстве вышедших томов серии.

Имя Юрия Ильича Шейкина широко известно в России и за ее пределами, оно навсегда вписано в историю музыкальной этнографии и фольклористики благодаря феноменальному вкладу ученого в исследование музыкальных культур коренных народов Сибири и Дальнего Востока.

Важнейшие труды Ю. И. Шейкина

Монографии

- Шейкин Ю. И.* Музыкальная культура народов Северной Азии. Якутск: РДНТ, 1996. 123 с.
Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. М.: Вост. лит., 2002. 718 с.
Шейкин Ю. И. Жанры музыкального фольклора удэ. Новосибирск: Наука, 2011. 728 с.
Шейкин Ю. И. Музыкальная культура чукчей. Новосибирск: Наука, 2018. 208 с.

Статьи в томах академической серии

«Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»

- Айзеништадт А. М., Шейкин Ю. И.* Музыка эвенкийских сказаний // Эвенкийские героические сказания / Сост. А. Н. Мыреева. Новосибирск: Наука, 1990. С. 89–124. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; [Т. 1]).
- Шейкин Ю. И., Дугаров Д. С.* О музыке эхиритбулагатского эпоса // Бурятский героический эпос / Сост. М.И. Тулохонов. Новосибирск: Наука, 1991. С.38–54. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; [Т. 2]).
- Шейкин Ю. И., Шейкина О. А.* Фольклорная музыка удэ // Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, ехэ / Сост. М.Д. Симонов, В.Т. Кялундзюга, М.М. Хасанова. Новосибирск: Наука, 1998. С. 41–72. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 18).
- Шейкин Ю. И., Никифорова В. С.* Алтайское эпическое интонирование // Алтайские героические сказания: Очи-Бала. Кан-Алтын. Новосибирск: Наука, 1997. С.47–70. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 15).
- Шейкин Ю. И.* Обрядовое интонирование саха: алгыс и осуохай // Обрядовая поэзия саха (якутов) / Сост. Н. А. Алексеев, П. Е. Ефремов, В. В. Илларионов. Новосибирск: Наука, 2003. С.58–114. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 24).
- Шейкин Ю. И., Добжанская О. Э.* Обрядовый и песенный фольклор эвенков // Обрядовая поэзия и песни эвенков / Сост. Г. И. Варламова, Ю. И. Шейкин. Отв. ред. Т. Е. Андреева. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2014. С. 42–120. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 32).

Публикации о Ю. И. Шейкине

- Василенко О. В.* Этномузыковед Юрий Ильич Шейкин. К 70-летию юбилею // Традиционная культура. 2019. Том 20. № 4. С. 184–187.
- Добжанская О. Э., Никифорова В. С.* Юрию Ильичу Шейкину 60 лет! // Традиционная культура. 2009. № 3. С. 124–125.
- Музыкальная Вселенная Юрия Шейкина (к 50-летию научной деятельности): сборник статей / Сост. О. Э. Добжанская. Якутск: Алаас, 2017. 208 с.*
- Солдатова Г. Е.* Полевик, исследователь, педагог (к 70-летию Юрия Ильича Шейкина) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2019. № 2 (38). С. 99–103.

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2023. № 4 (выпуск 48)

В оформлении обложки использована репродукция картины
Любови Арбачаковой «Зимняя дорога»

Раздел «Лингвистика»:

редактор *Е. В. Тюттешева*, оператор электронной верстки *А. В. Байыр-оол*

Раздел «Фольклористика»: редактор и оператор электронной верстки *Т. В. Дайнеко*

Корректор текста на английском языке *Е. В. Давыдова*

630090, г. Новосибирск, ул. ак. Николаева, д. 8
Институт филологии СО РАН

E-mail: yaz_fol_sibiri@mail.ru

Официальный сайт журнала: <https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

ISSN 2712-9608

